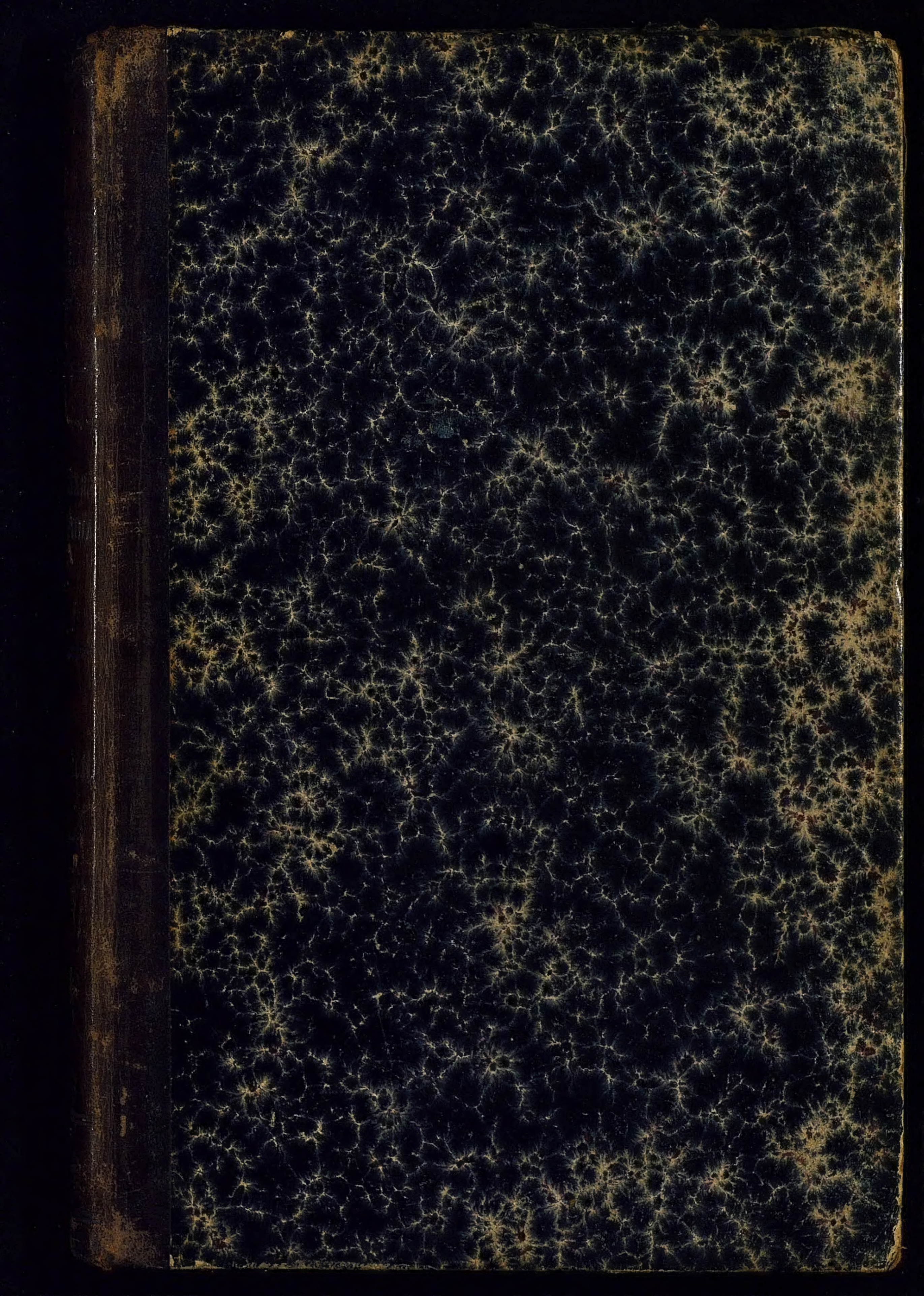

№ 2/XII 10.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLI-й. ДЕКАБРЬ. 1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 1) Портретъ гр. Льва Николаевича Толстого. 3) Публичное ученое засѣданіе въ физіологической аудиторіи Московскаго университета. 3) Письмо гр. Л. Н. Толстого А. Ѳ. Кони.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1911 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1910 года.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. IX. СПБ. 1910.

Редактируемое неутомимымъ С. А. Венгеровымъ классическое изданіе сочиненій Бѣлинскаго, первое и единственное по своей полнотѣ, уже близится къ благополучному окончанію. Въ IX томъ вошла 91 статья изъ „Отечеств. Записокъ" 1844 и 1845 г.г., причемъ 33 внесены въ собраніе произведеній Бѣлинскаго впервые, а 31 напечатаны въ дополненномъ видѣ, съ восполненіемъ пробѣловъ, которыхъ безжалостно много надѣлалъ редакторъ прежняго изданія Н. Х. Кетчеръ (пропускавшій, напримѣръ, такія мѣста, какъ имѣющее біографическое значеніе предисловіе къ статьѣ о Кантемирѣ). Особенно замѣчательными и интересными новинками венгеровскаго изданія нужно считать двѣ статьи: „Петербургская литература" и „Александринскій театръ"; онѣ не указаны въ галаховскихъ спискахъ, которыми пользовался С. А. Венгеровъ, и впервые узнаны имъ. Впрочемъ, не нужно быть такимъ превосходнымъ знатокомъ Бѣлинскаго, чтобы узнать сразу руку „неистоваго Виссаріона" въ этихъ пламенныхъ строкахъ: „Театръ! театръ! какимъ магическимъ словомъ былъ ты для меня во время оно! Какимъ невыразимымъ очарованіемъ потрясалъ ты тогда всѣ струны души моей, и какіе дивные аккорды срывалъ ты съ нихъ!.. Въ тебѣ я видѣлъ весь міръ, всю вселенную, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, со всею ихъ заманчивою таинственностію! Что передъ тобою былъ для меня и вѣчно-голубой куполъ неба, съ его свѣтлозарнымъ солнцемъ, блѣднолицою луною и миріадами томно-блестящихъ звѣздъ,—и угрюмо-безмолвные лѣса, и зеленыя рощи, и веселыя поля, и даже само море, съ его тяжко-дышащею грудью, съ его немолчнымъ говоромъ валовъ и грустнымъ ропотомъ волнъ, разбивающихся о неприступный берегъ? Твои, о театръ! тряпичныя облака, масляное солнце, луна и звѣзды, твои холстинныя деревья, твои деревянныя моря и рѣки, больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданіемъ чудесъ душѣ моей!.." Въ обѣихъ этихъ статьяхъ Бѣлинскій проводитъ не разъ занимавшую его параллель между Москвою и Петербургомъ.

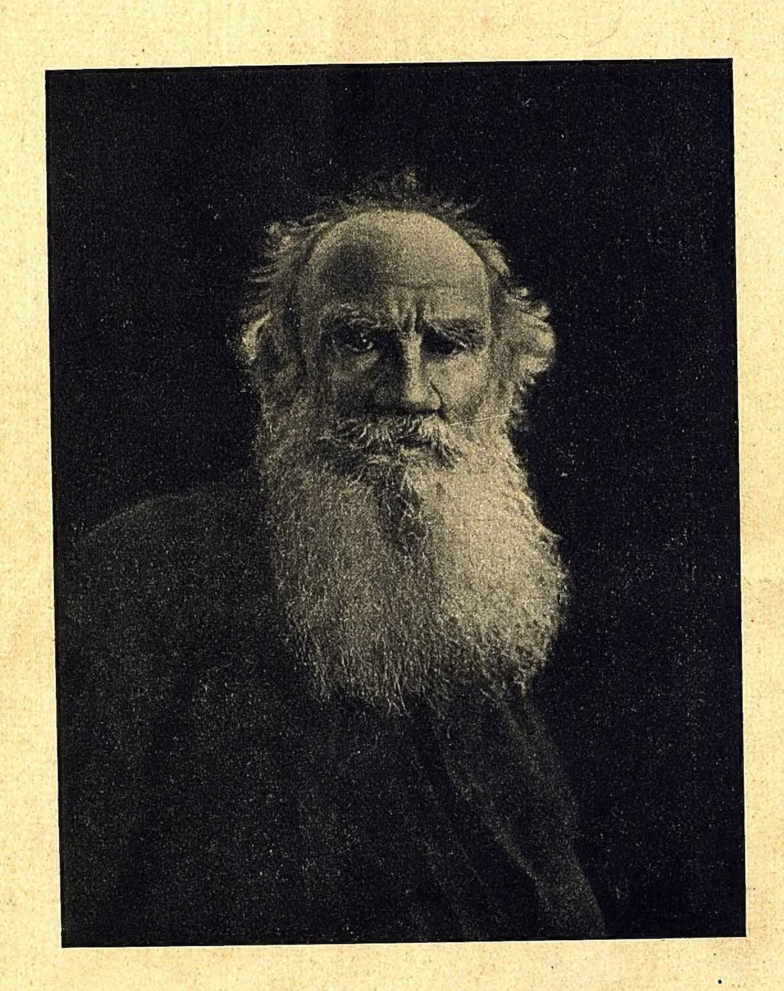
Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Т. VI. М. 1910.

Содержаніе настоящаго тома—статья А. И. Успенскаго „Фрески церкви Спаса Нередицы", начало изслѣдованія В. И. Чернопятова „Дворянское сословіе Тульской губерніи" и составленный Т. С. Рождественскимъ сборникъ „Памятники старообрядческой поэзіи". А. И. Успенскій даетъ детальное, съ множествомъ снимковъ, описаніе знаменитыхъ фресокъ XII вѣка, украшающихъ церковь Спаса Преображенія Нередицы близъ Новгорода. В. И. Чернопятовъ, продолжая труды М. Т. Яблочкова по исторіи тульскаго дворянства, составилъ „Матеріалы къ родословнымъ тульскаго дворянскаго сословія", списки лицъ, служившихъ въ Тульской губерніи по выборамъ съ 1778 года. Что касается до сборника Т. С. Рождественскаго, то появленіе его тѣмъ болѣе слѣдуетъ привѣтствовать, что, какъ справедливо говоритъ составитель, „лира старообрядчества постепенно смолкаетъ. Падаютъ подъ ударами дровосѣка вѣковые лѣса, непроницаемой стѣной защищавшіе отъ внѣшнихъ вліяній скиты и поселки старообрядцевъ; высыхаютъ и распахиваются болота, по которымъ „Божьими стезями" пробирались когда-то чернецы и черницы, ища спасенія отъ суетнаго міра. Исчезли съ лица земли или присоединены къ православію многіе старообрядческіе монастыри, измѣнился въ значительной степени и весь укладъ жизни старообрядческаго міра. Многоразличныя историческія и бытовыя условія сглаживаютъ постепенно ту рознь, которая служила причиною отдѣленія старообрядчества отъ православной массы русскаго народа; слабѣетъ фанатизмъ взаимныхъ отношеній, и цѣлый рядъ мыслей и настроеній, съ особой остротой переживавшихся въ минувшемъ, становится теперь предметомъ болѣе спокойнаго размышленія и не даетъ уже того подъема поэтической мысли, плодомъ котораго являлся старообрядческій стихъ". Собравъ съ большимъ трудомъ разбросанные въ разныхъ изданіяхъ старообрядческіе стихи и присоединивъ къ нимъ заимствованные изъ принадлежащихъ московскому археологическому институту рукописей, составитель раздѣлилъ ихъ по содержанію на эсхатологическіе, историческіе, сатирическіе и моральные. Едва ли можно отнести къ старообрядческой поэзіи „Стихъ узника-невольника"; если его и можно слышать въ старообрядческой средѣ, то во всякомъ случаѣ онъ для нея не характеренъ, не отличаясь ни религіознымъ, ни поучительнымъ тономъ. Общій духъ старообрядческой поэзіи составитель вѣрно опредѣляетъ: „глубокая искренность старообрядческаго міра, вылившаяся съ такою яркостью въ его поэтическихъ произведеніяхъ—этомъ зеркалѣ души народной, готовность идти на муки и смерть за тѣ принципы, какіе онъ смѣло выставилъ на своемъ знамени, и стойкость до послѣдняго времени въ сохраненіи, какъ святыни, своихъ идеаловъ, не можетъ не внушать къ нему уваженія. Пройдутъ года; падутъ, надѣемся, подъ вліяніемъ науки, здороваго развитія мысли, перегородки, отдѣляющія старообрядчество отъ остальной массы русскаго народа, но можно искренно высказать пожеланіе, чтобы не ослабѣли въ немъ тѣ силы русскаго духа, какія нашли себѣ выраженіе въ его поэзіи и жизни".

Н. Л.

Любовная лирика XVIII вѣка. К-во Пантеонъ. СПБ. 1910. Съ біо-библіографическими примѣчаніями Анны Веселовской, статьей барона Н. Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка" и приложеніемъ текста и нотъ пѣсенъ XVIII в.

Думая о младенческихъ лѣтахъ изящной русской словесности, мы всего чаще вспоминаемъ „торжественныя годы" и рѣже тѣ интимныя стороны поэтическаго міра, которыя выражались въ любовныхъ пѣсенкахъ, разныхъ „вздорахъ", „вздохахъ", „разсужде-

Левъ Толстой.

Дорогой Анатолий Федорович,

Давно уже пора бы отвечать на ваше письмо. Прежде, что касается, я вспомнил М. Н. Цурикова и пишу ему что повесть К. я пишу и еще не скоро кончу, а если и кончу, то отдам в Посредник. Очень благодарю вас и очень по своему дорожил бы журналом, если он в рамках широких направлений.
Очень, очень жалею что давно не видал вас и что вы не заехали к нам проездом на Кавказ.
Утешаю себя мыслью что доктора всегда врут и что ваше нездоровье не так

опасно какъ вы думаете.
Впрочемъ думаю и мы всѣ
должны умирать всѣ давно если
у васъ его нѣтъ вѣры въ
жизнь вѣчную и потому
содрогаемся передъ смертью
уничтожающаго главное
храмъ всякихъ благъ.
Пишу я правда тотъ сюрпризъ
какъ вы разсказывали мнѣ,
но я также никогда не знаю
что выйдетъ изъ того что
я пишу и куда она меня
заведетъ. Что я теперь сама
не знаю что я пишу теперь,
Прощайте. Дай Богъ вамъ
исполненія желаній въ вашемъ
и тогда все будетъ хорошо.
Любящая васъ А. Толстая
26 окт. 1895

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Род. 28 августа 1828 г. † 7 ноября 1910 г.).

Великое горе постигло Россію въ истекшемъ мѣсяцѣ. 7 ноября, въ 6 час. 5 мин. утра, на станціи Астапово, Рязанско-Уральской жел. дороги, скончался и 9 ноября погребенъ въ Ясной Полянѣ нашъ величайшій писатель, графъ Л. Н. Толстой. Обстоятельства, которыми ознаменовались послѣдніе, столь тревожные, еще свѣжіе въ памяти всего русскаго общества, дни его жизни, будутъ, когда для того наступитъ время, безпристрастно освѣщены исторіей. Приведемъ краткій, строго-фактическій разсказъ оказавшихъ Толстому медицинскую помощь врачей объ этихъ печальныхъ дняхъ и о кончинѣ великаго человѣка.

„28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ ночевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги— В. М. Феоктистовой, пріѣхавшей къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадяхъ въ Козельскъ (18 верстъ); оттуда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно

хорошо, а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ. Послѣ этого его уложили въ постель. Къ ночи температура поднялась до 39,8; появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебои пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появился ознобъ, температура поднялась до 39,1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ свыше 100 съ перебоями. Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согрѣвающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Изслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебоями. Вечеромъ температура 39,1; ничего не ѣлъ, впадалъ въ забытье. Изъ лекарствъ давали строфантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова отхаркнулъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ. Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней долѣ лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита и застоя. Сердце расширено. При выстукиваніи слышались притупленные звуки вправо до средины грудины, влѣво—до сосковой линіи. Тоны груди выслушивались не отчетливо. Пульсъ 100, 120 съ частыми перебоями. Пульсовыя волны неравномѣрны, многія пропадали. Въ мочѣ значительное количество бѣлка. Сознаніе ясное. Днемъ Л. Н. лежалъ,

читалъ въ послѣдній разъ свой дневникъ, диктовалъ свои мысли, просилъ читать ему вслухъ. Почти ничего не ѣлъ. Леченіе: согрѣвающій компрессъ, строфантъ, вино, камфора подъ кожу. Пилъ глотками „Виши". Температура вечеромъ 37,8. Дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

Ночь на 4 ноября провелъ очень тревожно. Всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ температура 38,1; слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневника. Изрѣдка пытался диктовать свои мысли. Бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ перемѣны. Изрѣдка кашлялъ и отхаркивалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабая. Пульсъ чаще (120, 130), перебоевъ больше. Отказался отъ пищи и лекарства. Сильная изжога и жажда. Пилъ немного молока и „Виши". Были позывы къ мочеиспусканію. Моча мутная, содержала довольно много бѣлка. Днемъ—большая слабость. Во время пробужденія отъ сна сознаніе вполнѣ ясное. Говорилъ очень мало. Мало интересовался окружающимъ. Леченіе: камфора (4 раза), кодеинъ (2 раза) подъ кожу, вино, клизма. Температура вечеромъ 38,4. Появилась рѣдкая икота.

Въ ночь на 5-е почти не спалъ. Былъ очень возбужденъ. Все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился. Говорилъ невнятно. Сильная одышка (40,44), плохой, слабый пульсъ. Ночью — два впрыскиванія 2-хъ-процентнаго раствора камфоры. Утромъ температура 37,1. При выслушиваніи сердца разстройство ритма (эмбріокардія), угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознаніе ясное. Воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на всѣ предложенія пищи отвѣчалъ отказомъ и просилъ возможно меньше тревожить его. Не позволялъ себя перекладывать на другую постель. Весь день икота. За день впрыснуто 2 шприца дигалена, три—камфоры, 1—кодеина. Температура вечеромъ 37,4.

Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты, отъ изжоги. Пульсъ былъ слабый, частый, съ большими перебоями... За ночь впрыснуто два шприца камфоры. Температура утромъ 37,2; большая слабость, одышка, икота. Утромъ подъ кожу впрыснутъ дигаленъ и камфора. Около полудня состоялся консиліумъ съ докторами Щуровскимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено:—воспалительный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Дѣятельность сердца слабая. Значительное число пульсовыхъ волнъ не доходитъ.

Размѣры сердца прежніе. Ритмъ сердца неправиленъ (эмбіокордія), икота, животъ мягкій. Въ мочѣ бѣлокъ, слабость, сознаніе ясное. Около двухъ часовъ дня неожиданное возбужденіе. Сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: „*Вотъ и конецъ, и ничего*", а затѣмъ: „*Только одно и прошу вспомнить: на свѣтѣ пропасть народу, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва*".

Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности, пульсъ едва-едва ощупывался. Появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей. Конечности похолодѣли. Впрыснуты два шприца камфоры, одинъ кодеина. Примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе конечностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться. Ціанозъ исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе было нѣсколько лучше. Сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфоры и поставлена теплая клизма въ 200 gr. соляного раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть. Выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стаканчика молока и съѣлъ немного овсянки. Сознаніе было вполнѣ ясное. Но къ концу усилилась икота и одышка.

Послѣ полуночи одышка дошла до 60 дыханій въ минуту. Икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться на постели, вскакивать. Состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено впрыснуть 0,01 камфоры (въ 12 час. 15 мин. ночи). Л. Н. заснулъ. Икота прекратилась. Одышка уменьшилась до 36. Въ 2 часа ночи пульсъ, несмотря на впрыскиваніе камфоры, сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринято впрыскиваніе сильнаго раствора, но замѣтнаго вліянія на пульсъ это не оказало. Тѣмъ не менѣе, сознаніе еще сохранилось. Л. Н. реагировалъ на оклики. Сдѣлалъ одинъ, два глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія, была приглашена вся семья. Въ 5 часовъ утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ, и въ 6 час. 5 мин. утра по московскому времени Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослабленной, но, благодаря своему крѣпкому организму и, главнымъ образомъ, необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильныя душевныя потрясенія послѣд-

няго времени и утомленіе отъ необыкновеннаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своею ласковостью и нѣжнымъ отношеніемъ, которое никогда не изгладится у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Льву Николаевичу въ послѣдніе дни его жизни. Д. П. Маковицкій, Д. В. Никитинъ, Г. М. Беркенгеймъ. Ясная Поляна, 9 ноября 1910 г.".

Тяжелою скорбью отозвалась вѣсть о кончинѣ Л. Н. Толстого въ сердцахъ всего человѣчества, а особенно родного народа. Горе Россіи нашло выраженіе въ словахъ Государя Императора. На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ графа Л. Н. Толстого Его Императорское Величество соизволилъ начертать нижеслѣдующія слова:

„Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго, во времена расцвѣта своего дарованія, въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ главнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею".

Вслѣдъ за Монархомъ память усопшаго почтили высшія законодательныя учрежденія. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10 ноября предсѣдатель д. т. с. М. Г. Акимовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„7-го текущаго ноября при совершенно исключительныхъ, доходящихъ до трагизма обстоятельствахъ, скончался на 83-году своей жизни графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Оставляя въ сторонѣ сочиненія его по вопросамъ религіознымъ и политическимъ, вызвавшимъ какъ со стороны православной церкви, такъ и со стороны консервативныхъ круговъ нашего общества суровое осужденіе, никто, однако, не можетъ отрицать того, что другія произведенія пера усопшаго обезсмертили его имя, стяжавъ ему всемірную славу великаго, геніальнаго писателя. Этими послѣдними произведеніями восторгались и будутъ восторгаться многія поколѣнія. Россія, какъ родина графа Толстого, должна сильнѣе другихъ странъ чувствовать тяжесть утраты родного ей генія. Изъ словъ, начертанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ Льва Николаевича, видно, что чувство глубокаго сожалѣнія о смерти великаго писателя проявлено съ высоты Престола нашего отечества. Господа, передъ свѣжей могилой не время являться судьями надъ вольными и невольными заблужденіями графа Толстого въ его сочиненіяхъ. Непреложнымъ остается одно: Россія въ лицѣ Льва Николаевича

утратила геніальнѣйшаго писателя и величайшаго художника русскаго слова. Вотъ, милостивые государи, основанія, обязывающія меня предложить Государственному Совѣту почтить вставаніемъ память великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого“.

Такъ же почтила его память вставаніемъ и перерывомъ занятій на одинъ день Государственная Дума.

Палата депутатовъ дружественной намъ Франціи оказала такое же вниманіе памяти великаго писателя, а французскій министръ народнаго просвѣщенія прислалъ нашему министру, г. Кассо, телеграмму съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія горю, постигшему мыслящую Россію.

Смерть графа Л. Н. Толстого произвела глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Больше того: она вызвала единодушный идеалистическій подъемъ духа во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и въ самой скорби своей Россія можетъ утѣшаться гордымъ сознаніемъ, что усопшій великій геній принадлежитъ прежде всего ей и лишь потомъ — остальному человѣчеству.

Трогательно выразилъ и чувство горя, и опредѣлилъ вообще значеніе Толстого А. Ѳ. Кони, пользовавшійся его дружескимъ расположеніемъ: „Можно было не видѣть его, не знать его, не читать его, можно было не соглашаться съ нимъ, — но надо было знать, что онъ живетъ, и тогда легче было жить намъ“.

„Въ мірѣ — покойникъ“, писалъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій. „Когда въ домѣ покойникъ, — благоговѣйная, молитвенная тишина воцаряется въ домѣ. Сейчасъ у насъ, въ Россіи, покойникъ. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ,—у насъ на землѣ, — повсюду, гдѣ знали имя Толстого, куда проникало его вѣщее, міровое слово. И надъ всей Россіей, надъ всѣмъ міромъ пронесется историческій мигъ благоговѣйной, молитвенной тишины. Милліоны человѣческихъ душъ сольются въ одномъ чувствѣ, глубокомъ и высокомъ, скорбномъ и лучезарномъ: умеръ другъ человѣчества, но онъ безсмертенъ; осиротѣло человѣчество, но въ этотъ мигъ оно чувствуетъ свое единство, какъ давно не чувствовало, и яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ идеальную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Гробъ Толстого, какъ и его жизнь, — символъ братства народовъ, всечеловѣческаго единенія,—идеальный центръ тяготѣнія человѣка къ человѣку. Милліоны могли оставаться глухи къ ученію Толстого, могли не раздѣлять его идей, но его голосъ, звучавшій во всѣхъ частяхъ свѣта, внушалъ людямъ неотразимую мысль, что они братья, и что ихъ жизнь должна быть основана на началахъ евангельской любви. Не умолкъ и не умолкнетъ этотъ голосъ. Въ

настоящую торжественную минуту, среди благоговѣйной тишины, когда въ мірѣ—покойникъ, человѣческій идеалъ, проповѣди котораго посвятилъ Толстой свою жизнь, витаетъ надъ всѣми нами, сынами земли, и наша всемірная скорбь озаряется отблескомъ великихъ упованій, лучезарнымъ свѣтомъ безсмертнаго имени великаго друга человѣчества".

Въ своей рѣчи, произнесенной въ посвященномъ памяти Л. Н. Толстого торжественномъ собраніи въ петербургской консерваторіи, Д. Н. Овсянико-Куликовскій опредѣлилъ Толстого какъ *русскаго* генія. „Ни одинъ изъ русскихъ писателей въ такой степени не сотканъ изъ національныхъ элементовъ русской стихіи, какъ Л. Н. Толстой, и никто съ такой исчерпывающей полностью не выразилъ ее, какъ онъ. Складъ мысли, натура, характеръ, процессъ творчества, способы реагированія на жизнь—все то, что составляетъ психологическую форму національнаго типа,—процессы мысли и воли — у Толстого необыкновенно русское. И не только въ художественной своей дѣятельности, отмѣченной тѣмъ специфическимъ русскимъ реализмомъ, который въ русскихъ писателяхъ непобѣдимъ даже тогда, когда они романтики, но и какъ мыслитель, Толстой глубоко націоналенъ. Его религіозность, его мечты и утопіи — все проникнуто чувствомъ русской дѣйствительности, объемлющей, какъ стихія, русскаго писателя. Но если психологическая форма Толстого есть достояніе Россіи, содержаніе идей его—достояніе всего человѣчества. Такова привилегія геніевъ, что результаты и плоды ихъ насквозь національнаго творчества — Дарвинъ, Кантъ, — служатъ на пользу всему человѣчеству. Иногда бываетъ и такъ, что плодами національнаго генія пользуются только другіе народы, въ то время, когда родинѣ они остаются чуждыми. Все человѣчество,—заключилъ ораторъ,—весь міръ чутко присматривается къ Толстому. Прислушаемся же и мы къ этому голосу, голосу любви и правды. Когда-нибудь, быть можетъ, мы узримъ его плоды".

Профессоръ С. А. Адріановъ въ этомъ собраніи началъ свою рѣчь съ вѣщаго предсказанія Ѳ. М. Достоевскаго на пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ въ 1880 г.,—что Россія скажетъ міру свое новое слово. „Это новое слово, которое прозвучало отъ края до края",—продолжалъ ораторъ—„принадлежитъ Льву Толстому. Когда появилась „Анна Каренина", за этимъ романомъ сразу признано было огромное значеніе. Но Достоевскій зналъ, что здѣсь еще не весь Толстой, и что нѣчто огромное, что сдѣлаетъ его имя всемірнымъ, еще впереди. Это вся жизнь Толстого, необъятная, какъ природа. И Тургеневъ почувствовалъ въ Толстомъ неизмѣримаго колосса и на смертномъ одрѣ умолялъ его не покидать своего великаго поприща. Онъ

первый назвалъ его „великимъ писателемъ земли русской“. И, дѣйствительно, Толстому, больше чѣмъ кому-либо изъ русскихъ геніевъ, принадлежитъ право именоваться великимъ. Толстой, во всей своей цѣлости, безбреженъ, какъ океанъ, и необозримъ, какъ русскія поля. Не даромъ онъ сливался съ природой, чувствовалъ ея дыханіе и претворялъ ее въ своихъ несравненныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Толстой не любилъ города потому, что городская жизнь заслоняла природу, порывала непосредственную связь съ нею. Здѣсь, на лонѣ природы Толстой чувствовалъ общеніе съ Богомъ, со всѣмъ міромъ; здѣсь зарождались его великія идеи, его тоска по Богѣ, которая, пройдя черезъ горнило его души, сообщалась всему міру, будила совѣсть и двигала къ совершенству. Онъ звалъ всѣхъ къ человѣческому усовершествованію, къ подвигу во имя преображенія жизни, во имя живущаго въ насъ Бога совѣсти. Изъ сердца народа Толстой извлекъ свою великую вѣру и понесъ ее въ міръ. Трудно постигнуть Толстого въ цѣломъ, какъ необычайно сложное явленіе, какъ трудно постигнуть сущность міра. Пройдетъ еще много времени, пока міровоззрѣніе Толстого воплотится въ жизнь. Но сѣмена брошены, всечеловѣческая совѣсть взбудоражена Толстымъ во всемъ человѣческомъ мірѣ, и всходы будутъ. Поэтому, какъ бы ни было мрачно вокругъ насъ, какая бы тяжелая атмосфера насъ ни окружала, намъ нечего отчаяваться. Разъ Россія дала міру такого сына, какъ Толстой—его Богъ восторжествуетъ, преображеніе людей совершится“.

Эту свѣтлую надежду питалъ до послѣдняго вздоха самъ Толстой, и она облегчила его послѣднія минуты. Наканунѣ кончины, въ минуты просвѣтлѣнія, онъ, передаютъ газеты, диктовалъ свои мысли, носившія отрывочный характеръ, о ложномъ мнѣніи и неправильномъ сужденіи людей, отчего происходитъ неправильная жизнь. „*Я самъ*, — диктовалъ Левъ Николаевичъ, — *ухожу изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный смыслъ жизни, и имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе своей жизни, и что мнѣ не удалось*“. Нелишнее будетъ привести въ нашемъ отчетѣ краткій обзоръ литературной дѣятельности Л. Н. Толстого, составленный А. Г. Фоминымъ („Рѣчь“, № 307).

„За свою долгую жизнь Толстой написалъ громадное количество самыхъ разнообразныхъ произведеній. Нѣтъ почти явленія жизни, на которое не откликнулась бы эта чуткая натура. По послѣднему подсчету 1908 г. всего написано Толстымъ болѣе 250 произведеній. Принято думать, что первые серьезные интересы Толстого къ жизни и наукѣ начались лишь послѣ годовъ студенчества. Но есть авто-

ритетное свидѣтельство самого Толстого о томъ, что уже въ университетѣ у него пробудились серьезные интересы. Толстой говоритъ, что въ университетѣ—„я въ первый разъ сталъ серьезно заниматься и нашелъ въ этомъ даже нѣкоторое удовольствіе. Сверхъ факультетскихъ предметовъ, изъ которыхъ энциклопедія права и уголовное право заинтересовали меня; Мейеръ, профессоръ гражданскаго права, задалъ мнѣ работу: сравнить „Esprit des lois“ Montesquieux съ „Наказомъ“ Екатерины, и эта работа очень заняла меня“. Это свидѣтельство Толстого весьма важно, показывая, что интересы его опредѣлились уже въ годы студенчества.

Видную роль въ жизни Толстого отъ 14 до 21 года играли литературные интересы. Сохранился списокъ, въ которомъ Толстой отмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на него различными книгами. „Огромное вліяніе имѣли Евангеліе Матѳея, „Confession“ и „Emile“ Руссо, „Давидъ Копперфильдъ“ Диккенса, „очень большое“ вліяніе оказали „Сантиментальное путешествіе“ Стерна, Nouvelle Héloïse“ Руссо, „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина, „Разбойники“ Шиллера, „Мертвыя души“ Гоголя, „Записки охотника“ Тургенева, „Полинька Саксъ“ Дружинина, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и „Герой нашего времени“ Лермонтова. Это говоритъ не только о томъ, подъ какими вліяніями слагалось міросозерцаніе Толстого, но и свидѣтельствуетъ, какъ широки были его литературные интересы уже въ юности.

Кавказъ, куда уѣхалъ Толстой весной 1851 г., далъ богатыя впечатлѣнія, которыя воплотились въ „Набѣгѣ“, „Казакахъ“, „Рубкѣ лѣса“ и „Встрѣчѣ въ отрядѣ“. На Кавказѣ Толстой весь отдается созданію „Дѣтства“; оно было результатомъ долгой работы, которая переплеталась съ мучительнымъ внутреннимъ процессомъ, составляло съ нимъ нѣчто единое, цѣлостное. Окончено было „Дѣтство“ въ началѣ іюля 1852 г. и первоначально носило характерное заглавіе: „Исторія моего дѣтства“. Анализъ внутренняго міра, стремленіе разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и переживаніяхъ, мучительная жажда осмыслить жизнь, что составило характерную сторону творчества Толстого, уже сказалось въ первомъ произведеніи, гдѣ психологическій анализъ занимаетъ главное мѣсто. Въ іюлѣ 1852 г. Толстой отправилъ „Дѣтство“ въ „Современникъ“, подписавъ тремя буквами: Л. Н. Т. Получивъ рукопись отъ неизвѣстнаго лица, Некрасовъ сразу почувствовалъ, что предъ нимъ будущій крупный художникъ, и тепло привѣтствовалъ Толстого въ своихъ письмахъ къ нему. Поэтъ явился первымъ цѣнителемъ великаго художника, былъ воспріемникомъ его въ литературѣ. Некрасовъ

сейчасъ же далъ ходъ рукописи, и уже въ сентябрѣ она появилась въ „Современникѣ“. „Дѣтство“ произвело громадное впечатлѣніе. Всѣ сразу же обратили вниманіе на это произведеніе, критика поставила Толстого на-ряду съ самыми крупными писателями того времени, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, Григоровичемъ. Сразу же признанный критикой, Толстой встаетъ на литературную дорогу и вслѣдъ за „Дѣтствомъ“ пишетъ „Утро помѣщика“ и „Набѣгъ“. Послѣ этого чуткій художникъ съ удивительной художественной проницательностью даетъ въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ яркую картину ужаса и трагизма севастопольской обороны, которой онъ былъ очевидцемъ. Тонкій и глубокій анализъ, ярко проявившійся въ „Дѣтствѣ“, въ полной мѣрѣ обнаружился и въ этихъ разсказахъ. Они произвели еще большее, потрясающее впечатлѣніе, вызвали восторженные отзывы критики. О „Севастополѣ въ маѣ“ Некрасовъ писалъ Толстому, что это произведеніе „всегда будетъ свидѣтельствовать о силѣ, сохранившей способность къ такой глубокой и трезвой правдѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ не всякій бы сохранилъ ее. Не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ... Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу“... Тургеневъ называлъ въ письмѣ къ Панаеву „Севастопольскіе разсказы“—„чудомъ“. Если Некрасовъ первый почувствовалъ въ Толстомъ большой художественный талантъ, то Чернышевскій первый, когда художникъ еще не проявилъ себя во всей мощи, уловилъ ту черту, которая является основною для творчества Толстого, проницательно предсказалъ, отмѣтивъ, что характерная его черта — „чистота нравственнаго чувства“, что дебютантъ будетъ великимъ писателемъ. „Мы предсказываемъ,—писалъ въ 1856 г. Чернышевскій,—что все, данное гр. Толстымъ нашей литературѣ, только залоги того, что совершитъ онъ впослѣдствіи, но какъ богаты и прекрасны эти залоги!“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1855 г., Толстой вошелъ въ литературные круги, сошелся съ Некрасовымъ, Тургеневымъ. Но литературная среда не удовлетворила Толстого, показалась чуждой, далекой, и въ началѣ 1857 г. онъ уѣхалъ за границу. За время 1854—1856 гг. Толстой, кромѣ „Севастополя“, написалъ „Отрочество“ (1854), „Рубку лѣса“ (1854), „Юность“ (1855—1857),

„Встрѣчу въ отрядѣ“ (1856), „Метель“ (1856), „Записки маркера“ (1856) и „Двухъ гусаровъ“ (1856). Путешествіе дало Толстому много новыхъ впечатлѣній, онъ создаетъ свой знаменитый „Люцернъ“, который былъ напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г. Возвратившись въ Россію, Толстой пишетъ „Альбертъ“ (1857), „Три смерти“ (1859), „Семейное счастье“ (1859), „Поликушку“ (1860), „Холстомѣръ“ (1861); въ 1862 г. оканчиваетъ „Казаковъ“, начатыхъ еще въ 1852 г. Несмотря на то, что послѣ 1856 г. появились замѣчательныя произведенія Толстого, критика къ нему охладѣла; не были оцѣнены даже „Люцернъ“ и „Казаки“— этотъ художественный перлъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Толстой увлекается педагогической дѣятельностью: издаетъ журналъ „Ясная Поляна“, пишетъ цѣлый рядъ педагогическихъ статей: „О народномъ образованіи“, „О методахъ обученія грамотѣ“, „Проектъ общаго плана народныхъ училищъ“, „Воспитаніе и образованіе“, „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“, „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ“. Педагогическія статьи вызвали нападки, идеи Толстого казались лишенными почвы. Въ серединѣ 60-хъ годовъ Толстой горячо отдается созданію произведенія, которое является вѣнцомъ его художественнаго творчества,—„Войны и Мира“. Первый отрывокъ—„1805 годъ“ появился въ печати въ 1865 г.; въ концѣ 60-хъ годовъ вышли всѣ части романа. Эта знаменитая эпопея, геніальная художественность которой впослѣдствіи была признана всѣмъ міромъ, снова поднимаетъ въ русской критикѣ интересъ къ Толстому, но вызываетъ противоположные отзывы — восторженные смѣшаны съ рѣзко отрицательными. Великая художественная мощь „Войны и Мира“ не была сразу сознана всѣми. Въ началѣ 70-хъ годовъ Толстой снова обращается къ педагогіи, много работаетъ надъ составленіемъ „Азбуки“. Она появляется въ 1872 году, и въ переработанномъ видѣ въ 1875 г. Этотъ новый трудъ Толстого въ области педагогіи вызываетъ опять нападки. Въ 1874 г. Толстой печатаетъ въ „Отеч. Зап.“ статью „О народномъ образованіи“, являющуюся откликомъ на эти нападки. Поѣхавъ на помощь голодающимъ въ Самарскую губернію, Толстой помѣщаетъ въ 1873 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „Письмо къ издателямъ“.

Въ 1873 — 1876 г. г. Толстой создаетъ новое крупное художественное произведеніе—„Анну Каренину“, въ которой такъ глубоко и проникновенно вникъ въ психологію женщины и въ лицѣ Левина ярко изобразилъ назрѣвавшій разладъ въ своей душѣ. Съ появленіемъ „Анны Карениной“ литературная слава Толстого достигаетъ

апогея. „Анна Каренина“, — писалъ Достоевскій, — „есть совершенство, какъ художественное произведеніе, подвернувшееся какъ разъ кстати, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ, и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, свое, родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше національное „новое слово“ или, по крайней мѣрѣ, начало его,—такое слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость“. Духовный процессъ, начавшійся очень рано, завершился въ концѣ семидесятыхъ годовъ мучительнымъ кризисомъ. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность Толстого еще въ большей степени слилась съ его личностью, съ ходомъ духовнаго развитія. Толстой уходитъ отъ художественнаго творчества въ религію, мораль, философію, публицистику. Съ конца 70-хъ годовъ онъ пишетъ длинный рядъ произведеній, посвященный этимъ вопросамъ и начавшійся „Исповѣдью“ (1879—1882).

Изъ художественныхъ произведеній Толстого второго періода его литературной дѣятельности нужно указать „Смерть Ивана Ильича“ (1886), „Власть тьмы“ (1886), „Крейцерову сонату“ (1889), „Плоды просвѣщенія“ (1889), „Хозяинъ и работникъ“ (1895) и, наконецъ, „Воскресеніе“ (1899).

Глубина психологическаго анализа, тонкое художественное чутье отвели Толстому уже давно одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди міровыхъ художниковъ, онъ признанъ всѣмъ міромъ, какъ замѣчательное явленіе въ исторіи человѣчества. Толстымъ русская литература имѣетъ полное право гордиться предъ Западомъ.

Но не только какъ художникъ, но и какъ моралистъ, Толстой получилъ всеобщее признаніе; нельзя указать среди современниковъ ни одного имени, которое поставило бы такъ остро вопросы жизни, религіи и морали, какъ Толстой. Онъ создалъ себѣ послѣдователей по всему міру. Излишне говорить о той популярности, которой пользуется Толстой; наглядное представленіе о ней даютъ статистическія данныя о распространеніи его произведеній. По приблизительному подсчету, сдѣланному С. А. Венгеровымъ около 10 лѣтъ назадъ, „Собранія сочиненій“ Толстого разошлись въ 80.000 экземплярахъ, „Хозяинъ и работникъ“ — въ 200.000, „Власть тьмы“ — въ 140.000, „Воскресенье“ — 100.000. Съ тѣхъ поръ эти цифры безмѣрно разрослись. „Война и Миръ“ вышли 15 изданіями, послѣднія печатались въ 15.000 экземплярахъ. Въ одномъ 1908 г. по оффиціальнымъ даннымъ только „Собраніе сочиненій“, „Плоды Просвѣщенія“, „Власть тьмы“, были напечатаны въ количествѣ

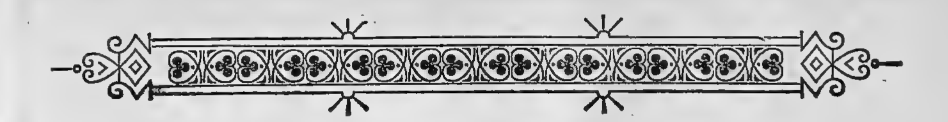
20.000 экземпляровъ. Литература о Толстомъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Представленіе о количествѣ написаннаго о Толстомъ можно получить по тому одному, что только сухой перечень написаннаго о немъ до 1902 г., сдѣланный Ю. Битовтомъ, составляетъ громадную книгу. 80-лѣтіе Толстого вызвало цѣлый потокъ литературы о немъ. Но не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ Толстой пользуется необычайной популярностью, является, несомнѣнно, самымъ популярнымъ именемъ. Сочиненія его переведены на всѣ литературные языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, шведскій, датскій, норвежскій, голландскій, польскій, чешскій, хорватскій, латышскій, эстонскій, финскій, татарскій, венгерскій, еврейскій и т. д. Нѣкоторыя произведенія вышли во многихъ изданіяхъ. Безконечно велико и количество статей о Толстомъ, появившихся на иностранныхъ языкахъ. Понятіе объ этомъ даетъ большой списокъ, помѣщенный въ „Каталогѣ толстовской выставки", хотя въ этомъ спискѣ зарегистрирована далеко не вся литература.

Лучшая часть поэтическаго наслѣдія Толстого, его „Севастополь", „Казаки", „Рубка лѣса", „Встрѣча въ отрядѣ", „Набѣгъ", „Два гусара" (не опубликованъ еще „Хаджи-Муратъ") и, наконецъ, главныя вершины его творчества, „Война и Миръ" и „Анна Каренина", неразрывно связаны съ исторіей родной земли. „Толстой—офицеръ и на войнѣ", говоритъ объ этой сторонѣ его творчества П. Красновъ („Русскій Инвалидъ", № 244). „Онъ въ Севастополѣ—онъ видитъ раны и кровь, онъ видитъ войну такъ, какъ она есть. Онъ отличается храбростью, отлично служитъ. Сначала появляются „Севастопольскіе разсказы", но война — такое міровое явленіе, которое оставляетъ надолго, если не на всегда, слѣдъ въ жизни всякаго человѣка, а чуткую, воспріимчивую душу Толстого она должна была настроить совершенно особенно. Въ 1856 году, обиженный тѣмъ, что не получилъ вполнѣ заслуженной награды, Толстой подаетъ въ отставку и въ 1864 году садится за свой величайшій трудъ: за романъ „Война и Миръ". Пять лѣтъ, по 1869 годъ, онъ писалъ этотъ романъ, охватившій на полотнѣ своемъ событія съ 1805 по 1812 годъ. Онъ подробно изучилъ эпоху и людей; онъ прочелъ все что могъ тогда найти объ этой войнѣ. Изъ изученныхъ имъ произведеній образовалась цѣлая библіотека, относящаяся къ этой эпохѣ. Онъ далъ намъ въ этомъ романѣ широкія картины жизни русской начала XIX вѣка, онъ изобразилъ войну и военныхъ такъ, что они живыми смотрятъ на насъ, что мы ихъ видимъ, ихъ любимъ или ненавидимъ, что мы понимаемъ войну, увлекаемся ею. Богданычъ — полковой командиръ павлоградскихъ гусаръ, Андрей

Болконскій, Друбецкой, Телянинъ, Денисовъ, Ростовъ, Жерковъ, Тимохинъ, Тушинъ, Платонъ Каратаевъ, Лаврушка—да, вѣдь, это не только живые люди, это типы русскихъ военныхъ, это богатѣйшая картинная галлерея портретовъ. Описываетъ ли Толстой мирныя сцены похода, смотры, рисуетъ ли намъ кавалерійскую атаку, поединокъ батарей, громадное поле сраженія, — онъ всегда вѣренъ правдѣ, исторіи. Въ этомъ романѣ гр. Л. Толстой выше своихъ великихъ современниковъ—Достоевскаго, Гончарова и Тургенева. Его психологія изложена болѣе понятнымъ и красивымъ языкомъ, нежели то дѣлаетъ Достоевскій; онъ глубже Гончарова и Тургенева. Такъ создать типы людей, какъ создалъ ихъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Толстой, могли только міровые геніи—Гомеръ, Шекспиръ, Гете. Какъ имена Шейлока, Отелло, Гамлета всегда будутъ вызывать въ мозгу нашемъ опредѣленное представленіе, такъ точно и Тушинъ, Друбецкой, Бергъ, Богданычъ—всегда дадутъ намъ тотъ же типъ, то же лицо. „Войну и Миръ“ Толстого можно читать сотни разъ. Всякій разъ она рисуется новою и равно прекрасною. И, если мы не забыли славную эпоху Наполеоновскихъ войнъ, какъ позабыли и не помнимъ многаго славнаго въ исторіи великой нашей родины, то этимъ мы обязаны почившему величайшему писателю земли русской. Это онъ одинъ сдѣлалъ больше, нежели тысячи музеевъ, сотни присяжныхъ историковъ. Его книги дали живой памятникъ войны, дали яркую картину, которая никогда не истлѣетъ, краски которой никогда не потемнѣютъ. Но,—если бы онъ далъ одинъ романъ „Войну и Миръ“! Черезъ пять лѣтъ, въ 1874 году, онъ подарилъ русскому обществу другой громадный романъ—„Анну Каренину“. И опять сказался великій художникъ. Онъ сумѣлъ изобразить жизнь петербургской бюрократіи, потомъ деревню уже послѣ освобожденія крестьянъ, новыхъ помѣщиковъ, жизнь офицера не на войнѣ, а въ свѣтѣ, скачки, ружейную охоту такъ, что видишь и точно узнаешь людей.

И онъ оставилъ насъ. Нѣтъ больше величайшаго изъ русскихъ людей и величайшаго человѣка на землѣ. Но вѣчно будетъ живъ онъ въ памяти міра и родного народа, и вмѣстѣ съ безсмертной памятью о немъ да не покинетъ Россію тотъ божественный Духъ, носителемъ котораго былъ почившій геніальный поэтъ и мудрецъ...

Страхъ смерти.

Разговоръ съ гр. Л. Н. Толстымъ.

Прилагаемая фотографія изображаетъ собой рѣдкій случай присутствія гр. Л. Н. Толстого съ нѣкоторыми членами его семьи, на многолюдномъ собраніи одного ученаго общества, въ стѣнахъ Московскаго университета, въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Какъ извѣстно, Л. Н. всегда избѣгалъ подобныхъ многолюдныхъ собраній и, при его обширной популярности, ему трудно было бы и непріятно въ нихъ появляться благодаря постояннымъ оваціямъ и шуму, сопровождавшему его появленіе. Тѣмъ не менѣе одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть его въ такомъ собраніи и даже вести очень любопытный разговоръ. Какъ видно на данной фотографіи, Л. Н. съ своей супругою Софьей Андреевной и дочерью Татьяной Львовной, посаженъ былъ распорядителемъ проф. Мороховцемъ впереди всей аудиторіи передъ самой каѳедрой докладчика, читавшаго о цвѣтной фотографіи, тогда новинкѣ. Лекторомъ былъ извѣстный спеціалистъ П. В. Преображенскій и какой-то военный педагогъ. Присутствовала вся ученая Москва—tout Moscou. Множество профессоровъ, кажется, со всѣхъ факультетовъ: проф. Эрисманъ, проф. Миллеръ, проф. Черриновъ, гр. Комаровскій, проф. Булдинъ, Некрасовъ, литераторъ Баранцевичъ, Баснинъ и мн. др., затѣмъ нѣсколько дамъ—курсистокъ и изъ профессорскихъ семействъ. На первомъ планѣ—инспекторъ студентовъ Давыдовъ и нѣсколько дальше—извѣстная въ Москвѣ своимъ знакомствомъ въ профессорскихъ кругахъ кн. Мышецкая. Студентовъ относительно было мало, отчасти по недостатку мѣстъ, такъ какъ обширная физіологическая аудиторія уже была переполнена, а отчасти, можетъ быть, дѣятельный распорядитель Л. З. Мороховецъ избѣгалъ раздавать билеты молодежи ради спокойствія Льва Николаевича, въ присутствіи котораго она не обошлась бы безъ повторныхъ овацій и шума, какъ тому уже были прецеденты; впрочемъ, изъ женской молодежи—курсистокъ было довольно много.

Высокопочитаемый Левъ Николаевичъ послѣдніе годы имѣлъ слабость охотно бесѣдовать о смерти; я припоминаю: въ теченіе моего двадцатипятилѣтняго знакомства съ нимъ, онъ говорилъ со мною на эту тему три раза. Это тѣмъ болѣе удивительно, что описываемое засѣданіе происходило около 20 лѣтъ тому назадъ и, слѣдовательно, Толстой былъ тогда еще не такъ старъ. Я сидѣлъ, какъ видно изъ фотографіи, непосредственно сзади Льва Николаевича съ женой и пріютилъ около себя двухъ мальчиковъ изъ дружественныхъ семей— Ѳедю Миллера и Ѳедю Эрисмана, оба около 10 лѣтъ возрастомъ, которымъ достались сначала мѣста очень далеко позади, и они плавали въ блаженствѣ около меня, сидя близъ Толстого, видя и слыша его!

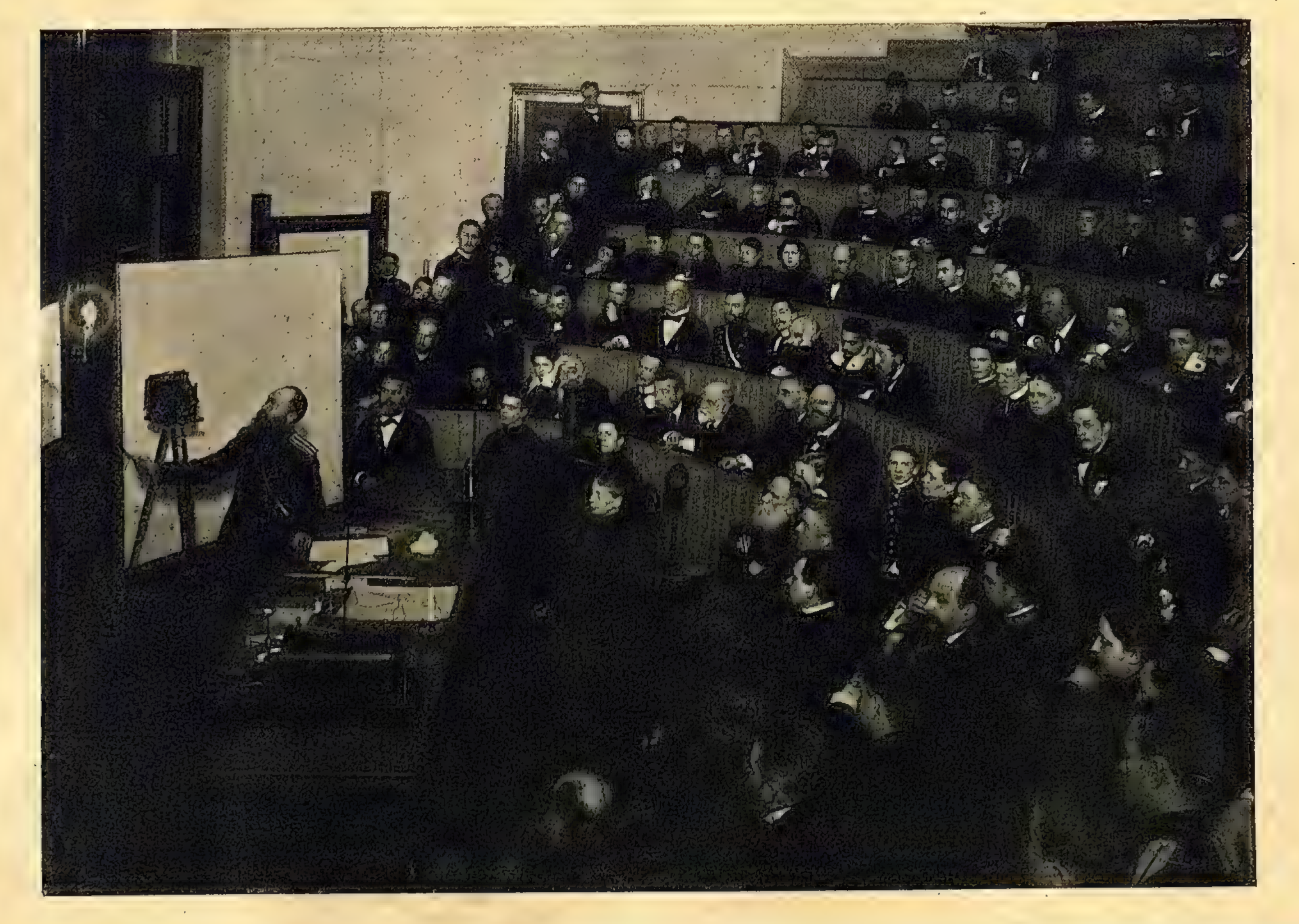
Передъ началомъ доклада или въ серединѣ его во время антракта, Л. Н. вдругъ обернулся ко мнѣ и, къ моему удивленію, произнесъ вопросъ, который ставилъ мнѣ, какъ я говорилъ, два раза раньше: „Скажите, Иванъ Ивановичъ, боитесь ли вы смерти?“ Я ему отвѣтилъ нѣсколько уклончиво: „Я не особенно озабоченъ этимъ вопросомъ и мало думаю о немъ; если боюсь, то исключительно предсмертныхъ страданій болѣзни“.—„Это потому“, отвѣтилъ Толстой: „что вы сравнительно молоды. Будете старѣе и слабѣе, станете чаще вспоминать о ней, какъ я. А вотъ дѣти совсѣмъ не думаютъ о смерти и нисколько ея не боятся“. Затѣмъ, спросивши меня, кто были мальчики, около меня сидящіе, и какъ ихъ звать, онъ быстро обратился къ нимъ. „Ты, Ѳедя, боишься смерти?“ спросилъ онъ ласковымъ, нѣжнымъ тономъ.—„Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, не боюсь“.— „А ты, другой Ѳедя, боишься?“—„Я тоже не боюсь“.—„Ну, вотъ видите“: сказалъ Толстой, „несомнѣнно я былъ правъ. Вопросъ о смерти тревожитъ преимущественно лишь стариковъ и больныхъ. Значитъ, это прежде всего вопросъ возраста“.

Къ счастью, для Россіи и всего міра тревога Льва Николаевича была не основательна, и онъ прожилъ съ тѣхъ поръ около двадцати лѣтъ на всеобщее благополучіе и далъ міру еще много цѣнныхъ произведеній своего пера. Я вспоминаю также, что я замѣтилъ ему какъ бы для утѣшенія, съ какой стати онъ такъ занятъ этимъ вопросомъ о смерти, когда онъ за свои великіе труды уже *безсмертенъ* при жизни и будетъ таковымъ же послѣ смерти! На что онъ мнѣ отвѣтилъ: „Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать“.

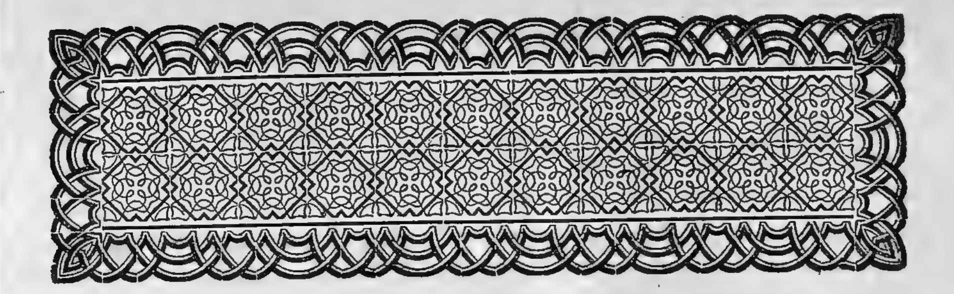
Прилагаемая фотографія снята была при свѣтѣ магнія художникомъ, помѣщавшимся на возвышеніи, въ углу аудиторіи, и снималась два раза, почему произошло нѣкоторое перемѣщеніе среди публики.

Иванъ Янжулъ.

Публичное, ученое, засѣданіе въ физіологической аудиторіи Московскаго Университета.

Житейскія встрѣчи.

IV [1]).

Нѣсколько живыхъ воспоминаній оставило во мнѣ пребываніе на морскихъ купаніяхъ въ Остенде въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ. Тогда это мѣсто еще не поражало тою роскошью, которою, судя по описаніямъ и изображеніямъ, оно блистаетъ теперь. На великолѣпномъ пляжѣ возвышались всего двѣ постройки: обширный Cercle des bains съ концертнымъ заломъ и библіотекой и ресторанъ подъ названіемъ Cercle de Phare. Въ первое мое пребываніе, во второй половинѣ іюля 1869 года, русскихъ въ Остенде почти не было,—по крайней мѣрѣ, мой слухъ и взоръ не уловили, до самаго отъѣзда, въ пестрой и оживленной толпѣ ни родного звука, ни родного лица.

Находясь, поэтому, въ полномъ одиночествѣ, я удѣлялъ довольно много времени чтенію въ читальномъ залѣ Cercle des bains, слѣдя по французскимъ газетамъ за послѣдними попытками Наполеона III-го укрѣпить свою власть среди все болѣе и болѣе развивавшейся оппозиціи, питаемой между прочимъ и остроумно-ядовитыми выходками Рошфора въ его маленькихъ красненькихъ Lanternes.

Виновникъ этихъ ѣдкихъ литературно-политическихъ укусовъ бѣжалъ изъ Франціи, но и изъ-за границы продолжалъ, дразня и

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

язвя своего врага, подтачивать и колебать его престолъ. Однажды, когда я читалъ Figaro, ко мнѣ подошелъ высокій французъ съ блѣднымъ лицомъ, черными усами и бородкой и мелко-курчавыми, густыми волосами, сбитыми, какъ шапка, въ одну сторону. Aprez vous s'il vous plaît — сказалъ онъ мнѣ, вѣжливо приподнимая шляпу, и съ тѣхъ поръ это повторялось не разъ, такъ что иногда, если я оканчивалъ Figaro раньше его прихода,—я клалъ газету въ какое-либо укромное мѣсто и, выйдя на морскую набережную, говорилъ моему французу при встрѣчѣ, гдѣ можно найти интересующій его нумеръ. Однажды мы вышли вмѣстѣ изъ читальной комнаты на берегъ моря. Vous êtes bien complaisant, M-r,—сказалъ онъ—vous n'êtes pas français,—n'est-ce pas? Etes-vous américain, hollandais?—Je suis russe, M-r.—Ah vous êtes russe! Votre patrie a un bel avenir! и онъ сталъ говорить обычныя, банальныя и фальшивыя любезности, бывшія одно время сильно въ ходу у французовъ относительно русскихъ. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne!—кричали между тѣмъ уличные мальчишки, неистово стуча своими деревянными sabots по каменной набережной. Voilà Rochefort qui fait la Lanterne!—Où est-il donc ce fameux Rochefort?—спросилъ я своего спутника. — C'est moi, monsieur, отвѣтилъ мнѣ онъ, весело улыбаясь.

Только наканунѣ отъѣзда въ Парижъ я, сидя за столикомъ въ антрактѣ музыкальнаго отдѣленія, неожиданно увидѣлъ за другимъ столикомъ, прямо предъ собою господина, котораго мѣшковатый костюмъ, круглое лицо съ добродушной складкой губъ, голубые глаза, небрежная прическа бѣлокурыхъ волосъ и бороды и — главное — бѣлый картузъ форменнаго образца съ лакированнымъ козырькомъ — съ несомнѣнностью доказали мнѣ, что это соотечественникъ. По его скучающему взору, которымъ онъ лѣниво обводилъ присутствующихъ, и по зѣвкамъ, прикрываемымъ стыдливо ладонью руки, было видно, что онъ такъ же, какъ и я, одинокъ въ шумномъ фламандскомъ уголкѣ и по горестному — въ своемъ внутреннемъ смыслѣ и значеніи — русскому выраженію „не знаетъ, какъ убить время". Мнѣ, однако, хотѣлось провѣрить мои догадки. Я прошелъ въ сосѣднюю salle de lecture и, принеся оттуда надѣтый на палку нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей", сталъ читать его, повернувъ названіе къ незнакомцу. Не прошло и пяти минутъ, какъ пухлая, покрытая рыжеватыми волосами рука безцеремонно отогнула заслонявшій меня листъ газеты, и мой незнакомецъ, широко улыбаясь, сказалъ мнѣ: „батюшка, да вы русскій! вотъ радость-то! Извините меня, что я такъ... Я просто ошалѣлъ отъ скуки: не съ кѣмъ слова перемолвить. Я по-французски швахъ,

да и люди здѣсь все какіе-то накрахмаленные: на рыжей свиньѣ къ нимъ не подъѣдешь. Позвольте къ вамъ подсѣсть. Я вотъ, видите ли,—продолжалъ онъ, усаживаясь за мой столикъ,—служилъ въ военной службѣ, и есть у меня пріятель, сосѣдъ по имѣнію въ N уѣздѣ. Вышли мы оба въ отставку послѣ Крымской войны, да и попали въ мировые посредники. Участки у насъ сосѣдніе. И жить бы намъ да поживать, да пріятель мой, представьте себѣ, вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ жениться. А мы жили душа въ душу: то онъ у меня, то я у него. Жена у него, знаете, добрая, но только щеголиха большая, такъ его забрала въ руки, что и на-поди! Онъ вышелъ въ отставку, да и говоритъ мнѣ: „ну, гдѣ тебѣ одному своимъ хозяйствомъ жить! Переѣзжай къ намъ, мы тебя устроимъ, ты будешь у насъ, какъ родной, а жена тебѣ опуститься не дастъ: видишь, какъ меня подтянула". Вотъ я къ нимъ и переѣхалъ, и живемъ себѣ ничего, ладно. Только вздумали они за границу поѣхать, да и говорятъ мнѣ: „Что жъ тебѣ одному оставаться: вѣдь это никакъ невозможно. Поѣдемъ вмѣстѣ". Ну, я и радъ, потому что самъ-то никогда бы не собрался, а все-таки интересно, да еще знай я языки, такъ многому и поучиться можно. Пожили мы въ Берлинѣ, да въ Брюсселѣ и направились сюда, но только у спутницы нашей глаза на разныя покупки разбѣжались: она и застряла съ мужемъ въ Брюсселѣ; шьетъ себѣ платья да кружева покупаетъ. Чай, совсѣмъ мошну растрясла. А меня они просили поѣхать впередъ — квартиру присмотрѣть: не хочется жить въ гостиницѣ, а такъ, чтобы быть у себя. Однако, квартиры я не нашелъ: которыя есть—отъ моря далеко, да и рыбой въ нихъ во всѣхъ почему-то пахнетъ. Я вотъ и написалъ имъ обо всемъ, да и жду отвѣта, а самъ живу въ Ship-hôtel, тутъ неподалеку. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?" Я назвалъ себя. „А зачѣмъ вы за границей: лѣчиться или провѣтриться?—Лѣчиться и учиться. „Такъ. А не выпить ли намъ шипучаго? Я, право, такъ радъ, что встрѣтилъ русскаго: хоть душу отведешь". Я отказался и спросилъ моего словоохотливаго собесѣдника о томъ, нравится ли ему Остенде. „Ну еще бы,—отвѣтилъ онъ, — одно купанье чего стоитъ. Я, знаете, не тутъ, со всѣми купаюсь; скучно эти портки-то ихніе на себя натягивать,—а тамъ, подальше мѣсто есть, парадизомъ называется. Такъ просто выходить изъ воды не хочется. Сначала и холодновато, а потомъ какая благодать! Выйдешь, точно двадцать лѣтъ съ костей долой, а ѣсть такъ хочется, что хоть три табль-д'ота впору съѣсть. Особенно хорошо купаться по вечерамъ. Вчера пароходъ шелъ въ Англію, а на морѣ было тихо, такъ волны отъ него, мнѣ показалось, будто даже свѣтятся. Я все ихъ поджи-

далъ. Впрочемъ, и утромъ хорошо".—Но вѣдь вы разъ купаетесь, конечно?—Нѣтъ, два.—Да вѣдь это вредно. Морскія купанья нужно принимать умѣренно и въ водѣ оставаться не болѣе трехъ-четырехъ минутъ. А вы, пожалуй, остаетесь дольше?—„Еще бы! Я, знаете, не выхожу, покуда весь даже не посинѣю. А что относительно одного раза, такъ это, повѣрьте, нѣмцы выдумали, потому что они цирлихъ-манирлихъ, и все у нихъ по часамъ, да по минутамъ разсчитано. Русскому человѣку это вовсе не подходитъ. Да я у себя въ деревнѣ въ жаркій день войду, бывало, въ рѣчку, возьму зонтикъ, да газету, „Московскія Вѣдомости", на плоту разложу, зонтикомъ отъ солнца прикроюсь, да и стою въ водѣ, пока весь нумеръ не прочту. Вотъ это настоящее купанье, а не пустая возня, ради которой раздѣваться и одѣваться тоска возьметъ". — Я попробовалъ его убѣдить въ крайней опасности его отношенія къ морскимъ купаніямъ, но онъ упорно стоялъ на томъ, что все это нѣмцы выдумали, и что такъ какъ ему, вѣроятно, не придется второй разъ пріѣхать въ Остенде, то было бы странно, если бы онъ не накупался всласть. Мы прошлись по эстакадѣ, поговорили о родинѣ, связь съ которой такъ сильно чувствуется именно за границей, и разстались въ надвигавшемся ночномъ мракѣ.

Прошло недѣль шесть. Въ ясный и бодрящій сентябрьскій праздничный день я сидѣлъ на скамеечкѣ въ Елисейскихъ поляхъ въ Парижѣ, а мимо рѣкою текла нарядная и оживленная толпа. Увлекаемые ею, прошли мимо меня, сопровождая даму, двое мужчинъ, при чемъ одинъ волочилъ ногу и шелъ, повидимому, съ нѣкоторымъ трудомъ. Миновавъ меня, онъ обернулся, пристально на меня посмотрѣлъ и что-то сказалъ своимъ спутникамъ, которые тоже посмотрѣли на меня и остановились. А онъ, постоявъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшимости, направился ко мнѣ, хромая и ковыляя, и не безъ труда двигая перекосившимися губами, плохо повинующимся языкомъ, сказалъ мнѣ: „А.... а.... в....в....ы м....меня не....е узнаете"?.. и, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ, прибавилъ: „а въ Ост...тенде помните"?.. Только тутъ изъ поблѣднѣвшаго и страдальческаго лица съ потухшими глазами на меня глянули добродушныя черты моего мимолетнаго знакомца. „Боже мой!—невольно воскликнулъ я—что же это съ вами?" Легкая судорога пробѣжала по его лицу, глаза покраснѣли.... „До...о...ку...п...п...ал...ся!" многозначительно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Онъ познакомилъ меня со своими спутниками, а послѣдніе уговорили поѣхать съ ними въ St.-Cloud, гдѣ происходили, по случаю празднованія въ честь довольно сомнительнаго святого, изобрѣтеннаго ad hoc въ честь Наполеона III, народныя гулянья и различныя празднества.

Въ St.-Cloud, куда мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ, насъ встрѣтили невообразимые для русскаго человѣка шумъ, гамъ и веселье. Блузники и степенные буржуа, солдаты, кормилицы, дѣти всѣхъ возрастовъ, иностранцы и самый разнообразный людъ толпились среди шатровъ, легкихъ построекъ и эстрадъ, устроенныхъ для всевозможныхъ развлеченій,—среди вертящихся каруселей и всякаго рода кухонь, расположенныхъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ подъ громкими названіями готовились неприхотливыя кушанья изъ провизіи, въ происхожденіе которой не слѣдовало слишкомъ пристально вникать. Вся эта толпа, съ точки зрѣнія жителя страны, которая, по выраженію Шевченко „благоденствуетъ—бо мовчитъ", просто безчинствовала: пѣла и свистала, перекидывалась громкими возгласами, хохотала и отъ стара до млада неустанно и почти непрерывно дудѣла въ особыя картонныя трубки, свернутыя на подобіе рупора, оклеенныя пестрой бумагой и нерѣдко украшенныя бумажными цвѣтами. Эти „mirlitons" были, повидимому, необходимой принадлежностью всякаго парижанина, посѣщавшаго la foire de St.-Cloud. Насмотрѣвшись на эти бьющія ключемъ жизнь и веселье, мы пообѣдали тутъ же въ маленькомъ ресторанчикѣ и отправились въ большой шатеръ, на которомъ было написано „Bal Markovsky". Здѣсь новая толпа зрителей насъ вскорѣ раздѣлила, и мы потеряли другъ друга. Общество иностранцевъ, съ плотоядной жадностью пожиравшихъ глазами рискованныя позы канканирующихъ дамъ и безстыдныя тѣлодвиженія мужчинъ (очевидно, приглашенныхъ спеціально, чтобы содѣйствовать great attraction), не надолго удержало меня въ спертомъ воздухѣ яко-бы популярнаго бала, и я рѣшилъ уѣхать домой. Но осуществить это намѣреніе оказалось очень трудно.

Входъ на станцію желѣзной дороги былъ совершенно запруженъ толпою, а мѣста въ вагонахъ единственной тогда въ Парижѣ конно-желѣзной дороги брались съ бою. Приходилось или ждать до поздняго вечера, или участвовать въ этой свалкѣ, или, наконецъ, отправиться въ Парижъ пѣшкомъ. Я избралъ послѣднее и направился по безконечной каштановой аллеѣ. Въ ней, однако, оказался цѣлый рядъ своеобразныхъ экипажей съ двумя длинными параллельными скамьями подъ полотнянымъ навѣсомъ на желѣзныхъ стержняхъ, съ входною дверцею и тусклымъ фонарикомъ въ глубинѣ. Проѣздъ до Парижа стоилъ 80 сантимовъ. Эти „вегикулы" тоже быстро наполнялись ѣдущими домой, но въ одномъ изъ нихъ нашлось мѣсто и для меня. Составъ публики былъ самый разнообразный: два солдата, почтеннаго вида старикъ въ очкахъ, оказавшійся докторомъ,—нѣсколько буржуазныхъ паръ,—толстая дама въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами—„blanchisseuse en linge fin", какъ значилось на

ея визитной карточкѣ, данной мнѣ при прощаніи,—нѣсколько молодыхъ людей (повидимому, студентовъ) съ молодыми дѣвицами, изъ которыхъ одна положила голову на плечо своего сосѣда и тотчасъ же заснула. Только что мы двинулись въ путь, какъ большинство сидѣвшихъ вооружилось „мирлитонами“ и начало въ нихъ усердно дудѣть, не исключая и почтеннаго доктора и моей сосѣдки въ чепцѣ. Это дудѣніе сливалось въ оглушительный хоръ, когда насъ обгонялъ чей-нибудь собственный экипажъ, въ особенности если въ немъ, горделиво развалясь, полулежала, выставивъ напоказъ красивыя ботинки, какая-либо дама полусвѣта. Когда всѣ устали отъ этой какофоніи, докторъ, сидѣвшій противъ меня, обратился къ моей сосѣдкѣ съ вопросомъ: а что, если бы намъ спѣть?—Та многозначительно подняла брови и лаконически спросила: что?—Докторъ промурлыкалъ какой-то мотивъ, она кивнула головой, и оба они разбитыми голосами затянули какую-то пѣсенку. Всѣ пассажиры встрепенулись; спавшая гризетка раскрыла глаза. Припѣвъ къ пѣсенкѣ подхватили уже всѣ пассажиры нашего экипажа. Затѣмъ, пѣсни слѣдовали одна за другой безъ перерыва, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и весёлостью. Докторъ дирижировалъ рукою и въ особенно сильныхъ мѣстахъ топалъ ногою. Звуки подобнаго же пѣнія неслись и изъ другихъ, похожихъ на нашъ, экипажей. Наконецъ, наступила краткая пауза, и докторъ, сурово наморщивъ брови, обратился ко мнѣ: „Et vous, mon vieux (мнѣ было 23 года), pourquoi ne chantez vous pas?“ — Je ne connais pas vos chansons, monsieur. — Vous êtes allemand?—Non, je suis russe.—Ah, messieurs!—вскричалъ онъ—nous avons parmis nous un russe! Salut à la Russie! Ah, monsieur, votre pays a un grand avenir. Je ne vous dis que ça... seulement la Pologne, monsieur, la pauvre Pologne! (тогда были живы отголоски агитаціи, поднятой въ Западной Европѣ польскимъ возстаніемъ 1863 года). Enfin, basta cosi. Chantons!“—и онъ запѣлъ снова. Но, вотъ мы внезапно остановились. Кондукторъ открылъ дверцу, и въ ней показалась типичная фигура французскаго жандарма въ традиціонной треуголкѣ и съ эспаньолкой, которую тогда, по примѣру императора, многіе носили во Франціи. Оказалось, что мы были у въѣзда въ Парижъ и приходилось платить „октруа“ за предметы, подлежавшіе таможенный оплатѣ. Почему это былъ жандармъ, а не агентъ таможни,—я не знаю. Вѣроятно, это объяснялось наплывомъ проѣзжихъ черезъ эту заставу.

„Avez vous quelque chose à déclarer?“—строго спросилъ блюститель порядка и на отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ: partez! Но, едва мы двинулись, какъ та гризетка, которая вновь успѣла сладко заснуть на плечѣ у своего спутника, встрепенулась и закричала: arre-

tez, arretez! Nous avons à declarer! Произошло замѣшательство. Нашъ экипажъ былъ остановленъ, и въ раскрытыхъ дверцахъ снова появилась голова жандарма съ суровымъ на этотъ разъ выраженіемъ.—„Et bien, qu'est ce que vous avez à declarer?“ — грозно спросилъ онъ. Гризетка вскочила съ своего мѣста и, дѣлая почтительный реверансъ, сказала: nous avons nos mirlitons et notre gaité.—Ah Sacre nom..!—закричалъ жандармъ, захлопывая дверцу, но губы его невольно распустились въ улыбку подъ густыми усами, а всѣ ѣхавшіе громко засмѣялись и зааплодировали. Подъ эти аплодисменты мы и въѣхали въ Парижъ. Но, здѣсь всѣ притихли, начали обмѣниваться сообщеніями о предстоящей на завтра работѣ, и когда мы всѣ разошлись около Palais Royal, серьезная атмосфера трудового Парижа уже охватила большинство обладателей веселыхъ мирлитоновъ. И теперь, почти черезъ сорокъ два года, эта заразительная веселость и умѣнье разумно пользоваться благами жизни съ особенною живостью вспоминаются мнѣ, на-ряду съ нашимъ роднымъ печально-добродушнымъ „до-о-ку-пал-ся“.

Черезъ два года мнѣ опять пришлось быть въ томъ же Остенде. На этотъ разъ я встрѣтилъ многихъ соотечественниковъ. Двѣ изъ этихъ встрѣчъ мнѣ вспоминаются съ особою живостью. Одновременно со мною окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ добродушный обрусѣвшій толстякъ, слывшій между товарищами за человѣка весьма образованнаго и трудолюбиваго. Лично мы не были знакомы. Но въ Остенде, черезъ восемь лѣтъ по окончаніи курса, я снова увидѣлъ его оригинальное лицо, которое привлекало къ себѣ вниманіе тѣмъ, что одинъ его усъ былъ темнорыжаго цвѣта, а другой ярко серебрился преждевременной сѣдиной. Мы познакомились и сошлись на почвѣ незабвенныхъ воспоминаній нашего студенчества. Узнавъ, что я не женатъ, онъ серьезно попенялъ мнѣ, что я лишаю себя высшаго счастья на землѣ, ссылаясь на свой собственный опытъ, а затѣмъ, тутъ же на пляжѣ, представилъ меня своей супругѣ—толстенькой блондинкѣ съ небесно-голубыми глазами и губами „сердечкомъ“. Въ любви къ нему и заботѣ о немъ супруги не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Она постоянно слѣдила за нимъ съ любящимъ и тревожнымъ выраженіемъ глазъ и часто прерывала нашу бесѣду просьбами, чтобъ онъ застегнулся или поднялъ воротникъ, или не говорилъ противъ вѣтра, при чемъ ея заботливыя руки немедленно спѣшили избавить его отъ труда, исполнивъ сами ея просьбу относительно пуговицъ и воротника, или съ нѣжной лаской заслоняли ему ротъ отъ холоднаго дыханія Ламанша. Когда

мы остались вдвоемъ, онъ умиленно спросилъ меня: „видѣли?“ И прибавилъ: „это ангелъ!“

Однажды я собрался проѣхать въ старинный фламандскій городъ Брюгге, чтобы посмотрѣть на его удивительныя средневѣковыя зданія и знаменитое „житіе святой Урсулы“, написанное Гансомъ Мемлингомъ на столѣ госпиталя, гдѣ онъ лечился отъ ранъ, полученныхъ во время тридцатилѣтней войны,—представляющее собою одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній фламандской живописи. Мужъ „ангела“, узнавъ о моемъ планѣ, выразилъ горячее желаніе быть моимъ спутникомъ и взять при этомъ съ собою жену. Зная, что придется много ходить и лазить по лѣстницамъ, и желая использовать свою поѣздку безъ всякой помѣхи, я предложилъ ему ограничиться путешествіемъ вдвоемъ, что ему, повидимому, очень улыбнулось.— „Но, какъ же я оставлю жену?“

— „Мы выѣдемъ въ семь часовъ утра—замѣтилъ я—и къ часу можемъ быть дома, а если посѣтимъ и Гентъ, чтобы посмотрѣть Рубенса и побывать въ извѣстномъ по своему богатству зоологическомъ саду, то можемъ вернуться къ семи часамъ. Такимъ образомъ, ваша разлука будетъ очень непродолжительна, а практика путешествій учитъ, что странствованіе втроемъ всегда представляетъ неудобства“.—„Да, да, поѣдемте и въ Гентъ!—воскликнулъ онъ—и конечно, лучше вдвоемъ. Но только какъ сказать объ этомъ женѣ?“

— „Позвольте это мнѣ принять на себя!“

И въ тотъ же вечеръ, я сказалъ „ангелу“, пребывавшему на пляжѣ, что я уговариваю ея супруга поѣхать со мною завтра въ Брюгге и Гентъ и хочу ее просить отпустить его со мною, ручаясь возвратить его къ семи часамъ въ полной цѣлости и неприкосновенности.—„Ты хочешь ѣхать?“—протянула она удивленнымъ тономъ.— „Да, видишь, какъ старые товарищи... это такъ интересно... а тебѣ утомительно... вѣдь къ вечеру я буду назадъ... вѣдь мы, какъ товарищи... и много надо ходить... а здѣсь будетъ хорошая погода...“ Она строго посмотрѣла на него, перевела затѣмъ на меня удивленный и обиженный взоръ, сказала: „если онъ хочетъ ѣхать и меня оставить одну, то вы можете его взять съ собой!“ и, пожавъ плечами, оставила насъ.

На другой день рано утромъ я увидѣлъ уже издали радостную улыбку подъ разноцвѣтными усами и, провожаемые укоризненнымъ взглядомъ небесно-голубыхъ глазъ, мы двинулись въ путь. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, въ приподнятомъ и праздничномъ настроеніи, сыпалъ анекдотами и остротами и былъ просто неузнаваемъ. Къ искусству онъ, впрочемъ, относился довольно равнодушно, но города его весьма интересовали, а въ особенности

всецѣло овладѣлъ его вниманіемъ чудесный зоологическій садъ въ Гентѣ. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ напоминать ему, что пора отправляться на станцію желѣзной дороги. — „Es ist die höhste Zeit zum cinsteigen!“—говорилъ я ему, подражая нѣмецкимъ „шафнерамъ“. Но онъ успокаивалъ меня тѣмъ, что мы возьмемъ извозчика. Однако, при выходѣ, таковаго не оказалось, и намъ пришлось устремиться почти бѣгомъ на станцію, на путяхъ которой стояло нѣсколько поѣздовъ въ разныхъ направленіяхъ. Около нихъ, какъ муравьи, копошились пассажиры и провожатые. —Сюда, сюда!—сказалъ мнѣ, задыхаясь отъ усталости мой спутникъ, увлекая меня въ одинъ изъ этихъ поѣздовъ—Да нашъ ли это поѣздъ?—Нашъ, нашъ! Намъ въ эту сторону ѣхать, я ужъ знаю! И едва мы, запыхавшись, вошли въ вагонъ, поѣздъ тронулся.—Ну, слава Богу! сказалъ мой спутникъ, отирая потъ—а я, признаться, очень струсилъ, увидѣвши, что мы можемъ опоздать. Слава Богу, все въ порядкѣ!.—Въ порядкѣ ли?—спросилъ я недовѣрчиво, глядя въ окно—мы мимо такихъ зданій и вотъ этой огромной мельницы не проѣзжали, ѣхавши сюда. Я это хорошо помню! А, вѣдь, сидѣли мы съ этой самой стороны!—Нѣтъ, мы ѣдемъ въ Остенде,—сказалъ онъ немного дрогнувшимъ голосомъ. — Pardons, madame,—обратился я къ сидѣвшей противъ меня дамѣ—ayez la complaisance de dire oú allons-nous?—Она удивленно на меня посмотрѣла и сказала: nous allons à Bruxelles, monsieur!—Поздравляю васъ! иронически обратился я къ моему товарищу, но дальнѣйшее замерло у меня на устахъ при видѣ его внезапно поблѣднѣвшаго лица, растеряннаго вида и выраженія испуга въ глазахъ.—То есть, позвольте—залепеталъ онъ.—Какъ же это?! Нельзя ли остановить поѣздъ? Вѣдь это ужасная ошибка! Я хочу выйти, на первой же станціи! Нѣтъ, да вѣдь, это совершенно невозможно!.—Посмотрѣвъ въ росписаніе, я удостовѣрилъ его, что мы ѣдемъ въ экспрессѣ, который до Брюсселя останавливается только на одной станціи, всего на три минуты, при чемъ черезъ эту станцію встрѣчный поѣздъ проходитъ раньше насъ и что, поэтому, неминуемо надо ѣхать до Брюсселя. Боже мой!—восклицалъ онъ—что подумаетъ жена?! Вѣдь она придетъ насъ встрѣтить! Вѣдь, какое ей безпокойство! Она и безъ того такъ неохотно меня отпустила.. Она такой ангелъ! Это только для васъ она меня отпустила!...—При предстоящей остановкѣ вы можете ей послать успокоительную телеграмму „j'ai manqué le train, revenons demain matin, bien portant“.—Да? Вы думаете?—нерѣшительно сказалъ онъ.—Да что же другое можно сдѣлать?! Набросайте-ка скорѣй телеграмму, чтобъ затѣмъ не терять времени.—Она не повѣритъ!—печально сказалъ онъ—ужъ лучше пошлите телеграмму вы отъ себя!—Такъ и было сдѣлано съ

прибавленіемъ просьбы о прощеніи нашей оплошности. До Брюсселя онъ хранилъ угрюмое молчаніе и лишь нервно поигрывалъ пальцами у себя на колѣнкѣ. Поэтому, когда поздно вечеромъ мы очутились въ уже засыпавшей бельгійской столицѣ, гдѣ намъ рѣшительно нечего было дѣлать, онъ безъ всякихъ возраженій, съ видомъ человѣка, покорившагося судьбѣ, принялъ мое предложеніе поѣхать еще дальше, въ Антверпенъ и, осмотрѣвъ его утромъ, къ семи часамъ вечера вернуться въ Остенде. Въ Антверпенъ мы прибыли позднею ночью, съ трудомъ отыскали себѣ въ старомодной гостиницѣ мрачную и холодную комнату съ двумя кроватями у противуположныхъ стѣнъ, очевидно предназначенную для случайныхъ путешественниковъ, довольствующихся,—какъ это тогда еще было въ обычаѣ и въ Германіи,—половиной комнаты исключительно для ночлега. Утомленный путешествіемъ, я сталъ быстро засыпать подъ вздохи и кряхтенье моего спутника. Но, заснуть мнѣ удалось нескоро.—Вы спите? спросилъ онъ меня.—Нѣтъ, а что?—Нѣтъ, я такъ!..—Черезъ двѣ минуты тотъ же вопросъ повторился.—Нѣтъ, еще не сплю. Да что съ вами? вы здоровы?—Здоровъ, а такъ, что-то грустно.—Будемте грустить завтра, а теперь пора спать.—Вслѣдъ за этимъ я услышалъ звукъ босыхъ шаговъ, приближающихся къ моей постели; край моего тюфяка погнулся подъ тяжестью сѣвшаго человѣка и въ слабомъ лунномъ полусвѣтѣ (мы забыли опустить штору) обрисовалась фигура самоувѣреннаго знатока поѣздовъ.—Ужъ не лунатикъ ли онъ!—подумалъ я.—Да что съ вами? Зачѣмъ вы не даете мнѣ заснуть?—Простите меня, *другъ мой*, отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ. Но мнѣ что-то такъ грустно, такъ грустно!. Извините меня! Спите спокойно!—и босые шаги удалились. Я уже началъ сладко погружаться въ какую-то бездонную, но пріятную пропасть, какъ былъ снова вызванъ къ реальной жизни громкимъ вопросомъ съ другого конца комнаты:—испытали ли вы когда-нибудь истерику?—Въ то время истерика еще считалась болѣзненнымъ припадкомъ, свойственнымъ только женщинамъ. Поэтому, отвѣтивъ въ этомъ смыслѣ вопрошавшему, я, въ свою очередь, спросилъ, развѣ его у него была когда-нибудь истерика.—Нѣтъ, никогда, отвѣтилъ онъ рѣшительно—развѣ это возможно?—Такъ какъ же вы ее могли испытать?—Наступило долгое молчаніе, затѣмъ тяжелый вздохъ...—У жены—сказалъ онъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ.—У ангела?—У него!.. знаете, это ужасно!.. Наступило молчаніе, и я заснулъ. Утромъ онъ всталъ, какъ встрепанный, шутилъ и смѣялся, хотя избѣгалъ встрѣчаться со мной глазами. Я снова послалъ его женѣ телеграмму, объясняющую наше опозданіе. Мы осмотрѣли музей, церкви и пообѣдали на открытой верандѣ маленькаго ресторана на городской площади. Мой спутникъ былъ чрезвычайно оживленъ, смѣшилъ меня своими разсказа-

ми изъ области студенческихъ романтическихъ похожденій и, несмотря на мои протесты, потребовалъ полбутылки шампанскаго, чтобы выпить за нашу встрѣчу и интересное путешествіе. Вчерашній упавшій духомъ супругъ былъ бы неузнаваемъ, если бы мнѣ не вспоминалась, глядя на него, русская поговорка—„семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ" и если бы его блуждающій по сторонамъ взоръ и слишкомъ громкій, безпричинный смѣхъ не имѣли въ себѣ оттѣнка того, что простой русскій человѣкъ характеризуетъ словомъ „отчаянность". Онъ даже предложилъ мнѣ остаться до слѣдующаго дня, чтобы пойти вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали „Фауста на изнанку", и только напоминаніе о необходимости послать *третью* телеграмму нѣсколько охладило его эстетическія стремленія. Въ теченіе обратнаго пути онъ былъ молчаливъ и бо̀льшую часть времени дремалъ. Когда мы прибыли обратно въ Остенде и надо было выходить изъ вагона, онъ сталъ усиленно искать чего-то на сѣткѣ, хотя никакихъ вещей съ нами не было, и предоставилъ мнѣ, такимъ образомъ, выйти первому, слѣдуя за мной и какъ бы прячась за меня. Первое, что я увидѣлъ на перронѣ, были небесно-голубые глаза, горѣвшіе гнѣвнымъ огнемъ. Я почтительно снялъ шляпу, но „ангелъ" растянулъ свои сложенныя въ сердечко алыя губы въ презрительную улыбку и, не отвѣчая на поклонъ, медленно смѣрялъ меня взоромъ съ головы до ногъ, затѣмъ сдѣлалъ два быстрыхъ шага по направленію къ мужу, энергически взялъ его за руку выше кисти и молча увелъ за собой.

Прошло шесть лѣтъ. Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я встрѣтилъ на Арбатской площади моего остендскаго пріятеля, ѣдущаго на извозчикѣ. Увидѣвъ меня, онъ приказалъ остановится и съ неподдѣльной радостью привѣтствовалъ меня, чему, повидимому, не помѣшало и то, что въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника одного изъ Московскихъ изданій онъ не упускалъ случая, по заказу редакціи, порицать вредное направленіе тогдашняго предсѣдателя петербурскаго окружнаго суда, каковымъ былъ я.—Какъ я радъ! Какъ я радъ!—восклицалъ онъ, пожимая мнѣ руки! Пожалуйста, посѣтите меня! Пообѣдаемъ вмѣстѣ, вспомнимъ старину! Я васъ познакомлю съ моей женой. Она—премилая женщина.—Едва-ли я успѣю побывать у васъ, хотя вспомнить старину, въ виду кое-чего современнаго, конечно было бы пріятнѣй. Супругѣ же вашей—вы очевидно забыли—я уже былъ представленъ въ Остенде. Она, конечно, такой же, въ вашихъ глазахъ ангелъ, какъ и была?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ почти радостно.—*Та* уже давно умерла! Я уже женатъ на другой!

На этомъ мы и разстались навсегда съ неисправимымъ рецидивистомъ семейнаго счастья.

Въ томъ же году, въ Остенде, мнѣ пришлось нѣсколько разъ обѣдать съ большимъ знатокомъ и любителемъ драматической литературы обладавшимъ драгоцѣнными воспоминаніями о лучшихъ страницахъ въ исторіи русской сцены. Слушать его тонкіе критическіе отзывы составляло истинное наслажденіе. Однажды, къ нашему обѣденному столику подошелъ сухощавый господинъ съ острыми чертами лица, длинными усами, которые онъ нервно покручивалъ, и непривѣтливымъ взоромъ безпокойныхъ глазъ. Манера держать себя и носить штатское платье обличала въ немъ человѣка, привыкшаго къ военному мундиру. Это былъ отставной губернаторъ одной изъ великороссійскихъ губерній, прославившійся тѣмъ, что при объѣздѣ губерніи благосклонно принималъ единодушно выражаемыя волостными обществами чрезъ свое начальство чувства преданности и трогательнаго уваженія. Вещественнымъ знакомъ этихъ чувствъ служила хлѣбъ-соль на дорогихъ блюдахъ, при чемъ, какъ говорили злые языки, „благодарные поселяне“ въ избраніи этихъ знаковъ были въ значительной степени облегчены распоряженіями уѣзднаго начальства, въ свою очередь не оставленнаго указаніями изъ губернаторской канцеляріи.

Генералъ будировалъ правительство, не умѣвшее оцѣнить этой теплоты чувствъ, выраженныхъ въ іерархическомъ порядкѣ сверху внизъ и снова возвращающихся къ своему первоначальному источнику. Лишенный,—къ сожалѣнію лишь на нѣкоторое время—широкой дѣятельности, отставной администраторъ искалъ исцѣленія отъ служебныхъ утомленій въ морскихъ волнахъ и заявлялъ, что всецѣло отдался высшему управленію своихъ обширныхъ помѣстій, показывая, съ напускною небрежностью, длинныя и регулярныя донесенія своего главноуправляющаго, написанныя по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства на большихъ бланкахъ, въ углу которыхъ стояло: „Управленіе вотчинами его Превосходительства NN“.—

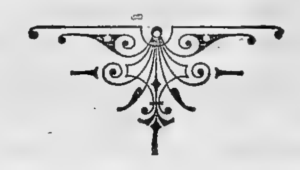
Въ разговорѣ со мною—простымъ смертнымъ—онъ выказалъ изысканную любезность, а на другой день я нашелъ у себя его карточку. Пришлось отдавать визитъ. Подходя по корридору къ указанному мнѣ номеру въ гостиницѣ, я услышалъ за неплотно притворенными (вѣроятно по забывчивости) дверями звуки площадной русской брани, произносимой захлебывающимся отъ озлобленія голосомъ. Очевидно, что за дверями съ кѣмъ-то происходила словесная расправа. Я остановился въ недоумѣніи. Возвращаться назадъ и оставить карточку у швейцара было неудобно, такъ какъ онъ мнѣ категорически объявилъ, что monsieur le général дома. Пришлось, поэтому, постучать въ дверь, и предо мною предсталъ мой новый случайный знакомый, въ довольно безпорядочномъ домашнемъ туалетѣ, съ искаженнымъ раздраженіемъ лицомъ.—

„Не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, съ кѣмъ-то бесѣдовали.—Нѣтъ-съ, я одинъ! У меня никого нѣтъ, а только вы слышали вѣроятно, какъ я ругался. Покорнѣйше прошу садиться. Извините, что вы застаете у меня такой безпорядокъ, да и меня въ такомъ видѣ. Я, видите ли, укладываюсь. Это такая тоска и такъ утомительно, да и не привыкъ я къ этому совсѣмъ. Просто всю поясницу разломило! Того и смотри, что-нибудь забудешь или засунешь такъ, что потомъ, когда нужно, не найдешь. А мнѣ сердиться вредно: у меня печень больная. И вѣдь что меня раздражаетъ, такъ это то, что я самъ себѣ создалъ такое положеніе по довѣрчивости къ людямъ! Надо вамъ сказать,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ и гнѣвно раздавливая въ пепельницѣ недокуренную папиросу,—надо вамъ сказать, что у меня въ корпусѣ былъ товарищъ; на одной скамьѣ съ нимъ сидѣли, пріятелями были. Учился онъ плохо и выпущенъ былъ соотвѣтственно. Но комикъ былъ большой, умѣлъ все такъ разсказывать, что мы бывало со смѣху катаемся. Ну, конечно, дороги наши разошлись. Я, какъ вы знаете, генералъ-лейтенантъ и оставилъ губернаторскій постъ, потому что не желаю подчиняться разнымъ фантазіямъ нашего нелѣпаго правительства. А онъ служилъ себѣ въ глухой провинціи въ армейскомъ полку,—женился на какой-то захолустной барышнѣ и былъ подъ конецъ службы полковымъ казначеемъ. Заболѣла у него жена чахоткой, повезъ онъ ее за границу,—лечилъ, гдѣ возможно, дѣлалъ займы для этого. Она тянула довольно долго, но все-таки умерла. Онъ, какъ говоритъ, очень ее любилъ, былъ въ отчаяніи послѣ ея смерти, службу запустилъ, да и недочетъ кой-какой оказался во ввѣренныхъ суммахъ. Это онъ все на жену потратилъ, все надѣялся ее спасти. Товарищи помогли, недоимку пополнили, но службу все-таки пришлось оставить. Прослонялся онъ безъ дѣла, проѣлъ все, что могъ, и просто—извините за выраженіе—безъ штановъ остался. Пишетъ мнѣ, проситъ помощи или занятій. Ну я, доложу вамъ, знаете, на личную помощь не податливъ и дѣлать эти безполезныя подачки не въ моихъ принципахъ. Но новый человѣкъ по письменной части въ моемъ хозяйственномъ дѣлѣ былъ мнѣ не лишній, тѣмъ больше, что какъ-никакъ, а свой человѣкъ—товарищъ по воспитанію. Я его вызвалъ и говорю ему: коли хочешь, живи у меня на всемъ готовомъ, будешь исполнять мои порученія, да и компанію мнѣ составишь, развлечешь своей бесѣдой. А онъ—надо вамъ сказать—несмотря на все остался такимъ же комикомъ. Иногда начнетъ что-нибудь разсказывать, да въ лицахъ изображать—мертваго разсмѣшить способенъ! Такая живучая натура! Ну и ничего,—я былъ имъ доволенъ. Только въ нынѣшнемъ году собрался я за границу, да и говорю ему: поѣдемъ-ка со мною; безъ

меня тебѣ дѣлать нечего, а въ дорогѣ ты мнѣ будешь нуженъ—на желѣзной дорогѣ распорядиться, багажъ сдать, уложить и разложить вещи, за покупками сходить. Да и развлечешь меня, когда очень печень себя дастъ знать... У меня, знаете, такія бываютъ мрачныя настроенія... Все отъ печени!.. Поѣхали мы. Очень мнѣ съ нимъ было удобно и даже полезно для здоровья. Только пріѣхали мы изъ Карлсбада во Франкфуртъ. Рано-ли я кончилъ воды пить или это естественное ихъ дѣйствіе, только стало у меня расположеніе духа очень тяжелое, а онъ, словно нарочно, ходитъ какъ въ воду опущенный, молчитъ, часто отлучается неизвѣстно куда, на вопросы отвѣчаетъ неохотно, буркнетъ что-нибудь, да и замолчитъ. Только потерпѣлъ я, потерпѣлъ, да и надоѣло мнѣ переносить эту его меланхолію. Какъ-то разъ—нездоровилось мнѣ—я и говорю ему: столько ты новаго видишь и встрѣчаешь, разскажи-ка позабавнѣе объ этомъ. Видишь, у меня снова желчь разыгрывается!—Я, говоритъ, теперь ничего разсказывать не могу и забавлять тебя не стану.—Ну, братецъ,—отвѣчаю—дружба—дружбой, а служба—службой! Путешествуешь ты на мой счетъ, ѣшь, пьешь и никакихъ расходовъ не имѣешь, такъ ты долженъ понимать, что я тебя взялъ не для того, чтобы смотрѣть, какъ ты кислую рожу строишь!—И сказалъ ему я это мягко такъ, по-товарищески, только чтобы дать понять ему его обязанности. А онъ, вдругъ, точно бѣлены объѣлся! Покраснѣлъ весь, задрожалъ даже, голосъ возвысилъ, да и кричитъ запальчиво:—здѣсь, говоритъ, въ двухъ шагахъ, въ Соденѣ, моя страдалица скончалась, тутъ я ей глаза закрылъ, а ты отъ меня веселыхъ анекдотовъ требуешь! Не стану ихъ разсказывать! Довольно съ меня!—Я ему замѣтилъ, чтобы онъ не забывался и не возвышалъ голоса, когда съ нимъ говорятъ спокойно, а помнилъ для чего взятъ вообще, а за границу въ особенности. Но онъ такъ расхорахорился, что самъ плачетъ, а рукой по столу стучитъ и говоритъ: не хочу больше на побѣгушкахъ у тебя быть!..—Я этихъ штукъ не люблю, но постарался овладѣть собою—вѣдь это, хоть кого взбѣситъ—да и говорю ему: ты, любезный, не забывай, что вѣдь въ такомъ случаѣ ты и не нужнымъ можешь оказаться! А онъ еще пуще кричитъ: и окажусь! и окажусь! я самъ не хочу съ тобою ѣхать дальше и возвращаюсь въ Россію.—Я улыбнулся на эту похвальбу, да и говорю, шутя, чтобы его образумить: а на какія это средства вы изволите отправиться въ Россію?—Пѣшкомъ уйду!—кричитъ—Христовымъ именемъ питаться стану, а отъ тебя гроша не возьму. Не желаю быть больше въ тягость! Прощай!—и ушелъ въ свой номерокъ, хлопнувъ дверью. Ну, думаю, выспится—обойдется, пойметъ свое положеніе. Да и изъ

Франкфурта пора намъ уѣзжать: всѣ эти сантиментальности и прекратятся. Что же вы думаете?! На другой день оказывается, что онъ уѣхалъ, не простившись и даже ничего не написавши! Вотъ мнѣ и приходится самому сундукъ укладывать! Сколько себя помню на службѣ—этого не дѣлалъ. Всегда денщикъ или лакей этимъ занимались... Всю поясницу разломило! Иной разъ и крѣпкое слово вырвется поневолѣ... Нѣтъ-съ! въ какое положеніе онъ меня поставилъ!? Мнѣ, вѣдь, еще въ Парижъ надо ѣхать! Вотъ вамъ и дѣлайте добро людямъ! Этакая скотина! Не правда ли?...“

А. Ѳ. Кони.

МЕЛОЧИ.

I.

Запрещеніе азартныхъ игръ въ арміи княземъ Г. А. Потемкинымъ.

(Приказъ кн. Потемкина отъ 22 марта 1790 г., за № 1096).

Предписанное законами запрещеніе на всѣ азартныя игры подтверждается во всей точности. Господа корпусные и полковые командиры строго оное наблюдать имѣютъ, а здѣсь возлагается сіе наблюденіе на правящаго должность комендантскую. Если бъ явились нарушители сего запрещенія, таковыхъ брать подъ караулъ и отсылать въ гошпиталь для хожденія за больными; на гошпиталь же брать и деньги, которыя въ таковыхъ играхъ найдены будутъ.

II.

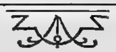
Отголоски Павловскаго режима.

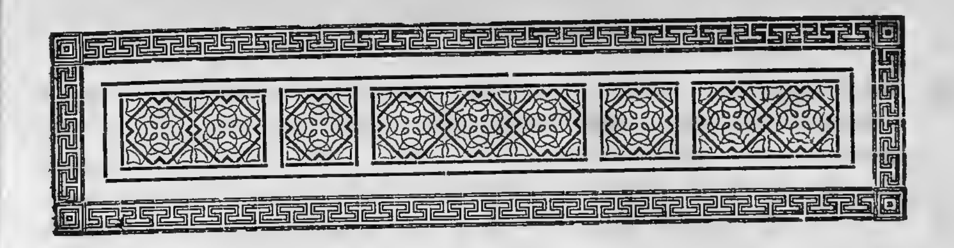
Отставки и даже выкидыванія изъ службы были явленіемъ обычнымъ въ царствованіе Императора Павла I. Естественно, что такой порядокъ вносилъ большую тревогу въ офицерскую среду за завтрашній день. Этимъ именно обстоятельствомъ должно быть объяснено появленіе нижеслѣдующаго приказа по полку.

Приказъ по гусарскому г.-м. Сухарева (нынѣ 3-му гусарскому Елисаветградскому) полку, 8 іюля 1800 г.

Въ гусарскомъ имени моего полку сыскался кто-то негодяй, скверновецъ, который распустилъ лживыя извѣстія, что будто 6 штабъ и 23 оберъ-офицера будутъ исключены, выписаны въ гарнизоны и отставлены отъ службы. Какъ таковой поступокъ клонится къ заведенію безпокойствъ между офицеровъ, разрушенію дисциплины, спокойствія и порядка всеобщаго, то долгомъ поставляю объ оной несправедливой лжи и мерзости объявить, прибавляя при томъ, что когда оный будетъ отысканъ, для примѣрнаго наказанія мною донесено будетъ Государю Императору.

Сообщилъ М. Соколовскій.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.
(1864—1909 г. г.).

ГЛАВА VII[1]).

Изъ воспоминаній о В. К. Плеве.

Другая важная причина, питающая революціонный духъ въ Россіи и подготовляющая въ будущемъ переворотъ, это — неустройство университетскаго вопроса. Вмѣсто основательнаго изученія наукъ и дѣйствительнаго распространенія въ странѣ свѣта науки и высшаго образованія, обученіе у насъ ведется крайне поверхностно и узко утилитарно: все направляется, главнымъ образомъ, къ полученію университетскаго диплома или доступа къ казенному и общественному пирогу, къ служебнымъ выгодамъ и преимуществамъ. Вмѣсто свѣдущихъ профессіональныхъ классовъ, всѣхъ видовъ, и подъема всеобщаго знанія и пытливости, у насъ вырабатывается образованный пролетаріатъ, который стремится по преимуществу лишь къ наилучшему устройству своихъ денежныхъ дѣлъ и стяжанію изъ всѣхъ общественныхъ источниковъ, а вовсе не къ полезной службѣ народу и обществу. Существующая система стипендій въ Россіи имѣетъ также одинъ неизбѣжный результатъ: притягиваетъ ко всѣмъ видамъ управленія и занятій въ странѣ преимущественно бѣдные классы съ хорошими аппетитами, но безъ соотвѣтствующихъ, нерѣдко умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Надо не забывать, что не всѣ бѣдняки родятся Ломоносовыми и являются

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

выдающимися людьми!.. Масса нежелательнаго полузнайства и низкій этическій уровень распространяется въ русскомъ обществѣ, и университетскія стѣны вмѣщаютъ въ себѣ вовсе не наилучшія силы Россіи, а часто наименѣе способныя дать хорошіе умственные и нравственные результаты!!.. Вообще нравственный уровень въ нашихъ образованныхъ классахъ замѣтно понижается...

Занятіе политикой или вмѣшательство ребятъ, учащихся въ университетахъ, въ посторонніе для нихъ государственные вопросы, обратно, напримѣръ, съ Германіей и Англіей, является, несмотря на утилитарныя цѣли поступленія въ университетъ, господствующимъ занятіемъ большинства русской молодежи; и къ стыду нашему, это привлеченіе учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ къ политикѣ, не подлежащей ихъ вѣдѣнію, вмѣсто научныхъ занятій, всегда у насъ совершалось и ведется съ полнаго одобренія всего русскаго общества, взрослыхъ членовъ его, которые въ другихъ странахъ достаточно благоразумны, чтобы обуздывать и препятствовать вмѣшательству юношей въ неподлежащую ихъ вѣдѣнію область.

Разумѣется, государство должно всѣми мѣрами стараться дать доступъ къ высшему образованію бѣднымъ классамъ, какъ и богатымъ, но это можетъ и должно совершаться лишь путемъ болѣе строгаго и тщательнаго выбора кандидатовъ на высшее образованіе и службу, нежели это дѣлается у насъ нынѣ, и какъ установлено въ большинствѣ за границей. Эгоизмъ русскаго общества и малая отвѣтственность молодежи за свои политическіе грѣхи, сравнительно съ взрослыми членами общества, которыхъ наоборотъ караютъ часто слишкомъ жестоко, толкаютъ и санкціонируютъ постоянные безпорядки въ университетахъ, которыми общество только и занимается, какъ невиннымъ развлеченіемъ съ одной стороны, а съ другой — средствомъ показать правительству кулакъ сравнительно легко и безнаказанно!!!

Что же дѣлать, какъ исправить длительное неустройство нашего университетскаго вопроса?.. Это средство проистекаетъ непосредственно изъ самаго источника указаннаго зла. Права и преимущества кончающихъ высшія учебныя заведенія должны относиться лишь къ ученію, а отнюдь не быть правами служебными или личными. *Никакихъ правъ высшія заведенія, кромѣ учебныхъ, не должны давать*, а для службы должны быть въ каждомъ вѣдомствѣ особые служебные или государственные экзамены, совершенно отличные отъ настоящихъ, несправедливо носящихъ это названіе. Прямой непосредственной связи съ университетскимъ образованіемъ, кромѣ усиленія такъ называемыхъ практическихъ занятій, государ-

ственные экзамены не должны имѣть и должны быть такъ же разнообразны, какъ занятія разныхъ служебныхъ профессій и званій.

Картина русскаго высшаго образованія значительно измѣнилась бы съ прекращеніемъ служебныхъ правъ и преимуществъ учащихся:

1) Сильно уменьшилась бы, можетъ быть, въ результатѣ численность учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (собственно въ началѣ), но и сравнительно зато усовершенствовалось бы обученіе и подготовка аспирантовъ въ чиновники, и слѣдовательно качество столь порицаемой русской бюрократіи улучшилось бы.

2) Матеріальные интересы учащихся, прикрываемые нынѣ пышными фразами о любви къ извѣстной отрасли наукъ, отошли бы на задній планъ, представители ихъ отпали бы отъ университетовъ, и получилась бы большая возможность регулировать весь строй занятій.

3) Измѣнилось бы мнѣніе и взгляды общества на безнаказанность и невинность всякой политической пропаганды въ стѣнахъ университета, что способствуетъ нынѣ нескончаемымъ безпорядкамъ, отвлекающимъ отъ занятій.

Черезъ рѣшительную отмѣну всякихъ правъ и преимуществъ, наконецъ, уменьшилось бы число поводовъ къ недовольству молодежи и общественное возбужденіе, постоянно реагирующее на всѣ эти безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а послѣднее время даже и въ среднихъ. Укажу, напримѣръ, на экзаменъ, нынѣ имѣющій важныя служебныя послѣдствія, какъ на таковой поводъ недовольства учащихся.

Послѣ всего указаннаго и развитаго въ моей рѣчи гораздо подробнѣе, В. К. Плеве, выслушавши меня со вниманіемъ, заявилъ, что въ сущности или въ принципѣ, онъ вполнѣ со мной согласенъ и даже собирается просить меня объ одной работѣ въ связи съ этой темой, когда я покончу все мое сообщеніе. Онъ также, конечно, какъ я, твердо увѣренъ, что неустройство университетской жизни даетъ пищу развитію у насъ революціоннаго духа и подготовляетъ двигателей всѣхъ будущихъ смутъ, поддерживая и распространяя въ то же время въ народѣ недовольство чуть ли не каждой мѣрой правительства. Но, разумѣется, это не можетъ измѣниться скоро или сразу, а лишь постепеннымъ путемъ—поднятіемъ образовательнаго ценза чиновниковъ и, какъ я правильно замѣтилъ, устройствомъ настоящихъ государственныхъ экзаменовъ для доступа на разнообразные виды государственной службы. На первый разъ, сказалъ Плеве, онъ хочетъ поднять образованіе чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ устройствомъ для нихъ спеціальныхъ госу-

дарственныхъ экзаменовъ разныхъ видовъ и вотъ по этому-то вопросу, разъ я интересуюсь имъ, онъ и думаетъ въ скоромъ будущемъ попросить моей помощи...

Послѣ этой части моего доклада или сообщенія послѣдовалъ маленькій антрактъ, во время котораго мы пили чай, принесенный въ кабинетъ, и на нѣсколько минутъ отвлеклись отъ занятій воспоминаніями о разныхъ моментахъ нашихъ встрѣчъ и жизни. При этомъ неизбѣжно былъ помянутъ А. И. Чупровъ, и Министръ задалъ мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ нѣсколько вопросовъ относительно того, что мнѣ извѣстно о его тогдашней жизни и занятіяхъ. Затѣмъ я перешелъ прямо, по приглашенію Министра, къ изложенію послѣдней части моего предположеннаго доклада—о евреяхъ.

Третью важную причину общаго неустройства въ Россіи и подготовки къ революціи, утверждалъ я, составляетъ неестественное, ненормальное, по моему крайнему убѣжденію, положеніе евреевъ въ Россійской Имперіи. Извѣстныя обязанности должны сопровождаться и соотвѣтствующими правами, и это банальное по своей общепризнанности правило у насъ совершенно не соблюдается въ примѣненіи евреямъ; они несутъ по отношенію государства почти тѣ же самыя обязанности и тягости, какъ и всѣ остальные русскіе подданные: платятъ, напримѣръ, налоги, въ томъ числѣ наиболѣе тяжелый видъ изъ нихъ—налогъ крови, отправляютъ воинскую повинность, отвѣчаютъ такъ же по закону за всѣ свои дѣйствія и нарушенія, какъ и всѣ русскіе, а между тѣмъ ихъ гражданскія и личныя права во многихъ случаяхъ не только ограничены, но даже прямо урѣзаны, по сравненію даже съ низшими по культурѣ и религіи племенами, какъ язычники — шаманисты и т. п. Самое важное право—свобода передвиженія и свобода жизни на значительной части страны для нихъ ограничено мѣстностями „осѣдлости“ и избѣгнуть этого ограниченія можно лишь обходомъ закона!.. Что же удивляться послѣ этого многочисленнымъ со стороны евреевъ нарушеніямъ законовъ, гдѣ это только возможно, и распространенному чувству обиды, зависти и даже злобы противъ своихъ согражданъ, несправедливо поощряемыхъ и награждаемыхъ государствомъ, которое для евреевъ большею частью является лишь сплошь злой мачихой!..

Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, что вышеуказанныя, какъ и многія другія ограниченія и факты безправія у насъ евреевъ вызываются и оправдываются тѣмъ чрезвычайнымъ вредомъ и непосильной конкуренціей, которую евреи во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно экономическомъ, дѣлаютъ коренному населенію—русскимъ и всѣмъ другимъ согражданамъ. По своимъ высшимъ-де практическимъ спо-

собностямъ, хитрости, изворотливости, коммерческому духу, а часто даже безчестности и духу солидарности, кагальности ихъ связующей, евреи вездѣ выигрываютъ и берутъ верхъ, утѣсняя простаковъ-русскихъ и выжимая изъ нихъ соки. Расширеніе правъ евревъ, утверждаютъ, неминуемо уничтожило бы послѣднія препоны къ ихъ стяжанію и закабалило бы все русское населеніе въ пользу еврейскихъ эксплоататоровъ. Даже теперь, несмотря на всѣ ограниченія, значительная часть источниковъ богатства въ Россіи, не говоря о денежномъ капиталѣ, находится въ рукахъ сыновъ Израиля. Уравненіе въ правахъ на жительство и пріобрѣтеніе земель немедленно перевело бы все, утверждаютъ, въ руки евреевъ и сдѣлало бы русскихъ ихъ покорными рабами...

Находя даже всѣ указанныя возраженія противъ еврейскаго равноправія до сихъ поръ въ значительной степени нелишенными справедливости, я тѣмъ не менѣе считаю, сказалъ я Министру, что такое положеніе вещей никакъ не можетъ продолжаться вѣчно и ему долженъ быть положенъ конецъ прежде всего путемъ постепеннаго по возможности *поднятія шансовъ экономической конкуренціи со стороны русскаго населенія, развитіемъ широкаго образованія и воспитанія народа*!. Мы же поступаемъ, какъ разъ наоборотъ: ограничиваемъ всячески школьныя права евреевъ, а сами двигаемся по-черепашьи!!.. Самое святое право человѣка—это его право на просвѣщеніе, на расширеніе его умственнаго кругозора. Если еврейскій народъ такъ рвется и стремится къ образованію (хотя и побуждаемый отчасти практическими соображеніями), и это почтенное качество вызываетъ съ нашей стороны ограниченія доступа для евреевъ въ школы лишь извѣстнымъ процентомъ, то такого рода государственная мѣра является въ сущности не только явной нелѣпостью, но даже вопіющей безсмыслицей!!? *Стремленіе къ образованію всегда и вездѣ поощряется*, а тутъ наоборотъ, въ нашемъ отечествѣ, оно самыми рѣшительными мѣрами сдерживается!?.. Не было ли бы гораздо справедливѣе и дѣйствительнѣе, если бы государство всѣми возможными способами, своею властью и деньгами, содѣйствовало скорѣйшему расширенію и распространенію самаго большого спроса на образованіе со стороны русскаго народа, а не уничтожало подобное же стремленіе у другого народца, относительно немногочисленнаго? Подобная политика прежде всего самоубійственна, ибо, задерживая ограниченіями такого рода образованіе у евреевъ, она уменьшаетъ его косвенно и у русскихъ, *ослабляя конкуренцію* и лишая Россію многихъ способныхъ ученыхъ и профессоровъ и представителей другихъ занятій, которые могли бы у насъ получиться изъ

лицъ Моисеева закона. Многія лица изъ моихъ учениковъ этой вѣры, которые были бы лучшимъ украшеніемъ ученыхъ силъ любого университета, нынѣ въ скудной умственными силами Россіи украшаютъ лишь банковыя конторы и всякіе гешефты!!!.. Евреи особенно опасны до настоящаго времени были въ такихъ профессіяхъ, какъ ростовщики, закладчики, торговые посредники и т. п., и между тѣмъ всѣ эти профессіи остались въ рукахъ евреевъ, а цѣлый рядъ совершенно безвредныхъ занятій является для нихъ въ Россіи запрещенными или стѣсненными!.. Спрашивается, кто въ этомъ виноватъ?!..

Всѣ подобнаго рода соображенія и аргументы мною приводились въ сообщеніи передъ Плеве въ пользу моей главной идеи—о необходимости *постепеннаго расширенія правъ евреевъ.* Государство не можетъ остановиться на вѣчныя времена на теперешнемъ крайне несправедливомъ и невыгодномъ для евреевъ порядкѣ: оно обязано въ самыхъ существенныхъ своихъ интересахъ единовременно съ одной стороны стараться поднять образованіе и развитіе и способности русскаго народа (включая, конечно, сюда и другія народности, населяющія Россію), а съ другой единовременно снимать съ евреевъ тяжелыя ограниченія старыхъ законовъ, заставляющихъ насъ по справедливости бранить и ненавидѣть во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Лишь тогда можно разсчитывать на благоустройство и порядокъ въ странѣ, когда признается въ ней хоть элементарная справедливость, взаимоотношеніе правъ и обязанностей, и когда всѣ этнографически и религіозно различныя народности въ странѣ пользуются примѣрно одинаковыми гражданскими правами, а не являются, безъ всякаго положительнаго основанія, случайными пасынками своей родины!!..

Слушая мою довольно горячую реплику въ пользу установленія равноправія евреевъ, я замѣтилъ, Плеве нѣсколько разъ улыбнулся, и я предположилъ въ своей головѣ, что это произошло вслѣдствіе нѣкоторой, можетъ быть, наивности или слабости моей аргументаціи въ пользу защищаемаго вопроса. Но къ моему великому удовольствію, едва я кончилъ, Вячеславъ Константиновичъ немедленно замѣтилъ, что „я вполнѣ согласенъ со многимъ, что вы сказали о евреяхъ, и вы, вѣроятно, удивитесь, когда я вамъ скажу: всѣ меня почему-то считаютъ юдофобомъ, тогда какъ скорѣе меня слѣдуетъ назвать юдофиломъ; я съ дѣтства знаю евреевъ и уважаю ихъ за многія почтенныя качества. Когда я учился въ дѣтствѣ въ Варшавской гимназіи, то лучшими моими друзьями были евреи, и я о нихъ сохранилъ наилучшія воспоминанія... Если мнѣ, въ качествѣ Товарища Министра, въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ пришлось дѣйствовать противъ евреевъ, то не надо забывать, что я былъ тогда исполни-

телемъ чужихъ распоряженій, а затѣмъ законъ вообще не долженъ ломать жизни и опережать ее"...

„Въ заключеніе", сказалъ Министръ, „я очень, очень благодаренъ вамъ, Иванъ Ивановичъ, за Вашу мысль побесѣдовать со мной по государственнымъ вопросамъ и сообщить мнѣ плоды Вашихъ интересныхъ думъ на чужбинѣ. Изъ трехъ тезисовъ, вами выставленныхъ въ Вашемъ сообщеніи, на первый планъ, по справедливости, Вы поставили рабочій вопросъ. Съ него я и приступлю къ дѣлу, сказалъ Министръ, „въ нашемъ союзѣ и сговорѣ"—выразился онъ со смѣхомъ. Нельзя ничего сдѣлать изъ предположеннаго вами, пока всѣ рабочіе не будутъ въ моемъ вѣдомствѣ, а потому я приступлю немедленно къ хлопотамъ о переводѣ фабричной инспекціи изъ вѣдомства Министерства Финансовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ".

„Кромѣ того вы, конечно, не должны остановиться въ началѣ столь интереснаго и существеннаго для Россіи дѣла и не откажетесь отъ помощи мнѣ въ будущемъ; надѣюсь, мы будемъ съ Вами по-прежнему друзьями. Начнемъ желательное преобразованіе чиновничества съ устройства настоящихъ государственыхъ экзаменовъ для главнѣйшихъ отраслей службы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Для этой цѣли я Вамъ сообщу кое-какой матеріалъ и въ другое наше свиданіе мои мысли. Постепенно Вы ихъ разработаете, совѣщаясь со мной: надѣюсь, Вы не откажетесь отъ этой первой работы. Очень, очень благодарю Васъ за посѣщеніе и бесѣду... Я хорошо знаю, какъ вы съ этого начали, что Вамъ никакого вознагражденія за Вашъ трудъ не надо, но мы будемъ трудиться изъ любви къ дѣлу... Еще разъ благодарю Васъ и до скораго свиданія!"

Такъ закончилась моя первая бесѣда съ Министромъ по государственнымъ вопросамъ, относительно которыхъ мнѣ вздумалось съ нимъ подѣлиться мыслями...

Со времени описаннаго посѣщенія и моего доклада, возобновились довольно дѣятельныя отношенія мои къ В. К. Плеве и довольно частыя свиданія. Нѣсколько мѣсяцевъ (всю зиму и весну 1902—3 г.) я видался съ нимъ нерѣдко ради совѣщанія и бесѣды по поводу приготовляемаго мною проекта государственныхъ экзаменовъ, вслѣдствіе его порученія. Вячеславъ Константиновичъ всегда принималъ меня немедленно, какъ только я появлялся, если былъ дома и свободенъ: иначе же поручалъ сказать, когда можетъ принять меня для бесѣды или заранѣе назначалъ для того время. Позднѣе, когда мы, такъ сказать, привыкли болѣе другъ къ другу, и онъ къ моимъ посѣщеніямъ, я обращался къ нему нерѣдко съ просьбами исключительно, такъ сказать, филантропическаго характера, т. е. просилъ или пред-

ходатайствовалъ о какомъ-нибудь лицѣ, потерпѣвшемъ отъ тогдашняго стараго полицейскаго режима, напримѣръ, заключеннаго подъ стражу или высланнаго и т. п. Надо отдать полную справедливость, Министръ всегда очень снисходительно и любезно выслушивалъ мою просьбу и часто удовлетворялъ ее: были случаи, когда я самъ по болѣзни не могъ явиться для этой доброй цѣли, тогда за меня являлась моя жена, и онъ одинаково любезно принималъ и выслушивалъ ее, удовлетворяя нѣсколько разъ наши ходатайства за пострадавшихъ.

Примѣрно въ мѣсяцъ или два времени я познакомился бѣгло по книгамъ и документамъ съ вопросомъ о государственныхъ экзаменахъ и составилъ краткій первоначальный планъ проекта экзаменовъ, при чемъ нѣсколько разъ видѣлся съ Плеве и измѣнялъ планъ въ ту или другую сторону. Наконецъ къ веснѣ 1903 года я приготовилъ этотъ проектъ, при чемъ въ отдѣльныхъ частяхъ, въ примѣненіи къ Россіи, по требованію Министра, онъ нѣсколько разъ передѣлывался и измѣнялся. Наконецъ, помнится мнѣ, въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, при свиданіи со мной, Вячеславъ Константиновичъ объявилъ, что въ общихъ чертахъ проектъ, мною составленный, достаточенъ для его цѣлей, и я могу покончить свою работу въ виду своего скораго отъѣзда за границу.—При удобномъ случаѣ онъ воспользуется моей работой, чтобы пустить дѣло въ ходъ, и тогда, конечно, будетъ безпокоить меня опять.

При одномъ изъ послѣднихъ въ этомъ году свиданій, Министръ просилъ указать или рекомендовать ему лицо, пригодное для статистическихъ работъ, которому онъ хотѣлъ бы поручить собраніе и обработку матеріала по фабрично-заводскому вопросу, необходимаго для будущихъ реформъ по этому вопросу. Почти не колеблясь, я ему указалъ какъ на такое лицо, на извѣстнаго автора многихъ книгъ по рабочему вопросу, доктора Александра Васильевича *Погожева*, который кстати былъ въ то время безъ работы. Министръ просилъ его прислать къ себѣ, что въ скорѣйшемъ времени, переговоривши съ Погожевымъ, я и сдѣлалъ. Какъ извѣстно, онъ былъ принятъ на службу въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ исполнилъ свою обширную работу о подсчетѣ рабочихъ въ Россіи, впослѣдствіи напечатанную, по моей же рекомендаціи, Академіей Наукъ.

Перейду теперь къ краткому изложенію моей важнѣйшей работы для Плеве—краткаго проекта государственныхъ экзаменовъ для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ, если фактическая часть проекта, напримѣръ, всѣ справки по иностраннымъ законодательствамъ принадлежатъ мнѣ, то части его, относящіяся къ

предполагаемому устройству экзаменовъ въ Россіи, въ значительной степени, принадлежатъ также и Министру. Перечитывая вмѣстѣ со мной этотъ проектъ, Плеве вставлялъ то ту, то другую мысль или просилъ объ измѣненіи, такъ что я по совѣсти въ настоящее время не знаю, какая мысль въ данномъ отдѣлѣ принадлежитъ мнѣ, какая ему, т. е. сообщена въ сущности имъ, а мною только изложена.

Вотъ вкратцѣ, въ немногихъ словахъ, содержаніе этого любопытнаго проекта.

Стараніе привлечь на службу въ вѣдомство Внутреннихъ Дѣлъ подготовленныхъ и пригодныхъ лицъ составляло всегда усиленную заботу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но къ сожалѣнію эта цѣль достигалась въ весьма малой степени, во-первыхъ, потому что въ Россіи вообще число лицъ, получившихъ высшее образованіе, незначительно, и во-вторыхъ, далеко не всѣ лица, имѣющія даже дипломъ высшаго учебнаго заведенія, въ сущности подготовлены достаточно для той разнообразной дѣятельности, которая входитъ въ кругъ заботъ Министерства и его компетенціи; наконецъ, юридическіе факультеты, поставляющіе главнымъ образомъ чиновниковъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, вызываютъ послѣднее время неоднократныя нареканія, вмѣстѣ съ указаніемъ на необходимость желательныхъ измѣненій въ постановкѣ всего юридическаго образованія. Достаточно припомнить отвѣтъ Министра Юстиціи въ 1902 г. на запросъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, генерала Ванновскаго.

Наконецъ, сами требованія отъ чиновъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ ходомъ жизни и разсмотрѣніемъ разнообразныхъ обязанностей и заботъ о народномъ благоустройствѣ и благосостояніи, не могутъ удовлетвориться существующими программами высшихъ учебныхъ заведеній, не говоря о чисто технических и спеціальныхъ частяхъ управленія вѣдомства (какъ почтово-телеграфная служба, медицинскій департаментъ, жандармскій корпусъ, и т. д.). Какъ на общей службѣ въ центральномъ управленіи министерства, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ, требуется отъ служащихъ столько разнообразныхъ свѣдѣній и познаній, которыя не укладываются въ однѣ и тѣ же рамки программы любого учебнаго заведенія. На юридическомъ факультетѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ Министерства, отсутствуютъ многія научныя дисциплины, съ нужными для чиновника вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣніями и, наоборотъ, имѣется много излишнихъ. Напримѣръ, полицейское и административное право представлено въ университетахъ большей частью не съ должной полнотой и обстоятельностью, которыя желательны для чиновниковъ этого вѣдомства.

Въ виду подобныхъ же соображеній когда-то были заведены особые, такъ называемые камеральные факультеты въ университетахъ, но по многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь излишне, эти факультеты, за исключеніемъ немногихъ нѣмецкихъ университетовъ, повсюду закрылись, въ виду, главнымъ образомъ, разнородности требованій для слушателей и отдѣленій. Вмѣсто того, въ настоящее время, главный способъ рѣшенія вопроса улучшенія состава чиновниковъ вѣдомства Внутреннихъ Дѣлъ, всюду во всѣхъ странахъ, заключается въ установленіи спеціальныхъ государственныхъ экзаменовъ, которымъ вездѣ въ Европѣ должны подвергаться всѣ лица, за тѣми или иными исключеніями, желающія поступить на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Эти спеціальные служебные экзамены даютъ возможность Министерству строго опредѣлить тотъ уровень и родъ познаній, который оно желаетъ требовать отъ кандидатовъ на свои должности и общее образованіе которыхъ для данной цѣли оно считаетъ необходимымъ.

Государственные экзамены въ разныхъ странахъ Европы достигли разной степени развитія, но вездѣ, гдѣ они имѣютъ мѣсто, существованіе такихъ экзаменовъ обыкновенно связано съ отсутствіемъ служебныхъ правъ путемъ одного лишь окончанія курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Каждый желающій служить обязанъ, по окончаніи курса, помимо университетскаго экзамена, сдать этотъ государственный. Лишь одна Франція вмѣстѣ съ Россіей, за нѣкоторыми исключеніями (судебныхъ, дипломатическихъ, консульскихъ должностей), держатся иной политики, довольствуясь однимъ университетскимъ экзаменомъ, и въ обѣихъ странахъ этотъ порядокъ вызываетъ большое осужденіе. Правда, у насъ въ Россіи, какъ извѣстно, существуетъ подъ именемъ государственнаго экзамена остатокъ испытаній для нѣкоторыхъ предметовъ, введенный университетскимъ уставомъ 1884 года, но онъ вовсе по существу не является экзаменомъ служебнымъ, а лишь представляетъ незначительное видоизмѣненіе формы прежнихъ испытаній. Особыя испытанія имѣются у насъ лишь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и для кандидатовъ на судебныя должности въ Министерствѣ Юстиціи и нѣкоторыхъ иныхъ спеціальныхъ должностей. Въ истинномъ смыслѣ служебнаго государственнаго экзамена, какъ общее правило, у насъ нѣтъ, хотя потребность и давно созрѣла.

Второй отдѣлъ моей записки о государственныхъ экзаменахъ, составленный для Плеве, содержитъ справку объ иностранныхъ законодательствахъ по данному предмету, т. е. о государственныхъ экзаменахъ, составленную мной, отчасти руководствуясь для того самими законами по этому поводу разныхъ странъ Германіи и въ

Англіи, отчасти пользуясь спеціальнымъ изслѣдованіемъ профессора Н. О. Куплевасскаго [1]).

Опираясь на примѣръ или опытъ перечисленныхъ странъ и главнѣйшія особенности законодательствъ объ ихъ служебныхъ экзаменахъ, я выводилъ заключеніе о безусловной важности и необходимости организаціи такихъ же служебныхъ испытаній для чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ Россіи, приноравливаясь къ особенностямъ требованія русской жизни, такъ какъ новизна дѣла и отсутствіе у насъ, за немногими указанными исключеніями, служебныхъ экзаменовъ, прежде всего вынуждаютъ отнестись въ своихъ требованіяхъ къ экзаменующимся съ большей снисходительностью, чѣмъ это дѣлается въ другихъ странахъ Европы, особенно въ Германіи и Англіи. У насъ приходится ограничиваться, конечно, лишь немногими важнѣйшими науками, знаніе коихъ наиболѣе существенно для ближайшихъ задачъ и цѣлей вѣдомства, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; мало того, у насъ, по недостатку распространенности образованія, нельзя ограничивать доступъ служебнаго экзамена Министерства Внутреннихъ Дѣлъ лишь одними лицами высшаго образованія и желательно расширить этотъ кругъ, предоставивъ доступъ также лицамъ съ среднимъ образованіемъ. Помимо вообще недостатка у насъ подготовленныхъ чиновниковъ для нуждъ Министерства, въ особенности въ провинціи, пониженіе требованій доступа на службу со среднимъ образованіемъ оправдывается у насъ и иными государственными соображеніями, а именно благодаря этой мѣрѣ, позволительно думать, уменьшится также и безполезный наплывъ и переполненіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, особенно университетовъ, разъ доступъ на службу окончившихъ ихъ будетъ уравненъ съ средними учебными заведеніями. Всѣмъ извѣстно, что причиной у насъ переполненія въ значительной степени является не столько жажда знаній, сколько простое желаніе получить необходимый для службы дипломъ и связанныя съ нимъ права. Точно также, въ силу отчасти указанныхъ условій нашей государственной жизни, едва-ли у насъ является желательнымъ и необходимымъ *двойной* служебный экзаменъ, принятый во всѣхъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи. У насъ, во-первыхъ, безъ того всѣ кончающіе въ университетахъ подвергаются экзамену, и повтореніе его въ формѣ второго, служебнаго экзамена, было бы очень затруднительно. Итакъ, экзаменъ для чиновъ Мини

[1]) „Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствительномъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Цислейтанской Австріи". Н. О. Куплевасскій, Харьковъ, 1888.

стерства Внутреннихъ Дѣлъ, согласно проекту, долженъ быть въ Россіи *лишь одинъ* и по возможности въ срокъ не слишкомъ отдаленный отъ окончанія курса (напримѣръ, два года).

Служебный или государственный экзаменъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ достаточно ограничить, кромѣ новыхъ иностранныхъ языковъ, обязательныхъ только для центральнаго управленія, лишь слѣдующими четырьмя предметами:

1. Полицейское и административное право, какъ теорія, такъ и практика.
2. Политическая экономія. Экономическая политика съ финансовымъ правомъ.
3. Русское государственное право.
4. Статистика.

Знакомство съ иностранными языками для многихъ чиновниковъ очень желательно, но благодаря неудовлетворительности у насъ постановки ихъ преподаванія и трудности подготовки, проектъ ограничился требованіемъ ихъ исключительно лишь для Петербурга и центральнаго управленія и къ главнымъ иностраннымъ языкамъ я добавилъ еще два, шведскій и финскій, въ виду важности знакомства съ этими языками, какъ мѣстными для Финляндіи.

Далѣе проектъ довольно подробно разрабатываетъ и установляетъ внѣшнюю организацію экзаменовъ, придерживаясь различныхъ требованій и пріемовъ для Петербурга и губернскихъ учрежденій (провинціи). Для перваго, при одинаковыхъ по существу требованіяхъ, предположена была конкурсная система экзаменовъ, т. е. проходить должны были исключительно болѣе выдающіеся экзаменующіеся, и, наконецъ, для губернскихъ учрежденій и провинціи—обыкновенный экзаменъ безъ состязанія и безъ обязательнаго знакомства съ какими-нибудь иностранными языками.

Въ заключеніе проектъ содержитъ подробности, или детали организаціи экзаменаціонныхъ комиссій, устройство ихъ періодическихъ сессій, оцѣнки отвѣтовъ на экзаменахъ, и балльную систему для выраженія этой оцѣнки. Конкурсный экзаменъ опредѣляется суммой балловъ, простой же экзаменъ извѣстнымъ размѣромъ балла. Въ заключеніе, государственный экзаменъ существуетъ исключительно для среднихъ должностей, и именно для лицъ, занимающихъ должности съ IX по V классъ, при чемъ канцелярскіе чиновники данному испытанію не подвергаются, а равно и высшіе чины отъ нихъ избавлены. Назначенія выше V класса слѣдуютъ по достоинствамъ лица, опредѣляемымъ высшимъ начальствомъ, но не внѣшнимъ оказательствомъ извѣстныхъ познаній, или не по экзамену. Для техническихъ отдѣловъ Министерства, какъ почты, телеграфа и пр.,

устанавливается особый экзаменъ съ особыми требованіями, или временно ограничиваются для принятія на службу лишь дипломами соотвѣтствующихъ *спеціальныхъ учебныхъ заведеній.*

Такова сущность составленнаго мной, совмѣстно съ указаніями Вячеслава Константиновича, проекта. Послѣ нѣсколькихъ разъ его прочтенія по частямъ и въ цѣломъ, я его передалъ Министру, и уже болѣе мнѣ не пришлось о немъ слышать, хотя я видѣлся съ Плеве еще нѣсколько разъ по разнымъ поводамъ. По поводу его, на мои дальнѣйшіе вопросы онъ отвѣчалъ, что при ближайшей возможности дастъ ему ходъ, но теперь-де другія болѣе настойчивыя нужды мѣшаютъ имъ заниматься.

Осенью 1903 года, вернувшись изъ продолжительной, почти полугодовой командировки за границу, я нашелъ записку отъ А. В. Погожева, что, по порученію Вячеслава Константиновича Плеве, онъ мнѣ спѣшитъ сообщить, что Министръ желаетъ со мной поговорить объ одномъ дѣлѣ, могу ли я его принять въ ближайшую среду, между 3—4-мя, у себя?.. Я, разумѣется, немедленно отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ его видѣть, и самъ собирался къ нему явиться,чтобы побесѣдовать о разныхъ вопросахъ, и что буду ждать его въ квартирѣ въ назначенное время. Когда въ указанное время пріѣхалъ Вячеславъ Константиновичъ, то его приняла моя жена и пригласила къ себѣ въ кабинетъ выпить чашку чая или кофе, на что онъ охотно согласился, такъ какъ это обычное наше время four o'clock tea. Онъ поблагодарилъ и пожелалъ именно кофе, питьемъ котораго и занялся, бесѣдуя съ нами о разныхъ матеріяхъ. Наконецъ, онъ послѣ кофе перешелъ къ причинѣ своего визита и сообщилъ намъ съ женой, потому что моя жена все время оставалась тутъ же по его желанію, слѣдующее:

„*Я задумалъ широкое преобразованіе моего вѣдомства,* въ которомъ отчасти въ прошломъ году Вы приняли участіе выработкой экзаменаціонной программы. Между прочимъ я думаю *измѣнить значительно положеніе вопроса о рабочемъ законодательствѣ.* Во-первыхъ, всѣ свѣдѣнія и законодательства о рабочихъ всякаго рода сосредоточить исключительно въ одномъ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отъ Министерства Финансовъ и изъ другихъ вѣдомствъ все относящееся до рабочихъ должно перейти въ особый отдѣлъ, или Департаментъ Труда, который будетъ состоять при моемъ вѣдомствѣ внутренняго управленія. По причинамъ, которыя излишне объяснять, вѣдомство наше не пользуется отнюдь популярностью, а потому этотъ будущій Департаментъ непремѣнно будетъ самостоятельнымъ; глава его будетъ хотя числиться по службѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но получитъ право самостоятельнаго доклада Госу-

дарю. Все, конечно, у насъ надо дѣлать постепенно, чтобы никого не пугать, а потому я предполагаю начать преобразованіе съ Центральнаго Статистическаго Комитета, который надо именно сдѣлать постепенно *центральнымъ вѣдомствомъ для труда,* но пока, безъ этого названія, а со старымъ его именемъ. Мало по малу, я думаю, *возможно расширить права рабочихъ и удовлетворить многія ихъ требованія.* Многое будетъ зависѣть отъ дѣятельности главы этого учрежденія, Центральнаго Комитета, который въ дѣйствительности будетъ—Центральнымъ Бюро Труда. Я пріѣхалъ къ Вамъ, чтобы сдѣлать именно предложеніе, не хотите ли стать во главѣ этого учрежденія, предсѣдателемъ или директоромъ Бюро Труда, именуемаго до поры до времени Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ?! Вы, по моему мнѣнію, наиболѣе подходящее лицо для этой обязанности по своимъ знаніямъ и по прежней памяти о Вашей дѣятельности".

Я поблагодарилъ Министра за доброе мнѣніе и заявилъ, что необходимо подумать, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. Въ то же время, полушутя, полусерьезно я спросилъ его, извѣстна ли ему, какъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, та по истинѣ удивительная бумага московскаго генералъ-губернатора о моей будто бы конспиративной дѣятельности, въ качествѣ члена Московскаго Юридическаго Общества и Московскаго Профессора, которая взводитъ на меня цѣлую кучу небылицъ и обвиненій самаго крайняго свойства..?!

В. К. Плеве объявилъ, что онъ ничего не знаетъ объ этой бумагѣ (отношеніе московскаго генералъ-губернатора отъ 14 января 1903 г. за № 128), и поинтересовался на нее взглянуть. Тогда я подалъ ему номеръ извѣстнаго за границей изданія „Освобожденіе" 1903 г., № 6, гдѣ онъ со смѣхомъ и восклицаніями ироніи прочелъ статью по данному поводу и передалъ мнѣ ее обратно безъ всякихъ комментарій, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смущенный. Затѣмъ мы простились, при чемъ онъ просилъ меня въ ближайшіе дни обдумать сдѣланное предложеніе и отвѣтить ему письменно, „да" или „нѣтъ" и ждать терпѣливо результата, въ виду многихъ чиновничьихъ волокитъ, не отъ него зависящихъ...

Черезъ два дня я отвѣтилъ ему утвердительно, что я согласенъ принять его предложеніе въ интересахъ дѣла, а что размѣръ вознагражденія, о которомъ онъ упоминалъ во время свиданія, не играетъ для меня серьезной роли.

Послѣ этого прошло продолжительное время, и я не видѣлъ и не слышалъ ничего о Вячеславѣ Константиновичѣ, при чемъ онъ нѣсколько разъ выѣзжалъ на продолжительные сроки изъ Петербурга. Наконецъ, уже въ концѣ декабря мѣсяца, я узналъ случайно

о предполагаемомъ вскорѣ назначеніи совсѣмъ другого лица на должность, о которой со мной говорилъ Плеве, и что никакихъ слуховъ о движеніи дѣла въ смыслѣ основанія у насъ Департамента Труда не имѣется, тогда я обратился уже письменно съ просьбой сообщить, въ какомъ смыслѣ рѣшился его планъ по рабочему вопросу? Я получилъ въ отвѣтъ короткое письмо, что къ сожалѣнію, *внѣ его воли,* дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, и предложеніе его, сдѣланное мнѣ, приходится взять назадъ противъ его-де желанія...

Такимъ образомъ, къ моему, можетъ быть, личному благополучію, не состоялся планъ, составленный Вячеславомъ Константиновичемъ, который въ принципѣ, мнѣ кажется, несомнѣнно оказался бы небезполезнымъ, при его осуществленіи, для предупрежденія многихъ эксцессовъ и крайностей въ эпоху освободительнаго движенія 1905 г. и ближайшаго къ тому времени. Мнѣ представляется, что если бы рабочіе въ то время, какъ думалъ и говорилъ объ этомъ Министръ, получили дѣйствительно нѣкоторыя права имъ желательныя, союзовъ, сговоровъ и т. п., то это *явилось бы въ значительной степени предохранительнымъ клапаномъ противъ крайнихъ требованій ихъ послѣдующаго революціоннаго настроенія* и *способствовало бы болѣе мирному ходу и рѣшенію нашего рабочаго вопроса...*

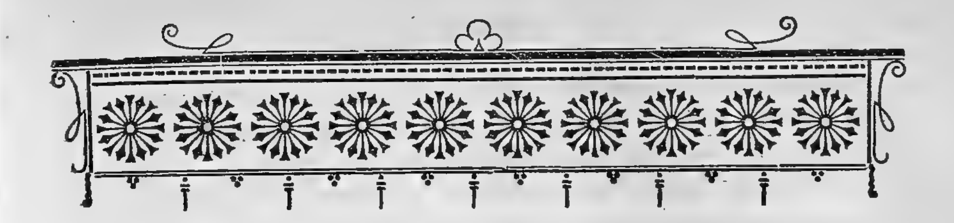
Какъ бы ни толковать планъ, изложенный мнѣ покойнымъ Министромъ, считать ли его вполнѣ искреннимъ выраженіемъ мнѣній Вячеслава Константиновича, которое онъ не могъ осуществить по чисто независящимъ отъ него обстоятельствамъ, или же допустить предположеніе, какъ нѣкоторые мои пріятели дѣлаютъ, что, узнавши отъ меня же о неблагопріятныхъ обо мнѣ, хотя и очевидно ложныхъ сужденіяхъ въ извѣстныхъ кругахъ, Плеве не захотѣлъ рисковать и устранилъ самый планъ моей кандидатуры и вмѣстѣ основаніи Департамента Труда, въ самомъ же началѣ, и до его исполненія; все это можетъ быть, но нѣтъ сомнѣній также, что жестокая рука убійцы, положившая конецъ жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго Министра, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, привела къ послѣдствіямъ, *совершенно противоположнымъ съ его ожиданіями:* Россія, я убѣжденъ, лишилась черезъ это мирнаго и благополучнаго разрѣшенія многихъ трудныхъ вопросовъ, удручающихъ ее до сихъ поръ, какъ тѣ три вопроса, разбираемые мной въ присутствіи Министра и описанные при аудіенціи у него весной 1902 года. Вопросы—рабочій, университетскій и еврейскій, какъ извѣстная тройка изъ басни Крылова—„Лебедь, Ракъ и Щука“, не подвинулись съ тѣхъ поръ вѣдь ни на іоту впередъ, благодаря ужасной катастрофѣ съ В. К. П., вызванной революціей!!...

Мои дальнѣйшія сношенія съ Плеве исключительно вращались

на помощи разнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ крутыхъ дѣйствій полиціи, и я долженъ отдать справедливость, что во многихъ случаяхъ Плеве относился очень гуманно и добро къ моимъ въ этихъ случаяхъ ходатайствамъ, хотя я нахожу неудобнымъ, разумѣется, называть по именамъ лицъ, о которыхъ мнѣ приходилось просить и предстательствовать. Затѣмъ, не смущаясь нисколько косыми взглядами многочисленныхъ недоброжелателей несчастнаго Министра, я, не получавшій отъ него лично никакихъ выгодъ, или пріобрѣтеній, вполнѣ откровенно признаюсь, что съ глубокимъ прискорбіемъ вспоминаю о преждевременной кончинѣ этого способнаго и талантливаго государственнаго человѣка!.. Къ глубокой потерѣ для Россіи, онъ не успѣлъ принести ей той обширной пользы, которую былъ намѣренъ и могъ бы навѣрное оказать, при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Иванъ Янжулъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

Статья *Ф. В. Духовникова*, съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Лебедева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Насколько намъ извѣстно, писать первую подробную біографію Н. Г. Чернышевскаго задумалъ покойный Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ.

Духовникову принадлежитъ почтенное мѣсто въ ряду изслѣдователей саратовской старины; его дѣятельность выразилась въ работахъ по археологіи и исторіи края, имѣющихъ большое значеніе для изученія Саратовской губерніи. Но особенно велики заслуги Ф. В. по части изученія того матеріала, который относится къ жизни и дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго. Ф. В. усердно собираетъ относящіеся сюда матеріалы, тщательно записываетъ воспоминанія и разсказы о Николаѣ Гавриловичѣ, и въ результатѣ,—спустя годъ послѣ смерти Чернышевскаго,—появляется начало монографіи о великомъ покойникѣ. Судя по сохранившимся матеріаламъ видно, что Духовниковъ предполагалъ дать, дѣйствительно, цѣлую монографію, съ подробными характеристиками родныхъ и знакомыхъ Николая Гавриловича, той среды, гдѣ онъ вращался и т. п. Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины" за 1890 г. появляется начало этой первой въ литературѣ большой работы о Чернышевскомъ. Съ громаднымъ интересомъ читающая публика узнала массу интереснѣйшихъ подробностей о первыхъ годахъ жизни Н. Г. Разсказываютъ, что „Русская Старина" получила, будто бы, даже много лишнихъ подписчиковъ на 1891 г., заинтересовавшихся работой Ф. В. Духовникова.

Между тѣмъ, авторъ продолжалъ свои разысканія: были написаны еще двѣ большихъ тетради, и, вотъ, въ 1891 г. для „Русской Старины" была уже набрана часть этого матеріала. Но „случилась случайность": цензура усмотрѣла крамольный оттѣнокъ статьи, выразив-

шійся въ пользованіи недозволеннымъ въ то время романомъ „Что дѣлать?“ Статья была прекращена печатаніемъ, и подписчики „Русской Старины“ остались безъ интереснаго матеріала.

Но не погибъ этотъ матеріалъ.

Духовниковъ тщательно продолжалъ собирать свѣдѣнія о Чернышевскомъ. По всѣмъ разсчетамъ, у автора должна бы была составиться неоднотомная монографія, если бы неожиданная смерть Ф. В. (1 февраля 1897 г.) не прервала его плодотворной дѣятельности. Въ настоящее время мы получили доступъ къ этому матеріалу. Съ любезнаго дозволенія собственницы литературнаго наслѣдія покойнаго изслѣдователя, М. В. Шмелевой, мы издаемъ теперь то, что было вполнѣ уже обработано Духовниковымъ. Эта работа обнимаетъ собой около трехъ лѣтъ жизни Н. Г. (1850—52). Въ статьѣ Ф. В. столько интересныхъ подробностей, совсѣмъ еще неизвѣстныхъ въ нашей литературѣ, столько воспоминаній о Чернышевскомъ его современниковъ и современницъ, что эта часть работы Духовникова, представляющая собой вполнѣ самостоятельное и законченное повѣствованіе о жизни Чернышевскаго въ Саратовѣ за указанный періодъ времени,—читается съ громаднымъ интересомъ. Въ статьѣ Ф. В. находимъ и блестящія характеристики учителей тогдашней семинаріи и гимназіи.

Мы печатаемъ статью безъ всякихъ измѣненій, воспроизводя и тѣ мѣста, которыя были зачеркнуты покойнымъ редакторомъ „Русской Старины“, М. И. Семевскимъ (конечно, если въ нихъ есть дополненія къ основному тексту рукописи). Въ нихъ оказалось много интереснаго; къ тому же, М. И. Семевскій не допускалъ ихъ къ печати по цензурнымъ соображеніямъ. По мѣстамъ, гдѣ это оказалось нужнымъ, мы даемъ свои примѣчанія, всегда обозначая, что именно принадлежитъ намъ, для того, чтобы не смѣшать работы Ф. В. Духовникова съ нашими замѣтками [1]).

Въ рукописи Ф. В. статья составляетъ VI—XV главы его труда. Для удобства читающей публики мы измѣнили нумерацію, и, поэтому, въ нашемъ воспроизведеніи работа Духовникова начинается съ первой главы. Въ заключеніе не можемъ не принести глубокой благодарности М. В. Шмелевой, разрѣшившей намъ издать работу ея покойнаго мужа, и Г. Г. Дыбову, оказавшему содѣйствіе въ доставленіи матеріаловъ пишущему эти строки.

P. S. Въ рукописи Ф. В. должно было быть нѣсколько приложеній. Изъ нихъ въ настоящее время сохранились лишь IV, V и VI, которыя и приводимъ въ концѣ.

Александръ Лебедевъ.

---

[1]) Свѣдѣнія объ археологической дѣятельности Ф. В. Духовникова см. некрологъ его, составленный А. Спицынымъ, „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, 1897, 3, и отд. оттискъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій (1850—52 гг.).

Глава I (VI) [1].

Въ 1850 г. Чернышевскій кончилъ курсъ въ Спб. университетѣ 11 кандидатомъ по философскому факультету, преобразованному впослѣдствіи въ историко-филологическій факультетъ, и оставленъ при немъ для занятій. Въ университетѣ онъ пріобрѣлъ почти энциклопедическія познанія, между прочимъ, онъ настолько хорошо познакомился съ медициной, что давалъ совѣты больнымъ и указывалъ имъ на лѣкарства, а когда жилъ въ Вилюйскѣ, то съ нимъ совѣтовался въ трудныхъ случаяхъ даже мѣстный врачъ.

Въ университетѣ же онъ изучилъ польскій и англійскій языки. Но главнымъ предметомъ его занятій въ университетѣ была словесность и въ частности русская литература и языкъ, а также славянскія нарѣчія, которыми онъ интересовался и въ Саратовѣ, когда онъ былъ тамъ учителемъ.

Къ университетской жизни относится его ученая работа: „Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи", имѣющая до сихъ поръ значительную цѣнность.

Но не научными только занятіями, по мнѣнію Чернышевскаго, долженъ привлекать университетъ къ себѣ молодежь. „Университетъ", говорилъ онъ своему бывшему ученику Саратовской гимназіи, кончившему курсъ въ Спб. университетѣ, Виссаріону Ивановичу Дурасову: „важенъ не одною наукою, которая тамъ не всегда и преподается удовлетворительно, и которой многіе студенты по разнымъ причинамъ такъ и не вкусятъ, если они ограничатся только лекціями профессоровъ; но необходимо каждому молодому человѣку пробыть въ немъ, чтобы усвоить себѣ надлежащіе взгляды, а то по окончаніи курса гимназисты поступаютъ въ разныя канцеляріи и совершенно не имѣютъ никакихъ понятій". Точно также смотрѣли на университетъ и другіе образованные люди того времени. Такъ, профессоръ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ" высказываетъ почти тѣ же мысли о значеніи университета для молодежи („Русская Старина", 1890 г., сентябрь, стр. 604).

Какихъ идей „понабрался" самъ Чернышевскій, учась въ университетѣ и живя въ Петербургѣ, можно судить по разсказамъ нѣ-

---

[1]) См. „Русская Старина" сентябрь, 1890 г.

скольких лицъ, „Чернышевскій" говорится въ „Некрологѣ Н. Г. Ч.", помѣщенномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (1889 г., № 288, 18 окт.), „былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Изм. Ив. Срезневскаго, который не разъ оказывалъ ему покровительство. Срезневскому Н. Г. Чернышевскій былъ обязанъ за сближеніе съ Введенскимъ, извѣстнымъ переводчикомъ Диккенса и Теккерея. Введенскій захотѣлъ изучить славянскія нарѣчія, и Срезневскій къ которому онъ обратился, рекомендовалъ ему въ учителя Чернышевскаго, тогда еще студента 3-го курса. Благодаря этимъ урокамъ, Чернышевскій сблизился съ Введенскимъ, которому потомъ обязанъ своимъ переводомъ въ Петербургъ".

Такъ какъ знакомство Н. Г. съ И. И. Введенскимъ сильно отразилось на немъ, то мы коснемся міровоззрѣнія Введенскаго, для чего имѣемъ нѣсколько данныхъ.

„Какихъ взглядовъ держался Введенскій?" спрашиваетъ А. П. Милюковъ [1]: „Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у котораго онъ во время своихъ и московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для „Москвитянина", называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ, далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать.

„Можетъ ли это понятіе быть примѣнимо къ человѣку, который любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вожделѣнія нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ, и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Если онъ интересо-

---

[1]) Литературныя встрѣчи и знакомства, А. Милюкова, 1890 г., стр. 72.

вался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ, то далеко не раздѣлялъ ихъ".

Почти то же самое говоритъ о воззрѣніяхъ И. И. Введенскаго и А. Чумиковъ, авторъ статьи: „Петербургскій университетъ" [1]. При обсужденіи направленія и взглядовъ Введенскаго на предметы слѣдуетъ имѣть въ виду также статью: „И. И. Введенскій. Эпизодъ изъ его жизни [2]".

Какъ хорошій знакомый и при томъ землякъ, Н. Г. бывалъ на вечерахъ у Введенскаго, которые, по словамъ Смирнова [3], бывали по средамъ, а по словамъ А. Милюкова [4], по пятницамъ. Благодаря Милюкову, мы знаемъ, кто бывалъ на этихъ вечерахъ, и о чемъ шли на нихъ бесѣды.

„На вечерахъ у Введенскаго", говоритъ Милюковъ, „чаще другихъ бывали В. Д. Яковлевъ, авторъ книги: „Италія", Г. Е. Благосвѣтловъ, впослѣдствіи редакторъ журнала „Дѣло", и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель „Обще-занимательнаго Вѣстника", иногда заѣзжалъ и Дерикеръ, преподаватель Дворянскаго полка и затѣмъ извѣстный врачъ гомеопатъ.

„Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости", продолжаетъ А. Милюковъ: „но часто затрагивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи [5], иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурою, читались съ усерднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей Западной Европѣ отодвинули литературные интересы на второй планъ и обратили общее вниманія на современныя политическія событія.

Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальные, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру нерѣдко вызывали обсужденіе и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей соціализма въ этомъ кружкѣ не было [6]. Н. Г., тогда еще студентъ, занялъ на вечерахъ

---

[1] „Русскій Архивъ". 1888 г., кн. 9, стр. 133—135.
[2] „Русская Старина". 1879 г., томъ XXV, стр. 72—74.
[3] „Русская Старина", 1890 г., май, стр. 450.
[4] Литературныя встрѣчи и знакомства А. Милюкова, стр. 77.
[5] О другихъ литературныхъ кружкахъ того времени, см. тамъ же, стр. 164—184.
[6] Тамъ же, стр. 71 и 72.

у Введенскаго видное мѣсто. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ А. В. Смирновъ [1]).

„Здѣсь (на вечерахъ Введенскаго), въ дружескомъ кругу Н. Г. открылся новый міръ понятій, и, чтобы не отстать отъ другихъ, онъ началъ дома старательно изучать литературу, близкую къ предметамъ споровъ (соціальныя, историческія, экономическія, а также естественныя науки), и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился съ такими свѣдѣніями, что занялъ первое мѣсто среди друзей“ [2]).

Къ разсказу А. В. Смирнова, передающему интересный эпизодъ

---

[1]) „Русская Старина“ 1890 г., май, стр. 450.

[2]) При этомъ разсказѣ невольно вспоминается то, что сказано самимъ Чернышевскимъ въ романѣ: „Что дѣлать?“ о перерожденіи Рахметова. Вотъ это мѣсто.

„Въ первые мѣсяцы своего перерожденія, онъ почти все время проводилъ въ чтеніи; но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: когда онъ увидѣлъ, что пріобрѣлъ систематическій образъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: „теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни; и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но, несмотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это было потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти—никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: по каждому предмету капитальныхъ сочиненій очень немного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе — только напрасная трата времени. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего, кромѣ испорченнаго Гоголя; — зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ, — въ наукахъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты: я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность“. Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: „я знаю всѣ матеріи, изъ которыхъ набраны эти лоскутья“. Онъ прочиталъ „Ярмарку Суеты“ Теккерея съ наслажденіемъ, а начавъ читать „Пенденниса“, закрылъ на 20-ой страницѣ: „весь высказался въ „Ярмаркѣ Суеты“; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно“. — „Каждая прочитанная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ“, говоритъ онъ („Современникъ“ 1863 г. № 4, стр. 492 и 493).

изъ жизни Н. Г., добавимъ еще изъ той же книги А. Милюкова одну черту, характеризующую Н. Г.

Вечера Введенскаго „сталъ посѣщать Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человѣкъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между мягкимъ женственнымъ его голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень оригинальныхъ по своей парадоксальности“ [1]).

Эти рѣзкія сужденія, составлявшія особенность характера Чернышевскаго, высказывались имъ безъ всякаго стѣсненія и были причиною того, что многія лица относились къ нему враждебно и даже сдѣлались его врагами [2]).

Если разсказъ А. В. Смирнова, передавшаго со словъ старожила интересную подробность о первенствующей роли Н. Г. въ кружкѣ И. И. Введенскаго на его вечерахъ, вѣренъ, то мы въ правѣ заключить, что Н. Г., подобно Рахметову, будучи еще студентомъ, „уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, и они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно“ („Что дѣлать?“, „Современникъ“, 1863 г. № 4, стр. 491).

Такимъ онъ явился и въ Саратовъ.

II (VII).

Чернышевскій не остался въ Петербургѣ при университетѣ для занятій: 4 февраля 1851 г. онъ опредѣленъ былъ старшимъ учителемъ словесности въ Саратовскую гимназію на жалованье 385 р. 35 к., при чемъ получилъ не въ зачетъ третное жалованье, а на подъемъ прогонныя деньги, и пріѣхалъ туда на Страстной недѣлѣ. Поступая на службу въ Саратовъ, Н. Г. хотѣлъ этимъ выразить свою любовь къ родителямъ, которые желали видѣть его при себѣ, а главное — отплатить хотя сколько-нибудь матери за ту самоотверженную любовь ея, которую она проявила къ нему при поступленіи его въ университетъ, тѣмъ болѣе потому, что было рѣшено, что служба въ Саратовской гимназіи—временная,

---

[1]) Милюковъ. Литературныя встрѣчи, стр. 71.

[2]) Увѣряютъ, что г. А. Ѳ. Писемскій въ своемъ романѣ „Взбаломученное море“ придалъ Проскриптскому, одному изъ выведенныхъ въ этомъ романѣ лицъ, черты, присущія и Н. Г., котораго онъ изображаетъ и какъ студента, и какъ руководителя кружка оригинальнаго направленія. (Сочиненія Писемскаго, изданіе Вольфа 1884 г. „Взбаломученное море“ томъ VIII, стр. 140—146—168 и 169; 230—232 и томъ IX, стр. 117—120 и 139).

и онъ опять оттуда возвратится въ Спб. Хотя выше было сказано, что мать Н. Г. сама отвезла сына въ университетъ, но мы считаемъ умѣстнымъ привести подробный разсказъ г-жи Кошкиной свидѣтельницы этого обстоятельства жизни Н. Г., какъ характеризующаго его мать.

„У Н. Г. были способности громадныя. То, что онъ зналъ, ему казалось мало: ему хотѣлось знать больше. По совѣту Александра Ѳедоровича Раева [1]), родственника Чернышевскихъ, тогда еще студента Спб. университета, Н. Г. хотѣлъ учиться въ университетѣ, и именно въ Петербургскомъ, который въ то время считался лучшимъ.

Отпустить Н. Г. одного въ Спб. было страшно: онъ никогда не выѣзжалъ изъ Саратова на большое разстояніе. Теперь, когда вездѣ хорошіе пути сообщенія, поѣздки въ Спб. представляются очень легкими; но въ сороковыхъ годахъ не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходныхъ сообщеній, и потому подобныя путешествія представлялись довольно трудными, тяжелыми и даже опасными. Несмотря на свое болѣзненное состояніе, Евгенія Егоровна приняла неизмѣнное рѣшеніе непремѣнно сама устроить своего сына, тогда еще мальчика, въ Спб. Приготовленія къ большому и продолжительному путешествію начались еще зимою. Необходимо было разузнать обо всемъ: о маршрутѣ, о лошадяхъ и т. п. Въ обсужденіи (вопроса А. Л.) о путешествіи приняли участіе и родные и знакомые, и всѣ пришли къ тому заключенію, что пускаться въ такое далекое путешествіе матери, болѣзненной женщинѣ, опасно; вдобавокъ, она никогда не выѣзжала далеко изъ Саратова и потому была незнакома съ трудностями далекаго и долгаго путешествія, но мать не склонялась ни на какіе доводы. Мы у Чернышевскихъ лѣтъ двадцать квартировали, и потому знали, что дѣлалось въ ихъ домѣ. Я была въ то время бойкая и рѣзвая дѣвушка. Слыша и видя, какъ всѣ сокрушаются объ Евгеніи Егоровнѣ, я сначала шуточками вызвалась сопутствовать ей, чтобы въ случаѣ ея болѣзни помочь ей; мнѣ же самой хотѣлось посмотрѣть на Москву и Петербургъ. Евгенія Егоровна упросила мать отпустить меня съ нею, на что моя мать согласилась. Всѣ были рады этому, у всѣхъ отлегло отъ сердца.

„8 мая, послѣ напутственнаго молебна, поѣхали втроемъ на долгихъ, на парѣ, въ повозкѣ изъ цыновокъ. Съ нами былъ весь багажъ, однѣхъ книгъ, взятыхъ Николаемъ Гавриловичемъ, было

[1]) Нынѣ состоитъ членомъ училищнаго совѣта при св. Синодѣ. (Позднѣйшая поправка: членъ совѣта министра финансовъ).

болѣе двухъ пудовъ. Апрѣль мѣсяцъ былъ ясный, хорошій; такое же было и начало мая. Но съ первой же станціи пошли сильные дожди; грязь была ужасная, тяжело было ѣхать. Какъ долго тянулась дорога! Еле-еле дотащились до Балашова, гдѣ была въ то время ярмарка. Здѣсь ямщикъ купилъ третью лошадь и повезъ насъ на тройкѣ. Хотя дожди прекратились, но мы натерпѣлись дорогою много непріятностей и страху; кромѣ того извозчикъ, сельскій мужикъ, оказался большимъ негодяемъ. Ночью, когда мы спимъ, онъ, бывало, посадитъ къ намъ пѣшехода, чтобы получить съ него за это на шкаликъ водки; а самъ идетъ пѣшкомъ; одинъ разъ пьяный чуть было не свалилъ насъ съ моста. Въ Москвѣ двое сутокъ отдохнули у священника церкви Воскресенія Словутія, Григорія Степановича, котораго саратовскіе родственники Чернышевскаго просили насъ принять и успокоить послѣ большой дороги. Москву не пришлось осмотрѣть: опять шли дожди, но все-таки посмотрѣли на Кремль, были въ кремлевскихъ церквахъ, походили и по городу.

„Хотя извозчика наняли до Петербурга, но въ Москвѣ разсчитали его, и поѣхали въ Петербургъ въ дилижансѣ, по шоссе и доѣхали сравнительно хорошо. Александръ Ѳедоровичъ Раевъ отыскалъ не далеко отъ Спаса, что на Сѣнной, именно на Гороховой улицѣ, близъ Екатерининскаго канала, квартиру, одну большую комнату. Александра (вѣроятно, Евгенія? А. Л.) Егоровна не увѣрена была, что Николай Гавриловичъ выдержитъ экзаменъ: одни учителя семинаріи увѣряли, что Н. Г. можетъ хорошо сдать вступительный экзаменъ въ университетъ, другіе выражали сомнѣніе. Е. Е. и я ходили и въ церкви и по Петербургу, но Николай Гавриловичъ цѣлые дни проводилъ за книгами, лежа на диванѣ. Ѣлъ онъ очень мало, но зато чаю пилъ много, ему даже оставляли въ чайникѣ чай, который онъ пилъ холоднымъ.

Въ сентябрѣ, когда Н. Г. былъ принятъ въ университетъ, мы уѣхали въ Саратовъ".

Помнилъ все это Николай Гавриловичъ и потому отправился служить въ Саратовъ, дабы быть близъ матери.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Саратовской гимназіи на урокахъ словесности, до поступленія туда Н. Г. Чернышевскаго преподавателемъ.

III (VIII).

Долгое время въ Саратовской гимназіи словесность преподавалъ Ѳедоръ Павловичъ Волковъ, воспитанникъ Казанскаго университета. Онъ пріобрѣлъ симпатіи своихъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ,

А. Г. Тихменевъ, составитель біографіи поэта Э. И. Губера, воспитанника Саратовской гимназіи 1830-хъ, „съ чувствомъ глубочайшаго уваженія вспоминаетъ почтеннаго наставника, имѣвшаго вліяніе на своихъ учениковъ“. Тогда, во времена Губера, Волковъ былъ, по словамъ А. Г. Тихменева, „молодой, полный жизни и души человѣкъ, сочувствующій современной поэзіи, любящій свою науку [1]).

Нѣсколько иначе характеризуетъ Волкова другой его ученикъ конца 1840-хъ годовъ, В. И. Дурасовъ, въ статьѣ „Гимназическія воспоминанія“ [2]), изъ которой приведемъ болѣе характерныя выдержки.

„Ѳедоръ Павловичъ Волковъ предметъ свой зналъ хорошо, но принадлежалъ, что̀ очень естественно, къ отжившей псевдо-классической школѣ, да и самые учебники, по которымъ мы изучали такъ называемую словесность—риторика и піитика Кошанскаго и курсъ исторіи литературы Георгіевскаго—отзывались стариною и шибали въ носъ какою-то затхлостью. Мы упражнялись въ писаніи разныхъ риторическихъ примѣровъ, заучивали формы стихосложенія—хореи, ямбы, дактили, анапесты и прочую дребедень, которая будто бы должна создавать поэтовъ, при чемъ забывалось латинское изреченіе: „orationes fiunt, poëtae nascuntur“. О литературномъ увлеченіи 1840-хъ годовъ, создавшемъ „натуральную школу“, Ѳедоръ Павловичъ Волковъ ничего не говорилъ своимъ ученикамъ, а если когда и упоминалъ имя какого-либо изъ дѣятелей тѣхъ годовъ, то съ насмѣшкою: мальчишки, дескать, нѣтъ въ ихъ произведеніяхъ ничего возвышеннаго и величественнаго, какъ напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Державина въ родѣ слѣдующаго:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми!“

и т. д. въ этомъ родѣ. Образцомъ прозы рекомендовался намъ Карамзинъ съ его округленными періодами. О Пушкинѣ Ѳедоръ Павловичъ отзывался, какъ о писателѣ, тратившемъ свой талантъ на „пустяки“. Лермонтова называлъ просто мальчишкою-забіякою,

---

[1]) Сочиненія Э. И. Губера, изданныя подъ редакціею А. Г. Тихменева. Т. III. Спб. Изд. Смирдина и К°. 1860, стр. 239 и 240.

[2]) Статья эта будетъ помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“, который приготовляетъ къ печати Саратовское общество вспомоществованія литераторамъ. Мы приводимъ эти выдержки съ согласія ихъ автора, нынѣ умершаго. (Статья эта не пропущена цензурою, а потому и не помѣщена въ „Саратовскомъ краѣ“)—позднѣйшая прибавка. *А. Л.*

а Гоголя—писателемъ грязнымъ и циничнымъ. О Тургеневѣ, Некрасовѣ, Гончаровѣ и другихъ литературныхъ дѣятеляхъ, дававшихъ извѣстный тонъ и окраску журналистикѣ, мы ничего не слышали съ учительской каѳедры, а въ учебникахъ, конечно, этихъ именъ не значилось. Критическія статьи Бѣлинскаго, печатавшіяся безъ подписи автора сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ", а потомъ въ „Современникѣ", были до поры до времени совершенно намъ не извѣстны, потому что некому было указать намъ на эти статьи и объяснить ихъ содержаніе. Мы бродили въ потемкахъ и услаждались чтеніемъ по переводной литературѣ романовъ Дюма, Феваля, Сю и другихъ подобныхъ романистовъ-французовъ.

Диккенсъ и Теккерей намъ казались скучными. Изъ русскихъ писателей мы читали Булгарина, Калашникова, Рафаила Зотова, Лажечникова, Загоскина; нравилось намъ шутовское остроуміе барона Брамбеуса [1]).

Въ театрѣ мы восторгались Кукольникомъ, Полевымъ, Гедеоновымъ и другими авторами патріотическихъ перипетій и эффектныхъ мелодрамъ съ кинжаломъ и ядомъ въ послѣднихъ дѣйствіяхъ. Однимъ словомъ, никто не руководилъ нами въ выборѣ чтенія. Мы читали все, что попадалось подъ руку, читали безъ всякаго разбора, впрочемъ, хорошо и то, что намъ не мѣшали читать, и намъ, въ этомъ случаѣ, предоставлялась полная свобода, не стѣснявшая насъ полицейско-цензурно-педагогическими наблюденіями.

Но при всемъ томъ, по отзывамъ старожиловъ, Волковъ былъ свѣтлая личность, отличавшаяся благородствомъ и честностью. Жалованье онъ, какъ и всѣ учителя, получалъ маленькое; другихъ источниковъ дохода, кромѣ частныхъ уроковъ, за которые получалъ по золотому въ мѣсяцъ, онъ не хотѣлъ имѣть; между тѣмъ на его попеченіи была сестра—дѣвушка, которая была выдана замужъ отчасти при посредствѣ добрыхъ людей. Вслѣдствіе чего бѣдность одолѣла Волкова, а тутъ какъ нарочно случилось обстоятельство, которое сильно отразилось на его и безъ того ничтожномъ бюджетѣ. До введенія единства кассы всѣ суммы, принадлежавшія учебнымъ заведеніямъ, хранились въ казначействѣ, въ сундучкѣ, который по мѣрѣ надобности вскрывали, брали изъ него деньги въ присутствіи педагогическаго совѣта и опять возвращали въ казначейство. Такимъ образомъ, отвѣтственность за цѣлость суммы, находившейся въ сундучкѣ, лежала на педагогическомъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ учителей, вполнѣ зависѣвшихъ отъ директора. Но директора обыкновенно

---

[1]) Въ отдѣлѣ „Литературной лѣтописи" „Библіотеки для чтенія" прежнихъ годовъ.

брали изъ сундучка, особенно въ первое время существованія гимназіи, сколько хотѣли, и свидѣтельствованіе суммы было только номинальное. Директоръ Василій Ивановичъ Гине, преданный всей душой не гимназіи, о которой онъ мало заботился, а картамъ, растратилъ казенныя деньги и, не желая подвергаться заслуженному наказанію, исчезъ. Зимою въ январѣ 1844 г., около проруби, противъ Саратова, нашли его одежду. Утонулъ ли онъ въ проруби, или же скрылся изъ Саратова, оставивъ для отвлеченія вниманія слѣдователя свою одежду около проруби,—неизвѣстно. Говорили, будто родныя его сестры видѣли его въ Петербургѣ; но онъ даже не отвѣтилъ имъ на поклонъ; точно также разсказывали, будто онъ проживалъ въ имѣніи своей жены въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губ., какъ бы то ни было, а учителямъ приходилось поплатиться за растрату, и съ нихъ ежемѣсячно вычитались деньги на пополненіе суммы, растраченной Гине (Вычетъ этотъ впослѣдствіи возвращенъ былъ всѣмъ учителямъ). Всѣ учителя проклинали за это Гине при полученіи жалованья, только одинъ Волковъ, самъ постоянно нуждавшійся, ни разу не высказалъ ни одного упрека Гине. Тяжелая матеріальная обстановка и грубая среда, въ которой онъ вращался, довели его до пьянства, которому онъ въ послѣдніе годы учительства предавался съ наслажденіемъ. Какъ истый пьяница, онъ наливалъ въ стаканъ вина, въ который обмакивалъ кусокъ хлѣба, и затѣмъ изъ него высасывалъ вино. Будучи выпивши, онъ обличалъ симпатичнаго и добраго законоучителя Павла Никитича Смирнова, у котораго гимназисты, пользуясь его добротою, дѣлали для экзамена билеты трехъ родовъ: или съ клеймомъ фабрики, или безъ него, или измятые, или совершенно не измятые. На экзаменѣ ученики брали только тѣ билеты, содержаніе которыхъ они знали. „Отецъ, отецъ! зачѣмъ ты потакаешь мошенникамъ?"—говорилъ Волковъ. Но добрѣйшій П. Н. Смирновъ никакъ не могъ искоренить подобной плутни учениковъ.

Въ преподаваніи Волковъ держался исключительно учебниковъ. Если же онъ читалъ стихотворенія и статьи, то не для объясненія ихъ, а какъ образецъ, какъ слѣдуетъ читать.

По смерти Волкова, умершаго, по словамъ старожиловъ, въ 1849 г., словесностью до назначенія новаго учителя временно занимался И. Ѳ. Синайскій, старшій учитель греческаго языка, вышедшій уже изъ семинаріи при преосвященномъ Аѳанасіи [1]). Хотя

---

[1]) Къ этому мѣсту Ф. В. Духовниковъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку по поводу появившихся въ то время статей архіеп. Никанора:

„Преосвященный Никаноръ въ статьѣ: „О значеніи семинарскаго образованія", появившейся сначала въ „Странникѣ", 1890 г., затѣмъ перепе-

онъ былъ, какъ сказано выше, большимъ знатокомъ греческаго языка, но поселилъ въ гимназистахъ убѣжденіе, что онъ не считаетъ полезнымъ для нихъ изученіе греческаго языка. Въ этомъ убѣждало ихъ въ особенности то, что греческій языкъ проходился при немъ для проформы.

Ученики, стоя за столомъ, отвѣчали греческій языкъ по книгѣ, что онъ хорошо видѣлъ. Иногда Синайскій обращался къ ученикамъ съ укоризною. „Зачѣмъ вы передаете для отвѣта книгу? Эхъ, вы плохіе! Не можете отвѣчать по книгѣ чрезъ два стола, а непремѣнно подкладывай вамъ подъ носъ! Мы, бывало, ухитрялись отвѣчать по книгѣ, которая отъ насъ лежала чрезъ три, четыре стола, и учитель даже не замѣтитъ этого",—говорилъ онъ. Но если ученикъ, передавая для отвѣта другому книгу, ронялъ ее, то получалъ за это дурную отмѣтку. Гимназисты не только не выучивались переводить по-гречески, но даже разучивались читать. Когда же наставало время экзаменовъ, то ученики прямо заявляли ему, что они совершенно не могутъ отвѣчать по-гречески, но онъ совѣтовалъ имъ быть на экзаменѣ смѣлѣе и переводить такъ, какъ они умѣютъ, потому что ни директоръ, ни инспекторъ, ни другіе учителя не знаютъ греческаго языка, да и вообще греческій языкъ знаютъ, по его мнѣнію,

Только Тихонъ Зарайскій
Да я, Иванъ Синайскій.

Экзамены и ревизіи у Синайскаго сходили всегда хорошо. Разъ посѣтилъ урокъ греческаго языка въ послѣднемъ классѣ гимназіи инспекторъ Казанскаго учебнаго округа Антроповъ, который, вызвавъ одного ученика къ доскѣ, велѣлъ ему написать „Отче нашъ"

чатанный съ добавленіемъ, несомнѣнно придуманнымъ, вымышленнымъ, въ „Православномъ Обозрѣніи" за тотъ же годъ, и, наконецъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, относитъ время епископства Іоанникія (Горскаго) въ Саратовѣ ко времени учительства Чернышевскаго въ Саратовской гимназіи и разсказываетъ о немъ, что онъ, Іоанникій, былъ причиною выхода Н. Г. въ отставку, но это не вѣрно. Въ 1851—1853 г.г., когда Ч. былъ учителемъ въ Саратовѣ, преосвященнымъ былъ Аѳанасій, прослывшій за либерала. Послѣ Аѳанасія, переведеннаго въ Астрахань, назначенъ былъ епископомъ въ Саратовъ Іоанникій I. Вотъ почему я счелъ нужнымъ указать на лицо, которое передало мнѣ о знакомствѣ епископа Аѳанасія съ Н. Г.

Вообще статья архіепископа Никанора, какъ наполненная анахронизмами и невѣрно переданными и даже искаженными фактами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить матеріаломъ для будущаго біографа Ч. Несомнѣнно, архіепископъ Никаноръ включилъ въ свою статью факты, слышанные имъ отъ другихъ лицъ, не знавшихъ Чернышевскаго, безъ всякой провѣрки".

и затѣмъ перевести на греческій языкъ. Когда Синайскій узналъ отъ ученика, что онъ не можетъ этого сдѣлать, то Синайскій, несмотря на всѣ отговорки ученика, заставилъ его написать то же самое, но только греческими буквами, потому что ревизоръ совершенно не зналъ греческаго языка. Антроповъ велѣлъ Синайскому поправить и провѣрить написанное ученикомъ. Синайскій, подойдя къ доскѣ, сталъ пожимать плечами. „Что, вѣроятно, много навралъ?"— спросилъ ревизоръ. „Какое много, ваше высокопревосходительство! Зная, что вы такой строгій ревизоръ, я и то сдѣлалъ бы больше ошибокъ; между тѣмъ онъ хотя и долго обдумывалъ, но сдѣлалъ всего двѣ ошибки: дыханіе твердое да дыханіе слабое не поставилъ на словѣ". Антроповъ, подойдя къ доскѣ, сдѣлалъ видъ, какъ будто читаетъ написанное, и затѣмъ, ударяя ученика по плечу, сказалъ: „продолжайте, молодой человѣкъ, такъ же учиться, какъ вы учились до сего времени, и пріѣзжайте къ намъ въ университетъ: мы будемъ жить съ вами дружно". Вслѣдъ за этимъ Антроповъ вышелъ. Внѣ себя отъ волненія, ученикъ совершенно не помнилъ, какъ онъ вышелъ изъ гимназіи, оставивъ тамъ книги и картузъ, и только боялся, какъ бы его не воротили въ гимназію. Но бывали такіе случаи, что И. Ѳ. требовалъ отъ учениковъ знанія уроковъ. Тогда онъ вызывалъ учениковъ для отвѣта къ каѳедрѣ, а это значило, что ученику поставится плохой баллъ, и что ученикъ чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ И. Ѳ. Онъ издалъ, какъ сказано выше, греческіе словари, кромѣ того, онъ перевелъ нѣсколько книгъ съ греческаго языка на русскій [1]).

Эти-то свои изданія, а равно маленькія книжечки на греческомъ и латинскомъ языкѣ Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, при чемъ говорилъ: „эта книжка очень полезная для васъ, она стоитъ дешево, а кто заплатитъ больше, за это я останусь благодарнымъ" или предоставлялъ ученикамъ платить за книжку по своему усердію. Подобную продажу книгъ онъ не находилъ нисколько предосудительною въ то время, когда было развито взяточничество. Но находились такіе ученики, которые не считали полезнымъ имѣть у себя произведенія Синайскаго. Когда ученикъ отказывался пріобрѣсть его книжку, то Синайскій отвѣчалъ: „Не возьмете, какъ хотите; васъ не неволятъ". Въ слѣдующій же урокъ онъ вызывалъ ученика отвѣчать урокъ уже къ каѳедрѣ, и, разумѣется, въ результатѣ

---

[1]) Изъ такихъ книгъ намъ извѣстна одна: „Сократово ученіе по Ксенофонту. Въ видѣ разговоровъ въ четырехъ книгахъ. Переведено съ греческаго Иваномъ Синайскимъ. Москва 1857 г. 1 р. 50 к.". Очевидно, не эту книгу Синайскій раздавалъ своимъ ученикамъ, такъ какъ она въ то время, къ которому относится разсказъ, еще не была издана.

плохой баллъ. Догадливый ученикъ пойметъ скоро, какъ уничтожить плохія отмѣтки, но бывали и такіе ученики, которыхъ Синайскій по нѣскольку разъ вызывалъ къ каѳедрѣ. Несмотря на это, И. Ѳ. внушалъ уваженіе къ себѣ въ своихъ ученикахъ и своимъ умомъ, и своею образною рѣчью, которая постоянно испещрялась остротами. Часто онъ обращался къ ученикамъ съ рѣчами, въ которыхъ ясно и толково доказывалъ своимъ маленькимъ слушателямъ пользу изученія греческаго языка, поясняя это примѣрами. Иногда онъ пускался въ объясненіе словъ русскаго языка. Помнятъ его филологію слова „салфетка". Не соглашаясь съ общепринятымъ мнѣніемъ о заимствованіи этого слова у нѣмцевъ, И. Ѳ. далъ иное объясненіе этого слова, по которому оно—русскаго происхожденія. Въ старину салфетка, по его объясненію, была принадлежностью только бояръ, любившихъ, какъ извѣстно, употреблять жирную пищу и пользовавшихся постоянно услугами своей прислуги. Когда на усахъ и бородѣ бывало много сала при ѣдѣ, то бояринъ говорилъ своему крѣпостному, стоявшему позади его: „Сало, Ѳедька!" Это значило: утри сало, Ѳедька, и онъ исполнялъ приказаніе своего господина. Отъ этихъ двухъ словъ, т. е. „сало" и „Ѳедька" и образовалось слово „салфетка", причемъ ь выпущено, а буква д и по выговору переходитъ въ т [1]).

Весело бывало въ классѣ и тогда, когда Иванъ Ѳедоровичъ, подобно прочимъ учителямъ, приходилъ въ классъ подъ вліяніемъ Бахуса, о чемъ ученики узнавали по сильному аромату, или по пурпурному цвѣту лица, который давалъ возможность судить и о его душевномъ настроеніи. Если лицо не пурпурнаго цвѣта, то Синайскій былъ въ обыкновенномъ расположеніи духа; въ противномъ случаѣ онъ бывалъ въ очень веселомъ настроеніи, и была надежда, что урокъ пройдетъ очень весело, и что не о противномъ греческомъ языкѣ будетъ рѣчь. Дѣйствительно, тогда онъ велъ простую дружескую бесѣду съ учениками не только о своей домашней жизни, но даже о частной жизни родителей и родственниковъ своихъ питомцевъ, которую онъ зналъ хорошо, и въ подобныхъ разговорахъ проходилъ весь урокъ. Почтенный старецъ, имѣя уже преклонный возрастъ (за 60 лѣтъ) и довольно поработавъ на своемъ вѣку, по-

---

[1]) Мы не могли провѣрить, на сколько вѣрны сообщенныя намъ свѣдѣнія о филологическихъ познаніяхъ И. Ѳ. Синайскаго: въ Саратовѣ мы нигдѣ не нашли его книжку филологическаго содержанія: „Три статьи по предмету славяно-русскаго языка: I. Нѣчто о происхожденіи и образованіи славяно-русской азбуки. II. О глаголѣ (безъ видовъ). III. Опытъ критики корнеслова къ академическому словарю церковно-славяно-русскаго языка. Москва 1857 г. Ц. 1 р.

кончилъ педагогическую дѣятельность, тѣмъ болѣе потому, что память измѣняла ему во многомъ. Этимъ недостаткомъ И. Ѳ. и злоупотребляли ученики изрѣдка. Извѣстно, что послѣ 1812 г. русскіе пропитаны были ненавистью къ Наполеону I, за разореніе нѣсколькихъ губерній и Москвы. Въ этой ненависти воспитанъ былъ и И. Ѳ. Синайскій. Хотя онъ учился въ Вологодской семинаріи, но среди гимназистовъ носился слухъ, что Синайскій вмѣстѣ съ другими семинаристами былъ высѣченъ, по приказанію Наполеона, при взятіи Смоленска. Это-то, говорятъ, и оставило въ Синайскомъ на всю жизнь непримиримую ненависть къ Наполеону. Достаточно бывало сказать или написать слово *Наполеонъ*, и Синайскій, будучи незлобивымъ, выходилъ изъ себя. Надо было видѣть фигуру Синайскаго и слышать дышавшую злобою рѣчь его, чтобы понять, какъ была сильна эта ненависть: ярость и злобу изображала вся его фигура. Когда ученики бывало не желаютъ заниматься греческимъ языкомъ, то кто-нибудь изъ нихъ или читалъ стихотвореніе Пушкина „Наполеонъ" при входѣ Синайскаго въ классъ, или обзывалъ товарища этимъ словомъ, или другимъ какимъ образомъ произносилъ это ненавистное имя, и Синайскій, прекративъ занятіе греческимъ языкомъ, принимался объяснять коварство Наполеона, отыскивая въ немъ каждый разъ все новые и новые недостатки и пороки, или же разсматривая его пагубныя дѣйствія для Европы съ новыхъ сторонъ. Эпитеты: воръ, грабитель, душегубецъ, разбойникъ, осквернитель святыни, корсиканецъ, подлецъ, замѣнившіе слово „Наполеонъ", постоянно испещряли воодушевленную рѣчь Синайскаго. Въ подобномъ занятіи проходилъ весь урокъ. Чтобы онъ не заподозрилъ въ истинной цѣли произнесенія слова „Наполеонъ", ученики произносили это имя изрѣдка, раза два, три въ мѣсяцъ. Нечего и говорить, что Синайскій недолюбливалъ тѣхъ, которые симпатизировали французскому императору. Лермонтовъ, особенно Пушкинъ, были, какъ извѣстно, противоположныхъ воззрѣній на этого императора, почему пользовались антипатіею со стороны Синайскаго. „Пушкинъ назвалъ корсиканца великимъ человѣкомъ", говорилъ Синайскій: „а за что? За его злодѣйства, что ли? Да, они дѣйствительно велики! Онъ разорилъ нѣсколько нашихъ губерній, нѣсколько царствъ; тысячи людей и теперь еще не могутъ опомниться отъ его злодѣйствъ. Пушкинъ самъ не понималъ, что говорилъ. И какъ же ему понимать! Онъ—мальчишка и щенокъ! Даже умеръ онъ не своею смертью!" Если Синайскій видѣлъ у учениковъ сочиненія Пушкина, то или рвалъ ихъ, или отбиралъ ихъ отъ нихъ. Но за то онъ очень уважалъ пѣвца Екатерины, о которомъ говорилъ: „Вотъ Гавріилъ Романо-

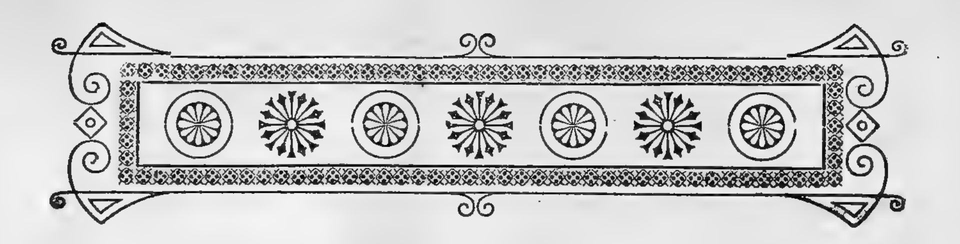
вичъ тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ—настоящій поэтъ".

Когда Н. Г. Чернышевскій назначенъ былъ преподавателемъ Саратовской гимназіи, то Синайскій расхвалилъ его гимназистамъ, „какъ бывшаго своего ученика. Посмотримъ же, насколько былъ вѣренъ отзывъ Синайскаго о Н. Г. Чернышевскомъ.

Сообщилъ Александръ Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года[1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Тѣ, кто, какъ я, знали близко русскаго солдата, навсегда сохранили къ солдату чувство глубокаго поклоненія, присоединивъ къ этому еще и чувство сильной и нѣжной привязанности.

Сколько разъ вспоминалъ я предсмертныя сожалѣнія одного разстававшагося съ жизнью русскаго офицера, умиравшаго отъ ранъ въ Парижѣ, который, по свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ князя Григорія Волконскаго, обратился къ нему въ послѣднюю минуту со словами: „Не видать мнѣ болѣе русскаго солдата! Не слыхать мнѣ болѣе солдатскихъ пѣсенъ!!“

Въ этихъ пѣсняхъ дѣйствительно есть что-то возвышающее и возбуждающее и есть какая-то своеобразная поэзія.

Изучите поближе эти кажущіяся столь инертными войска, и вы найдете въ нихъ великую душу, мощь Геркулеса и, одновременно, простое и нѣжное сердце и улыбку юноши.

Послѣ взятія Ахалцыха, гдѣ особое мужество проявилъ Ширванскій полкъ, понесшій здѣсь громадныя потери, князь Паскевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: „много ли осталось еще въ рядахъ полка?“ „Еще хватитъ, Ваше Сіятельство, на два штурма“, отвѣтилъ ширванецъ-гренадеръ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Да! Подобные отвѣты находятся всегда на устахъ каждаго кавказскаго солдата. И этотъ отвѣтъ, кажущійся намъ блестящимъ, для кавказскаго солдата является простымъ и естественнымъ.

И вотъ, эти самые люди, эти богатыри, пламенные и отважные въ дѣлѣ, являются доступными каждому великодушному начинанію; по одному слову довѣрія или побужденію къ славѣ, или во имя двухъ нераздѣльныхъ въ нашихъ старыхъ полкахъ именъ—Бога и Царя, они способны проявить высшую степень великодушнаго самоотверженія; а сейчасъ же послѣ дѣла вы видите этихъ самыхъ солдатъ, принимающихъ свое естественное и невозмутимое спокойствіе, подчиняющихся малѣйшему вашему желанію, высматривающими и предугадывающими ваши желанія и исполняющими ихъ, съ толкомъ и быстротой, не имѣющими себѣ равныхъ въ Европѣ.

Одушевляйте или успокаивайте русскаго солдата, и вы всегда встрѣтите у него полную тому отзывчивость. Дитя и герой сочетаются въ русскомъ солдатѣ.

Онъ хладнокровенъ и непоколебимъ въ страшной игрѣ на жизнь и смерть, а послѣ боя онъ уже добродушно мастеритъ себѣ изъ трехъ дощечекъ водяную мельницу и по цѣлымъ часамъ слѣдитъ за ея работой, или, напримѣръ, на службѣ заставы сторожевой цѣпи, онъ или забавляется смѣшками, или дрожитъ отъ ужаса, слушая сказки ротнаго разсказчика.

Храбрыя и славныя войска, которыми никогда достаточно не нахвалишься!!

Мы слѣдовали довольно хорошей дорогой, только что было исправленной Шамилемъ для провоза своей артиллеріи. Оставивъ вправо горы съ крутыми скатами, мы спустились въ долину примѣрно 2-хъ верстъ длины, гдѣ находился родникъ, вода котораго была испорчена непріятелемъ, завалившимъ ее трупами палыхъ лошадей.

При выходѣ изъ этой долины, гдѣ мы могли слѣдовать сосредоточенно, намъ выпало немало спусковъ и подъемовъ, пока мы достигли наконецъ возвышеннаго плато, которое, такъ сказать, нависло надъ главной долиной Гумбета, долиной глубокой, широкой, единственной обитаемой и возможной для жизни. Прямо противъ себя мы имѣли скалистый и острый гребень горъ, отдѣляющихъ Гумбетъ отъ долины Анди. Онъ отходитъ отъ главнаго хребта и подъ прямымъ угломъ направляется въ долину Андійскаго Койсу. Эту преграду можно перешагнуть только въ одномъ пунктѣ, извѣстномъ подъ именемъ „*Андійскихъ воротъ*", представляющихъ

узкую тѣснину, глубиной шаговъ въ 800. У нашихъ ногъ лежало большое селеніе Тилитль, куда намъ предстояло спуститься.

Все то, что я теперь описываю, я видѣлъ только впослѣдствіи, такъ какъ наступилъ большой туманъ, закутавшій насъ со всѣхъ сторонъ и оставившій полю нашего зрѣнія лишь только то, что высота, по которой мы слѣдовали, сразу обрывалась внизъ на страшную глубину. Справа высилась отвѣсная стѣна, слѣва — бездонная пропасть; одинъ невѣрный шагъ лошади стоилъ ей смерти; и здѣсь-то спустился весь отрядъ, на что понадобилось 24 часа времени!...

Немыслимо было разсчитывать въ эту кампанію на порядокъ слѣдованія вьючнаго обоза. Я уже имѣлъ на этотъ счетъ печальный опытъ, и такъ какъ у меня на рукахъ было много больныхъ, и всѣ мои люди нуждались въ отдыхѣ, то я, какъ только пришла моя очередь спуститься, самовольно задержалъ всѣхъ вьючныхъ лошадей моего баталіона; безъ этой посредствующей предосторожности и очевидно противно общему плану, я получилъ бы вьючный обозъ не ранѣе завтрашняго дня и, вѣроятно, вовсе лишился бы части его.

На войнѣ, зачастую, приходится, противно всему, заботиться о себѣ самому. Каждая вьючная лошадь имѣла при себѣ шесть человѣкъ конвойныхъ солдатъ: двое придерживали ее спереди и четверо сзади; все сошло прекрасно, и мы ночью имѣли пристанище.

Въ штабѣ отряда не озаботились порядкомъ расположенія войскъ, и я вечеромъ съ трудомъ добился указанія мѣста расположенія моего баталіона, послѣ чего пошелъ къ графу Воронцову. Блуждая этой темной ночью, я, случайно, имѣлъ счастье столкнуться съ его свѣтлостью принцемъ Гессенскимъ, который только-что собирался сѣсть за ужинъ. Я получилъ приглашеніе, и ничто не могло быть болѣе кстати; давно уже не вкушалъ хорошаго стола, и теперь я воздалъ ему должное.

На слѣдующій день войскамъ былъ данъ отдыхъ и, къ счастью, была хорошая погода; было даже жарко. Войска пользовались отдыхомъ и погодой; снявъ одежду, просушивали ее и, наконецъ, получили въ этотъ день горячую мясную пищу.

Первый разъ въ теченіе десяти сутокъ я могъ спокойно провести этотъ день на отдыхѣ и въ пріятномъ мнѣ обществѣ лицъ главной квартиры и даже развеселиться подъ покровительствомъ *Минквица* и *Щербинина* [1]). Но однако не надолго пришлось мнѣ насладиться этими удовольствіями.

---

[1]) Щербининъ состоялъ долго при графѣ Воронцовѣ и составилъ его біографію, представляющую впрочемъ чистый панегирикъ. Дочь Щербинина,

Въ виду принятаго рѣшенія для обезпеченія сообщеній между главными силами и укрѣпленнымъ этапомъ *Кирки* имѣть (на этапахъ) два отдѣльныхъ отряда (какъ гарнизоны этаповъ), для этой послѣдней службы были предназначены части, наиболѣе пострадавшія въ походѣ, а слѣдовательно и прибывшія съ „холодной" горы. Командуемый мною баталіонъ Куринцевъ вошелъ въ составъ наиболѣе важнаго въ стратегическомъ отношеніи Мичикальскаго отряда, ввѣреннаго полковнику *Ковалевскому*.

Съ большимъ сожалѣніемъ позналъ я необходимость обратнаго возвращенія баталіона, но что можно было возразить противъ этого распоряженія, тѣмъ болѣе, что изъ состава моего баталіона 30 человѣкъ имѣли отмороженныя ноги, изъ коихъ у 15-ти уже начинала обнаруживаться гангрена, и, наконецъ, болѣе сотни пострадавшихъ чиновъ баталіона представляли изъ себя не болѣе какъ инвалидовъ.

Всѣ умы къ этому времени были заняты Андіею, и 14-го іюня было рѣшено форсировать единственный перевалъ въ эту долину, такъ называемыя Андійскія ворота. Полковникъ князь Барятинскій съ командуемымъ имъ 3-мъ баталіономъ кабардинцевъ добился назначенія слѣдовать въ головѣ колонны, назначенной для штурма Андійскихъ воротъ.

Надѣялись, что со взятіемъ этихъ воротъ Андійцы придутъ съ покорностью, и что ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія племена.

Главнокомандующій предполагалъ завоеваніе это довершить еще и всѣми средствами того обольщенія, которымъ онъ владѣлъ въ такой высокой степени—тѣмъ неотразимымъ очарованіемъ, помощью котораго онъ обыкновенно завоевывалъ себѣ довѣріе и уваженіе мусульманскихъ народовъ. Но всѣ эти разсчеты ни въ чемъ не оправдались, начиная съ того, что Шамиль не взялъ на себя труда обороны возведенныхъ имъ здѣсь укрѣпленій и уступилъ намъ безъ боя Андію, но уже обращенную въ пустыню и разоренную, а подобное печальное завоеваніе не имѣло уже для насъ значенія. Что касается до Шамиля, то это проявленіе рѣшительности и власти имѣло для него значеніе огромнаго успѣха. Все притихло. Сопротивлявшіеся Шамилю были поражены ужасомъ, и народности Дагестана только еще ниже склонили свои головы передъ каравшимъ

извѣстная красавица, Марья Михайловна, была замужемъ за М. Е. Чиляевымъ, грузиномъ, человѣкомъ весьма образованнымъ и хорошимъ администраторомъ, лицомъ очень извѣстнымъ на Кавказѣ. *Б. К.*

ихъ мечомъ новаго владыки горъ и передъ огнемъ, уничтожавшимъ ихъ жилища.

Андія отъ насъ ускользала: эта истина, столь очевидная теперь, когда мы обнимаемъ вопросъ въ общемъ, и вытекавшая изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, тогда еще не была столь осязательной и не поразила тогда всѣ умы [1]).

Туземцы, служившіе въ отрядѣ [2]), и двое русскихъ [3]), продолжительнымъ опытомъ изучившіе войну на Кавказѣ и горцевъ, только одни понимали все значеніе этого событія, да, одновременно, еще небольшая часть чиновъ главной квартиры усматривали въ этомъ событіи печальное предзнаменованіе [4]). Большинство же ничего въ этомъ не видѣло или не желало видѣть.

Что касается до нижнихъ чиновъ, то беззаботные солдатики желали только подраться, да позабавиться, и такъ какъ до сихъ поръ не было ни кровавыхъ, ни трудныхъ дѣлъ, то всѣ они жаждали только боя. Докучали насъ только лишенія, тѣмъ болѣе, что стало извѣстнымъ, что Андія лишена всѣхъ средствъ довольствія.

Нѣкоторые даже завидовали моему выступленію: „тамъ“, говорили они, „вы ни въ чемъ не будете нуждаться, тамъ найдете вы все, что нужно для жизни и для благополучія“. А извѣстно ли вамъ (читатель), что подразумѣвается на Кавказѣ подъ выраженіемъ: „рѣшительно все, нужное для жизни?“ Хорошая вода, пастбище и дрова—вотъ и все, что нужно для жизни.

Таковы были тѣ прелести, которыя меня ожидали, и предстоящее пользованіе которыми мною вызывало столько зависти. Для насъ, лишенныхъ всего этого столь продолжительное время, въ сущности, это было дѣйствительно хорошо.

---

[1]) Что только еще разъ доказываетъ, какъ невѣрны и эфемерны были разсчеты и соображенія Петербурга, которые долго раздѣлялъ Воронцовъ, противно мнѣнію кавказскихъ генераловъ, о чемъ самъ Воронцовъ писалъ военному министру графу Чернышеву отъ 25-го мая изъ Ташъ-кичу: „Если бы даже приказаніе наступать было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но признаюсь откровенно, что я тоже стою за наступленіе“. *Б. К.*

[2]) Во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить князей: Василія Осиповича *Бебутова*, Григорія *Эристова* и Левана *Меликова*, Илью Орбеліани и Александра Эристова. *Б. К.*

[3]) Вѣроятно, Лабынцевъ и Ковалевскій. *Б. К.*

[4]) Преимущественно, конечно, кавказскихъ офицеровъ, т. е. уже послужившихъ на Кавказѣ.

14-го утромъ главный отрядъ занялъ Андійскія ворота, перешагнулъ ихъ и занялъ противолежащую долину. Авангардъ безъ выстрѣла занялъ главное селеніе, въ данное время разрушенное и поспѣшно очищенное противникомъ.

Шамиль присутствовалъ лично при занятіи нами селенія, и его полчища занимали высоты, противоположныя только-что пройденнымъ нашими войсками. Вслѣдъ за этимъ прошло одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ этого похода [1]).

Полковникъ князь Барятинскій [2]) съ двумя первыми ротами командуемаго имъ баталіона, шедшими въ головѣ авангарда, безостановочно преслѣдуя противника, съ невѣроятной отвагой атаковалъ эти самыя высоты, хорошо охраняемыя и стойко обороняемыя. Постепенно атакуя террасу за террасой, онъ взобрался съ своими кабардинцами-егерями, наконецъ, на высоту подъ непрестаннымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Противникъ нѣсколько разъ пытался остановить это наступленіе, но не выдержалъ этого смѣлаго удара; Барятинскій, опрокидывая всѣ препятствія, продолжалъ свое движеніе, отовсюду выбивая лезгинъ и вынуждая ихъ къ отступленію.

Усиленный Грузинской милиціею [3]), князь Барятинскій штурмовалъ вершину высоты, съ которой горцы едва только успѣли свезти свои орудія.

Вся главная квартира приняла участіе въ концѣ этого славнаго боя.

Принцъ Александръ Гессенскій, рыцарскому мужеству котораго пришлось впослѣдстіи подвергнуться еще болѣе сильному испытанію, принялъ здѣсь впервые участіе въ бою при живомъ одобреніи цѣлаго отряда, раздѣлить участіе въ работѣ котораго онъ пріѣхалъ изъ столь далека, и который за его манеру держать себя среди насъ платилъ ему почетомъ, уваженіемъ и благодарностью.

Графъ Воронцовъ прискакалъ въ карьеръ къ этой горсти удальцевъ, которыхъ привела къ этимъ отличіямъ блестящая храбрость ихъ командира [4]).

---

[1]) Блестящихъ съ внѣшней стороны, гдѣ преднамѣренно былъ данъ случай отличиться флигель-адъютанту князю Барятинскому, но потери не оправдывали результатовъ.

[2]) Будущій фельдмаршалъ.

[3]) Барятинскій, щеголяя своей личной храбростью и въ своей жаждѣ отличій, что называется, зарвался, не подождавъ присоединенія остальныхъ частей авангарда, и безполезно подвергъ свои двѣ роты героевъ чувствительнымъ потерямъ; грузины понесли здѣсь также достаточныя потери.

[4]) Не отрицая всего значенія личной храбрости князя Барятинскаго, тѣмъ не менѣе, это наступленіе 2-хъ ротъ кабардинцевъ, не выжидая остальныхъ войскъ, было неблагоразумно и повело къ напраснымъ и тяжелымъ потерямъ въ рядахъ этихъ безцѣнныхъ ротъ славнаго полка.

Проѣзжая черезъ селеніе, графъ навѣстилъ раненыхъ.

Кабардинцы, все еще находясь въ боевомъ возбужденіи, не переставали кричать: „А вѣдь мы стоимъ Куринцевъ!“ [1]).

Одинъ бѣдняга, съ разбитой ногой, на вопросъ графа Воронцова—какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „Я-то что,—пустяки, а меня безпокоитъ рана полковника князя Барятинскаго“.

Таково у нашихъ солдатъ упоеніе побѣдой; таковъ избытокъ любви его къ начальнику, который его понимаетъ и умѣетъ его вести; весело забываетъ онъ и свои страданія, и свои лишенія.

Разъ я заговорилъ о солдатѣ, я считаю долгомъ выразить ему всю мою благодарность и привести здѣсь глубоко и навсегда запечатлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ черту его великодушія.

Это было 19-го іюля [2]). Насъ было четверо раненыхъ штабъ-офицеровъ и насъ несли на носилкахъ во главѣ подобнаго же многочисленнаго и скорбнаго транспорта [3]). Двигаясь въ густомъ лѣсу и прибывъ къ повороту дороги, мы были встрѣчены залпомъ справа, съ высотъ, не занятыхъ нашей правой цѣпью; мгновенно все шествіе остановилось. Первый изъ насъ полковникъ *Бибиковъ* (командиръ Навагинскаго полка) получилъ пулю въ грудь, отъ которой вскорѣ скончался. Меня несли егеря моего баталіона; приставленный ко мнѣ унтеръ-офицеръ, ни слова мнѣ не сказавъ, лишь слегка кивнулъ людямъ головой въ сторону меня и непріятеля, что отъ меня не ускользнуло. Сейчасъ же одинъ карабинеръ съ Георгіемъ на груди (какъ сейчасъ вижу его воинственную фигуру) гордо выпрямился, расправилъ свою грудь и мужественно сталъ между мной и угрожавшей мнѣ опасностью и съ видомъ человѣка, бросающаго вызовъ.

Я находился въ состояніи полной слабости и полной неспособности что-либо видѣть и чувствовать, но я думаю, что я былъ тронутъ до слезъ.

Въ эту минуту я уже не былъ внушавшимъ страхъ и уваженіе начальникомъ, и мой голосъ, какъ это принято на Кавказѣ, уже не служилъ для солдатъ сигналомъ; я представлялъ изъ себя ни болѣе,

---

[1]) Здѣсь кабардинцы соревновали съ своими кунаками куринцами, отличавшимися, какъ это уже было здѣсь разсказано, при штурмѣ горы Анчимееръ подъ общимъ начальствомъ генерала Пассека. Полки эти считались лучшими во всей Кавказской арміи и не имѣли себѣ равныхъ.

[2]) Значительно позднѣе описываемаго и уже по отступленіи отряда черезъ Чечню къ Герзель-аулу.

[3]) Кромѣ Бенкендорфа, еще полковникъ *Бибиковъ* (здѣсь убитый), полковникъ *Завальевскій* и графъ *Стенбокъ-Ферморъ*.

ни менѣе, какъ жалкаго калѣку. Глубоко тронули меня эти лично ко мнѣ относившіяся заботы этихъ молодцовъ.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе и болѣе говорить сердцу, какъ это простое, искренное и нѣмое самоотверженіе солдата, выставляющаго за васъ свою жизнь, не высказывая и сомнѣній, что это жертва, которую онъ вамъ приноситъ...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Въ то время, когда всѣ эти событія происходили въ Андіи, откуда до насъ доходила дальняя канонада, наша колонна больныхъ и раненыхъ приняла противоположное направленіе и съ усиліемъ подымалась по той самой дорогѣ, по которой мы нѣсколько дней тому назадъ спускались.

Поднявшись на вершину плато, мы снова очутились въ облакахъ. Нашъ печальный транспортъ подвигался съ трудомъ. Несчастные больные безпрестанно соскальзывали съ вьюковъ, чѣмъ и задерживали движеніе.

Я открывалъ все шествіе, и мнѣ стоило много труда не сбиться съ дороги, до того былъ густъ туманъ, и чтобы оріентироваться, я поминутно высылалъ людей, вправо и влѣво. Лучшими указателями пути были трупы павшихъ лошадей, попадавшихся на каждомъ шагу и свидѣтельствовавшихъ о нашемъ здѣсь первомъ прохожденіи. Иногда попадались и тѣла нашихъ убитыхъ и умершихъ, вытащенныхъ непріятелемъ изъ могилъ и подло имъ поруганныхъ; я приказывалъ тогда предать ихъ вновь землѣ.

Ничто не можетъ быть ужаснѣе смерти, передъ лицомъ которой всѣ утѣшенія мало говорятъ сердцу и разуму. Особенно сильно поддаются тяжелому впечатлѣнію молодые солдаты: и вотъ вчерашняго товарища по палаткѣ, вчера еще друга, онъ находитъ здѣсь, звѣрски поруганнымъ и брошеннымъ на съѣденіе коршунамъ и шакаламъ, что онъ невольно пріурочиваетъ и къ себѣ.

Вообще, ничего нѣтъ ужаснѣе происходящаго въ тылу арміи, чего и не подозрѣваешь, пока идешь впередъ.

День кончился. Полковникъ Ковалевскій приказалъ мнѣ выбрать на ночь позицію. Ничего не было видно; тутъ, къ счастью, пригодилась моя способность запоминать мѣстность. Я скорѣе угадалъ, чѣмъ увидѣлъ отдѣльное плато, на которомъ мы ночевали 11-го; здѣсь мы разбили палатки.

На другой день погода улучшилась; было чудесно, даже жарко. Мы перешли цѣпь горъ, раздѣляющую насъ отъ Мичи-Кале, и спустились въ долину Акташа, длиной около 8-ми верстъ, до того мѣста, гдѣ дорога послѣдній разъ пересѣкаетъ эту рѣчку; тамъ-то и было указано намъ расположиться. Берега рѣки были очень круты

и переходить ее съ нашими больными было и очень трудно, и очень опасно. Непріятель показался справа, но не очень насъ безпокоилъ, насѣвъ лишь на нашъ аррієргардъ.

Совершивъ переходъ, нашъ полковникъ расположилъ нашъ лагерь на двухъ высотахъ, соединенныхъ между собой сѣдловиной и достаточно внѣ сферы непріятельскаго огня съ сосѣднихъ горъ.

Мы расположились со всѣми удобствами, какъ люди, устраивающіеся на новой квартирѣ, что было первый разъ со времени веденія нами цыганскаго образа жизни. Мы нашли хорошую питьевую воду и въ изобиліи дрова, но для лошадей и для 40 штукъ рогатаго скота, назначеннаго въ пищу солдатамъ, у насъ были очень плохія пастбища, да еще удаленныя отъ лагеря.

Все пространство кругомъ насъ было черно, такъ какъ войска, подобно саранчѣ, все пожираютъ на своемъ пути, оставляя за собой пустыню.

Чтобы передать въ центральный Киркинскій госпиталь всѣхъ тѣхъ многихъ, порученныхъ намъ, больныхъ, Ковалевскій долженъ былъ войти въ сношенія съ генералъ-маіоромъ *Кудашевымъ*, командовавшимъ этапомъ-лагеремъ въ Киркѣ.

Я принялъ участіе въ этой операціи, совершенной нами 16 іюня.

Ковалевскій—достойный офицеръ:—очень храбрый, очень энергичный, большая умница и обладаетъ опытомъ кавказской войны. Онъ много изучалъ Кавказъ, служилъ на Кавказѣ около 15-ти лѣтъ, съ отличіемъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, но испыталъ судьбу многихъ своихъ товарищей, въ особенности—служившихъ колоновожатыми и руководителями нашихъ отрядовъ въ Дагестанѣ; одиночество слишкомъ возвеличивало ихъ въ ихъ собственномъ мнѣніи, и они кончали вѣрой въ непогрѣшимость своихъ мнѣній, никогда и никѣмъ не оспариваемыхъ и не контролируемыхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ они окружены людьми съ меньшими познаніями.

Ковалевскій былъ именно такимъ человѣкомъ, типичнымъ представителемъ такого рода характеровъ; онъ сомнѣвался во всѣхъ, въ себѣ—никогда.

Онъ былъ одержимъ той чисто кавказской болѣзнью, которая выражается въ порицаніи и осужденіи всякаго начальника, какимъ бы онъ ни былъ, единственно только потому, что онъ—начальникъ [1]). Про

---

[1]) Умница, знающій вообще, и Кавказъ въ частности, Ковалевскій вѣроятно не стѣснялся осуждать передъ Бенкендорфомъ всю эту нелѣпую экспедицію 1845 года вообще и отдѣльные ея эпизоды, и доставалось вѣро-

Ковалевскаго часто говорили, что съ нимъ нельзя столковаться. Я нахожу это несправедливымъ, и я самъ—лучшее тому доказательство: подъ его начальствомъ можно прекрасно служить и, послѣ долгихъ съ нимъ 12-ти дней, мы разстались друзьями. Но долженъ сознаться, что, какъ начальникъ, онъ таки довольно крутъ; я лично не боялся его обидѣть моими осужденіями, ибо такое обращеніе ему по душѣ, и если эти строки попадутся когда-либо ему на глаза, то онъ, смѣясь, согласится съ этимъ и, помахивая по обыкновенію трубкой, скажетъ: „а вѣдь Бенкендорфъ правъ!" Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Кавказъ оторвалъ отъ семейной жизни, и которые будутъ доживать свой вѣкъ, пока лихорадка или вражеская пуля не положитъ конецъ ихъ карьерѣ, такъ какъ на Кавказѣ никто не умираетъ своею смертью. Если, несмотря на его недостатки, пользоваться имъ умѣло, то онъ могъ бы оказать намъ большія услуги, и потому я надѣюсь долго еще видѣть его орудующимъ въ Дагестанѣ съ неизмѣнными—компасомъ въ одномъ карманѣ и пѣснями Беранже, въ качествѣ молитвенника, въ другомъ [1]).

Страна, подобная Кавказу, гдѣ мѣсто, занимаемое человѣкомъ—ничто, а самъ человѣкъ—все, страна, въ которой, если для успѣха движенія не хватаетъ общаго импульса, то на помощь является добровольное и просвѣщенное содѣйствіе цѣлой плеяды личностей, управленіе которыхъ (веденіе которыми дѣла) не поддается никакой заранѣе данной имъ инструкціи; такая страна, повторяю я, облагораживаетъ человѣка, отдавшагося ей душой и тѣломъ, принимая конечно во вниманіе занимаемое имъ положеніе и соотвѣтственно оказываемое ему довѣріе [2]). Разъ онъ на этомъ пути, то онъ можетъ

ятно и графу Воронцову, и Лидерсу, и Гурко, и всему многочисленному штабу и свитѣ Воронцова, и всѣ эти осужденія, вдобавокъ, сыпались въ рѣзкой формѣ, что не могло особенно нравиться сдержанному и воспитанному Бенкендорфу. *Б. К.*

[1]) Превосходная, полная правды и жизни, мѣткая характеристика этого также выдающагося дѣятеля кавказской войны, павшаго въ 1854 году смертью храбрыхъ при штурмѣ Карса. *Б. К.*

[2]) Превосходная, вѣрная и весьма интересная характеристика условій военно-административной службы лучшихъ русскихъ людей на Кавказѣ, условій естественныхъ, вытекающихъ, такъ сказать, изъ природы вещей. Въ самомъ дѣлѣ, обстановка военно-административной и чисто-военной службы на Кавказѣ въ тѣ времена была такова, что только самостоятельное и независимое отношеніе къ дѣлу, полное находчивости и рѣшительности, обезпечивало успѣхъ этого живого дѣла войны и умиротворенія кавказскихъ народностей. Здѣсь-то и вырабатывалась та безцѣнная прав-

иногда зарываться, и самолюбіе его можетъ быть безгранично. Но стоитъ ли ради этого останавливать его въ его благородной и полезной дѣятельности?!

Зачѣмъ лишать себя этого неоцѣненнаго сокровища—„Кавказа", который суть никто другой, какъ тотъ же русскій, передѣланный Кавказомъ! [1]) Во имя общаго блага и принимая во вниманіе его достоинства, будемъ сносить его гордость и независимость его характера; вѣдь безъ него на Кавказѣ ничего не будетъ сдѣлано такого, что бы стоило Кавказа!!

Правда, кавказцевъ много упрекаютъ въ томъ, что они составляютъ какъ бы особую партію или союзъ; да, это союзъ, но союзъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, союзъ уважаемый и благотворный, такъ какъ основаніемъ его является глубокое знаніе края и любовь къ нему всего того же края [2]).

Изъ 6-ти ротъ, сопровождавшихъ нашъ транспортъ, одна рота Куринскаго и одна Апшеронскаго полковъ были оставлены въ Мичи-Кале для обезпеченія лагеря. По возвращеніи нашемъ 17-го, мы застали здѣсь все въ возбужденіи, хотя непріятель и не показывался, а все смятеніе было вызвано коровой, Богъ знаетъ откуда явившейся. Началось съ того, что солдаты обоихъ полковъ открыли по ней охоту, потомъ стали спорить о дѣлежѣ.

Тотъ, кто никогда не ѣдалъ *„баранты"* [3]), не пойметъ всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обѣ щеки чужое добро, и не пойметъ также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще—лучше продаваемаго мясникомъ и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказѣ разбойничество—что называется—носится въ воздухѣ, имъ упиваются, и существуетъ особая любовь жить воровствомъ. Можетъ ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вноситъ разнообразіе въ монотонную выдачу одниxъ только гнилыхъ сухарей отъ интендантскаго чиновника! Тамъ, гдѣ война есть

ственная самостоятельность отдѣльныхъ лицъ и массы, въ которой и заключается ключъ къ успѣху во всякаго рода практическихъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ практическомъ и живомъ дѣлѣ, какъ война, да еще и народная. *Б. Колюбакинъ.*

[1]) А сколько было на Кавказѣ такихъ дѣятелей, взросшихъ въ атмосферѣ нравственной самостоятельности въ живомъ дѣлѣ вѣчной войны, требующемъ независимость, сметку и рѣшительность?!. *Б. К.*

[2]) Союзъ этотъ былъ обширный и составилъ кадры той арміи, которая покорила Кавказъ и которая такъ рѣзко отличалась отъ войскъ Имперіи. *Б. К.*

[3]) Скотъ, отбитый у непріятеля,—рогатый и овцы.

обыденное и непрерывное занятіе, въ войскахъ очень легко возникаютъ драки, и то же самое происходитъ и между кавказскими полками, настолько же чуждыми одинъ другому, настолько же склонными къ зависти и даже къ ненависти другъ къ другу, насколько подобное отношеніе естественно между жителями сосѣднихъ долинъ. Съ одной стороны пускаются въ ходъ штыки, съ другой—приклады, и въ обѣихъ частяхъ, какъ это обыкновенно водится, офицеры стоятъ за своихъ людей.

Служба на Кавказѣ обособляетъ жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересовъ, и всѣ тѣ общія связи, которыя связываютъ полкъ съ общимъ отечествомъ, порываются до такой степени, что люди почти забываютъ, что они служатъ одному общему дѣлу.

Такъ и здѣсь, въ Мичи-Кале, не появись во-время Ковалевскій, быть бы междуусобной дракѣ. Очевидно былъ виноватъ мой *Эссенъ*, командиръ Куринской роты, который, какъ младшій въ чинѣ, долженъ былъ слушаться *Евдокимова* [1]), командира Апшеронской роты. Но могъ ли Куринецъ подчиниться Апшеронцу, не краснѣя, не унижаясь, не признавая себя виновнымъ?! Могъ ли Эссенъ подчиниться, онъ, который всецѣло принадлежитъ полку—своей единственной родинѣ, онъ, который считаетъ за честь раздѣлять всѣ полковыя симпатіи и антипатіи?! Между тѣмъ, между Куринцами и Апшеронцами издавна существовала вражда.

Одни изъ нихъ получаютъ большее, другіе меньшее содержаніе, одни—дерутся все время съ лезгинами, другіе—съ чеченцами, одни—все время ведутъ войну въ горахъ, другіе—въ лѣсахъ, одни, наконецъ, носятъ красный околышъ и бѣлую портупею, другіе—темнозеленый околышъ и черную портупею; какъ же имъ при такихъ условіяхъ не ненавидѣть другъ друга?!.

Однажды, въ одномъ селеніи, въ базарный день, возникла ссора между Чеченцами и Апшеронцами; Куринцы непреминули принять въ ней серьезное участіе. Но кому пришли они на помощь? Конечно,—не Апшеронцамъ!

„Какъ намъ не защищать Чеченцевъ", говорили Куринскіе солдаты, „они наши братья, вотъ ужъ 20 лѣтъ, какъ мы съ ними деремся"!..

На Кавказѣ полкъ никогда не мѣняетъ мѣста своей стоянки; основаніемъ своей постоянной штабъ-квартиры онъ упрочиваетъ покореніе и безопасность края и бросаетъ эти постоянныя штабъ-

[1]) Родной братъ извѣстнаго впослѣдствіи Николая Ивановича.

квартиры только для новыхъ завоеваній, которыя опять-таки только такимъ способомъ онъ и можетъ упрочить.

Каждый изъ нашихъ полковъ представляетъ такимъ образомъ какъ бы воинственное племя, пустившее корни въ занимаемой имъ мѣстности; каждый полкъ въ извѣстной степени ассимилируется съ мѣстностью, моральное вліяніе которой даетъ характеру солдатъ извѣстную окраску, измѣняя даже его языкъ.

Полкъ служитъ не исключительно только цѣлямъ чисто военнымъ, т. е. оборонѣ и покоренію края, нѣтъ, онъ вноситъ въ страну возрожденіе, свѣтъ, прогрессъ и обрусѣніе.

Если мѣсто штабъ-квартиры выбрано удачно, то городокъ этой русской колоніи составляетъ центръ всего края, который до сихъ поръ не имѣлъ таковаго.

Каждый полкъ составляетъ конгломератъ (учрежденій), строитъ церкви, содержитъ госпиталя, магазины, школы, притягиваетъ къ себѣ купцовъ, поставщиковъ, открываетъ цѣлую сѣть разнаго рода производствъ, открываетъ новые пути сообщеній, разрабатываетъ лѣса и пустыни и для достиженія всѣхъ этихъ прекрасныхъ результатовъ онъ ищетъ въ самомъ себѣ средства и способы существованія, ибо онъ очень скоро погибъ бы, если бы не былъ обязанъ самому себѣ, что впрочемъ не такъ уже и трудно, благодаря смышленности и способности нашихъ солдатъ.

Каждый разъ, когда устраивается новый полкъ, то это событіе, для жившихъ доселѣ уединенно и безъ связи съ внѣшнимъ міромъ, является по истинѣ пріятной неожиданностью, — интересной новостью.

Изъ всего сказаннаго видны все то значеніе и вся та польза для туземнаго и русскаго элементовъ, которыя проистекаютъ изъ единства управленія, т. е. — единства гражданскаго и военнаго управленій, установленныхъ на Кавказѣ.

Наши полки въ Закавказьѣ много утратили этого цивилизаторскаго элемента введеніемъ тамъ новаго порядка вещей, но на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи, и оно таково, каковымъ его требовалъ Ермоловъ, первый изъ нашихъ генераловъ, оцѣнившій это вліяніе въ должной степени. Отсюда видна та роль, которую обстоятельства налагаютъ на того, кто назначенъ командовать полкомъ, и та осторожность, какую надо проявлять при назначеніяхъ, въ чемъ нужно тѣмъ болѣе мудрости, что на Кавказѣ командиръ полка въ сферѣ своей дѣятельности не подлежитъ контролю.

Случается, что безупречный на инспекторскомъ смотру командиръ совершенно не годенъ ни для края, ни для полка, другой же

командиръ, у котораго на смотру нашлись непорядки, — превосходенъ.

Послѣ многихъ заблужденій, наши военныя власти рѣшились наконецъ не провѣрять управленія полковыхъ командировъ, сознавая, что нужно только умѣть выбирать людей, но въ этомъ-то и заключается вся трудность: большинство баталіонныхъ командиромъ (боевыхъ), составившихъ себѣ имя на Кавказѣ, рѣдко бываютъ на высотѣ такого отвѣтственнаго командованія; туземцы, столь многочисленные въ нашихъ войскахъ, еще менѣе тому пригодны; но самое худшее назначеніе—это офицеровъ безъ всякаго прошлаго и прямо изъ образцоваго полка. *Командиры изъ образцоваго полка* понимаютъ службу только въ одномъ видѣ, съ формальной стороны, да и то толкуютъ ее вкривь и вкось; *для войскъ эти господа—сущее бѣдствіе, язва* [1]).

Для хорошаго командира полка на Кавказѣ требуется человѣкъ просвѣщенный, съ взглядами широкими, благородный и доброжелательный, преданный краю и дѣлу, которому онъ призванъ.

Лучшіе полковые командиры, которыхъ мы имѣемъ, почти всѣ офицеры Генеральнаго Штаба.

Возвращаюсь къ *Эссену*: онъ былъ немедленно посаженъ подъ арестъ. *Ковалевскій* хотѣлъ было выслать его изъ отряда и предать его полевому суду, чего онъ конечно заслуживалъ, но я заступился за него. *Въ нашихъ кавказскихъ войскахъ почти никогда не проявляютъ строгости.*

По существу Эссенъ былъ хорошій офицеръ, а ротнаго командира нелегко замѣнить въ кампаніи, а затѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эта страна дикарей не можетъ не вліять на общую дикость нравовъ.

Я вернулъ Эссену шашку только наканунѣ выступленія изъ Мичикале. Стараясь не подчиняться авторитету его сѣдины, я ему долго говорилъ о неприличіи его поступка; онъ поклялся мнѣ, что

---

[1]) Какъ хорошо подчеркнулъ честный и боевой Бенкендорфъ это бѣдствіе отъ „образцовыхъ командировъ", что еще болѣе справедливо для Имперіи, гдѣ въ это т. наз. „Николаевское время" только „образцовые" и шли впередъ. На этихъ-то изъ „образцовыхъ"—бригадныхъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ и возлагали мы надежды въ восточную войну 1853—1856 гг., и кампанія и вышла „образцовой". Только Кавказская армія двигала людей другого сорта, и одна только она и порадовала Россію въ эту войну. Прошло 70 лѣтъ, а образцовые остались, принявъ только какъ бы болѣе полевой видъ, но и полевой-то видъ болѣе съ формальной стороны. *Б. К.*

съумѣетъ себя побороть, что ничего подобнаго не повторится въ будущемъ, и что онъ сдѣлаетъ все, чтобы мнѣ угодить. Никогда я не былъ такъ доволенъ собою,—такъ я былъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Въ самомъ дѣлѣ я могъ себя поздравить, такъ какъ, уходя, Эссенъ объявилъ мнѣ самымъ скромнымъ образомъ: „во всемъ буду повиноваться, но объ одномъ только прошу, если попадется Апшеронецъ ночью, наединѣ, такъ, чтобы никто не видалъ, то позвольте его задушить“ [1]).

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

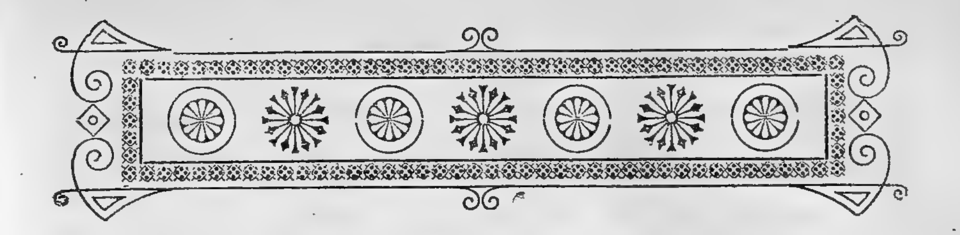

[1]) О томъ же Эссенѣ князь Дондуковъ-Корсаковъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ Эссенъ былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ въ укрѣпленіе *Умаханъ-юртъ* на правомъ берегу Сунжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ *Брагуны*. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской арміи, въ то время извѣстнаго генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юрта.

Перевозку эту взяли на себя мирные брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе черезъ Сунжу провіантъ. Эссенъ, куря трубку, сидѣлъ на батареѣ, командующей переправою, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу брагунцевъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неимовѣрной скоростью. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣпленіе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣпленіе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную, вскорѣ послѣ означеннаго происшествія“.

Б. Кол-ъ.

Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ [1].

(Воспоминанія запаснаго).

асовъ до четырехъ ночи все было спокойно. Все замерло. Тотъ, кто могъ спать — спалъ, а кто долженъ былъ бодрствовать — тотъ не смыкалъ глазъ. И вдругъ въ этой морозной тишинѣ послышался одиночный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Так-ку, так-ку— и загрохотала сразу сильная перестрѣлка.

Такъ на пожарѣ, пока пламя не находитъ удобосгораемаго матеріала, оно дѣйствуетъ какъ-то вяло и нерѣшительно и, кажется, что вотъ-вотъ оно задохнется въ облакахъ чернаго дыма и погаснетъ. Кое-гдѣ мелькнетъ красный языкъ, лизнетъ онъ по клубамъ чернаго и смраднаго дыма и потомъ исчезнетъ, а черезъ секунду снова въ другомъ мѣстѣ мелькнетъ такой же языкъ, и онъ также исчезнетъ, какъ бы не будучи въ силахъ побѣдить окружающія его тяжелыя и смрадныя дымныя облака. Но вотъ пламя находитъ себѣ настоящую пищу; вдругъ начинается сильный трескъ; уже не отдѣльные и робкіе языки лижутъ тогда черные клубы дыма, а изъ его мрачной среды сразу взлетаетъ вверхъ огромный горячій снопъ пламени; дымъ какъ бы пугается и улетучивается, и вмѣсто него летитъ къ верху, страшно шумя и разсыпаясь искрами огненный ураганъ, противъ котораго, кажется, нѣтъ такой силы, которая могла бы справиться съ его бѣшенымъ порывомъ. Такъ было и здѣсь. Пламя нашло себѣ пищу и вмѣсто одиночныхъ робкихъ огненныхъ языковъ зашумѣлъ и заревѣлъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910.

необъятный огненный ураганъ, — могучій и несокрушимый. Р-р-р-р... неслись непрерывные звуки, и снова казалось, что тысячи людей начали раздирать куски прочной ткани. Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ, вторили имъ пушки и, казалось, что кто-то необъятно громадный и сильный бьетъ въ огромный, хватающій до самаго неба барабанъ. Ж-ж-ж.... сердито ворчали въ морозномъ воздухѣ шимозы и шрапнели, какъ бы негодуя на то, что ихъ въ темень и въ холодъ посылаютъ неизвѣстно куда. Пѣли на разные голоса пули свои заунывныя пѣсни, звонко чмокаясь съ глиняными стѣнками. А-а-а... слышались впереди вопли тысячи людей, идущихъ на вѣрную смерть.

И въ этомъ крикѣ, который собою все покрывалъ и который собственно и былъ центромъ всѣхъ этихъ разнородныхъ звуковъ, было такъ много скорби и тоски. Въ немъ не слышалось тѣхъ задорныхъ нотокъ, которыя мы привыкли слышать на маневрахъ, когда идутъ въ атаку также тысячи людей, но идутъ не для того, чтобы или побѣдить или умереть, а для того, чтобы произвести только извѣстный эффектъ и порадовать этимъ наблюдающее начальство. Это не была перекатывающаяся съ одного конца огромнаго поля на другой его конецъ мощная волна звука, вылетающаго изъ тысячей человѣческихъ глотокъ, которыя воинственнымъ крикомъ и воплемъ привѣтствуютъ на парадномъ полѣ любимаго вождя, или обожаемаго монарха,—нѣтъ, но это тоже была волна,—страшная и стремительная волна, которая не ревѣла, а скорѣе стонала, — болѣзненно, жутко стонала, посылая къ небу свою послѣднюю мольбу, а къ міру—свой послѣдній прощальный привѣтъ.

Кто слышалъ этотъ стихійный вопль на военномъ полѣ, вопль полный отчаянія и скорби, и кто сумѣлъ уловить его потрясающую гармонію, у того сердце должно было сжаться въ груди, а душа просилась вонъ — на свободу, желая улетѣть куда-нибудь далеко, далеко въ это синее высокое небо, которое только одно можетъ быть прибѣжищемъ отъ всѣхъ человѣческихъ мукъ, слезъ и страданій.

— Атака идетъ,—снова говорили солдаты, и снова лица ихъ были блѣдны, слышались глубокіе вздохи, руки творили крестныя знаменія, а губы тихо шептали: „Господи, помоги, Царь небесный, милостивый“.

Шла дѣйствительно ужасная бѣшеная атака на редутъ, атака, въ которой японцы еще разъ доказали свою безпредѣльную доблесть, свой пылъ и энергію и свою святую и высокую любовь къ родинѣ, ради которой они шли теперь впередъ на вѣрную смерть. Но и русскіе во время этой атаки, а равно и всѣхъ быв-

шихъ раньше, тоже доказали свою непоколебимую стойкость, свою рѣшимость — умереть, а не уступить. Здѣсь оба народа одинаково состязались въ доблести, и грѣхъ приметъ на душу тотъ, кто осмѣлится бросить комкомъ грязи въ наши войска, которыя всегда стойко держались и выдерживали напоръ бѣшеной волны непріятельскихъ легіоновъ, — держались съ молитвой на устахъ о помощи свыше и отступали съ болью въ сердцѣ только тогда, когда имъ это приказывали.

Нужно было быть самому во всѣхъ этихъ: Сандепу, Чжань-Тань, Хенаняхъ, Чжантаняхъ, Янсытуняхъ и Мукденахъ, — нужно было быть тамъ не въ качествѣ руководителя, наблюдающаго издали за боемъ и не видѣвшаго, что въ это время творится въ самомъ горнилѣ этого боя—въ цѣпи и ея ближайшихъ резервахъ— для того, чтобы понять все и для того, чтобы послѣ этого оцѣнить съ психологической точки зрѣнія все то, что творится на боевомъ полѣ. И языкъ не повертывается тогда, чтобы порицать этихъ бѣдныхъ, замученныхъ людей въ сѣрыхъ солдатскихъ и офицерскихъ шинеляхъ.

И невольно, послѣ этихъ ужасныхъ часовъ, пережитыхъ здѣсь среди пира смерти, чувствуется порывъ души къ Богу: „Господи", стонетъ душа въ смертельной тоскѣ, „Ты далъ этимъ людямъ горькія чаши и воззри—развѣ не пьютъ они изъ чашъ Твоихъ по велѣнію Твоему;—воззри и разсуди ихъ Твоимъ праведнымъ судомъ, ибо судъ человѣческій не разсудитъ ихъ по правдѣ".

Въ ротахъ, которыя были у пруда, конечно сразу, по усиленной канонадѣ, почувствовали, что будетъ атака.

Тѣ, которые спали, быстро пробудились, и теперь это уже не были сонные и неповоротливые люди, а всѣ съ полнымъ напряженіемъ смотрѣли впередъ, стараясь разглядѣть въ ночномъ сумракѣ надвигающагося врага. Доблестные офицеры: поручикъ М. и подпоручикъ Я., бывшіе при этихъ ротахъ, старались успокоить людей и, ходя по фронту, говорили: смотри, ребята, не торопись стрѣлять: безтолковая стрѣльба только ободритъ непріятеля.

Но вотъ въ ночной темнотѣ начали показываться отдѣльные силуэты людей, которые, нагнувшись, перебѣгали впередъ и впередъ, скрываясь быстро за складками мѣстности и за тѣмъ также быстро снова поднимаясь и перебѣгая.

Люди начали волноваться; задвигались суетливо затворы и люди готовы были начать безпорядочную пачечную стрѣльбу.

— Слушай моей команды, раздался тихій, покойный, но внушительный голосъ поручика М., и люди моментально насторожились.

— Вынь патроны, продолжалъ командовать поручикъ. Затворы снова защелкали.

— Съ колѣна, безъ патроновъ, командовалъ офицеръ, и люди примѣрно прикладывались и спускали ударники, какъ при стрѣльбѣ залпами. Порядокъ былъ возстановленъ, и рота была въ рукахъ молодца опытнаго ротнаго командира, который здѣсь, въ столь тяжелую минуту ожиданія, съумѣлъ взять ввѣренную ему часть въ руки черезъ посредство простого и не хитростнаго пріема.

Между тѣмъ за одиночно перебѣгающими людьми показалась огромная черная масса, которая съ шумомъ, какъ тяжелая свинцовая туча, двигалась съ неудержимымъ порывомъ впередъ. А-а-а-а, застонала эта масса и покатилась впередъ съ еще большимъ порывомъ и стремительностью.

— Съ патрономъ, теперь уже громко и энергично скомандовалъ поручикъ М., и одинъ за другимъ загрохотали стройные и дружные залпы.

— А-а-а-а, стонала несущаяся впередъ лавина. Тр-ра, тр-ра, тр-ра, гремѣли въ отвѣтъ залпъ за залпомъ.

Изъ редута также открыли огонь, и оттуда неслись тѣ же потрясающіе воздухъ: тр-ра, тр-ра, тр-ра, въ перемѣшку съ непрерывнымъ бѣглымъ огнемъ.

Но лавина катилась и катилась впередъ. Вотъ уже одиночные люди забрались въ наружный ровъ редута, но ихъ было не болѣе тридцати человѣкъ, и они повидимому растерялись и не знали, что имъ дѣлать дальше: идти впередъ—значило погибнуть, отступленіе тоже несло за собою неминуемую смерть.

Японцы атаковали колоннами, стараясь нанести ударъ въ правый фасъ редута, потому что съ этой стороны шагахъ въ 300 отъ него было много могильныхъ холмовъ, за которыми и можно было укрыться и устроиться.

Въ то время, когда шла эта бѣшеная атака, къ нашему командиру полка прибѣжалъ изъ редута солдатъ и доложилъ, что ихъ командиръ раненъ, почти всѣ офицеры перебиты и переранены и что люди остались безъ начальства. Имя этого солдата такъ до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, а равно и то,—прибѣжалъ ли онъ съ докладомъ по собственной волѣ, или же былъ посланъ начальствомъ.

Командиръ полка сейчасъ же послалъ ординарца къ начальнику дивизіи съ докладомъ о всемъ этомъ, а также и о томъ, что онъ отправился въ редутъ—принять начальство надъ его гарнизономъ.

Мы шли подъ убійственнымъ огнемъ, но слава Богу благополучно достигли до ближайшихъ окрестностей редута. Начало уже свѣтать, когда мы были здѣсь. Навстрѣчу намъ несли носилки съ

ранеными; пронесли и раненаго въ редутѣ командира полка; многіе раненые плелись сами, не обращая уже вниманія на огонь.

Атака японцевъ была отбита, и только нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ, забравшихся въ наружный ровъ, сидѣли въ немъ, не зная что дѣлать; видны были торчащіе оттуда ихъ острые штыки-ножи. Остальные частью полегли, усѣявъ своими трупами всю мѣстность передъ правымъ фасомъ редута, частью же засѣли за могилками и оттуда били на выборъ мѣткимъ огнемъ защитниковъ редута.

Намъ нужно было перебѣжать подъ этимъ огнемъ совершенно открытую площадку между послѣдними постройками и стѣнками деревни и редутомъ; здѣсь былъ устроенъ крытый ходъ въ видѣ глубокой извилистой канавы, но теперь ходъ этотъ былъ биткомъ набитъ солдатами, которые перестрѣливались съ японцами, залегшими за могилками. Тутъ же валялись убитые и раненые. Пройти по этому ходу было немыслимо, и мы побѣжали напрямикъ. Пули свистѣли мимо ушей безпрерывно, и японцы видимо старались не допустить никого изъ насъ до редута, но какимъ-то чудомъ ни одна изъ пуль никого изъ насъ не задѣла. Мы достигли до входа въ редутъ, и здѣсь поперекъ дороги, помню, валялся трупъ убитаго солдата, черезъ который мы перешагнули и очутились во внутреннихъ рвахъ редута. Картина здѣсь была ужасная: блиндажъ для раненыхъ былъ переполненъ; большинство изъ нихъ лежало молча, но нѣкоторые тяжело и глухо стонали; одинъ же, раненый въ голову и видимо потерявшій сознаніе, кричалъ во все горло, издавая какіе-то нечеловѣческіе звуки,—что-то въ родѣ ла-ла-ла; онъ вопилъ такъ громко, что его было слышно во всѣхъ концахъ редута, и никуда нельзя было скрыться отъ этого страшнаго вопля. До наступленія темноты раненый этотъ былъ живъ, и его нельзя было вынести потому, что японцы цѣлый день держали насъ подъ страшнымъ огнемъ, и всѣ попытки вынести раненыхъ кончались смертью или раненіемъ санитаровъ. Множество убитыхъ валялось во рвахъ редута, и черезъ эти трупы живые люди ходили, какъ черезъ какія-то полѣнья; не обращая вниманія на мертвецовъ, живые люди сидѣли тутъ же рядомъ съ ними и либо угрюмо молчали, либо изрѣдка перебрасывались между собою отрывочными словами. На банкетахъ стояли стрѣлки и перестрѣливались съ непріятелемъ, падая безпрестанно оттуда внизъ съ пробитыми черепами, шеями или грудью. Число раненыхъ и убитыхъ все увеличивалось и увеличивалось, и казалось, что скоро не будетъ уже мѣста,—гдѣ бы можно было ходить, не перешагивая черезъ трупы.

Тяжелыя шестидюймовыя бомбы падали въ редутъ, и отъ ихъ

могучихъ ударовъ сотрясались тяжелые бруствера и вздрагивала земля; шрапнели одна за другой рвались надъ редутомъ, и въ общемъ положеніе было скверное и тяжелое. Нужно было во что бы то ни стало удалить какъ-нибудь непріятеля, засѣвшаго за могилками, въ противномъ случаѣ за день они могли бы перебить у насъ много людей; ночью же столь близкое сосѣдство предпріимчиваго противника, который могъ подвезти сюда и пулеметы, было и еще того непріятнѣе. Солдаты и сами были заинтересованы этимъ вопросомъ, но ничего не могли придумать за невозможностью подойти скрытно къ непріятелю; всюду было ровное и открытое мѣсто, и площадку шаговъ триста шириною, отдѣляющую редутъ отъ могилокъ, приходилось перебѣгать подъ мѣткимъ огнемъ, который клалъ на мѣстѣ каждаго, кто рисковалъ на ней показаться.

И вдругъ мы увидѣли надъ могилками множество небольшихъ бѣлыхъ флачковъ, которыми японцы, не показываясь изъ-за могилъ, начали махать въ воздухѣ.

— Сдаешься что ли, ходя, кричали солдаты, переставъ стрѣлять и высовывая голову надъ брустверомъ.

— Эй, сдавайся пріятель, кричали они: все одно—тутъ, „братъ", ничего не подѣлаешь.

Флачки продолжали по-прежнему рѣять въ воздухѣ, но японцы не показывались.

— Не вылазь всѣ на брустверъ-то, предупреждали людей офицеры: японецъ хитеръ.

И дѣйствительно, изъ-за могилокъ затрещали выстрѣлы, и нѣсколько окровавленныхъ людей упали въ ровъ, а флачки все попрежнему мотались въ воздухѣ. Люди озлились за такое предательство. Не любитъ русскій человѣкъ хитрости и коварства, а японецъ, кажется, склоненъ къ этимъ „добродѣтелямъ" съ дѣтства.

— Погоди, ужо наша возьметъ, говорили со злобой люди;—выпремъ тебя, голубчика, штыкомъ, коли добрыхъ словъ не понимаешь.

Начальнику дивизіи была послана записка, въ которой просили его назначить какую-либо роту изъ деревни для того, чтобы выбить непріятеля изъ-за могилокъ. Вскорѣ въ редутъ пришелъ поручикъ С.—командиръ той роты, которая должна была произвести атаку на японцевъ. Лицо его было удивительно спокойное и, глядя на него, совсѣмъ нельзя было подумать, что вотъ пройдетъ нѣсколько минутъ и онъ уже простится съ жизнью. Говорятъ, что у тѣхъ, кому суждено быть убитымъ въ бою, всегда бываетъ тяжелое предчувствіе; быть можетъ, оно было и у С., но только онъ ничѣмъ не выдавалъ этого и былъ удивительно спокоенъ и хладнокровенъ. Онъ осмотрѣлъ мѣстность, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы изъ-за мо-

гилокъ, и рѣшилъ, что пойдетъ въ атаку со стороны деревни, такъ какъ отсюда удобнѣе подойти къ непріятелю. Изъ редута обѣщана была полная поддержка атакующимъ.

С. ушелъ. Прошло полчаса, и ничего не было видно и слышно со стороны деревни. Японцы по-прежнему продолжали стрѣлять, махая въ воздухѣ своими флачками, съ помощью которыхъ они вѣроятно подавали какіе-либо сигналы своей артиллеріи, которая не оставляла въ покоѣ нашего редута.

Вдругъ со стороны деревни раздалось громкое „ура!", и видно было, какъ оттуда къ могилкамъ бѣжали наши солдаты, съ ружьями на перевѣсъ. Изъ редута добрая половина людей также бросилась впередъ и ничѣмъ невозможно было удержать ихъ порыва. Часть японцевъ, человѣкъ около ста, не выдержала и бросилась бѣжать, но ихъ сейчасъ же догнали мѣткія пули изъ редута, и они какъ снопы падали на землю и устилали собою это и безъ того заваленное мертвецами поле. Но бóльшая часть непріятельскихъ солдатъ осталась за могилками, рѣшивъ сцѣпиться съ нашими въ штыки. И дѣйствительно они сцѣпились. Замелькали въ воздухѣ приклады, и видно было, какъ они тяжело опускались и били по головамъ людей, послѣ чего эти люди, взмахнувъ руками, тяжело валились на землю; штыки вонзались въ человѣческое тѣло, и послѣ этого тѣло это также падало и корчилось на землѣ въ предсмертной агоніи. Многіе японскіе солдаты и здѣсь пускались на хитрость; какъ оказалось впослѣдствіи, у многихъ изъ нихъ были ручныя гранатки, зажигающіяся съ помощью фитиля; японскій солдатъ, подпустивъ нашего шаговъ на 10—15, быстро чиркалъ фитилемъ этой гранаты подъ полой своей шинели и затѣмъ бросалъ гранатку въ лицо бѣгущаго на него солдата; гранатка рвалась со страшнымъ трескомъ и обжигала на смерть наступающаго, раня его и своими многочисленными жестяными осколками; обороняющемуся также нерѣдко попадало отъ этого близкаго взрыва. Впослѣдствіи на мѣстѣ побоища было найдено нѣсколько нашихъ и японскихъ труповъ, совершенно изуродованныхъ, покрытыхъ какимъ-то желтоватымъ налетомъ и съ полопавшимися глазами; это все были жертвы ужаснаго дѣйствія ручныхъ гранатокъ.

Минуты двѣ продолжалась эта схватка, и ни одинъ японецъ не вернулся къ своимъ: всѣ легли на мѣстѣ и лишь только человѣкъ 20 было взято въ плѣнъ. Судьба тѣхъ храбрецовъ, которые сидѣли въ наружномъ рвѣ редута, была также очень печальна: они при первыхъ же крикахъ „ура!" бросились бѣжать и конечно всѣ легли въ 20—30 шагахъ отъ редута.

Помню ужасную сцену: одинъ изъ этихъ солдатъ былъ подстрѣ-

ленъ почти въ тотъ моментъ, когда онъ выскочилъ изъ рва; пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ и почувствовавъ, что онъ не въ силахъ больше бѣжать, началъ растерянно метаться въ разныя стороны.

— Не стрѣляй энтого, не стрѣляй; вишь раненый, кричали люди, но чья-то пуля ударила въ бѣднягу, и онъ, взмахнувъ вверхъ руками, какъ взмахиваетъ подстрѣленная птица крыльями, упалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, и остался недвижимъ.

Бойня кончилась, и изъ-за могилокъ возвращались теперь наши солдаты. Многіе изъ нихъ шли, размахивая руками, въ которыхъ они держали свои и японскія винтовки, и оживленно передавали другъ другу свои впечатлѣнія отъ штыковой свалки.

— Я его прикладомъ какъ вдарилъ, такъ онъ и упалъ, какъ снопъ, говоритъ одинъ.

— А Семеновъ-то троихъ штыкомъ запоролъ;—здоровъ парень: на третьемъ, говоритъ, штыкъ погнулся. Я къ нему энто подбѣгъ, а онъ руки кверху,—прощенія сталъ просить,—повѣствуетъ, проходя мимо, солдатъ.

Многіе солдаты вели подъ руки нашихъ и японскихъ раненыхъ. Вотъ ведетъ одинъ изъ такихъ японца, обхвативъ правой рукой его за талію. Японецъ раненъ въ ноги, а потому и не могъ идти и волочится за нашимъ, повиснувъ безпомощно у него на рукѣ.

— Стой, ходя[1]), говоритъ солдатъ: не способно намъ такимъ-то манеромъ съ тобой на прогулкѣ ходить, годи маленько—приспособимся,—и солдатъ бережно кладетъ своего путника на землю, потомъ беретъ свою и его винтовку и приспособливаетъ ихъ у себя за плечомъ; сдѣлавъ это, онъ нагибается къ раненому, поднимаетъ его и, взявъ на руки, несетъ какъ мать носитъ своего ребенка. Раненый обхватываетъ шею солдата руками, и такъ они торжественно приходятъ въ редутъ, не обращая уже никакого вниманія на безпрерывно рвущіяся шрапнели.

Много трогательныхъ, за душу хватающихъ сценъ пришлось увидѣть послѣ этой кровавой схватки и убѣдиться въ томъ, что солдатъ нашъ отличается добродушіемъ и незлобіемъ, что эти люди, которые за пять минутъ передъ этимъ раскраивали своими прикладами головы враговъ и вонзали въ ихъ груди свои острые штыки, совсѣмъ не были кровожадны и, какъ только кончилась бойня, они сейчасъ же снова стали людьми, способными на человѣколюбивые подвиги и чувства. Нужно было видѣть—съ какою любовью эти люди ухаживали за японскими ранеными, которыхъ у

[1]) Ходя—другъ.

насъ въ редутѣ за этотъ день перебывало человѣкъ до 50, при чемъ большинство изъ нихъ были принесены сюда нашими же солдатами, а были и такіе, которые сами и ползли къ намъ въ надеждѣ на помощь въ ихъ тяжеломъ положеніи. Съ какою любовью и осторожностью грубыя солдатскія руки, грязныя и большею частью обагренныя кровью, распарывали и разстегивали амуницію и одежду у раненыхъ, какъ осторожно они накладывали на обнаженныя раны бинты и повязки, пуская въ дѣло свои перевязочные пакеты, какъ потомъ бережно укладывали раненыхъ враговъ на дно рва, подкладывая имъ подъ головы свои мѣшки и дѣлясь съ ними своимъ послѣднимъ сухаремъ и кусочкомъ сахара. И все это дѣлалось безъ всякой рисовки, да и передъ кѣмъ же было рисоваться; просто: въ душѣ зазвучали ея лучшія струны и полились чудные и гармоничные аккорды гимна любви и жалости ко всему страждущему и несчастному.

Многіе японцы были тронуты этой лаской; они видимо совершенно этого и не ожидали; улыбаясь и кланяясь, они благодарили, прося только, чтобы имъ дали ихнія пилюли, запасъ которыхъ имѣлся у каждаго въ ранцѣ. Пилюли эти—величиной съ горошину и издаютъ запахъ креозота; вѣроятно, въ ихъ составъ входитъ какое-либо вещество, которое дѣлаетъ человѣка мало чувствительнымъ къ боли. Японцы съ жадностью глотали эти пилюли, предпочитая ихъ нашему сахару и сухарямъ. Только нѣкоторые японскіе солдаты были суровы и не обращали вниманія на ласковый уходъ за ними.

Помню двухъ такихъ унтеръ-офицеровъ: одинъ былъ худощавый, со строгимъ желтымъ и измученнымъ лицомъ; другой былъ коренастый и мускулистый парень, съ небольшими черными усами на круглой и типичной японской физіономіи; коренастый былъ тяжело раненъ въ руку—въ локтевой суставъ; пуля при выходѣ изъ руки вырвала у него большой кусокъ мяса и обнажила кость; худощавый имѣлъ нѣсколько ранъ въ рукахъ и ногахъ. Они угрюмо смотрѣли на нашихъ солдатъ, хлопотавшихъ надъ перевязками, отказывались отъ всего, что имъ предлагали, и глотали только пилюли. Все время они сурово молчали и на всѣ вопросы трясли только отрицательно головами. Когда имъ сдѣлали перевязку и уложили ихъ въ ровъ, то они покрылись съ головой своими плащами, какъ бы не желая видѣть тѣхъ людей, которые о нихъ заботились, и которыхъ они такъ безпредѣльно презирали и ненавидѣли.

Помню, былъ еще одинъ раненый, о которомъ не могу не упомянуть, потому что исторія раненія этого солдата была довольно оригинальна.

Когда атака на могилки была окончена и когда наши люди возвращались въ редутъ, неся свои трофеи, то я, помню, вдругъ увидѣлъ японскаго солдата, который медленно и хромая на одну ногу шелъ между нашими, но не въ сторону редута, а отъ него. Люди, переносившіе раненыхъ, не обращали почему-то на него вниманія и проходили мимо; но вотъ этотъ японецъ поравнялся съ нашимъ солдатомъ, который возвращался въ редутъ одинъ. Когда они поравнялись другъ съ другомъ, то нашъ, флегматично посмотрѣвъ на японца, схватилъ его за рукавъ шинели, намѣреваясь забрать его въ плѣнъ, но японецъ быстро выскользнулъ изъ своей шинели и, какъ кошка, во всю прыть понесся въ сторону отъ нашихъ, прыгая съ необычайной ловкостью и скоростью по гаоляновымъ грядкамъ. Очевидно, онъ не былъ раненъ и прикидывался таковымъ только для того, чтобы дойти какъ-нибудь до могилокъ, а оттуда какъ-нибудь скрытно добраться до своихъ.

— Держи, держи,—заоралъ нашъ, пускаясь въ погоню за бѣглецомъ, но сразу же стало замѣтно, что не въ нашей неуклюжей амуниціи и не въ нашихъ тумбообразныхъ валенкахъ можно было пускаться въ это предпріятіе; разстояніе между нашимъ и японцемъ все увеличивалось и увеличивалось. Въ редутѣ поднялся гвалтъ. „А-ту его!“—кричали солдаты: „пали-пали; пулей его с....“, слышались голоса, и выстрѣлы затрещали. Пули падали около бѣглеца, но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Наконецъ, пробѣжавъ шаговъ 400 и, вѣроятно, утомившись, онъ пошелъ шагомъ. Нашъ отсталъ отъ него шаговъ на 100 и также шелъ, не оставляя надежды взять плѣнника. Двое другихъ нашихъ солдатъ побѣжали на помощь товарищу, а японецъ шелъ, оглядываясь временами назадъ.

— Эхъ, если и теперь промахнусь,—сказалъ кто-то возлѣ меня,— то больше и стрѣлять не буду!—Сказавшій долго цѣлился, наконецъ выпалилъ, и японецъ тяжело повалился какъ разъ возлѣ самаго холмика, за который онъ разсчитывалъ укрыться. Трое нашихъ подбѣжали къ нему и хотѣли его взять, но раненый упирался, не желая подниматься съ земли. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ приставилъ ему штыкъ къ груди, и это, видимо, подѣйствовало. Его повели и вскорѣ онъ, вися на рукахъ у нашихъ солдатъ, прибылъ въ редутъ. Это былъ молодой парень, съ несимпатичнымъ, звѣрскимъ лицомъ и съ блуждающими страшными глазами; онъ все время какъ-то глупо мычалъ, и что-то безумное было въ его взорѣ. Пуля перебила ему ногу. Его перевязали и уложили, но онъ, какъ бы въ бреду, не переставалъ бормотать самъ съ собою, и только когда одна изъ непріятельскихъ шрапнелей очень удачно разорвалась надъ редутомъ, то онъ съ ехидной, злобной улыбкой, тихо произ-

несъ по-китайски: „шанго“ (хорошо), зная, вѣроятно, что это слово понятно каждому изъ насъ.

Все та же обстановка, тѣ же стоны и вопли, тѣ же окровавленные трупы, тотъ же огонь и визгъ шрапнели да громыханія тяжелыхъ бомбъ,—все это было передъ глазами людей до наступленія темноты. Подъ вечеръ пальба умолкла, и начали выносить раненыхъ, но носилокъ не хватало, и несчастнымъ долго приходилось ожидать своей очереди. Уже при полной темнотѣ вынесли наконецъ и того раненаго, который цѣлый день кричалъ не своимъ голосомъ. Онъ, когда его несли, продолжалъ издавать тѣ же непріятные звуки, и долго въ темнотѣ слышалось удаляющееся ла-ла-ла, похожее на собачій лай,—ужасное и безумное. Начали выносить и убитыхъ и складывать ихъ на площадкѣ за редутомъ. Прибрали и того солдата, который цѣлый день пролежалъ передъ входомъ въ редутъ, какъ бы закрывая его своимъ трупомъ. Убитыхъ тащили за шинели, и всѣ они казались необычайно тяжелыми, такъ что иной разъ четыре человѣка не въ силахъ были справиться съ этой тяжелой ношей. По всему редуту какъ-то вдругъ пошелъ трупный запахъ, хотя день былъ не изъ особенно теплыхъ, но все же свѣтлые лучи здѣшняго февральскаго солнца очевидно успѣли сдѣлать свое дѣло. Вскорѣ вся площадка за редутомъ была покрыта трупами нашихъ солдатъ; отсюда ихъ брали другіе люди и переносили въ общую могилу—куда-то въ деревню.

Ночь настала темная и морозная. Часовъ въ 10—11 пришло приказаніе о томъ, что гарнизонъ редута сейчасъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано было отойти въ деревню, гдѣ и отдохнуть до 4 часовъ утра, а послѣ этого полку уже въ полномъ его составѣ—занять снова тотъ же редутъ и смежныя съ нимъ стѣнки деревни.

Вскорѣ дѣйствительно пришла къ намъ смѣна, но пока она пришла, да пока мы смѣнялись—прошло добрыхъ два часа. Наши секреты, съ наступленіемъ темноты, были высланы впередъ, и командиръ полка предупредилъ по окончаніи смѣны командира заступившей въ редутъ части, прося его смѣнить и секреты и отнюдь не открывать огня до тѣхъ поръ, пока эти секреты не отойдутъ въ редутъ. Все было сдѣлано, и намъ оставалось только идти въ деревню и воспользоваться 2—3 часами отдыха; и вотъ въ первомъ часу ночи мы пошли въ хвостѣ послѣдней, вышедшей изъ редута роты. Не успѣли мы отойти и 200 шаговъ, какъ въ редутѣ послышались сначала одиночные выстрѣлы, а затѣмъ затрещала настоящая ружейная перестрѣлка, вмѣстѣ съ которой послышались ихъ громкіе вопли передъ редутомъ: свои! свои!—

вопили люди во все горло; куда палите, черти! По своимъ, діаволы!—неслось изъ темноты. Крики были настолько громки и настолько внушительны, что перестрѣлка какъ бы сразу затихла, но и послѣ этого крики и ругательства еще продолжались нѣкоторое время.

Оказалось, что люди смѣнившаго насъ полка, будучи нервно настроены, приняли отходящіе наши секреты за непріятеля и открыли огонь. Къ счастію, онъ продолжался недолго, но и этого было достаточно для того, чтобы изъ людей секретовъ оказалось 9 человѣкъ раненыхъ.

Придя въ деревню и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы заснули, хотя и короткимъ, но свинцовымъ сномъ, а въ 4 часа утра полкъ въ полномъ составѣ потянулся по мрачнымъ улицамъ Янсытуня, направляясь все къ тому же редуту, гдѣ уже пришлось пережить столько мучительныхъ и тяжелыхъ часовъ.

Это было 23 февраля утромъ.

Къ разсвѣту мы снова были на своихъ мѣстахъ, и такъ какъ непріятель насъ почему-то не безпокоилъ, то и занялись чисткой и уборкой редута, а равно и починкой всѣхъ тѣхъ изъяновъ, которые были сдѣланы въ его брустверахъ непріятельскими снарядами. Изъ рвовъ редута были вытащены цѣлые вороха разнаго окровавленнаго тряпья, мусора, жестянокъ отъ консервовъ—и все это было вывалено на бруствера. Кровавыя пятна, которыя во многихъ мѣстахъ остались какъ слѣды отъ вчерашнихъ труповъ, были засыпаны землею; блиндажи выметены и вычищены; изъ пустыхъ цинковыхъ коробокъ отъ патроновъ мы устроили на брустверахъ бойницы, наполнивъ предварительно эти коробки землею и присыпавъ землю къ ихъ наружной поверхности, чтобы она не блестѣла на солнцѣ. Вообще черезъ часъ отъ подобной работы мы и сами не узнали своего редута. Люди, расхаживая по чистымъ рвамъ, какъ-то повеселѣли, ободрились. „Ишь чистота какая,—говорили они,—словно бы въ хатѣ подъ образами". Разнесся слухъ, что съ правой стороны двигается нашъ огромный отрядъ, подъ командой храбраго и популярнаго въ арміи генерала Гернгроса. Говорили, что этотъ отрядъ, наступая четырьмя колонами чуть ли не по дивизіи каждая, имѣлъ задачею потѣснить обходящія нашъ правый флангъ силы непріятеля, и что когда генералу это удастся, то мы ударимъ на японцевъ съ фронта и окончательно сомнемъ ихъ. Этотъ планъ былъ всѣмъ понятенъ, и люди, быстро усвоивъ себѣ эту не хитрую комбинацію, безусловно вѣрили въ успѣшность ея осуществленія.

— Какъ же, говорили они: силы-то сколько идетъ, ажъ 4 дивизіи; гдѣ жъ ему устоять супротивъ такой силищи, а тутъ какъ значитъ еще мы поднатиснемъ, такъ и совсѣмъ ему капутъ придетъ.

Всѣ жили этой надеждой и внимательно прислушивались въ правую сторону—не загромыхаютъ ли, молъ, тамъ пушки, которыя могли оповѣстить своимъ грохотомъ подходъ войскъ генерала Гернгроса.

Потомъ прошелъ слухъ, что генералъ раньше, какъ къ вечеру, никоимъ образомъ подойти не можетъ, потому что больно великъ маршъ, да и „онъ" на каждомъ шагу будетъ задерживать. Къ вечеру безпремѣнно подойдутъ, успокаивали себя люди. Дай-то, Господи: довольно ужъ насъ-то обходить; теперь, стало быть, насталъ „его" чередъ.

Но судьба рѣшила все это иначе, и всѣ наши надежды и упованья разлетѣлись въ прахъ.

Отъ нечего дѣлать люди сидѣли на ступенькахъ рвовъ, а нѣкоторые лежали въ блиндажахъ и спали мирнымъ сномъ. Нѣкоторые, вооружившись биноклями, разсматривали впереди лежащую мѣстность. Я тоже взялъ бинокль и началъ смотрѣть. Вотъ шагахъ въ 800 отъ редута тянется какой-то окопъ, вѣроятно сооруженный японцами; онъ, повидимому, никѣмъ не занятъ. Вотъ дальше за нимъ видны небольшіе кусты ивняка и на опушкѣ въ разныхъ положеніяхъ лежатъ 4 убитыхъ японца. Къ нимъ осторожно подбираются два огромныхъ мохнатыхъ пса, которые, должно быть, еще не вполнѣ увѣрены, что передъ ними мертвецы, мясо которыхъ можно кушать съ великимъ наслажденіемъ. Они потихоньку крадутся къ мертвецамъ, дѣлаютъ петли, какъ бы разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, садятся, потомъ опять начинаютъ подкрадываться; а мертвецы лежатъ грузно и неподвижно, и ихъ освѣщаетъ ясное февральское солнце, которое теперь также привѣтливо и ласково свѣтитъ гдѣ-нибудь въ далекомъ уголку ихъ прекрасной родины и согрѣваетъ своимъ теплымъ лучемъ какую-нибудь убогую деревушку, изъ которой пришли сюда эти люди затѣмъ, чтобы въ видѣ падали валяться на опушкѣ этихъ кустовъ. Этихъ псовъ видитъ стоящій рядомъ со мной молодой парень, и у него является желаніе попугать ихъ, но самъ онъ почему-то не рѣшается этого сдѣлать и обращается къ содѣйствію другого.

— Дядька Ѳедоръ, а дядька Ѳедоръ, говоритъ онъ флегматично сидящему на ступенькѣ бородачу запасному, который готовъ погрузиться въ сладкую дремоту,—пугни ихъ изъ винтовки.

— Кого пугнуть? апатично спрашиваетъ Ѳедоровъ, не мѣняя своей позы.

— Собакъ, вонъ что къ мертвякамъ крадутся; а и здоровущія же, чтобы имъ пусто было,—ровно волки, добавляетъ онъ.

— А на што ихъ пужать; не все одно, что песъ сожретъ, что такъ сопрѣетъ. Пусть ихъ, отвѣчаетъ Ѳедоровъ, зѣвая. О Господи, Господи, добавляетъ онъ: сегодня ихъ жрутъ, а завтра можа и до насъ чередъ дойдетъ. Пусть ихъ; брось,—говоритъ онъ парню; не ровенъ часъ, ротный узнаетъ, что по собакамъ палимъ,—серчать зачнетъ. Молодой не унимается. Онъ беретъ винтовку и выпаливаетъ по псу, который, сѣвъ недалеко отъ мертвеца, жадно смотритъ на эту лакомую закуску. Пуля рикошетируетъ шагахъ въ 3 отъ него, и онъ испуганно вскакиваетъ и скрывается въ кустахъ, изъ которыхъ ночью онъ выйдетъ къ своей ужасной добычѣ.

Японцы утромъ насъ не тревожили, и впереди вообще не было замѣтно никакого движенія. Обстоятельство это навело даже на мысль о томъ—не ушли ли они и вовсе отсюда. Съ цѣлью разслѣдовать это была послана команда охотниковъ, которые по одиночкѣ собрались у могилокъ, гдѣ вчера была штыковая схватка, и отсюда, отъ этой груды мертвыхъ тѣлъ охотники повели наступленіе, идя рѣдкою цѣпью. Отойдя шаговъ 500—600 впередъ, они принуждены были остановиться, такъ какъ изъ деревни Нингуантунь ихъ встрѣтили довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что деревня Нингуантунь по-прежнему занята непріятелемъ, охотники вернулись, и вскорѣ послѣ этого непріятель, какъ бы въ отместку за наше предпринятое ничтожными силами наступленіе, открылъ артиллерійскую канонаду по Янсытуню и по нашему редуту. Нѣсколько тяжелыхъ шестидюймовыхъ бомбъ грохнулось въ самый редутъ, и снова его валы вздрагивали отъ ихъ могучихъ ударовъ и разрывовъ. Вмѣстѣ съ бомбами падали и шимозы, но сила ихъ разрыва казалась уже какой-то шуткой въ сравненіи съ мощностью бомбъ. Тѣ снаряды, которые были направлены въ деревню, пролетали надъ нашими головами съ необычайной скоростью; эта скорость, казалось, даже опережала собою звукъ, такъ какъ сначала надъ головой слышался какъ бы шелестъ летящаго снаряда, и вслѣдъ уже за этимъ каждый разъ слышался не громкій и почему-то всегда двойной звукъ орудійнаго выстрѣла. Вообще японскія пушки и ружья всегда почему-то издаютъ двойной звукъ при выстрѣлѣ: бумъ-бумъ, слышите вы голосъ непріятельской пушки. Та-к-ку, та-к-ку, выговариваютъ ихъ ружья, но почему эти непремѣнно двойные звуки,—насколько помню, объяснить никто не могъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ, ужасная начальная скорость снаряда и пули и есть причина этого страннаго явленія. Пуля, вылетая изъ канала ствола, сверлитъ въ воздухѣ тоже въ своемъ родѣ каналъ и сверлитъ его въ первый

моментъ по вылетѣ изъ дула настолько быстро, что воздухъ не успѣваетъ заполнить его моментально же вслѣдъ за полетомъ пули. Словомъ, послѣ выстрѣла образуется длинная пустота, какъ въ каналѣ ружья, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго. Воздухъ, врываясь въ каналъ ствола, даетъ первый звукъ, а потомъ, заполняя собою болѣе длинную пустоту, даетъ какъ бы нѣсколько протяжный второй звукъ. Быть можетъ, это объясненіе отдаетъ профанаціей, но я только и могъ на немъ остановиться и ничѣмъ не объясняю себѣ этого страннаго явленія. Часа два по полудни стрѣльба затихла.

Удивительно, какое слабое дѣйствіе производитъ въ общемъ артиллерійскій огонь по хорошо укрытымъ цѣлямъ, а въ особенности зимою, когда земля хорошо промерзла и представляетъ собою очень сильное сопротивленіе фугасному дѣйствію снарядовъ. Про шимозы и говорить нечего: снарядъ этотъ, несмотря на то, что обладалъ непомѣрною силой разрывного дѣйствія, благодаря своему разрывному заряду изъ какого-то особаго пороха, все же, попадая въ земляной валъ, дѣлаетъ въ немъ ничтожную воронку. Шестидюймовая бомба, ударяя въ валъ, сотрясаетъ собою не только послѣдній, но даже и весь редутъ, и все же воронка, пробиваемая этимъ могучимъ снарядомъ, невелика. Помню, что за время этой послѣдней бомбардировки у насъ было очень мало раненыхъ.

Другое дѣло лѣтомъ: тутъ бомба въ состояніи показать всю свою мощь; она разворотитъ сразу всю толщу бруствера, разнеся землю въ разныя стороны.

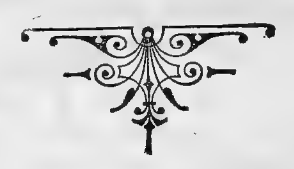
Во время бомбардировки люди прятались въ блиндажи, или прижимались къ отлогости вала и были въ безопасности. Интересно было слѣдить за полетомъ шестидюмовыхъ бомбъ; полетъ ихъ, въ сравненіи съ полетомъ шимозъ и шрапнелей, очень медленный. Во время движенія бомба издаетъ звукъ, очень похожій на тотъ, который вы услышите, если пойдете лѣтомъ на сѣнокосъ и начнете смотрѣть, какъ возятъ копны сѣна, не погружая ихъ на возы: копны эти ставятся на такъ называемыхъ „ометьяхъ" (длинный хворостъ); и вотъ прицѣпляютъ лошадь къ комлямъ ометинъ и тянутъ копну; она при движеніи издаетъ почти такой же звукъ, какъ и шестидюймовая бомба во время своего полета. „Копну повезли", говорили обыкновенно солдаты, заслыша полетъ бомбы. Вы слышите, какъ эта „копна" шуршитъ гдѣ-то высоко и далеко, все приближаясь и приближаясь; звукъ становился яснѣе и яснѣе; вотъ-вотъ сейчасъ рухнетъ что-то мощное и тяжелое, невольно плотнѣе прижимаешься къ валу; и въ это время вздрагиваетъ земля, слышится громкій трескъ разрыва; воздухъ застонетъ отъ разлетающихся осколковъ; поднимается огром-

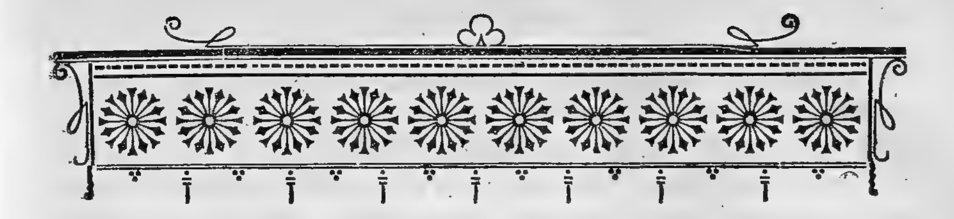
ный фонтанъ земляныхъ комьевъ, подброшенныхъ на значительную высоту, и затѣмъ все успокоится, а черезъ нѣсколько секундъ ползетъ уже и другая „копна“, и та проявляетъ себя подобнымъ же образомъ.

Помню, въ этотъ же день къ редуту изъ деревни Нингуантунь подошелъ глубокій старикъ-китаецъ,—оборванецъ и крайне грязный и неопрятный. Онъ какъ бы въ изнеможеніи сѣлъ у наружнаго рва. Его сочли за шпіона и привели въ редутъ. Старикъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, гноящимися глазами, которые были безъ всякаго выраженія. Ему связали руки и посадили вмѣстѣ съ плѣнными японцами. Временами они о чемъ-то между собою перебрасывались словами, и солдаты, глядя на эту компанію, добродушно посмѣивались и говорили, что старикъ разсказываетъ японцамъ смѣшныя прибаутки, занимая ихъ отъ скуки. Вечеромъ, какъ плѣнныхъ, такъ и старика увели.

Н—чъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

(Окончаніе).

IX [1]).

Заимодавцы и должники. Заказчики и мастеровые люди. Хозяева и жильцы.

На всемосковскомъ торжищѣ шла бойкая торговля въ долгъ, и часто возникали недоразумѣнія между заимодавцами и должниками. Иногда эти недоразумѣнія разрѣшались мирно законнымъ порядкомъ на съѣзжемъ дворѣ. Такъ, Кожевницкой полусотни тяглецъ Егоръ Яковлевъ въ 1693 году искалъ долга на вдовѣ торговаго человѣка Аннѣ Ивановой; послѣ повальнаго обыска истецъ „взялъ себѣ на душу, что отвѣтчику ему отдать долгъ“, т. е. пошелъ на присягу; послѣ этого Иванова заявила, что „заплатитъ ему въ Китаѣ-городѣ на съѣзжемъ дворѣ передъ судьями“.

Иногда заимодавцы ловили должниковъ на улицѣ и приводили на съѣзжій дворъ: въ іюнѣ 1687 года верховой истопникъ Евтифѣй Ананьевъ поймалъ на Красной Площади портного, занявшаго у него за годъ передъ тѣмъ деньги „для товару на куплю портного мастерства“; Ананьевъ былъ довѣрчивъ и зналъ только, что портного „зовутъ Игнашкою“, а „чей сынъ того онъ не зналъ“, но портной не оправдалъ довѣрія и на съѣзжемъ дворѣ во всемъ заперся.

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

Но нерѣдко заимодавцы и должники предпочитали судебной процедурѣ кулачную расправу. Одинъ, напримѣръ, торговецъ морковью на Живомъ мосту встрѣтился въ Китаѣ-городѣ съ другимъ торговцемъ морковью, взявшимъ у него деньги взаймы, и сталъ ему „говорить про долговыя деньги про четыре рубля"; въ отвѣтъ на это должникъ „ему тѣхъ денегъ не отдалъ, а его бранилъ и безчестилъ всякими неподобными словами", а потомъ на Живомъ мосту уже „билъ и увѣчилъ и въ водѣ было утопилъ"; другой заимодавецъ, Садовой Слободы тяглецъ Максимъ Аѳанасьевъ пришелъ за долгомъ къ торговому человѣку Семену Степанову, который „учалъ его бранить и безчестить и бить и увѣчить и бороду выдралъ", что подтвердилось и осмотромъ Аѳанасьева, у котораго „на правой сторонѣ борода была выдрана и на правой рукѣ ошибено до крови и петли у кафтана ободраны". Иногда заимодавецъ не оставался въ долгу передъ драчуномъ должникомъ: 3 мая 1687 года подрались заимодавецъ квасникъ Семеновъ и должникъ лавочникъ Ивановъ; Семеновъ утверждалъ, что Ивановъ „учалъ его бранить и бить смертнымъ боемъ и прошибъ ему голову стругомъ (рубанкомъ)", но Ивановъ показывалъ, что Семеновъ первый „началъ его за горло давить, и онъ, отъ себя боронясь, зашибъ его стругомъ, что окончины дѣлаютъ". Иногда столкновенія происходили изъ-за самыхъ пустячныхъ долговъ: такъ, галичанинъ посадскій человѣкъ Семенъ Савельевъ 26 мая 1687 года, т. е. уже въ четвергъ на первой недѣлѣ Петровокъ, пришелъ за долгомъ къ Шапочнаго ряда торговому человѣку Василію Степанову, который былъ ему долженъ одну деньгу за рыжики, купленные еще Великимъ Постомъ; но соблюдавшій строго посты Степановъ, несмотря на постъ, „учалъ бранить грибовщика всякою неподобною бранью и ударилъ его въ груди рукою" и въ концѣ концовъ заперся во всемъ, говоря, что и грибовщикъ къ нему „не прихаживалъ", и онъ его „не бивывалъ" и даже самыхъ рыжиковъ „не покупывалъ" [1]).

Иногда столкновенія заимодавцевъ съ должниками происходили внѣ Китая-города: 18 іюня 1687 года торговый человѣкъ Жемчужнаго перекрестка Никита Трофимовъ шелъ мимо Мучного ряда и у церкви Настасьи Премудрыя [2]) встрѣтилъ своего должника Барашской слободы тяглеца Ивана Иванова; должникъ „бился яицы, и за тѣ яица у него яичники сняли кафтанъ и рубашку"; увидавъ

---

[1]) Пр. 1061, 48, 64; Пр. 1512, 204, 294.

[2]) На площади Охотнаго Ряда, застроенной тогда лавками, противъ Дмитровки и до конца XVIII вѣка стояла церковь Анастасіи Узорѣшительницы.

своего неисправнаго должника, расточавшаго свое послѣднее достояніе, Трофимовъ „учалъ ему говорить, чтобы заплатилъ его, Никиткинъ, долгъ“, но Ивановъ, не пришедшій въ себя отъ азарта неудачной игры, „учалъ его бить“, да еще на него же подалъ на съѣзжемъ дворѣ въ Китаѣ-городѣ челобитную въ томъ, что заимодавецъ „билъ его и увѣчилъ“.

Объѣзжему головѣ приходилось разбирать и недоразумѣнія, возникавшія между жившими въ Китаѣ-городѣ многочисленными мастеровыми людьми и ихъ заказчиками.

Случалось, что мастеръ не исполнялъ заказа, а потомъ самъ же заказчика „бранилъ и безчестилъ всякою неподобною бранью“. Иногда кромѣ самолюбія страдалъ и карманъ заказчика. Великимъ постомъ 1687 года стрѣлецъ полка Сухарева Иванъ Яковлевъ заказалъ портному Дмитрію Андрееву „кафтанъ тафтяный двоеличный выстегать“, далъ ему матерію, прикладъ и фунтъ хлопчатой бумаги, всего на 4 рубля, т. е., по крайней мѣрѣ, рублей на 40 на наши деньги; кафтанъ, конечно, нуженъ былъ къ Пасхѣ, но портной до конца сентября кафтана не сшилъ и даже, какъ это иногда бываетъ съ портными, „тотъ кафтанъ пропилъ“, т. е. отдалъ въ закладъ, а деньги пропилъ; не желая, чтобъ пропалъ матеріалъ, Яковлевъ далъ денегъ на выкупъ кафтана, но получилъ его въ очень жалкомъ видѣ „безъ рукава и безъ пуговицъ и безъ шнурка“, а пуговицы были серебряныя, шнурокъ же шелковый; при этомъ портной заказчика „бранилъ и безчестилъ“ и, чтобы придать себѣ больше вѣса, „назвался боярскимъ человѣкомъ“; Яковлевъ сначала испорченный кафтанъ „объявилъ всему Ветошному ряду, торговымъ людемъ“, а потомъ представилъ на съѣзжій дворъ; портной оказался съ гоноромъ и стоялъ на томъ, что „того кафтана онъ не пропивалъ“, утверждая, что деньги, данныя на выкупъ, онъ „ему, Ивану, заработалъ своею работою, а за тотъ рукавъ онъ, Мишка, плательщикъ“. Иногда дѣло доходило и до драки. Стрѣлецъ Андрей Павловъ вздумалъ заказать сапоги и въ понедѣльникъ 9 октября 1693 года пошелъ къ Водянымъ воротамъ къ сапожникамъ; день былъ выбранъ неудачно, потому что по понедѣльникамъ во всѣ вѣка хорошіе сапожники всегда „понедѣльничали“; хозяинъ сапожнаго заведенія Иванъ Васильевъ, по словамъ Павлова, „учалъ его бить и увѣчить и бранить и безчестить“; по словамъ же Васильева, была общая свалка, Павловъ самъ „былъ пьянъ и учалъ его бранить и безчестить и жену его жъ бранить безчестить и хотѣлъ его, Ивашку, стащить за волосы, и учалъ онъ, Ивашка, его, Андрюшку, изъ избы высылать, и онъ, Андрюшка, учалъ его, Ивашку, бить и увѣчить и за горло давить и горло

у него, Ивашки, осарапилъ до крови, и жена его, Ивашкина, учала кричать, а билъ его, Андрюшку, онъ, Ивашка, отъ себя боронясь, а, на которыхъ онъ, Андрюшка, сапожниковъ слался, и тѣ сапожники его, Ивашку, били съ нимъ, Андрюшкою". Вообще понедѣльники, повидимому, доставляли не мало матеріала для уголовной хроники съѣзжаго двора. Въ понедѣльникъ 22 августа 1687 года жена человѣка кн. Голицына Өедосья Хвостова пришла въ Китай-городъ къ своей матери и встрѣтилась у нея со своимъ братомъ портнымъ мастеромъ Никономъ, который, будучи, вѣроятно, въ понедѣльничномъ настроеніи, „билъ ее и увѣчилъ"; сестра, правда, не осталась въ долгу и „у него, Никонки, выдрала бороду"; дѣло не кончилось втихомолку по семейному, но было перенесено на съѣзжій дворъ. То же самое вліяніе на мастеровыхъ людей имѣли знаменитыя „засидки", искони начинающіяся съ Рождества Богородицы; по крайней мѣрѣ, въ самый этотъ праздникъ въ 1693 году костромитинъ посадскій человѣкъ Антонъ Карповъ, жившій „въ Подгорьѣ у Ивана Суздальца въ подклѣтѣ изъ найму понедѣльно", билъ челомъ на жильца того же дома сапожника Гаврилу Өеоктистова который „бранилъ его и безчестилъ всякими неподобными словами, невѣдомо за что". Вообще въ густо населенномъ Китаѣ-городѣ часто происходили ссоры и драки между жильцами, нанимавшими въ домахъ горницы и подклѣты: крестьянинъ, напримѣръ, Петръ Өедоровъ, жившій въ подклѣтѣ понедѣльно: у церкви Николы въ Углу [1]) попа Өомы, сталъ приставать къ свояченицѣ другого жильца „дѣвицѣ" Афимьѣ, „бранилъ ее и безчестилъ всякою неподобною бранью и говорилъ непристойныя слова", Афимья оказалась не робкаго десятка и „за то она, дѣвка, его, Петрушку, по щекамъ била и голову проломила"; на Смоленскомъ подворьѣ (на углу Варварки и Кривого переулка) подъячій Сибирскаго приказа Степанъ Протопоповъ поставилъ лошадь, стоявшій же на этомъ подворьѣ смоленскій рейтаръ Никита Корчагинъ, „взявъ дубину, ударилъ лошадь дубиною по задней правой ногѣ, невѣдомо для какого вымыслу, и ногу у той лошади переломилъ", а Протопопова „бранилъ и безчестилъ".

Вообще нельзя сказать, что квартирный вопросъ не существовалъ въ острой формѣ и въ XVII столѣтіи. Это видно изъ отношеній между разряднымъ подьячимъ Климомъ Суровцовымъ къ его домохозяину, Мытнаго двора подьячему Василію Алексѣеву. Въ маѣ 1693 года Суровцовъ нанялъ у Алексѣева „подклѣтъ съ сѣнями"

[1]) Упраздненная въ концѣ XVIII вѣка церковь у самой стѣны рядомъ съ церковью Зачатія.

съ условіемъ „ставиться со всякимъ своимъ запасомъ въ его, Васильевъ, погребъ и вода черпать изъ его же колодезя, что у него на огородѣ“. Но уже 8 ноября Суровцовъ билъ челомъ на Алексѣева въ томъ, что ночью на 8 ноября „онъ приходилъ незнамо съ какими людьми наряднымъ дѣломъ и приступомъ у сѣней дверь выломали да у подклѣта окошки отбили“ и Суровцова съ женой „били и увѣчили“, а „сынишка“ Суровцова „по третьему году въ окошко толкнулъ“. „И отъ того ихъ бою и увѣчья, писалъ Суровцовъ въ челобитной Государямъ, я, холопъ вашъ, и женишка моя и сынишко мой изувѣченъ, да онъ же, Василій, съ товарищи взяли у меня грабежемъ шапку соболью, да рукавицы, да сынишки моего кафтанъ теплый тафтяный, исподъ хребтовый, да кандейку мѣдную да зеркало среднія руки“. 22 ноября Суровцовъ снова подалъ на Васильева челобитную. „Противъ, Государи, поручной записи, писалъ Суровцовъ, и договору онъ, Василій, не устоялъ, ни съ какимъ моимъ запасомъ въ погребъ не пущаетъ и изъ колодезя воды не даетъ и на дворѣ дровъ складывать не велитъ и, не доживъ году, со двора ссылаетъ напрасно и непрестанно онъ, Василій, и жена его меня, холопа вашего, и женишку и тещу мою вдову Овдотью бранятъ всякою неподобною бранью, похваляется, гдѣ застигши, бить и грабить, невѣдомо для какого умыслу, видя мое одиначество, и мнѣ, холопу вашему, въ такую распутицу до дороги съ двора съѣхать за скудостью своею не мочно, потому что отъ прежняго его, Васильева, грабительства я, холопъ вашъ, разоренъ, и отъ его, Васильевыхъ, напрасныхъ нападковъ и утѣсненія и посмѣшества учинились мнѣ убытки большіе, квасъ и капуста стоитъ въ сѣняхъ, отъ духоты и морозовъ попортились, и всякій съѣстной запасъ и посуда и рухлядь и дрова складены въ сѣняхъ же“. „А опричь, Государи, сѣней, обращался Васильевъ прямо къ Царямъ по наивному обычаю того времени, мнѣ, холопу вашему, поставить негдѣ“.

Въ августѣ того же года жена Огородной слободы тяглеца Хавронья Филиппова подала челобитную на свою домохозяйку, просвирню церкви Николы Москворѣцкаго Матрену Иванову въ томъ, что 5 августа „просвирня, вышедъ изъ подклѣта на дворъ, учала ее, Хаврошку, бить и увѣчить, невѣдомо за что“. Хотя Филиппова нанимала „горницу“ на годъ съ платою по 6 рублей въ годъ, но жила безъ поручной записи и не знала даже, „какъ ее, просвирню зовутъ“, равно какъ и просвирня не знала, „чья дочь“ Хавронья. Просвирня придралась къ тому, что Филиппова жила безъ поручной записи, и на этомъ построила все свое оправданіе. „Хаврошка, показывала просвирня, живетъ насильствомъ и ее, Матрену, бранитъ и безчеститъ всякою неподобною бранью, и она, Матрена, ее,

Хаврошку, не бивала и не увѣчивала, и бить ее, Хаврошку, и увѣчить не за что и не кому, и высылаетъ она, Матрена, ее, Хаврошку, изъ горницы вонъ для того, что она поручной записи по себѣ не даетъ, а по указу Великихъ Государей безъ поручныхъ записей никого держать не велѣно". Показаніе просвирни, твердо стоявшей на почвѣ паспортнаго устава, тѣмъ не менѣе сомнительно, такъ какъ, во-первыхъ у Хаврошки все-таки „верхняя губа и носъ были расшибены до руды и вспухло", во-вторыхъ, просвирня вообще не отличалась благонадежностью.

Просвирня имѣла какія-то темныя дѣла съ пріѣзжими въ Москву греками сомнительной репутаціи; грекъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ, торговавшій драгоцѣнными камнями, утверждалъ, что просвирня „покупала у него товару, всякое каменье", и что онъ былъ у нея одинъ; жильцы же просвирни показывали, что „видали его въ томъ домѣ по многое время, ночуетъ у тое просвирни съ нею въ подклѣтѣ, и иные греки пріѣзжаютъ многіе, ночуютъ"; „а для какого дѣла, того не вѣдаемъ", говорили осторожные жильцы. Но сосѣдъ просвирни икорныхъ шалашей торговый человѣкъ Ѳедоръ Елисеевъ безъ стѣсненія показывалъ, что грекъ ѣздилъ къ просвирнѣ „для блуднаго дѣла", и что „пріѣзжаютъ къ той просвирнѣ ночною порою греки и пьютъ и бражничаютъ, и бываетъ у нихъ крикъ и драка", и, что „онъ, Ѳедка, отъ тѣхъ грековъ опасенъ зажегу и смертнаго убивства". Жильцы просвирни одинъ разъ побили грека, а, по его словамъ, и ограбили его. Грекъ искалъ на Елисеевѣ безчестья, но дѣло было передано въ Посольскій приказъ, гдѣ были „вѣдомы окладъ ему и безчестье" [1]).

Хорошей иллюстраціей нравовъ торговаго населенія Китая-города могутъ служить злоключенія разряднаго подьячаго Максима Гнѣвышева, чиновника Разряда, учрежденія, которое имѣло высшій надзоръ за дѣятельностью самого съѣзжаго двора. 3 іюня 1693 года Печатнаго двора отставной батырщикъ Лука Евтифѣевъ взялъ у Гнѣвышева Слѣдованную Псалтырь, цѣною 2 рубля, а, когда Гнѣвышевъ 11 іюня пришелъ къ батырщику „за тое Псалтырь денегъ просить", Евтифѣевъ „учалъ его бранить и безчестить".

Большая часть лѣта прошла благополучно, но 7 августа Гнѣвышевъ за часъ до вечера шелъ на Пятницкую черезъ Москворѣцкій

[1]) Пр. 1061, 31, 180, 222; Пр. 1512, 152, 162, 225, 270, 238; Пр. 1549, 109—117; Пр. 1716, 79, 119. По оффиціальному свидѣтельству, въ концѣ XVII вѣка „гречане учали пріѣзжать самые молодчіе люди и не для прямого торгу", продавали, напримѣръ, „вмѣсто алмазовъ и иныхъ узорочныхъ каменій подделаныя стекла" (не ихъ ли покупала оборотливая просвирня?) и „торговали виномъ и табакомъ" (Акты Арх. Эксп., IV, № 214).

мость; на мосту на него „наѣхалъ“ ѣхавшій на извозчикѣ Свѣчного Воскового ряда торговый человѣкъ Степанъ Дмитріевъ; купцу не понравилось, что Гнѣвышевъ подвернулся подъ лошадь, и онъ „учалъ его бранить и безчестить, невѣдомо за что“. Но настоящія несчастія были впереди. 11 сентября Гнѣвышевъ былъ за Покровскими воротами у Лѣсного ряда (близъ церкви Троицы на Грязяхъ); здѣсь на него напалъ торговый человѣкъ Шапочнаго Мужского ряда Иванъ Семеновъ и „незнаемо съ какими со многими людьми учали его бить и увѣчить и опояску съ ножемъ съ него оборвали и унесли, цѣною въ 3 рубли съ полтиною“.

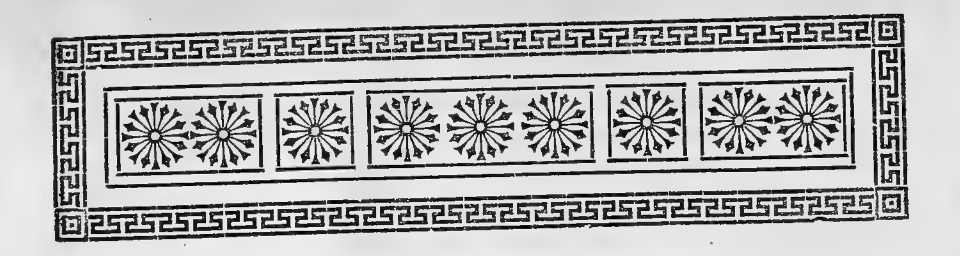
Черезъ 9 дней 20 сентября Гнѣвышевъ шелъ изъ приказа черезъ Китай-городъ, и у Гостинаго Двора „напалъ на него Нижняго Москательнаго ряду торговый человѣкъ Анисимъ Андреевъ невѣдомо съ какими людьми и учали его бить и увѣчить и бранить и безчестить и деньги изъ рукъ съ кошелькомъ выхватили, а въ томъ кошелькѣ были полтора рубли, и кафтанъ на немъ изодрали“ [1].

Четыре скандала въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, при чемъ два раза подъячій былъ битъ, а три раза понесъ убытки, это черезчуръ много даже для старой Москвы! Грубое презрѣніе къ общей пользѣ и интересамъ ближняго, беззастѣнчивый обманъ въ торговлѣ, безсовѣстная ябеда на судѣ, кулачная расправа, любезная всѣмъ отъ объѣзжаго головы до послѣдняго квасника съ Красной Площади—вотъ итоги „жестокихъ“ нравовъ Московскаго Китая-города XVII вѣка!

В. Шереметевскій.

[1]) Надо имѣть въ виду, что въ предшествовавшемъ 1692 году Гнѣвышева также били тяглецы Конюшенной Сыромятной слободы Иванъ Андреяновъ съ товарищи (Пр. 1250, 19—21). О Гнѣвышевѣ см. Пр. 1512, 104, 160, 228 и Пр. 1716, 534.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XLI[1]).

Настоящую главу я посвящаю памяти Мидхадъ-паши, этого кумира не столько турецкихъ, сколько нашихъ прогрессистовъ, и намѣрена изобразить его такимъ именно, какимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ. Личность эта очень крупная и заслуживаетъ вниманія русскаго читателя, такъ какъ съ его именемъ тѣсно связана исторія нашей войны за освобожденіе славянъ.

Когда я размышляю о немъ, то передо мной воскресаетъ и оживаетъ совершенно иной образъ, чѣмъ тотъ, который созданъ воображеніемъ людей съ предвзятыми мнѣніями, основанными на одностороннихъ сужденіяхъ европейской прессы.

Бывая часто въ нашей семьѣ, онъ отводилъ душу и не стѣснялся въ выраженіяхъ пламенной ненависти къ европейцамъ, проклиная ихъ коварную дружбу. Россію также не любилъ, обвиняя ее въ подстрекательствѣ славянъ къ возстаніямъ.

Въ оффиціальномъ мірѣ, напротивъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ восторженный поклонникъ западной цивилизаціи и въ особенности англійскаго парламента, точную копію съ котораго ему вздумалось перенести въ свое отечество.

Установилось понятіе, что иниціаторомъ и душою либеральнаго движенія въ Турціи является творецъ конституціи Мидхатъ-паша. Но это не такъ и очень далеко отъ истины.

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Выступленіе его на міровую арену началось въ слѣдующемъ порядкѣ.

Еще до Крымской кампаніи въ царствованіе умнаго и гуманнаго султана Абдулъ-Меджида, въ средѣ окружавшихъ его сановниковъ, въ большинствѣ получившихъ образованіе за границей, возникло сознаніе въ необходимости переустройства оттоманскаго государства въ духѣ просвѣтительныхъ реформъ. Выразителями такого направленія являлись прежде всего ближайшіе сотрудники самого Абдулъ-Меджида, а именно: Фуадъ, Али, Риза, Сафетъ и нѣкоторые другіе замѣчательные дѣятели, имена которыхъ украшаютъ собой страницы турецкой исторіи. Это были убѣжденные сторонники цивилизаціи и полезныхъ преобразованій для своего народа по западнымъ образцамъ; но, восхищаясь европейскими порядками, они въ то же время тяготились вмѣшательствомъ иностранцевъ въ чисто домашнія дѣла Турціи и всѣми помыслами стремились добиться самостоятельности. Когда же Европа принялась со свойственной ей безцеремонностью распоряжаться судьбами Имперіи полумѣсяца, то прогрессисты стали постепенно переходить въ лагерь людей противоположнаго направленія.

Тогда наступила реакція и выдвинула на политическую сцену другихъ дѣятелей, написавшихъ на своемъ знамени девизъ: освободить государство отъ чужеземнаго вліянія и поставить его на основы чистаго Ислама. Но послѣ Севастопольской кампаніи партія ультра-мусульманъ нѣсколько видоизмѣнила свой обликъ, и въ ней произошелъ расколъ: появились вѣянія парламентаризма и сильное влеченіе къ реформамъ. Это было естественнымъ послѣдствіемъ тѣснаго общенія турецкой арміи съ союзниками на театрѣ войны.

Къ новому движенію не замедлилъ примкнуть Мидхадъ-паша со своими единомышленниками, и вотъ, такимъ-то образомъ возникла „Молодая Турція“.

Достойно вниманія, что партія либераловъ, желавшихъ конституціи, по вопросу о равноправіи христіанъ съ магометанами, осталась въ своихъ воззрѣніяхъ вполнѣ солидарной съ фанатичными сторонниками прежняго режима.

Исторически извѣстно, что на Константинопольской конференціи въ 1876 году Мидхадъ-паша энергично отклонилъ предложеніе западныхъ державъ уровнять передъ закономъ права всѣхъ безъ исключенія подданныхъ коронѣ падишаха и заявилъ, что ни одинъ правовѣрный не согласится провести въ жизнь Ислама такое опасное новшество, которое окончательно убьетъ Турцію.

Со вступленіемъ на престолъ султана Абдулъ-Азиса преобладающее вліяніе на берегахъ Босфора перешло къ русскимъ. Этого

никакъ ужъ не могла допустить наша традиціонная соперница Англія.

Ничѣмъ не брезгая, лишь бы вытѣснить насъ съ Ближняго Востока, она сѣяла раздоръ и смуту, разжигая фанатизмъ мусульманъ, и трубила на весь міръ, что якобы сама Россія устраиваетъ волненія въ балканскихъ провинціяхъ, чтобы вѣрнѣе прибрать ихъ къ своимъ рукамъ и понасажать туда исправниковъ и казаковъ съ нагайками.

Константинопольская пресса, редактируемая въ канцеляріяхъ сэра Эллиота и графа Зичи, заполнялась слухами прямо чудовищнаго свойства о русской политикѣ на Балканахъ и грязными инсинуаціями по адресу нашего представительства при Высокой Портѣ—однимъ словомъ, Англіи вполнѣ удалось заставить турецкій народъ повѣрить себѣ, что единственнымъ тормозомъ для возрожденія и процвѣтанія его родины являлась только одна Россія.

Стамбульская бюрократія также отвернулась отъ насъ со временемъ и кинулась въ ея коварныя объятія.

Мидхатъ-паша болѣе, чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ чарующее вліяніе этой державы. Кому же не извѣстно, что дворцовый переворотъ въ ночь на 31-е мая 1876 года былъ устроенъ при благосклонномъ участіи руководителей дальновидной политики Дизраэли и при любезномъ содѣйствіи австрійскихъ лицемѣровъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что здѣсь принимались въ разсчетъ вовсе не интересы народа, страдавшаго отъ дурнаго управленія Абдулъ-Азиса, а единственно только непреодолимое стремленіе выбить русскую дипломатію изъ крѣпкой позиціи въ Долма-Бахче.

Стараніями британскаго кабинета Мидхадъ былъ выдвинутъ на высокій постъ рейсъ-эфенди [1]) вопреки личному нерасположенію къ нему султана и великаго визиря Махмудъ-Недима.

Тогда новый сановникъ въ угоду своимъ покровителямъ объявилъ себя врагомъ славянства и очень недвусмысленно сочувствовалъ жестокимъ репрессіямъ по отношенію балканскихъ вассаловъ, что нисколько не мѣшало ему въ то же время писать подъ диктовку Генри Эллиота самую гуманную въ мірѣ конституцію.

Людямъ, близко стоявшимъ къ нему, онъ казался сотканнымъ изъ крайностей и противорѣчій: „Какое право имѣетъ Европа касаться нашихъ домашнихъ дѣлъ, — кричалъ онъ въ припадкѣ негодованія и глубоко уязвленнаго самолюбія, когда началась бойня въ Болгаріи и дипломатія подняла суматоху,—она требуетъ такихъ реформъ, которыя неизбѣжно приведутъ Турцію къ полному порабоще-

[1]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

нію!.. Какъ только что случится у насъ, такъ сейчасъ же всѣ начинаютъ распоряжаться и командовать—развѣ исторія запада чище нашей? Пусть лучше г.г. цивилизаторы почаще вспоминаютъ о жертвахъ инквизиціи, террора со всѣми ихъ тамъ Робеспьерами, Маратами, отрубившими милліонъ французскихъ головъ, и о прочихъ кровавыхъ эпохахъ—все это забыто, а мы одни должны переживать горькое униженіе передъ свѣтомъ....“

Но проходилъ моментъ вспышки, и онъ снова принимался сочинять либеральные законы. Таковъ приблизительно нравственный обликъ турецкаго новатора, за которымъ утвердилась прочная репутація „западника“, покинувшаго идеалы Востока и ставшаго подъ знамя всеобщаго равенства и братства. А между тѣмъ это неправда, о чемъ я не разъ говорила выше и что утверждаю сейчасъ. Прежде всего онъ былъ горячій патріотъ и глубоко вѣрующій мусульманинъ, всей душей преданный ученію пророка. Въ Коранѣ же сказано, что Исламъ долженъ остаться неподвиженъ, а всякая перемѣна, не согласованная съ духомъ его постановленій — преступна и считается измѣной религіи Магомета. Отсюда ясно, что Мидхадъ-паша не могъ искренно желать переустройства своего отечества по западнымъ моделямъ, и его реформаторскія затѣи находятъ себѣ другое объясненіе: какъ человѣкъ выдающагося ума, онъ прекрасно понималъ, что еще не настало время для политической самостоятельности Турціи, и такъ какъ по соображеніямъ государственной важности надо было угождать Европѣ и нравиться ей во что бы то ни стало, то вотъ, пожалуй, и весь секретъ его увлеченія парламентаризмомъ. Безъ этой необходимости онъ съумѣлъ бы поставить дѣло преобразованій устарѣвшихъ порядковъ на болѣе правильный путь и примирилъ бы враждующіе между собой элементы, не навязывая въ то же время своему родному народу чуждыя формы жизни.

Но судьба, какъ извѣстно, распорядилась имъ иначе и заставила пережить горечь разочарованій и крушеніе всѣхъ идеаловъ.

Весьма возможно, что характеристика душевныхъ свойствъ Мидхада-паши сдѣлана мной не совсѣмъ правильно; но во всякомъ случаѣ я ближе къ истинѣ, чѣмъ тѣ, которые составили себѣ о немъ понятіе по газетнымъ статьямъ.

Въ продолженіе всего 1876 года событія одно за другимъ стали развертываться съ быстротой калейдоскопа, обѣщая въ будущемъ много тревожнаго и загадочнаго. Провозившись нѣкоторое время съ Босніей и Герцеговиной, Европа, наобѣщавъ много хорошихъ вещей, ровно ничего не сдѣлала для облегченія участи вассальныхъ племенъ.

Да едва-ли это могло совпадать съ ея хитроумными планами: вся забота „концерта державъ“ была направлена къ излюбленной цѣли: парализовать преобладающее значеніе Россіи на берегахъ Босфора.

Въ политикѣ не пренебрегаютъ никакими средствами лишь бы добиться своего, а потому все было пущено въ ходъ до возмутительныхъ подкуповъ сановниковъ Порты и до побужденія софтъ къ демонстраціямъ на улицахъ включительно.

О послѣднихъ необходимо сказать нѣсколько словъ отдѣльно.

Эта шумная, безпокойная, какъ и вездѣ, молодежь, но по духу діаметрально противоположная своимъ западнымъ собратамъ. Ихъ справедливо называютъ „воинами Ислама“, такъ какъ они пополняютъ собой армію духовныхъ руководителей народа. Образованіе, получаемое софтами въ школахъ при мечетяхъ, состоитъ изъ знанія наизусть корана и обстоятельнаго пониманія шаріата [1]). Ихъ воспитываютъ въ суровомъ повиновеніи религіознымъ уставамъ и вѣрности стародавнимъ обычаямъ.

И дѣйствительно, они представляютъ изъ себя чрезвычайно тѣсно сплоченную группу фанатиковъ, ненавидящихъ всякое новшество и считающихъ европейскія идеи очень вредными для мусульманскаго государства.

Правда, въ ихъ сердцахъ бурлятъ также оппозиціонныя страсти; но, выражаясь обыденнымъ языкомъ, совершенно на другой подкладкѣ, чѣмъ у насъ.

Мы шумимъ и кричимъ, требуя только новаго, лишь бы новаго и непремѣнно заграничной фабрикаціи, а тамъ наоборотъ: малѣйшее уклоненіе отъ точной буквы ученія пророка вызываетъ бурный протестъ и возмущеніе.

Выступленіе софтовъ противъ Абдулъ-Азиса было обусловлено совсѣмъ не тѣми побужденіями, которыми руководилась партія „Молодой Турціи“: имъ внушили, что султанъ измѣнилъ шаріату и отдался въ руки генерала Игнатьева — этого было достаточно, чтобы поднять ихъ и объединить съ недовольными правительствомъ.

Послѣдніе годы царствованія Абдулъ-Азиса дѣйствительно были печальной эпохой упадка прежняго могущества Оттоманской державы и полнаго разоренія страны. Въ 1875 г. государство объявило себя банкротомъ и прекратило всѣ платежи, а также и выдачу жалованья войскамъ и чиновникамъ, оставивъ ихъ, такимъ образомъ, на произволъ судьбы и случая. Финансовому краху не мало посодѣйствовалъ и самъ намѣстникъ пророка, повелитель право-

---

[1]) Сводъ законовъ гражданскихъ и духовныхъ.

вѣрныхъ. Къ старости онъ окончательно разнуздался и съ безумнымъ увлеченіемъ сорилъ деньгами.

Къ довершенію всѣхъ несчастій имъ овладѣла еще болѣзненная манія къ сооруженіямъ грандіозныхъ зданій. Этой фантазіи давали слѣдующее объясненіе, но, конечно, съ точки зрѣнія суевѣрнаго мусульманина.

Въ династіи Османовъ сохранилось отъ давнихъ временъ преданіе, которое гласитъ, что каждый царствующій султанъ во избѣжаніе нечаянной смерти, могущей настигнуть его ранѣе положеннаго срока на небесахъ, долженъ непрерывно всю жизнь что-нибудь строить.

Абдулъ-Азисъ не спѣшилъ въ рай Магомета—ему и подъ луной прекрасно жилось въ объятіяхъ земныхъ гурій, а потому, чтобы оградить себя отъ роковыхъ случайностей, онъ возводилъ одинъ дворецъ за другимъ и украшалъ ихъ со сказочнымъ великолѣпіемъ. На все это требовались чрезвычайные расходы, которыхъ опустѣвшая казна не могла вынести, и тогда наступилъ опасный кризисъ. Вновь призванный къ власти Мидхадъ-паша очень скоро пріобрѣлъ рѣшающее вліяніе на дѣла управленія государствомъ и принялъ руководительство партіей, желавшей реформъ; но тайно, по внушенію сэра Элліота, занялся организаціей сверженія Абдулъ-Азиса.

Когда же совершилось злодѣяніе, и ножницы „англійскаго издѣлія“ перерѣзали нить жизни злополучнаго султана, то міру открылась истина, чего собственно добивались „друзья“ Турціи: мечта сбылась! Ненавистная Московія посрамлена — цѣль достигнута! Остальное — все пустяки, лишь бы генерала Игнатьева по боку.... Такъ ликовала европейская печать, отражая какъ въ зеркалѣ мысли и чувства устроителей счастія Оттоманскаго народа.

Прекрасныя обѣщанія, гуманныя реформы, заботы объ угнетаемыхъ, интересы націи — все это было отброшено въ сторону и занялись только курьезами изъ русской якобы „дѣйствительности“. Le cosaque, la Sibérie, la kibitka, la vodka, le samovar украшали собой по преимуществу столбцы газетъ и журналовъ. Но особенное вниманіе удѣлялось нашему кнуту—le knout. Слово это, по мнѣнію иностранцевъ, не переводимо. О немъ писались цѣлые трактаты, а въ иллюстраціяхъ помѣщались его изображенія, напоминавшія болѣе сказочнаго Змѣя-Горыныча, чѣмъ обыкновенную палку съ привязанной къ концу бичевкой или ремешкомъ—вѣроятно невзначай перепутали оба понятія.

Странно, что наши извозчики и кучера съ высоты своихъ козелъ даже не замѣчаютъ, какое въ сущности опасное орудіе находится въ ихъ рукахъ для понуканій заморенныхъ клячъ; зато послѣднія,

надо думать, вполнѣ солидарны съ тѣми, которые утверждаютъ, что „le knout"—прескверная вещь.

Съ легкой руки Александра Дюма, о Россіи пишутъ или глупыя басни по его примѣру, или же злостную, гадкую клевету. Этой литературой наводнены всѣ книжные рынки за границей, такъ какъ Европа съ удовольствіемъ читаетъ все дурное о насъ, а хорошему она просто не желаетъ вѣрить.

Въ тѣ времена широкой популярностью и завиднымъ успѣхомъ пользовалось одно изъ произведеній дикой фантазіи, перешедшей всякія границы здраваго смысла.

Это было что-то невѣроятное! На обложкѣ книги стояло: „Le cosaque et son knout", — переведено съ русскаго; авторъ — Jean Ivanoff, такъ какъ въ понятіяхъ французовъ и англичанъ всѣ мы Иваны или Ивановы—не иначе.

Въ предисловіи издатель прямо отъ себя разъясняетъ читателю, что каждый народъ, даже стоящій на низкомъ уровнѣ цивилизаціи, имѣетъ своихъ геніевъ, какъ, напримѣръ, у русскихъ Петръ Великій и „monsieur Ivanoff". Послѣдній, какъ оказалось, далъ своему народу понятія о возвышенныхъ идеалахъ, о правахъ человѣка и, наконецъ, подарилъ ему правильный, литературный языкъ. А я-то по наивности думала, что все это сдѣлалъ для насъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ?!

Далѣе говорилось, что всѣ очень любили знаменитаго Jean'а, и даже Самъ le Czar совѣтовался съ нимъ о реформахъ; но свирѣпый „l'ispravnik" оказался сильнѣе и выселилъ геніальнаго писателя за предѣлы отечества. Оплакивая горячо любимую родину, несчастный изгнанникъ написалъ „всю правду" о Россіи и предлагалъ свой почтенный трудъ благосклонному вниманію публики.

Фабула повѣствованія такова. По обширнымъ „департаментамъ" Московскаго царства отъ зори до зори разъѣзжаютъ на огромныхъ коняхъ „злые" козаки и безъ передышки хлещутъ кнутами по обывательскимъ спинамъ.

Детали, отдѣльные эпизоды, нравы, обычаи... но я не рѣшаюсь и упоминать о нихъ—читатель можетъ подумать, что все это было позаимствовано мною изъ мемуаровъ паціентовъ Шарантона и Бэдлама...

Вотъ откуда пошла слава пресловутому кнуту и прочимъ аксесуарамъ нашего варварства, и вотъ по какимъ источникамъ составляются о насъ мнѣнія иностранцевъ!

Лучше оставимъ ихъ и вернемся къ Мидхадъ-пашѣ.

Глава XLII.

Нѣсколько дней спустя послѣ дворцоваго переворота намъ пришлось быть въ Константинополѣ.

Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, Мидхадъ-паша немедленно прислалъ за нами свои паланкины, и мы отправились въ министерство, гдѣ онъ временно проживалъ одинъ, безъ семьи, отбывшей на лѣтніе мѣсяцы въ Скутари.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, отвѣчая на вопросъ о здоровьѣ, Мидхадъ-паша съ оттѣнкомъ глубокой грусти въ голосѣ сказалъ, что чувствуетъ себя очень скверно. Видъ у него былъ, дѣйствительно, чрезвычайно подавленный, усталый и, вообще, онъ не казался счастливымъ тріумфаторомъ, несмотря на то, что европейская печать прославляла его, какъ спасителя государства отъ фатальнаго вліянія Россіи.

Вошли Кайсерли-паша и Гуссейнъ-Авни. Насъ познакомили. Рѣчь коснулась злобы дня.

— Чему они радуются?! — раздражаясь, проговорилъ Мидхадъ, отбрасывая въ сторону только что принесенную ему курьеромъ газету,—le général Ignatieff, les cosaques, la vodka... а дальше ни съ мѣста...

Сераскиръ расхохотался, досталъ изъ портфеля какой-то листокъ и, развернувъ его, положилъ на столъ. Мы взглянули и съ отвращеніемъ отвернулись: рисунокъ изображалъ нашего посла съ котомкой за плечами, верхомъ на палочкѣ, переплывающимъ Босфоръ по направленію къ сѣверу, а внизу короткое: „Bon voyage!"

Кайсерли взялъ карандашъ и написалъ рядомъ: „примѣръ, достойный подражанія и для „другихъ"—надѣемся и скажемъ сердечное „прости" (adieu)!"

Мидхадъ-паша наклонился ко мнѣ и прошепталъ:

„Не судите меня слишкомъ строго, дитя мое — Абдулъ-Азисъ получилъ то, что заслужилъ, клянусь вамъ; но знаете, это бѣснованіе „нашихъ друзей" прямо отвратительно—все-таки онъ былъ нашимъ калифомъ..."

Недолго процарствовалъ несчастный Мурадъ: кровавый призракъ звѣрски убитаго дяди преслѣдовалъ его день и ночь. Онъ окончательно заболѣлъ и сошелъ съ трона. Вакантное мѣсто предложили Абдулъ-Гамиду, убѣжденному „западнику" и фанатичному стороннику парламентаризма, какъ увѣряли лондонскія газеты. Съ чего померещилось имъ все это—неизвѣстно; но со временемъ, когда разсѣялись иллюзіи, то оказалось, что дипломатія попала

тогда впросакъ на основаніи слуховъ о якобы тайныхъ симпатіяхъ принца Гамида къ „молодой Турціи".

Въ день восшествія его на престолъ по улицамъ разносили манифестъ и разныя добавленія къ нему, въ которыхъ говорилось о высокихъ качествахъ души и сердца новаго повелителя.

Въ мірѣ дипломатовъ праздновали окончательное пораженіе Игнатьева, а въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ шло ликованіе, не поддающееся описанію: спѣшили оповѣстить всѣхъ обитателей земного шара о томъ, что Мидхадъ-паша пишетъ конституцію. Уличная толпа, не знавшая еще наканунѣ о существованіи какого-то Абдулъ-Гамида, восхваляла его заслуги и добродѣтели.

Все шло какъ нельзя лучше, только неугомонные софты портили общее настроеніе: обѣщанное равноправіе гяурамъ съ мусульманами очень не понравилось молодымъ фанатикамъ — они снова выбѣжали на улицу и отчаянно шумѣли.

Благодарная Англія щедро вознаградила Мидхадъ-пашу: она поставила его у кормила власти, и, такимъ образомъ, еще недавно опальный чиновникъ, губернаторъ отдаленнаго Багдада, куда онъ былъ удаленъ Абдулъ-Азисомъ по требованію всесильнаго духовенства, сдѣлался волею „кысмета" фактическимъ распорядителемъ оттоманской короны. Общественное мнѣніе Европы вознесло его на вершину славы, а корреспонденты пѣли ему хвалебные гимны и увѣряли весь свѣтъ, что только подъ руководствомъ Мидхада-паши можетъ наладиться испорченный механизмъ государственной машины— однимъ словомъ, въ немъ видѣли панацею для странъ полумѣсяца.

Но случилось какъ разъ все наоборотъ, и не исполнилось ничего изъ предсказаній оптимистовъ. За короткое время его диктатуры одно событіе прискорбнѣе другого ускореннымъ темпомъ слѣдовали другъ за другомъ: Боснія и Герцоговина не только не успокоились, но увлекли своимъ примѣромъ и прочія Балканскія народности.

Румынія выдѣлилась изъ состава Оттоманской Имперіи, затѣмъ Сербія объявила войну, а къ ней присоединилась и Черногорія.

Почти одновременно въ Болгаріи началась бойня, отъ которой содрогнулся весь міръ. Атмосфера сгущалась и сдѣлалось трудно дышать. Никто ничего не понималъ, а менѣе всего самъ Мидхадъ-паша; но онъ былъ рабъ и слѣпая пѣшка въ рукахъ такихъ корифеевъ „всемірной политики", какъ Дизраэли, Дерби, да и самъ гуманный Гладстонъ, которые распоряжались всѣми помыслами турецкаго либерала и направляли его дѣйствія по своему усмотрѣнію.

Когда положеніе обострилось до невозможности, то концертъ дер-

жавъ предложилъ турецкому правительству свой планъ реформъ. Абдулъ-Гамидъ отвѣтилъ, что дастъ конституцію. И онъ охотно подписалъ ее тогда, надѣясь этимъ спасти себя отъ слишкомъ тяжелаго гнета европейской опеки.

Но любвеобильному сердцу Дизраэли совсѣмъ не того надо было: онъ велъ милую ему Турцію къ берегамъ Дуная таскать для него каштаны изъ огня, что собственно и требовалось.

Кончилась война: на полѣ брани побѣдили мы, и намъ за это не позволили даже прогуляться по улицамъ Царьграда. Англія получила островъ Кипръ, который ей давно нравился; Австрія мимоходомъ прихватила Боснію и Герцоговину, а на Турцію напялили „Тришкинъ кафтанъ", въ которомъ она и по сіе время щеголяетъ.

Въ далекомъ же изгнаніи, подъ горячимъ небомъ Аравіи, томился узникъ и подсчитывалъ: во что обошлась ему нѣжная дружба коварнаго Альбіона?

Въ 1882 году я была въ Египтѣ, и мнѣ пришлось совершенно случайно узнать, что съ Мидхадъ-пашей можно завести довольно удобную переписку черезъ одного арабскаго коммерсанта, бывавшаго иногда съ караванами въ городкѣ Таафѣ, гдѣ проживалъ тогда тотъ, кто еще такъ недавно распоряжался судьбами Оттоманской Имперіи.

Ибрагимъ Даули, такъ звали купца, охотно взялся доставить узнику мое письмо, въ которомъ я, увѣдомляя о смерти моего дорогого дядюшки, убѣдительно просила его во имя нашихъ прежнихъ сердечныхъ отношеній открыть мнѣ свою душу и свои надежды на будущее.

Черезъ мѣсяцъ вернулся караванъ и привезъ отвѣтъ на 8 листахъ, въ которыхъ я прочла исповѣдь разбитаго сердца и безграничную, свойственную только убѣжденному мусульманину, покорность судьбѣ.—„Фатализмъ,—пишетъ онъ,—спасаетъ человѣка отъ сомнѣній и отчаянія. То, что случилось, было предопредѣлено священною волею раньше всѣхъ вѣковъ, а слѣдовательно такъ оно и должно быть".

Вся душа вѣрующаго исламита сказалась въ этихъ немногихъ строкахъ.

Далѣе онъ доказываетъ, что русская политика на Балканахъ окончательно погубитъ славянъ и приведетъ ихъ еще къ худшему порабощенію Австріей, а затѣмъ кончаетъ характернымъ афоризмомъ: „мы говоримъ: не вѣрь клятвѣ женщины—она непремѣнно обманетъ. А я еще скажу: не вѣрь также дружбѣ рыжаго—намекъ на англичанъ—и чести „маклера".

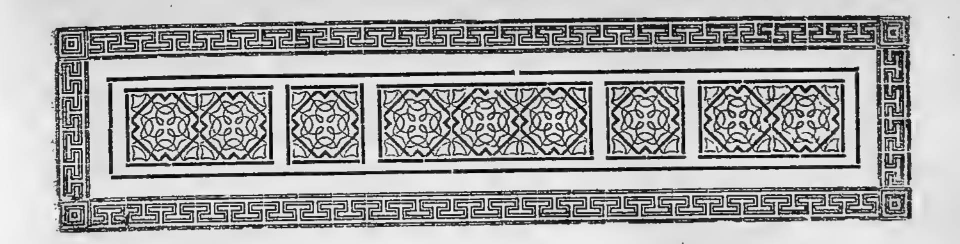
Вскорѣ онъ умеръ, но письма его хранятся у меня, какъ исто-

рическая рѣдкость. Въ свое время они увидятъ свѣтъ на страницахъ этого журнала.

Настоящая глава, посвященная мною краткому и сжатому перечню событій, непосредственно связанныхъ съ именемъ Мидхадъ-паши, будетъ сейчасъ закончена, а потому я намѣрена въ слѣдующемъ году познакомить читателя съ болѣе полнымъ описаніемъ тѣхъ моментовъ, о которыхъ здѣсь упомянуто лишь вскользъ, какъ, напримѣръ: сверженіе султановъ, наша дипломатія, конституція, конференція державъ и, наконецъ, объявленіе войны за освобожденіе славянъ.

Е. Рагозина.

Впечатлѣнія великаго князя Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Германію въ 1824 году [1].

Въ бумагахъ канцлера Нессельроде, среди разнообразныхъ документовъ, представляющихъ выдающійся интересъ съ точки зрѣнія дипломатіи, сохранилось донесеніе великаго князя Константина Павловича, представленное имъ Императору Александру I въ исходѣ 1824 г., по возвращеніи изъ-за границы, куда онъ сопровождалъ свою супругу, княгиню Ловичъ, на воды въ Эмсъ.

Записка эта, въ которой великій князь излагаетъ своему августѣйшему брату вполнѣ откровенно наблюденія, сдѣланныя имъ въ Германіи относительно тогдашняго положенія страны и господствовавшаго въ ней духа, имѣетъ, помимо общаго интереса, большое значеніе для характеристики Константина Павловича.

Несдержанный, вспыльчивый, крайне самолюбивый и щепетильный въ вопросахъ внѣшняго этикета, человѣкъ твердыхъ монархическихъ принциповъ, врагъ либеральныхъ идей и всякихъ „зловредныхъ доктринъ", очутившись за границей въ то время, когда либеральное движеніе въ странѣ росло и сказывалось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ проявленій, находя отзвукъ даже во взглядахъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ, Константинъ Павловичъ, весьма естественно, нашелъ многое не соотвѣтствующимъ своимъ взглядамъ, тѣмъ требованіямъ, какія онъ предъявлялъ къ службѣ, и тѣмъ поня-

[1] Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Paris. (Note du grand duc Constantin à l'empereur Alexandre. Varsovie, 23 novembre 1824).

тіямъ, въ которыхъ онъ выросъ, и яркимъ представителемъ коихъ онъ оставался неизмѣнно, до конца жизни. Его собственная личность ярко выступаетъ въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыми онъ сопровождаетъ свои наблюденія, или передаетъ тотъ или иной разговоръ,—онъ въ нихъ весь, какъ живой.

Въ трехъ миляхъ отъ Эмса, гдѣ великій князь прожилъ довольно долго, находится Кобленцъ, крѣпость, которая въ то время заново перестроивалась и укрѣплялась пруссаками. Грандіозныя фортификаціонныя работы, изъ которыхъ пруссаки не дѣлали тайны, привлекали въ Кобленцъ массу посѣтителей, преимущественно изъ числа лицъ, съѣхавшихся на воды въ Эмсъ, для которыхъ крѣпость стала излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ.

Отсутствіе всякихъ стѣсненій при посѣщеніи крѣпости и осмотрѣ ея сооруженій поразило великаго князя, и онъ, какъ бы въ видѣ безмолвнаго протеста противъ того, что онъ считалъ кичливымъ тщеславіемъ со стороны прусскаго правительства, долго демонстративно воздерживался отъ посѣщенія Кобленца.

„Крѣпость доступна всѣмъ и каждому“, пишетъ великій князь. „Осмотръ разрѣшается иностранцамъ, всѣмъ безъ исключенія, безъ всякихъ ограниченій; отсутствіе стѣсненій въ этомъ отношеніи можетъ быть объяснено лишь тщеславіемъ прусскаго правительства, которое какъ бы хочетъ этимъ сказать всему міру: *наша крѣпость такъ неприступна, что мы не боимся постороннихъ наблюдателей; она такъ сильна, что мы не боимся угрозъ; чѣмъ больше ее будутъ знать, тѣмъ болѣе убѣдятся въ томъ, что благодаря возведеннымъ нами укрѣпленіямъ, крѣпость стала неприступна*“.

„Не умѣя иначе объяснить себѣ этотъ фактъ, ибо доступъ въ крѣпость такъ легокъ, что это кажется утрированнымъ и дѣлается какъ бы умышленно, я счелъ нужнымъ сдѣлать видъ, что она меня совершенно не интересуетъ, и на неоднократно предложенные мнѣ вопросы, почему я не ѣду посмотрѣть на эти любопытныя работы, которыя должны бы особенно интересовать всякаго военнаго, я отвѣчалъ одно: *еще успѣю*.

Я зналъ, что всякій пріѣзжій, всякій, кому это интересно, могъ, давъ на чай первому встрѣчному солдату или рабочему, побывать всюду, осмотрѣть самымъ подробнымъ образомъ не только внѣшнія укрѣпленія Эренбрейтенштейна и прочихъ фортовъ, соединенныхъ съ нимъ новыми сооруженіями, но могъ видѣть бастіоны, подземелья, казематы, магазины и т. д., словомъ, все заслуживающее вниманія. Я убѣдился въ этомъ, отправившись однажды въ Кобленцъ инкогнито, со своимъ адъютантомъ, полковникомъ Турно; мнѣ удалось, не

обращаясь ни къ кому, безъ труда удовлетворить свое любопытство, и я былъ крайне удивленъ тѣмъ, какъ безпечно несется служба въ крѣпости; самые важные посты не были заняты, даже артиллерійскіе снаряды, наваленные въ величайшемъ безпорядкѣ, никѣмъ не охранялись; всюду можно было свободно пройти, у магазиновъ и складовъ не было часовыхъ, и крѣпость также легко можно было бы поджечь, какъ нетрудно человѣку произвести пожаръ въ своей собственной квартирѣ, когда онъ находится въ ней одинъ, если бы ему пришла подобная фантазія.

Генералъ Тильманъ, жившій по обязанности въ Кобленцѣ, удивленный, или, быть можетъ, даже задѣтый моимъ видимымъ равнодушіемъ, явился однажды ко мнѣ въ Эмсъ съ президентомъ провинціи, г. Ингерслебеномъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ, какъ онъ выразился, свое почтеніе, и, между прочимъ, предложилъ мнѣ осмотрѣть фортификаціонныя работы, любезно присовокупивъ, что онъ все ожидалъ па этотъ счетъ моихъ приказаній. Я отвѣчалъ, что какъ иностранный офицеръ, я не позволилъ бы себѣ осматривать крѣпость, что я считалъ даже неудобнымъ высказать подобное желаніе, но коль скоро онъ дѣлаетъ мнѣ честь и самъ предлагаетъ это, я охотно пріѣду. Онъ просилъ меня назначить день и часъ; послѣ нѣкотораго колебанія, я назначилъ довольно дальній срокъ, желая этимъ еще болѣе подчеркнуть, что я не особенно спѣшу. Дѣйствительно, я рѣшилъ быть въ Кобленцѣ, въ то время, когда туда ожидали, какъ мнѣ было извѣстно, принца Оранскаго съ супругою, великой княгиней. Я провелъ въ Кобленцѣ три дня, въ теченіе которыхъ комендантъ крѣпости, генералъ Гофманъ, начальникъ инженеровъ и генералъ Астеръ, самымъ подробнымъ образомъ показали мнѣ работы и все заслуживающее вниманіе.

Не мое дѣло входить здѣсь въ оцѣнку Кобленца, какъ военной крѣпости, или говорить о томъ, соотвѣтствуютъ ли производящіяся въ немъ работы строгимъ требованіямъ обороны, я не считаю себя для этого достаточно компетентнымъ судьею, но что эти работы исполняются великолѣпно, это видно съ перваго взгляда. Всѣ облицовки, сдѣланныя изъ тесанаго камня, такъ великолѣпны и повидимому такъ прочны, что онѣ навѣрно устоятъ противъ усилій людей и времени. Это монументальныя сооруженія, которыя можно сравнить лишь съ самыми величественными постройками древности. Отдѣлка всѣхъ частей не менѣе роскошна и изыскана, какъ и все остальное; во всякомъ случаѣ это будетъ прекрасный, величественный памятникъ, завѣщанный отдаленному потомству.

Вотъ что мнѣ передавали о кратковременномъ пребываніи князя Меттерниха въ Кобленцѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ. Тотчасъ по его

пріѣздѣ, ему представлялись начальники отдѣльныхъ частей; онъ принялъ ихъ съ самой изысканной вѣжливостью, но всѣ замѣтили, что онъ не сказалъ ни слова генералу Пфулю и не пригласилъ его даже къ обѣду. Генералъ былъ такъ огорченъ столь холоднымъ пріемомъ, что немедленно уѣхалъ въ Нассау и, посѣтивъ проживающаго тамъ бывшаго министра Штейна, горько жаловался ему.

Король Виртембергскій условился съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ встрѣтиться въ Кобленцѣ, на обратномъ пути изъ Франціи. И дѣйствительно, его величество пріѣхалъ туда почти одновременно съ принцемъ Оранскимъ, за нѣсколько часовъ до пріѣзда великой княгини. Несмотря на холодность и сдержанность нашихъ политическихъ отношеній, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Онъ принялъ меня любезно и радушно, со свойственной ему, вамъ извѣстной, манерой обхожденія. Я подмѣтилъ, однако, что онъ питаетъ въ душѣ глубокое озлобленіе и какія-то заднія мысли, которыя онъ въ пылу разговора невольно выдалъ. Онъ пошутилъ на счетъ того, что я счелъ долгомъ явиться къ нему въ полной парадной формѣ; я сказалъ на это: „Я знаю, Ваше Величество, что Вы оказали бы мнѣ милостивый пріемъ, въ какомъ бы видѣ я ни явился къ Вамъ, но народъ, который видѣлъ, что я ѣхалъ къ Вашему Величеству, долженъ знать, что я оказываю монарху подобающія ему почести“.

Король спросилъ, имѣю ли я извѣстія отъ великаго князя Михаила Павловича и его супруги, и дружно ли они живутъ. Я отвѣтилъ, что давно не имѣлъ отъ нихъ писемъ, что они живутъ, я думаю, дружно, и что иначе я себѣ и представить не могу.—Вамъ говорили, быть можетъ, продолжалъ король, что я старался склонить великаго князя Михаила къ этому браку. Ничего подобнаго; я въ это дѣло не мѣшался; но я доволенъ, что моя племянница пристроилась и можетъ жить вдали отъ отца.

Король оживился и наговорилъ мнѣ по адресу своего брата самыя невѣроятныя вещи; нѣтъ того эпитета, которымъ онъ его не заклеймилъ, обвиняя его въ томъ, что онъ поддерживаетъ сношенія съ людьми самой подозрительной репутаціи. На это я возразилъ, что если онъ желаетъ, чтобы я говорилъ съ нимъ, какъ съ монархомъ, то я буду говорить такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ почтительности; если же онъ разрѣшаетъ мнѣ говорить съ нимъ, какъ двоюродный братъ и бывшій зять, то я скажу правду, какъ я ее понимаю. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что проситъ меня говорить безъ обиняковъ.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, государь, что если бы я имѣлъ несчастье имѣть такого брата, какимъ вы описываете принца

Павла, давая себѣ отчетъ въ его проказахъ и недостаткахъ, я не говорилъ бы объ этомъ при постороннихъ.

— Полноте, сказалъ король, онъ не заслуживаетъ того, чтобы его щадили. Представьте себѣ, этотъ негодяй хочетъ развестись съ женою и вступить въ бракъ съ женою одного англійскаго генерала, матерью шестерыхъ дѣтей, которую онъ хочетъ развести съ мужемъ.

— Я не стану судить принца Павла, сказалъ я, въ отношеніи того, что не можетъ быть мнѣ извѣстно; но можете ли вы отказать ему въ разводѣ, коль скоро вы сами развелись, чтобы устроить свою жизнь счастливѣе?

— Братъ всецѣло виноватъ въ возникшемъ семейномъ разладѣ, возразилъ король; я былъ связанъ съ женою только тѣмъ, что она носила мое имя, но я не жилъ съ нею.

— Вы обвѣнчались съ нею и признали ее своей законной женой передъ Богомъ и закономъ; съ этой минуты она была вашей женою, остальное—тайна, которую никто не можетъ знать. Во время вашего перваго брака вы сами не слыли образцомъ супружеской вѣрности. Вы не можете ни въ чемъ упрекнуть своей супруги, и однако вы развелись съ нею, а теперь вы готовы помѣшать своему брату развестись съ женщиной, которая со своей стороны, быть можетъ, во многомъ виновата передъ нимъ. По-моему, это несправедливо.

— Мой братъ, возразилъ король, самъ подалъ поводъ къ тому, въ чемъ онъ обвиняетъ ее. При томъ, онъ хочетъ жениться на особѣ не царскаго происхожденія. Это не подобаетъ принцу. Я буду противъ этого.

— Прошу васъ быть осторожнѣе, государь, отвѣчалъ я, и не забывать, что и я женатъ не на коронованной особѣ. Но, хотя она не носитъ титула великой княгини, однако Императоръ и матушка относятся къ ней, какъ къ невѣсткѣ и дочери; я горжусь своимъ выборомъ и радуюсь ему

— Но вѣдь это—большая разница, сказалъ король, взявъ меня за руку, въ знакъ извиненія.

— Не будемъ говорить о разницѣ, государь, и разъ навсегда прекратимъ этотъ разговоръ; у насъ не смотрятъ на подобнаго рода браки съ той точки зрѣнія, какой держатся на этотъ счетъ въ Германіи.

— Да, возразилъ король, я—нѣмецъ и горжусь этимъ.

— И отлично дѣлаете, возразилъ я; каждый долженъ дорожить страною, въ которой онъ родился волею судьбы.

Затѣмъ разговоръ коснулся членовъ королевской семьи, и я позволилъ себѣ спросить короля, куда онъ думаетъ опредѣлить братьевъ великой княгини.

— Они въ Тюбингенскомъ университетѣ, сказалъ онъ.

— Развѣ ваше величество не боитесь пагубнаго вліянія университетскихъ взглядовъ?

— Полноте, возразилъ король, это пустыя росказни; я хочу, чтобы мои племянники были людьми, и чтобы они смолоду знали людей.

Мы обѣдали у принца Оранскаго. Когда великая княгиня и моя жена удалились въ свои покои, разговоръ коснулся современнаго состоянія Европы. Король высказалъ вновь тѣ принципы, за которые его совершенно справедливо осуждали союзные монархи, и въ отношеніи которыхъ онъ, казалось, съ тѣхъ поръ измѣнился. Чтобы прекратить этотъ тягостный разговоръ, который могъ, какъ мнѣ казалось, дать поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ, я спросилъ короля, что побудило его избрать для купанья въ морѣ окрестности Марселя, почему онъ не поѣхалъ въ Діеппъ или Доберанъ? Какое дѣйствіе оказываетъ купанье въ морѣ, и какъ оно повліяло на его здоровье?

Король распространился о томъ, что морскія купанья укрѣпляютъ здоровье, что многіе отдаютъ предпочтеніе Средиземному морю, что ему хотѣлось избѣжать представительства и стѣснительнаго этикета и т. д.

— По правдѣ сказать, продолжалъ онъ, я предполагалъ вначалѣ отправиться въ Италію, но такъ какъ послѣднее время отъ меня все скрываютъ, то я повѣрилъ слуху, что въ Италіи соберется конгрессъ монарховъ, а такъ какъ мнѣ было сказано, что я—неподходящая компанія для конгресса (que j'étais de trop mauvaise compagnie pour un congrès) (король произнесъ эти слова съ иронической улыбкой), и я боялся непріятностей, которымъ я могъ бы подвернуться, находясь вблизи отъ конгресса, то мнѣ поневолѣ пришлось избрать другое мѣсто.

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ довольно прямой намекъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Вскорѣ король заговорилъ о князѣ Меттернихѣ и сталъ смѣяться надъ его пребываніемъ въ Іоганисбергѣ и надъ тѣмъ, какъ онъ себя тамъ держалъ.

— Этотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, сказалъ онъ, котораго подозрѣвали, поносили, надъ которымъ издѣвались, сталъ въ настоящее время самымъ выдающимся человѣкомъ, руководителемъ судебъ Европы и т. д.

— По моему мнѣнію, отвѣчалъ я, несомнѣнно, что Меттернихъ оказалъ правому дѣлу существенную услугу въ томъ отношеніи,

что онъ первый указалъ монархамъ на необходимость подавить революціонный духъ, который открыто охватилъ Германію.

— Какъ, возразилъ король, развѣ и вы принадлежите къ числу лицъ, принимающихъ мечтанія и увлеченія молодежи за заговоры? Нѣмецкій народъ не бунтуетъ; это несовмѣстимо съ его нравами, съ его мирными и трудолюбивыми наклонностями; съ этой стороны никогда не будетъ никакой опасности.

Я замѣтилъ на это, что послѣднее время мы видѣли примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что въ самомъ сердцѣ Германіи не только проповѣдывались, но проводились на дѣлѣ самыя преступныя ученія, которыя находили тамъ приверженцевъ, и что отъ народа, который поддается самой отчаянной деморализаціи, можно всего ожидать; комиссія, засѣдающая въ Майнцѣ, собрала на этотъ счетъ массу неопровержимыхъ доказательствъ, не говоря уже о происках, обнаруженныхъ благодаря бдительности нѣкоторыхъ правительствъ.

— Мнѣ нечего бояться всего этого въ моей странѣ, сказалъ король, такъ какъ я выполнилъ свои обязательства. Я обѣщалъ дать конституцію, я ее и далъ и намѣренъ соблюдать впредь; слово мое свято. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто поступаетъ иначе.

Принцъ Оранскій и я замѣтили на это, что коль скоро король далъ слово, то онъ конечно прекрасно дѣлаетъ, что держитъ его, но на все есть предѣлъ, и нѣтъ той вещи, которой нельзя было бы злоупотребить. Душою невольно овладѣваетъ страхъ при мысли, что будетъ съ міромъ лѣтъ черезъ десять, если пагубныя доктрины будутъ проповѣдываться и впредь, и молодые люди, которые почерпнутъ подобные взгляды въ университетѣ, займутъ въ Европѣ бо́льшую часть военныхъ и гражданскихъ мѣстъ; быть можетъ, продолжалъ я, нѣкоторые люди на это именно и разсчитываютъ.

Такъ какъ послѣднія слова были произнесены мною съ особымъ удареніемъ, то король отвѣтилъ на это только многозначительной улыбкой.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, продолжая начатый разговоръ, я управляю страною согласно съ закономъ и обычаемъ и, опираясь на нихъ, считаю себя могущественнѣе тѣхъ деспотовъ, которые мѣняютъ при всякомъ удобномъ случаѣ свои убѣжденія и взгляды, опровергаютъ сегодня то, что они говорили вчера, самовольно нарушаютъ свои обѣщанія и предпочитаютъ закону произволъ.

Я не мѣшалъ королю высказаться, но далъ себѣ слово отвѣтить на его рѣзкую выходку впослѣдствіи.

— Я не боюсь князя Меттерниха, продолжалъ король, какъ мой сосѣдъ, великій герцогъ Баденскій, къ которому австрійскій

посланникъ г. де-Груби входилъ безъ спроса во время засѣданій совѣта, чтобы продиктовать ему приказанія, данныя Меттернихомъ.

— Трудно повѣрить, сказалъ я, чтобы г. де-Груби до такой степени не соблюдалъ приличій, но можетъ быть онъ васъ стѣсняетъ потому, что онъ слишкомъ пристально слѣдитъ за вами, и что его постоянное наблюденіе довольно неудобно.

Я имѣлъ случай видѣть г. де-Груби въ Эмсѣ, гдѣ онъ лечился. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе порядочнаго человѣка съ хорошими принципами.

Сдѣлавъ видъ, что я что-то припоминаю, я обратился къ королю и сказалъ:

— Ваше величество уволили со службы моего стараго знакомаго, г. Вагенгейма, котораго я знавалъ въ бытность его кураторомъ въ Тюбингенѣ.

— Это негодяй! отвѣчалъ король; онъ провинился лично передо мною; я назначилъ на его мѣсто г. Тротта.

— Этотъ Троттъ пользуется довольно сомнительной репутаціей, замѣтилъ принцъ Оранскій.

— Я знаю, возразилъ король, что ему ставятъ въ вину его преданность Жерому, но это—человѣкъ порядочный, и я его поддержу. Въ 1815 и 1816 г.г. многимъ ставилась въ заслугу ихъ преданность Наполеону; теперь это самое ставится имъ въ вину.

— А куда дѣвался Винцингероде, Ваше Величество?

— Это негодяй, сказалъ король; онъ вздумалъ дѣлать заявленія моимъ министрамъ, безъ моего на то разрѣшенія; онъ провинился передо мною; я его уволилъ въ отставку.

— Какъ, ваше величество, вы покарали того и другого такъ строго безъ суда? Можетъ быть они могли бы оправдаться.

— Да, отвѣтилъ король, если бы я ихъ отдалъ подъ судъ, они нашли бы, разумѣется, защитниковъ и сторонниковъ готовыхъ оправдать ихъ.

— Такъ вотъ какъ вы уважаете законъ и общественное мнѣніе страны, ваше величество, вотъ какъ вы боитесь произвола и управляете согласно данной вами конституціи. Послѣ этого позвольте мнѣ думать, что ваша власть не такъ велика, какъ вы даете понять. Какъ вы полагаете, развѣ изъ вашихъ поступковъ нельзя заключить, что Вагенгеймъ и Винцингероде могли бы оправдаться, доказавъ, по чьему повелѣнію они дѣйствовали, что они только случайныя жертвы вашей политики, и что вы втайнѣ утѣшаете ихъ за временную опалу подарками и обѣщаніями?

Король помолчалъ и, казалось, былъ смущенъ; наконецъ онъ промолвилъ:

— Вы, какъ я вижу, все также вспыльчивы.

— Не знаю, ваше величество, такъ ли я вспыльчивъ, но вы позволили мнѣ высказаться, и я воспользовался этимъ, не нарушая, какъ мнѣ кажется, правилъ приличія; если бы вы пожелали говорить со мною только какъ монархъ, то я слушалъ бы васъ стоя и не возражая.

Принцъ Оранскій, принимавшій участіе въ разговорѣ, говорилъ все время здраво, сдержанно и въ одномъ духѣ со мною; но мнѣ кажется, что умъ короля Виртембергскаго и его взгляды до извѣстной степени подкупили его. Этимъ, приблизительно, ограничивались наши разговоры на политическія темы, и мы вскорѣ разстались.

Обдумавъ хорошенько все сказанное, я невольно пришелъ къ убѣжденію, что король Виртембергскій едва-ли чуждъ проискамъ нѣмецкихъ либераловъ, которые превозносятъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Швабія, по своему положенію, является, совершенно естественно, промежуточнымъ пунктомъ, между Германіей, Швейцаріей и Италіей.

Либералы съумѣли извлечь изъ этого пользу, и король, благодаря своей популярности среди нихъ, льстилъ себя, быть можетъ, надеждою, что если бы началось движеніе, то онъ очутился бы во главѣ передовыхъ борцевъ и могъ бы, слѣдовательно, руководить ихъ дѣйствіями сообразно своимъ интересамъ.

Говоря объ Эмсѣ, я долженъ сказать вашему величеству въ заключеніе, что герцогство Нассаусское управляется повидимому недурно. Населеніе довольно, хотя герцогъ наложилъ на него, послѣднее время, совершенно произвольно, натуральную повинность для сооруженія шоссе, которое идетъ, по большой части, по скаламъ; шоссе это великолѣпно.

Строевое ученіе, на которомъ я присутствовалъ близъ Висбадена, производилось совмѣстно пѣхотой и артиллеріей повзводно, очень отчетливо; войско хорошо обучено и несетъ службу добросовѣстно. Такъ какъ жена моя, пробывъ въ Эмсѣ пять недѣль, окончила курсъ леченія, то мы должны были отправиться въ Дрезденъ, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ и рѣшить, что дѣлать далѣе“.

По пути въ Дрезденъ Великій Князь остановился на два дня въ Майнцѣ, гдѣ присутствовалъ на ученьи войскъ гарнизона, гдѣ несли службу, совмѣстно два австрійскихъ и четыре прусскихъ баталіона.

Особенно благопріятное впечатлѣніе произвели на Великаго Князя австрійцы, съ которыми, по его отзыву, прусскіе солдаты, походившіе скорѣе на рекрутъ, нежели на образцовыхъ солдатъ, не могли выдержать никакого сравненія; хотя пруссаки были прекрасно вы-

муштрованы и обучены, но, по отзыву великаго князя, „у австрійцевъ все было изящнѣе, изысканнѣе“.

Особенное вниманіе Великаго Князя обратила состоявшая при полку школа кадетъ или подпрапорщиковъ; „въ ней было приблизительно 52 воспитанника, принадлежавшихъ по большой части къ самымъ знатнымъ фамиліямъ сѣверной Германіи, каковы Бентгеймы, Куденгавы. Изъ нихъ многіе, владѣя помѣстьями въ Пруссіи, стараются несмотря на это опредѣлить своихъ дѣтей на австрійскую службу. Школа содержится образцово, молодые люди прекрасно воспитаны и получаютъ тщательное теоретическое образованіе. Побесѣдовавъ съ ними, говоритъ Великій Князь, я замѣтилъ съ удовольствіемъ, что, привыкнувъ смотрѣть на императора австрійскаго, какъ на главу германскихъ принцевъ, они считаютъ, что служа ему, они служатъ своей странѣ“.

Осматривая крѣпость, Великій Князь былъ, между прочимъ, пораженъ огромнымъ количествомъ хранившихся тамъ боевыхъ припасовъ; его увѣряли, что французы оставили тамъ такое огромное количество боевыхъ снарядовъ, которое могло быть оцѣнено въ 40 милліоновъ.

Не считая орудій, стоявшихъ на крѣпостныхъ валахъ, въ складахъ хранилось 782 орудія. Тутъ были орудія всѣхъ странъ, даже испанскія.

„Но я могу сказать вашему императорскому величеству съ особеннымъ удовольствіемъ, добавляетъ Константинъ Павловичъ, что я не видѣлъ тутъ ни одного русскаго орудія“.

„Въ Майнцѣ мѣстныя власти оказали мнѣ самое утонченное вниманіе и были предупредительны безъ низкопоклонства. Комендантъ крѣпости генералъ-маіоръ Мюффлингъ, бывшій въ послѣднюю кампанію подъ моимъ начальствомъ, командуя въ то время вторымъ гвардейскимъ полкомъ, съ которымъ я имѣлъ случай бесѣдовать, между прочимъ, объ организаціи прусскаго войска, говорилъ мнѣ, со слезами на глазахъ, что ежели Пруссія будетъ упорствовать на своей системѣ трехгодичной службы, то у нея скоро не будетъ арміи; лучшіе офицеры, измученные каторжной работой, которую они несутъ безъ отдыха и безъ всякой видимой пользы, выходятъ въ отставку; въ арміи не успѣваютъ образовать унтеръ-офицеровъ; ни одинъ солдатъ, отслуживъ въ пѣхотѣ положенные три года, не остается на вторичный срокъ. Дѣло дошло до того, что въ двухъ полкахъ, несущихъ гарнизонную службу, въ Майнцѣ, не хватаетъ по 86 унтеръ-офицеровъ въ полку и ихъ не откуда взять“.

Изъ Майнца Великій Князь продолжалъ путь черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, Фульду и Гессенскія владѣнія; тутъ его поразила нена-

висть, съ какою населеніе относилось къ курфирсту, который обременялъ своихъ несчастныхъ подданныхъ всевозможными налогами и поборами.

„Объ этомъ говорятъ рѣшительно всѣ", отмѣчаетъ Великій Князь, даже когда объ этомъ не спрашиваешь. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „курфирстъ, кажется, не заблуждается на счетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ внушаетъ, ибо онъ никогда не выѣзжаетъ иначе, какъ въ сопровожденіи отряда жандармовъ. Двое жандармовъ сидятъ на козлахъ его кареты, двое стоятъ на запяткахъ и по одному у дверецъ экипажа. Всѣ они вооружены и держатъ наготовѣ ружья.

Герцогство Гота пользуется благосостояніемъ; жители благословляютъ свое правительство и живутъ въ довольствѣ. Царствующій герцогъ страдаетъ падучей болѣзнью, и такъ какъ онъ временами теряетъ способность говорить, то онъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Фактически управляетъ регентство, въ составъ котораго входятъ представители главныхъ семей; такимъ образомъ это почти республика. „Недовольные" дѣлаютъ изъ этого выводъ въ пользу проповѣдуемыхъ ими принциповъ.

„Видите, говорятъ они, мы можемъ обойтись безъ вашихъ деспотовъ; самыя счастливыя страны тѣ, гдѣ ихъ нѣтъ".

Еще до пріѣзда въ Эрфуртъ, мнѣ было извѣстно объ арестѣ маіора Ферентейля, пруссака, начальника инженеровъ этой крѣпости. Меня посѣтилъ генералъ Лебель, исполняющій должность коменданта въ отсутствіи генерала Янова, вызваннаго въ Берлинъ; говоря со мною объ этомъ происшествіи, онъ выразилъ опасеніе что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многіе офицеры, присовокупивъ, что зловредныя доктрины распространяются быстро, и что съ ними слѣдуетъ бороться, пока не поздно.

Злонамѣренные люди довольно удачно избрали Эрфуртъ центромъ для своей агитаціи. Этотъ городъ, находясь въ центрѣ германскаго союза, близъ Тюрингенскаго лѣса, подлѣ владѣній наиболѣе слабыхъ принцевъ, дѣйствительно болѣе всего подходитъ для этой роли.

Герцогство Веймарское показалось мнѣ чрезвычайно унылымъ, хотя я не могу сказать опредѣленно, что именно вызываетъ это впечатлѣніе. Я замѣтилъ съ прискорбіемъ, что при дворѣ только и говорили о событіи, случившемся въ Кобургѣ, которое давало поводъ къ крайне дурного тона шуткамъ относительно царствующаго тамъ дома. Объ этомъ прискорбномъ событіи говорили съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то торжествѣ, по поводу котораго надобно радоваться, не думая о томъ, что въ наше время нѣмецкимъ принцамъ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдовало бы внушать подданнымъ уваженіе къ себѣ и преданность, которыя осно-

вывались бы на ихъ личныхъ качествахъ, а не на вынужденномъ проявленіи внѣшняго повиновенія и подчиненія. Предаваясь исключительно самымъ легкомысленнымъ забавамъ, каковы охота и музыка, или постыднымъ слабостямъ, имъ не удастся долго сохранить власть, которую, при современныхъ взглядахъ и всеобщей нелюбви къ нимъ, они могутъ постепенно утратить“.

Наблюденія, сдѣланныя Великимъ Княземъ въ Лейпцигѣ, еще болѣе убѣдили его въ томъ, что ненависть народа къ германскимъ принцамъ была очень сильна.

„Особенной ненавистью пользуются гессенскіе принцы, пишетъ онъ, изъ коихъ одного, курфюрста, ненавидятъ за строгость и произволъ, а другого, великаго герцога Дармштадтскаго, за непростительную безпечность; онъ бросаетъ, напр., государственныя дѣла, чтобы присутствовать на спектаклѣ, или чтобы дирижировать своимъ опернымъ оркестромъ, или ради какихъ-либо иныхъ, столь же легкомысленныхъ занятій, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ и заботами правителя. Все, что говорилось по этому поводу во всеуслышаніе и за табльдотомъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Нѣкоторыя лица, видавшія меня поутру, узнавъ меня, говорили: этотъ князь доступенъ, онъ говоритъ со всѣми, вездѣ бываетъ, появляется на улицахъ, и никому не придетъ въ голову отнестись къ нему съ неуваженіемъ, но если бы одинъ изъ гессенскихъ принцевъ вздумалъ появиться такъ, то ему плюнули бы въ лицо.

Что касается настроенія общества по отношенію къ Пруссіи, которое я подмѣтилъ въ Кобленцѣ и другихъ мѣстахъ, то надобно сказать, что среди жителей Прирейнскихъ и Приэльбскихъ провинцій замѣтно сильное нерасположеніе къ прусскому правительству: одни сожалѣютъ о французскомъ управленіи, потому что, будучи причислены къ обширному и могущественному государству, они составляли одну компактную массу, пользовались всѣми его преимуществами и его превосходствомъ, тогда какъ въ настоящее время они представляютъ изъ себя лишь разрозненныя частицы государства, менѣе могущественнаго и, слѣдовательно, болѣе бѣднаго; другіе не могутъ утѣшиться по поводу того, что они отторгнуты отъ Саксоніи и отъ отеческаго, мудраго и кроткаго управленія короля и подпали подъ иго тяжелой фискальной администраціи“.

Въ Лейпцигѣ великій князь осмотрѣлъ историческое поле битвы, гдѣ и въ то время исчезли уже всѣ слѣды бывшаго тутъ сраженія народовъ; изъ-за пашней и домовъ, которые появились на бывшемъ полѣ битвы, трудно было оріентироваться; нѣсколько ядеръ, оставленныхъ нарочно въ возстановленныхъ стѣнахъ, были единственными свидѣте-

лями историческаго событія, и говорили о бѣдствіяхъ, причиненномъ кровопролитнѣйшимъ изъ сраженій.

Въ Дрезденѣ, при дворѣ престарѣлаго Фридриха Августа, великому князю былъ оказанъ самый радушный любезный пріемъ.

„Король—истинный патріархъ своей семьи, пишетъ Константинъ Павловичъ; это олицетвореніе всѣхъ личныхъ и общественныхъ добродѣтелей, которыя могутъ сдѣлать честь человѣку и монарху. Во время моего пребыванія въ Дрезденѣ, самое изысканное вниманіе ко мнѣ и любезность со стороны короля и всего его смейства не прерывались ни на минуту. Я не разсчитывалъ видѣть Кенигштейнъ и даже не хотѣлъ просить на то позволенія, зная, что доступъ въ крѣпость строго воспрещенъ и что когда, въ прошломъ году, принцъ Вильгельмъ прусскій, сынъ короля, выразилъ желаніе осмотрѣть ее, то ему было въ этомъ отказано. Но король былъ такъ добръ, что самъ предложилъ мнѣ поѣхать туда, на что я согласился съ признательностью. Онъ прислалъ мнѣ придворныхъ лошадей, и военный министръ, генералъ Цехау, самымъ подробнымъ образомъ показалъ мнѣ все, что я выразилъ желаніе осмотрѣть. Я видѣлъ прекрасныя укрѣпленія и все, что природа и искусство, вмѣстѣ взятыя, могутъ представить въ этомъ отношеніи самаго замѣчательнаго.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. При дворѣ ему было оказано такое же вниманіе, какъ и мнѣ. Узнавъ, что онъ начальникъ корпуса инженеровъ, король предложилъ и ему осмотрѣть Кенигштейнъ и при этомъ сказалъ мнѣ:

„Такъ какъ вы уже видѣли крѣпость, и такъ какъ мои лѣта не позволяютъ мнѣ ѣхать туда, то я прошу васъ показать ее Его Императорскому Высочеству".

Пріѣхавъ въ Кенигштейнъ, мы уже застали тамъ принцевъ Фридриха и Іоанна, которые насъ ожидали, чтобы принять насъ. Съ ними былъ и принцъ Леопольдъ Кобургскій.

Мнѣ остается еще изложить свои наблюденія относительно нѣмецкихъ студентовъ.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что за исключеніемъ Бреславля, я встрѣтилъ, во время моей поѣздки, не болѣе тридцати человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ, какъ это бывало вездѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Всѣ студенты, коихъ я встрѣтилъ, были очень вѣжливы и почтительны; они сторонились, чтобы дать мнѣ дорогу, и поспѣшно снимали свои шапочки или шляпы. При выѣздѣ моемъ изъ Кобленца, когда я ѣхалъ въ коляскѣ со своимъ адъютантомъ въ полной парадной формѣ, при эполетахъ, трое студентовъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, выстроились даже въ рядъ по шоссе и поклонились

мнѣ самымъ вѣжливымъ образомъ; само собою разумѣется, я отдалъ имъ поклонъ. Я слышалъ, что студенты Галле, Іены, Геттингена и Лейпцига условились повиноваться какому-то лозунгу, который повелѣваетъ имъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ держаться однообразнаго поведенія и языка. Я никакъ не могъ узнать, откуда именно исходятъ эти дневные приказы, и гдѣ помѣщается тотъ главный штабъ, откуда они исходятъ; несомнѣнно однако, что онъ существуетъ. Я слышалъ, что изъ этого источника имъ было предписано оказывать мнѣ, во всѣхъ случаяхъ, полное уваженіе.

Въ Бреславлѣ на улицѣ можно видѣть самые экстраординарные костюмы. Я имѣлъ случай наблюдать это въ особенности въ мой предъидущій проѣздъ черезъ этотъ городъ, который совпалъ съ празднованіемъ тезоименитства короля прусскаго, 3 августа н. ст. По случаю этого торжества, улицы были болѣе оживлены, чѣмъ обыкновенно. Помимо нѣмецкаго платья, студенты придумали другое одѣяніе, еще болѣе смѣшное, на подобіе греческаго; они называютъ тѣхъ, кто носитъ этотъ костюмъ, „Колокотрони". Манеры ихъ отличаются величайшей непочтительностью или, я сказалъ бы, дерзостью.

Въ Бреславлѣ я былъ пораженъ и опечаленъ при видѣ военныхъ. Офицеры одѣты съ величайшей небрежностью, ходятъ по улицѣ въ разстегнутомъ мундирѣ или сюртукѣ, безъ эполетъ и зачастую даже безъ шпаги; солдаты, по примѣру начальства, также не соблюдаютъ приказа. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что рядовые и офицеры почтительны и вѣжливы въ отношеніи постороннихъ. Что касается ученья, то прискорбно видѣть, что оно совершается самымъ небрежнымъ образомъ".

Во время пребыванія Великаго Князя Константина Павловича въ Дрезденѣ тамъ былъ арестованъ извѣстный французскій философъ и ученый, Кузенъ, совершавшій путешествіе по Германіи, которое окончилось для него столь печально. Онъ былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ партіи карбонаріевъ, былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ полгода и былъ освобожденъ только по ходатайству Гегеля.

Въ запискѣ Великаго Князя находимъ нѣкоторыя подробности, касающіяся ареста этого ученаго.

„За нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Варшаву, куда я отправился на свиданіе съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, прусскій посланникъ при дрезденскомъ дворѣ, Іорданъ, явился ко мнѣ и сообщилъ, что, въ виду отсутствія русскаго посланника Ханыкова, (который отправился въ Лейпцигъ, чтобы присутствовать при проѣздѣ Великой Княгини Маріи Павловны), онъ счелъ долгомъ довести до моего свѣдѣнія о приказѣ, имъ полученномъ отъ своего

правительства, коимъ ему повелѣвалось просить у саксонскаго правительства разрѣшеніе арестовать и выслать нѣкоего Кузена, по происхожденію француза, писателя, проживающаго въ Дрезденѣ и скомпрометтированнаго показаніями нѣкоего Витта, содержащагося подъ арестомъ по приказанію графа Бернсдорфа. Мнѣ были сообщены, въ свое время, первоначальныя показанія этого Витта, но я не могъ припомнить, находилось ли имя Кузена въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ доносилъ. Г. Іорданъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ привести въ исполненіе приказаніе своего правительства и счелъ долгомъ довести о томъ до моего свѣдѣнія; я поблагодарилъ его за этотъ знакъ довѣрія, вполнѣ соотвѣтствующій, впрочемъ, характеру отношеній, установившихся между обоими правительствами.

Желая разузнать, что за человѣкъ этотъ Кузенъ, я поручилъ прослѣдить за нимъ одному лицу, который нашелъ случай вступить съ нимъ въ разговоръ.

Мнѣ было извѣстно, что г. Кузенъ пріѣхалъ въ Дрезденъ съ молодыми Монтебелло [1]), изъ коихъ старшій считается женихомъ дѣвицы Жеребцовой, внучки князя Лопухина, которая также пріѣхала недавно въ Дрезденъ со своей матерью. Поэтому, г. Кузенъ былъ у всѣхъ на виду, и его часто можно было встрѣтить въ обществѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, и моему довѣренному лицу нетрудно было познакомиться съ нимъ. Между ними завязался разговоръ, и они условились однажды отправиться на прогулку въ долину, находящуюся въ разстояніи одной версты отъ Дрездена, чтобы побесѣдовать тамъ на свободѣ.

Поговоривъ о томъ, о семъ, они завели рѣчь о политикѣ и о современномъ положеніи Германіи.

— Я не занимаюсь болѣе политикой, сказалъ Кузенъ: я усталъ, но я долженъ сознаться, что Германія находится въ самомъ жалкомъ состояніи; это—испорченная машина, которая не можетъ долѣе дѣйствовать; посмотрите—какіе монархи управляютъ ею.

— Но, замѣтилъ его собесѣдникъ, Саксонія управляется превосходно.

— Да, отвѣчалъ Кузенъ, Саксонія пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ: король управляетъ ею мудро, какъ отецъ, но онъ стоитъ уже одной ногой въ могилѣ и не можетъ долго царствовать; въ общемъ, Германія напоминаетъ поношенное платье, требующее починки.

---

[1]) Послѣ 1820 г., когда каѳедра философіи въ Сорбоннѣ, которую занималъ Кузенъ, была упразднена, онъ вынужденъ былъ принять должность наставника у герцога Монтебелло.

— Вы готовы сравнить ее съ ветошью, сказалъ его собесѣдникъ.

— Что дѣлать, возразилъ Кузенъ: приходится довольствоваться ветошью, когда не имѣешь новаго; только одинъ монархъ можетъ выполнить дѣло крупной реформы,—это король Виртембергскій, на него можно было бы положиться.

Вотъ, приблизительно, все, что было сказано интереснаго во время этой бесѣды; вскорѣ послѣ этого г. Кузенъ былъ арестованъ.

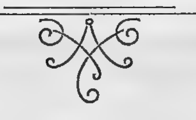
По возвращеніи моемъ изъ Варшавы, я узналъ, къ величайшему моему изумленію, что арестъ г. Кузена вызвалъ въ средѣ самого прусскаго правительства нѣкоторое разногласіе.

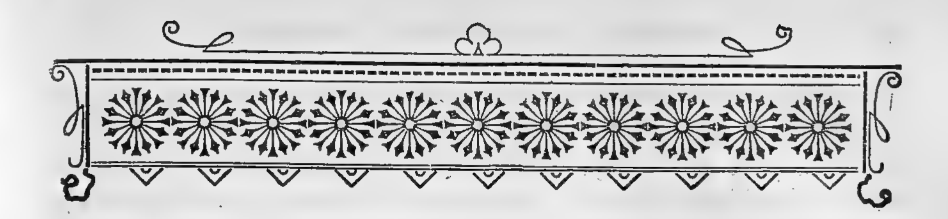
Оказывается, приказъ объ арестѣ г. Кузена былъ данъ Іордану Шукманомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ вѣдома Ансильона, временно управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, который былъ этимъ обиженъ и сдѣлалъ Іордану запросъ, по чьему приказанію это было сдѣлано. Послѣдній сослался на министра внутреннихъ дѣлъ, который въ свою очередь долго не давалъ отвѣта министерству иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, прусскій посланникъ получилъ также запросы и указанія отъ г. Камца, начальника полиціи, и отъ князя Витгенштейна, управляющаго королевской главной квартирой; слѣдовательно, въ это дѣло вмѣшивались и имъ руководили, безъ сомнѣнія сообразно со своими собственными взглядами, четыре лица, находившіеся въ Берлинѣ.

„Ваше Императорское Величество усмотрите въ этомъ обстоятельствѣ новое доказательство царствующаго въ прусскомъ министерствѣ отсутствія единства, благодаря чему ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается тамъ быстро и однообразно.

„Таковы, Государь, въ точности наблюденія, сдѣланныя мною во время моего пребыванія въ Германіи, и которыя я повергаю къ стопамъ Вашего Величества; быть можетъ, они привлекутъ на минуту вниманіе Ваше и будутъ приняты съ тою снисходительностью, къ которой Ваше Величество меня пріучили“.

В. Тимощукъ.

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Рэнбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

Со времени вестминстерскаго договора, Франція, видя, что ея вѣковой врагъ, Англія, усилилась благодаря союзу съ Пруссіей, поспѣшила заключить союзъ съ врагомъ послѣдней державы, съ Австріей. Правительство же этого государства, желая заручиться содѣйствіемъ Россіи въ борьбѣ съ Фридрихомъ II, поручило своему послу въ Петербургѣ добиться отъ русскаго двора возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей, которыя были прерваны въ 1744 г. высылкой изъ Россіи маркиза Шетарди. Сама императрица и приближенные къ ней сановники, исключая канцлера Бестужева-Рюмина, были склонны обмѣняться съ Франціей послами. Во главѣ этой придворной группы стояли фаворитъ императрицы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и его братъ Петръ. Для Уилльямса было желательно помѣшать этому обмѣну послами, и орудіемъ къ выполненію этой цѣли онъ избралъ великую княгиню. Выборъ оказался довольно удачнымъ. Для Екатерины Алексѣевны пріѣздъ французскаго посла былъ непріятенъ уже потому, что этого желали Шуваловы. Послѣдніе, являясь ближайшими къ императрицѣ лицами, игнорировали малый, велико-княжескій дворъ. Но ко времени разсматриваемой нами переписки, когда, какъ мы указывали, Елисавета Петровна серьезно занемогла, они начали искать сближенія съ великой княгиней. Это и не удивительно. Со смертью Елисаветы имъ грозила немилость молодого двора, который естественно считалъ

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1910 г.

ихъ виновниками холодности къ нему императрицы, и они заранѣе старались предотвратить эту опасность.

О попыткѣ къ примиренію мы узнаемъ изъ перваго письма великой княгини. Орудіемъ Шуваловыхъ въ достиженіи этой цѣли были кн. Трубецкой и И. И. Бецкій.

Характернымъ для Екатерины является та осторожность, съ которой она реагировала на эти шаги къ сближенію. „Я дамъ знать П. (Петру Шувалову), заявила она Трубецкому, о томъ, что вы говорили со мною... Онъ знаетъ мое всегдашнее уваженіе къ вамъ; онъ не преминетъ подумать, что вы подѣйствовали на меня; я этимъ достигну двухъ цѣлей: я окажу услугу вамъ и себѣ“ [1]). Когда же эта попытка была повторена другимъ лицомъ, племянникомъ Трубецкого, Ив. Бецкимъ, то Екатерина Алексѣевна, понявъ, что, съ привлеченіемъ на свою сторону Шуваловыхъ, она будетъ имѣть болѣе данныхъ на успѣхъ при замѣщеніи престола, заявила ему слѣдующее: „я бы желалъ, чтобы... (И. И. Шуваловъ), спрашивая меня и слѣдуя моимъ совѣтамъ, мнѣ помогалъ во всемъ, и что... услуги (Шуваловыхъ) обезпечили бы имъ будущее“ [2]).

Такой оборотъ дѣла не могъ доставить удовольствія англійскому послу. Со сближеніемъ великой княгини съ Шуваловыми, ему пришлось бы отказаться отъ мысли заручиться ея симпатіями въ пользу Пруссіи, и онъ въ своемъ отвѣтѣ не стѣсняется въ выраженіяхъ, чтобы очернить въ глазахъ великой княгини, какъ Шуваловыхъ, такъ и Бецкаго. А затѣмъ добавляетъ: „По дѣлу Бецкаго мой совѣтъ вамъ оставаться спокойнымъ, допускать ихъ къ себѣ, но не давать имъ положительнаго отвѣта“ [3]). Въ концѣ же письма онъ старается какъ бы отклонить великую княгиню отъ подозрѣнія, что онъ такъ ратуетъ за нее преимущественно изъ своихъ интересовъ. „Послѣ резолюціи конференціи [4]), пишетъ онъ, состоявшейся въ пятницу, пріѣздъ французскаго посла къ этому двору не нанесетъ мнѣ никакого вреда, но я всегда боюсь за васъ, и его пріѣздъ—самое пагубное дѣло для васъ. Подумайте надъ этимъ и пришлите мнѣ ваши размышленія, а я вамъ перешлю свои на счетъ способа защищаться отъ удара“ [5]). Далѣе въ письмѣ отъ 9 августа онъ объясняетъ, почему этотъ пріѣздъ опасенъ для

---

[1]) Переписка, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 11.

[4]) На этой конференціи, какъ раньше сообщала Уилльямсу Екатерина Алексѣевна, было постановлено обезпечить Ганноверъ.

[5]) Переписка, стр. 13.

великой княгини. „Дѣло о французскомъ посольствѣ, извѣщаетъ онъ, совершенно рѣшено. Во время разговора сегодня утромъ съ моимъ лучшимъ другомъ, котораго я имѣю здѣсь, онъ внезапно воскликнулъ: „ахъ, какъ я жалѣю ихъ императорскія высочества! пріѣздъ посла будетъ ихъ гибелью"... Я очень просилъ его объясниться по этому поводу, но онъ мнѣ сказалъ, что одни слѣпые не видятъ причинъ, а когда Франція и Австрія соединятся, то онѣ распорядятся наслѣдствомъ по своему усмотрѣнію. Въ концѣ концовъ онъ мнѣ сказалъ: „Я знаю, что вы имѣете привязанность къ ихъ высочествамъ, предупредите ихъ во-время, скажите, чтобъ они уговорили всѣхъ своихъ друзей для отвращенія удара; я знаю эту страну, я видѣлъ всѣ интриги Рабутина и Шетарди... Одни недоброжелатели могутъ предложить или одобрить такой проектъ, пусть она постарается привлечь къ себѣ Ивана Ивановича и наконецъ перевернетъ все вверхъ дномъ, къ тому, чтобы отвратить этотъ ударъ". Но затѣмъ черезъ три-четыре строки, перейдя къ вопросу, въ которомъ онъ заинтересованъ, какъ англійскій посолъ, къ вопросу о защитѣ Ганновера, онъ обнаруживаетъ и свои личныя опасенія. „Какъ это могли вамъ сказать, спрашиваетъ онъ, что хотѣли обезпечить Ганноверъ. Я знаю ихъ планъ (и это планъ великаго канцлера); онъ заключается въ томъ, чтобъ предложить новые переговоры съ цѣлью ихъ затянуть и выиграть время до пріѣзда французскаго посла къ этому двору, не обѣщая англійскому королю никакой помощи, ни даже добраго расположенія со стороны Россіи. Съ моей стороны, милостивый государь, я такъ убѣжденъ въ вѣрности только что сказаннаго мною, что безусловно необходимо перемѣнить мои батареи. Я прошу у васъ вашихъ знаній, вашихъ совѣтовъ и вашего содѣйствія. Я ихъ прошу у васъ на колѣняхъ. Мнѣ нужны новые друзья. Укажите мнѣ ихъ; и я очень опасаюсь, чтобы и вамъ они не были также нужны, такъ какъ канцлеръ уже въ рукахъ Австріи и Франціи, я очень боюсь, чтобы онъ не пошелъ еще далѣе" [1]).

Построивъ въ своемъ воображеніи, подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Вольфомъ [2]), картину опасности, будто бы грозящей ему съ пріѣздомъ французскаго посла, Уилльямсъ вполнѣ поддается своей фантазіи, какъ будто чему-то дѣйствительному и просто мечется, ища спасенія. Но вотъ онъ вспомнилъ, что Бецкій заявилъ великой княгинѣ отъ имени Шуваловыхъ, какъ она писала, что они будутъ слушаться ея „совѣтовъ во всемъ, что представится" [3]), и онъ

---

[1]) Переписка, стр. 24.

[2]) Великобританскій консулъ.

[3]) Переписка, стр. 14.

пишетъ къ ней: „Скажите мнѣ откровенно, думаете ли вы, что послѣднее посланіе, принесенное вамъ Бецкимъ, достовѣрно, и что Иванъ Ивановичъ дѣйствительно готовъ вамъ доказать, что онъ желаетъ заслужить вашихъ милостей. Если вы полагаете дѣло возможнымъ, велите ему сказать, что въ доказательство своей привязанности онъ помѣшалъ бы пріѣзду французскаго посла, прибавьте, что въ этомъ заключается самое большое сокровенное желаніе великаго князя, и что онъ будетъ очень признателенъ тому, кто ему поможетъ отпарировать этотъ ударъ. Но я предоставляю все вашему сужденію. Умоляю васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе. Отъ васъ одного я ожидаю помощи и утѣшенія“ [1]). И Екатерина, несмотря на то, что была вдвое моложе этого уже потершагося въ общественной жизни и политическихъ сношеніяхъ дипломата, не поддалась надеждамъ Уилльямса на Шуваловыхъ. Еще ранѣе, сообщая отвѣтъ Шуваловыхъ, она прибавила: „Вотъ слова, сказанныя на вѣтеръ!“ [2]) Теперь же она заявила Уилльямсу, что И. И. Шуваловъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ дѣйствіяхъ, „чтобъ отступить, и дастъ отвѣтъ, что такова воля императрицы, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать“ [3]).

Только въ угоду Уилльямсу она отправила къ И. Шувалову Нарышкина съ предложеннымъ англійскимъ посломъ порученіемъ. И, дѣйствительно, отвѣтъ Шувалова былъ въ предполагаемомъ Екатериной духѣ, что видно изъ ея словъ: „Иванъ Ивановичъ... сказалъ, что уже было слишкомъ поздно, и что если бы онъ зналъ, насколько это не нравилось мнѣ, нога Дугласа [4]) никогда бы не переступила порога его дома“ [5]).

Сама Екатерина допускала, что Шуваловы „поступали самимъ искреннимъ образомъ подъ страхомъ болѣзненнаго состоянія императрицы“ [6]). Дѣйствительно, они, какъ и многіе другіе, предполагали скорый конецъ Елисаветы Петровны. Поэтому, давая обѣщанія женѣ наслѣдника престола, они, можетъ быть, были даже увѣрены, что исполнятъ ихъ, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ Петра Ѳеодоровича, его воля и воля его супруги были бы для нихъ закономъ, если бы они не хотѣли попасть въ опалу.

---

[1]) Переписка, стр. 24—25.
[2]) Тамъ же, стр. 14.
[3]) Тамъ же, стр. 27.
[4]) Агентъ французскаго короля въ Петербургѣ.
[5]) Переписка, стр. 37—38.
[6]) Тамъ же, стр. 27.

Теперь же, когда Елисавета Петровна была еще жива, они не могли дѣйствовать въ разрѣзъ съ обычной своей политикой.

Добившись довѣрія великой княгини, которое явствовало уже изъ того, что она обращалась къ нему за совѣтами, Уилльямсъ все-таки не былъ доволенъ. Ему хотѣлось письменныхъ доказательствъ его значенія въ глазахъ Екатерины. И вотъ онъ, высказывая безпокойство, что великій канцлеръ можетъ подумать, что вниманіе къ нему Екатерины Алексѣевны основывалось на ея склонности къ Понятовскому, пишетъ, послѣ цѣлаго ряда увѣреній въ привязанности, великой княгинѣ: „Прошу васъ дать почувствовать великому канцлеру, что любезности, которыя вы мнѣ оказываете, и покровительство, которое вы проявляете ко мнѣ, будутъ продолжены въ угоду мнѣ, а не въ виду какого-либо иного соображенія“ [1]). И великая княгиня, снисходя къ его слабости, заявляетъ въ ближайшемъ письмѣ: „Совершенно достовѣрно, что съ того момента, какъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, я испытывалъ къ вамъ уваженіе самое отличное и независимое отъ всякаго другого, такъ какъ послѣднее чувство (къ Понятовскому) возникло лишь 7 мѣсяцевъ спустя“ [2]).

Послѣ этого Уилльямсъ какъ бы оправдывается въ своей мелочности: „Я думаю, пишетъ онъ, что великій канцлеръ могъ почувствовать нѣкоторую ревность ко мнѣ. Я думаю, что онъ чувствуетъ ее еще, такъ какъ вчера онъ прислалъ Вольфа просить меня написать ему записку, въ которой я долженъ былъ сказать, что все совершенное мною въ вашемъ дѣлѣ (здѣсь имѣется въ виду заемъ у англійскаго правительства) исполнено исключительно по его просьбѣ. И, вѣроятно, онъ хочетъ вамъ переслать эту записку“ [3]).

Послѣ вышеприведенныхъ заявленій Екатерины, Уилльямсъ довольно смѣло начинаетъ мечтать о той роли, которую онъ будетъ играть по ея воцареніи: „Когда вы будете на вашемъ мѣстѣ, на этомъ тронѣ, если меня не будетъ здѣсь, я тотчасъ пріѣду. Я бы желалъ, чтобы вы просили у моего государя меня въ качествѣ англійскаго министра при васъ..... Я бы желалъ имѣть доступъ къ вамъ и пользоваться вашими часами досуга, такъ какъ я бы всегда предпочелъ Екатерину императрицѣ. Я бы просилъ васъ пожаловать мнѣ голубую ленту, чтобы украситься кускомъ вашей ливреи, и вашъ портретъ, который я бы носилъ всю мою жизнь“... [4]).

Изъ этого мы видимъ, каковы были честолюбивые замыслы

[1]) Переписка, стр. 69.
[2]) Тамъ же, стр. 70.
[3]) Тамъ же, стр. 86.
[4]) Тамъ же, стр. 81.

англійскаго посла. Но онъ заботился не только о своихъ интересахъ, но, какъ мы уже упомянули, и объ интересахъ своего отечества и короля прусскаго. Съ этой цѣлью онъ постарался заинтересовать великую княгину политикой. Для этого онъ знакомилъ ее съ ходомъ событій въ Западной Европѣ предъ семилѣтней войной, выставляя Фридриха II доброжелателемъ Россіи. Но этимъ не ограничивалось дѣло.

Прививъ Екатеринѣ симпатіи къ Англіи и отчасти къ Пруссіи, онъ пользовался ею для того, чтобы вывѣдать тайную дипломатическую переписку русскаго двора съ враждебными Англіи и Пруссіи государствами. Такъ, въ его письмѣ отъ 22 сентября мы читаемъ: „Канцлеръ обѣщалъ вамъ бумаги касательно г. де-Лопиталя. Если бы вы могли видѣть тѣ инструкціи, которыя даются здѣсь графу Бестужеву, вы бы сдѣлали мнѣ удовольствіе“ [1]). Далѣе, 28 августа Уилльямсъ писалъ: „Онъ (канцлеръ) сказалъ, что послалъ вамъ всѣ переговоры съ Франціей; я надѣюсь и льщу себя, что получу нѣкоторые экстракты изъ нихъ“ [2]). И на слѣдующій день Екатерина пересылаетъ ему копіи съ этихъ дѣлъ, что видно изъ слѣдующей фразы: „Вотъ не экстрактъ, но копія еще неоконченная дѣлъ Дугласа, я думалъ, что эти удивительныя бумаги потеряли бы свою прелесть и достоинства, если бы я изъ нихъ дѣлалъ извлеченія“ [3])... Кромѣ того, изъ письма Екатерины отъ 21 августа мы видимъ, что она переслала Уилльямсу переводъ донесенія Обрескова, русскаго резидента въ Константинополѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту сообщеніе о договорѣ, заключенномъ между Австріей и Франціей [4]). Для него же она обѣщаетъ перевесть документъ по датскому дѣлу [5]).

Къ числу факторовъ, на которыхъ основывалась дѣятельность Екатерины Алексѣевны въ разсматриваемый періодъ, надо отнести и ея „благосклонность“ къ графу Понятовскому. Его вынужденный отъѣздъ былъ очень не по сердцу великой княгинѣ, и она примѣняла различные способы къ тому, чтобы добиться его возвращенія. На этомъ стремленіи преимущественно и построены ея отношенія къ канцлеру Бестужеву.

Теперь, переходя къ систематическому комбинированію почерпываемаго нами изъ этой переписки, мы считаемъ не лишнимъ предварительно обратить вниманіе на записку Уилльямса отъ 19 августа. Она начинается такими словами: „Только что я получилъ почту изъ Лондона; все, что вы предложили, разрѣшено съ большимъ удо-

---

[1]) Переписка, ст. 169.
[2]) Тамъ же, стр. 96.
[3]) Тамъ же, стр. 99.
[4]) Тамъ же, стр. 63.
[5]) Тамъ же, стр. 72.

вольствіемъ, и 40.000 руб. находятся въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ распоряженіи" [1]). Ясно, что великая княгиня получила эту сумму отъ англійскаго правительства. Естественно возникаетъ вопросъ, на какихъ условіяхъ добыла она эти деньги. На это не даетъ намъ отвѣта остальная часть той же записки. Не разъясняетъ это окончательно и слѣдующее за запиской письмо Уилльямса. Въ немъ мы читаемъ: „Я препровождаю къ вамъ два извлеченія писемъ, которыя я получилъ вчера. Сперва его величество разрѣшилъ все, о чемъ вы просили въ вашемъ послѣднемъ секретномъ письмѣ отъ іюля". Далѣе слѣдуютъ извлеченія изъ лондонскихъ депешъ, но для насъ интересно только первое изъ нихъ. „Вы вручите деньги ея императорскому высочеству, писали Уилльямсу изъ Англіи, и взамѣнъ получите отъ нея обязательство сообразно съ тѣмъ, что она вамъ предложила. И вмѣстѣ съ тѣмъ король вамъ приказываетъ сказать великой княгинѣ, насколько онъ чувствителенъ ко всѣмъ свидѣтельствамъ дружбы, которыя онъ получаетъ отъ ея императорскаго высочества, и вы должны ее увѣрить отъ имени короля въ томъ, что онъ готовъ и всегда будетъ склоненъ ей давать доказательства своего довѣрія и своей привязанности" [2]). Мы узнаемъ отсюда только то, что какая-то просьба великой княгиии къ англійскому королю, съ которой связана присылка денегъ, была отправлена чрезъ Уилльямса незадолго до начала переписки.

Могущія возникнуть по этому случаю подозрѣнія относительно Екатерины Алексѣевны разсѣиваются, если мы обратимъ вниманіе на конецъ письма Уилльямса отъ 23 августа, гдѣ онъ говоритъ: „Вотъ образецъ росписки. Требуется прибавить число: „я получила изъ рукъ британскаго посла сумму въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которую я обѣщаюсь возвратить его величеству великобританскому королю, когда онъ ея отъ меня потребуетъ. Е." [3]).

Словомъ, Екатерина Алексѣевна получила указанную сумму взаймы. Въ подтвержденіе этого вывода можно сослаться на Бильбасова, который говоритъ, что Екатерина Алексѣевна, обрусѣвшая даже въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, часто нуждалась въ деньгахъ, несмотря на то, что ежегодно получала 30.000 рублей карманныхъ денегъ и прибѣгала къ займамъ, которые покрывала случайными денежными подарками [4]). Онъ также указываетъ, что великая княгиня брала деньги взаймы и у англійскаго правительства, ссылаясь

---

[1]) Переписка, стр. 53.

[2]) Тамъ же, стр. 56—57.

[3]) Тамъ же, стр. 81.

[4]) При рожденіи Павла Петровича она получила 100 тыс. руб.

на росписки, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ. Изъ переписки мы также видимъ, что великая княгиня собиралась чрезъ гетмана Разумовскаго взять денегъ взаймы у его брата, „но ложный стыдъ, какъ она сама заявила, взялъ верхъ, и о немъ (о займѣ) не было рѣчи“ [1]).

Эта нужда въ деньгахъ, вѣроятно, также была одной изъ причинъ сближенія великой княгини съ англійскимъ посломъ.

Мы уже говорили о попыткѣ Шуваловыхъ къ примиренію съ великой княгиней и о томъ, какъ она отнеслась къ ней. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ говорилось объ этомъ, великая княгиня сообщаетъ, что нѣкій Г., любимецъ П., т. е., какъ мы узнали изъ дальнѣйшей переписки, Глѣбовъ, любимецъ П. Шувалова, приславши ей обратно два письма ея къ его женѣ, присоединилъ къ этому записку, въ которой распространялся о своей привязанности къ великой княгинѣ, заявивъ, что всякій злой замыселъ Петра Шувалова не только не найдетъ въ немъ пособника, но послужитъ доказательствомъ его преданности [2]). Если мы прибавимъ къ этому выдержку изъ ея письма отъ 21 августа, то предъ нами откроется та картина интриги, которая окружала великую княгиню во время болѣзни императрицы. „Пріятель Глѣбова, сообщаетъ Екатерина Уилльямсу, прислалъ того же самаго человѣчка, который служитъ у перваго, но который весь преданъ мнѣ, настоятельно проситъ меня не видѣться съ Глѣбовымъ; этотъ человѣчекъ, по словамъ пріятеля послѣдняго, открылъ весь заговоръ, придуманный Шуваловымъ, къ которымъ онъ присоединилъ Апраксина, для того, чтобы Глѣбовъ вступилъ ко мнѣ въ милость. Онъ говоритъ, что они не пощадятъ ни денегъ, ни труда для успѣха этого дѣла и что если Глѣбовъ не подцѣпитъ меня (ne m'accroche pas), они выберутъ другого, такъ какъ, будучи увѣрены въ великомъ князѣ и никогда не успѣвъ привлечь на свою сторону Салтыкова, ни въ настоящее время Нарышкина (гетманъ говорилъ, какое заблужденіе), они хотѣли ввести ко мнѣ кого-нибудь имъ преданнаго, не для того, чтобы властвовать черезъ меня, но меня этимъ погубить“ [3]).

Не имѣя возможности провѣрить, насколько соотвѣтствовали истинѣ сообщенія „человѣчка“, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Алексѣевна, мы не можемъ не замѣтить, что придворные, какъ видно изъ выдержки, были далеко не высокаго мнѣнія о нравственности великой княгини, если Шуваловы думали, что она будетъ

[1]) Переписка, стр. 50.
[2]) Тамъ же, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 64.

благосклонна ко всякому вхожему въ ея покои красивому мужчинѣ. Впрочемъ, и сама великая княгиня была далеко не щепетильна, если не обошла въ своемъ письмѣ молчаніемъ, что Глѣбова прочатъ на ту же роль при ней, которую игралъ Салтыковъ и, какъ полагали, Нарышкинъ, что, впрочемъ, Екатерина опровергаетъ словами: „какая ошибка“!

Но и послѣ выясненія причины домогательствъ Глѣбова, мы не разъ встрѣчаемъ въ перепискѣ замѣчаніе, что Петръ Шуваловъ ищетъ случая переговорить съ великой княгиней, и въ письмѣ отъ 31 августа Екатерина Алексѣевна описываетъ самое свиданіе, на которомъ онъ высказывалъ увѣренія въ преданности, на что великая княгиня отвѣтила: „Мое благоволеніе не питается словами, но что я желаю дѣйствій несомнительныхъ для того, чтобы дать мою дружбу, но взамѣнъ и я, когда хочу, служу вѣрно сообразно заслугамъ, и если вы намѣрены, какъ вы это утверждаете мнѣ, быть моимъ другомъ, то вы не раскаетесь въ томъ, насколько, по крайней мѣрѣ, это зависитъ отъ меня. Первымъ доказательствомъ этого служитъ то, что я не хочу, чтобъ отняли вашего брата у насъ“ [1]). Въ послѣдней фразѣ имѣется въ виду Александръ Шуваловъ, гофмаршалъ велико-княжескаго двора, котораго, какъ сообщалъ по слухамъ Уилльямсъ, императрица думала замѣнить Чернышовымъ. Англійскій посолъ совѣтовалъ великой княгинѣ противодѣйствовать этому, такъ какъ „новые шпіоны спѣшатъ всегда чѣмъ-нибудь заслужить (поощренія) въ своемъ безстыдномъ промыслѣ, и предпочтительнѣе продолжать быть немного стѣсненнымъ, чѣмъ подвергнуться перемѣнѣ, не будучи увѣренъ въ улучшеніи своего положенія“ [2])..

Разбрасываясь въ своемъ стремленіи обезвредить на будущее время великую княгиню, Шуваловы были постоянны въ своей внѣшней политикѣ. Ближайшей ихъ цѣлью было возобновленіе дружескихъ сношеній Россіи съ Франціей. Хотя этотъ союзъ не соотвѣтствовалъ симпатіямъ великаго князя, явнаго поклонника Фридриха II, они не отказывались отъ осуществленія его. Какъ видно изъ переписки, Петръ Ѳеодоровичъ долго не соглашался подписать докладъ о необходимости обмѣна послами, и Шуваловы обратились къ великой княгинѣ съ просьбой убѣдить его не упрямиться. Но Екатерина, получивши передъ тѣмъ отъ Уилльямса предупрежденіе съ брошеннымъ какъ бы вскользъ: „Вы не всегда бы должны угождать людямъ, которые ничего не дѣлаютъ для

---

[1]) Переписка, стр. 111.
[2]) Тамъ же, стр. 52.

васъ“ [1]), совѣтовала великому князю стоять на своемъ. Хотя Петръ Ѳедоровичъ въ концѣ-концовъ сдался, но то, что Шуваловы и ихъ сторонники обращались за содѣйствіемъ къ Екатеринѣ, подбивало ее не только изъ своихъ покоевъ интересоваться политической жизнью, но даже играть въ ней роль, къ чему пытался привлечь ее Уилльямсъ, имѣя въ виду, конечно, что ея дѣятельность будетъ благопріятна для него. Послѣдній, замѣтивши въ своемъ письмѣ къ великой княгинѣ, что въ отвѣтѣ на посольство Нарышкина онъ видитъ, что Иванъ Шуваловъ уже поколебался въ своихъ французскихъ симпатіяхъ, и совѣтуя Екатеринѣ Алексѣевнѣ идти той же дорогой и поставить Шувалову на видъ, что ея расположеніе онъ можетъ пріобрѣсть только въ томъ случаѣ, если уменьшитъ свое усердіе къ Франціи, онъ добавляетъ: „Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, вы не знаете своихъ собственныхъ силъ, такъ какъ изъ послѣднихъ придворныхъ интригъ, по случаю отказа великаго князя въ своей подписи, явствуетъ, что вы имѣете большое значеніе“ [2]).

Послѣ нѣкотораго перерыва попытки къ сближенію опять возобновились, но уже первый шагъ къ этому сдѣлала великая княгиня, побуждаемая Уилльямсомъ. Она завела разговоръ съ Александромъ Шуваловымъ и, воспользовавшись тѣмъ, что тотъ обвинялъ въ козняхъ противъ нея какъ бы канцлера, написала Ивану Ивановичу записку, въ которой заявляла, что порываетъ связь съ Бестужевымъ и готова принять услуги Шуваловыхъ“ [3]). Затѣмъ, какъ бы въ видѣ испытанія вѣрности Шуваловыхъ, она поручаетъ имъ помѣшать отъѣзду гетмана [4]). Когда же она намѣревалась просить ихъ отказаться отъ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей и послала проектируемую записку къ Ивану Шувалову на разсмотрѣніе Уилльямса, то тотъ, забывая, что самъ же натолкнулъ великую княгиню на примиреніе съ Шуваловыми, заявилъ: „я вполнѣ убѣжденъ, что эти люди никогда не окажутъ вамъ никакой существенной услуги“ [5]).

Дѣятельность Екатерины, какъ мы видѣли изъ раньше сдѣланныхъ нами выдержекъ, сосредоточивалась въ разсматриваемый нами періодъ на стремленіи удержать за собой или, вѣрнѣе, за Петромъ Ѳедоровичемъ императорскій престолъ послѣ смерти Елисаветы Петровны. Хотя великая княгиня, когда дѣло касалось

---

[1]) Переписка, стр. 16.
[2]) Тамъ же, стр. 43.
[3]) Тамъ же, стр. 269.
[4]) Тамъ же, стр. 273.
[5]) Тамъ же, стр. 285.

престолонаслѣдія, не упоминала о Петрѣ Ѳедоровичѣ, но изъ этого ни въ коемъ случаѣ нельзя заключить, что она уже тогда имѣла въ виду отстранить его отъ управленія государствомъ. Заботясь самолично о предотвращеніи обстоятельствъ, которыя бы препятствовали Петру Ѳедоровичу занять престолъ, она имѣла въ виду интересы великокняжескаго двора. Она не могла разсчитывать, чтобы Петръ Ѳедоровичъ могъ самъ защищать свое право на престолъ, и потому была настороже, чтобы онъ не былъ обойденъ. Не упоминала же она о немъ потому, что была увѣрена, что онъ, тяготясь какимъ бы то ни было дѣломъ, будетъ императоромъ только по имени; фактической же правительницей будетъ она. Эту увѣренность поддерживалъ въ ней и Уилльямсъ, заявивъ, какъ мы уже упоминали, что для Петра Ѳедоровича достаточно завѣдыванія военными дѣлами страны. Кромѣ того, великій князь въ то время еще не проявлялъ недоброжелательства къ своей супругѣ, что начало обнаруживаться только съ 1758 г., со времени слѣдствія надъ Апраксинымъ и Бестужевымъ, и поэтому у нея не было повода считать его опаснымъ для себя. Она надѣялась, надо полагать, что съ его воцареніемъ власть перейдетъ къ ней по праву опекуна надъ неспособнымъ мужемъ и даже безъ всякаго противодѣйствія съ его стороны. Поэтому, вѣрнѣе сказать, что она охраняла не семейные интересы, а свои личные.

Какъ мы уже раньше видѣли изъ переписки, великой княгиней былъ составленъ планъ дѣйствій на случай смерти Елисаветы Петровны. Для выполненія его она привлекла на свою сторону нѣсколькихъ офицеровъ гвардіи и была даже увѣрена, что каждый изъ нихъ приведетъ въ случаѣ нужды полсотни солдатъ. Но этимъ не ограничились ея приготовленія къ пресѣченію могущаго обнаружиться заговора противъ наслѣдника престола.

Когда до нея дошли слухи, что малороссійскаго гетмана, гр. Кирилла Разумовскаго, предполагаютъ послать въ Украйну, она заявила, что устроитъ такъ, „чтобъ говорили противъ этого предположенія“[1]. Ей было желательно удержать гетмана, какъ своего сторонника, въ Петербургѣ на случай смерти императрицы, такъ какъ онъ былъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. За это предположеніе говоритъ то, что Екатерина Алексѣевна справлялась у него, „ручается ли онъ за свой полкъ въ случаѣ необходимости“[2]. Ему же она поручаетъ привлечь на ея сторону новыхъ лицъ. Такъ, изъ ея письма отъ 18 августа мы видимъ,

---

[1]) Переписка, стр. 22.
[2]) Тамъ же, стр. 49.

что на свиданіи съ гетманомъ она просила его сказать князю Трубецкому, что такъ какъ онъ изъявилъ желаніе заслужить ея довѣріе, то пусть въ доказательство своего намѣренія не только предупреждаетъ ее о всемъ, что происходитъ въ конференціяхъ, но также и воспротивится всѣми возможными способами всякой связи съ Франціей. Гетманъ долженъ былъ и Бутурлину предложить противиться мѣропріятіямъ французской партіи [1]). Оба эти порученія были сдѣланы подъ вліяніемъ Уилльямса. Еще въ письмѣ отъ 10 августа онъ говорилъ: Князь Трубецкой, какъ мнѣ сказали, къ вамъ искренно привязанъ. Онъ членъ конференціи, и ваше приказаніе, данное гетману, сообщать въ точности все, что тамъ дѣлается, будетъ исполнено непосредственно Трубецкимъ. Это дастъ вамъ возможность слѣдить за всѣмъ, что происходитъ тамъ, и это, по-моему, вамъ было бы очень полезно" [2]). Во время этого свиданія великая княгиня не забыла и своихъ ближайшихъ интересовъ. Тогда же она и справилась у гетмана относительно симпатій его полка и спросила, защитятъ ли ее гвардейцы на случай заговора Шуваловыхъ. Во время того же свиданія она просила, чтобы братъ гетмана, Алексѣй Разумовскій, „въ случаѣ предсмертной агоніи" взялъ на себя охрану Павла Петровича и чтобы самъ гетманъ сошелся съ канцлеромъ, какъ съ искреннѣйшимъ ея приверженцемъ. Словомъ, Екатерина считала полезнымъ для себя присутствіе гетмана въ Петербургѣ, и поэтому, когда въ письмѣ отъ 30 августа Уилльямсъ сообщилъ ей, что императрица сказала Алексѣю Разумовскому [3]), что обстоятельства требовали отъѣзда его брата въ Украйну, и самъ гетманъ подтвердилъ это, то она настоятельно приступила къ великому канцлеру съ требованіемъ, чтобы онъ препятствовалъ этому отъѣзду, что тотъ и обѣщалъ, и даже убѣдила великаго князя не подписывать докладъ объ отъѣздѣ Разумовскаго, если будутъ этого требовать [4]).

Что касается отношеній великой княгини къ канцлеру, то взаимное расположеніе, начавшееся еще съ 1752 г., продолжало сохраняться между ними и въ разсматриваемый періодъ. Это уже видно изъ того, что канцлеръ доводилъ до свѣдѣнія Екатерины рѣшенія конференціи по интересующимъ ее дѣламъ, присылалъ ей даже тайныя дипломатическія бумаги. Словомъ, онъ пользовался

---

[1]) Переписка, стр. 49.
[2]) Тамъ же, стр. 32—33.
[3]) Тамъ же, стр. 105.
[4]) Тамъ же, стр. 120.

разными случаями, чтобы заручиться ея довѣріемъ и имѣть въ ней поддержку противъ враждебной ему французской партіи, а также, чтобы обезпечить себѣ на случай вступленія на престолъ Петра Ѳедоровича, свою важную роль въ государственномъ механизмѣ. Въ лицѣ канцлера Екатерина видѣла дѣятельнаго пособника въ противодѣйствіи неблагопріятнымъ для нея планамъ французской партіи. На это указываетъ ея отвѣтъ на предложеніе Уилльямса замѣнить канцлера Шуваловыми. „Малое расположеніе, писала она, которое питаетъ канцлеръ къ Эстергази, вредъ, который послѣдній старается нанести ему, его гордый нравъ, его талантъ, его желаніе должностей, денегъ, почестей, служатъ препятствіями къ тому, чтобъ я могъ полагать его связаннымъ, или въ рукахъ Франціи или Австріи за Францію. Я предоставляю вамъ рѣшить, можно ли его заподозрить въ этомъ, и обвиненіе его въ томъ, что великій князь не подписался по его винѣ, не служитъ къ этому доказательствомъ, почему я не нуждаюсь въ новыхъ друзьяхъ“ [1]).

Въ разсматриваемый же періодъ великая княгиня старается добиться чрезъ канцлера возвращенія Понятовскаго и уже въ письмѣ отъ 4 сентября сообщаетъ Уилльямсу, что отправила канцлеру записку съ просьбой побудить польское правительство, чтобы оно назначило гр. Понятовскаго посломъ при русскомъ дворѣ [2]). Но еще до этого, какъ видно изъ письма Уилльямса отъ 6 сентября, Екатерина Алексѣевна посвятила канцлера въ тайну переписки съ Понятовскимъ и даже поручала ему пересылать свои письма въ Польшу. Но Бестужевъ завидовалъ, какъ подозрѣвалъ англійскій посолъ, былому положенію Понятовскаго при маломъ дворѣ и былъ очень радъ его отъѣзду, надѣясь, что со временемъ страсть великой княгини уляжется, и ему удастся пріобрѣсть безраздѣльное вліяніе на нее. Поэтому, переславъ Понятовскому одно письмо Екатерины, онъ отказывался подъ разными предлогами отъ посылки другихъ и даже совѣтовалъ Уилльямсу дать Понятовскому знать, что онъ не можетъ разсчитывать на возвращеніе въ Россію [3]). Но англійскій посолъ въ слѣдующемъ же письмѣ совѣтуетъ великой княгинѣ „понукать“ канцлера, заявляя, что возвращеніе Понятовскаго только тогда будетъ безопасно для него, когда оно будетъ устроено самимъ канцлеромъ [4]). И Екатерина готова была испробовать всѣ способы вплоть до личнаго пріѣзда съ требованіемъ въ домъ канцлера,

---

[1]) Переписка, стр. 27.
[2]) Тамъ же, стр. 120.
[3]) Тамъ же, стр. 125.
[4]) Тамъ же, стр. 130.

лишь бы добиться своего. „Если у меня останется только этотъ способъ, писала она Уилльямсу, я отъ него ожидаю многаго, такъ какъ, хотя я хорошо знаю, что онъ любитъ только одного себя, но я все-таки считаю себя, послѣ денегъ однако, одной изъ вещей, которыя производятъ болѣе всего впечатлѣній на него и у него [1])“.

Въ письмѣ отъ 14 сентября она предполагала даже предложить Бестужеву деньги, если онъ устроитъ такъ, чтобы Понятовскій возвратился къ Рождеству. Въ приложенной же къ этому письму запискѣ къ канцлеру отъ 11 сентября она категорически заявляетъ: „Хотите ли вы обязаться въ томъ, что графъ Понятовскій вернется сюда на Рождество, такъ какъ его возвращеніе вашими заботами есть цѣна, которую я ставлю за мою дружбу въ настоящемъ и за мое покровительство въ будущемъ?“ [2]) Точнѣе, она приписываетъ къ своей запискѣ фразу, дѣйствіе которой Уилльямсъ совѣтовалъ ей испробовать на канцлерѣ [3]).

И несмотря на то, что канцлеръ былъ далеко не податливъ, несмотря на неблагопріятные о немъ отзывы Уилльямса, великая княгиня все-таки была увѣрена въ его преданности. „Пусть говорятъ, что хотятъ, отзывается она о канцлерѣ, но онъ любитъ меня, насколько этотъ человѣкъ можетъ любить“ [4]). И, дѣйствительно, тонъ записки произвелъ свое дѣйствіе на канцлера. Онъ увидѣлъ, что его надежды на то, что отсутствіе Понятовскаго ослабитъ чувства великой княгини къ нему, не оправдываются, и чтобы не вооружить ея противъ себя, онъ рѣшается рекомендовать гр. Понятовскаго польскому министру Брюлю въ качествѣ желательнаго представителя польскаго короля въ Петербургѣ. Объ этомъ шагѣ Бестужева мы узнаемъ изъ переведенной Екатериной копіи письма канцлера къ Брюлю [5]).

Депеша канцлера возымѣла свое дѣйствіе. Уже въ запискѣ отъ 7 ноября великая княгиня говоритъ, что Бестужевъ прислалъ ей письмо Брюля, гдѣ объявлялось, что Понятовскій выѣдетъ изъ Варшавы черезъ десять-одиннадцать дней. Въ Петербургъ же онъ пріѣхалъ между 21 и 23 декабря, такъ какъ въ утренней запискѣ отъ 21 декабря великая княгиня писала [6]): „Я возвратилась вчера

---

[1]) Переписка, стр. 146.
[2]) Тамъ же, стр. 161.
[3]) Смотр. стр. 144.
[4]) Тамъ же, стр. 163.
[5]) Тамъ же, стр. 173.
[6]) Тамъ же, стр. 304.

вечеромъ, но гр. Понятовскій еще не вернулся". А утромъ 24 декабря она уже сообщала Уилльямсу о пріѣздѣ графа [1]).

Такимъ образомъ, Екатерина Алексѣевна добилась желаннаго. Желѣзный человѣкъ, какъ она называла великаго канцлера, не отважился отказаться отъ удовлетворенія ея рѣшительнаго требованія. Ему нужно было сохранить расположеніе великой княгини, и потому другого исхода не было. Но онъ все-таки пользовался разными предлогами, чтобы отдалить пріѣздъ Понятовскаго. Пребываніе послѣдняго въ Петербургѣ было нежелательно для него не только потому, что онъ боялся усиленія чрезъ это вліянія на великую княгиню Уилльямса, но и потому, что оно могло быть опасно для самой Екатерины. Его безпокоило то, что великая княгиня, въ случаѣ неосторожности въ сношеніяхъ съ Понятовскимъ, можетъ повредить себѣ во мнѣніи императрицы, не особенно благоволившей въ то время къ женѣ своего племянника.

Уилльямсъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы повредить канцлеру въ глазахъ великой княгини. Сваливая на Бестужева вину въ томъ, что ему не удавалось добиться гарантіи Ганновера, онъ припоминаетъ чуть ли не всю дѣятельность канцлера за разсматриваемый періодъ и заявляетъ Екатеринѣ: „Все пойдетъ по фантазіи канцлера. Сперва уѣдетъ гетманъ, я вынужденъ просить о своемъ собственномъ отозваніи изъ опасенія, чтобъ оно не было испрошено императрицей, а Понятовскому не будетъ дозволено остаться здѣсь, развѣ только на время, необходимое для того, чтобы сдѣлать ему комплиментъ, и даже онъ будетъ подвергнутъ присмотру до такой степени за время своего пребыванія здѣсь, что я совѣтую вамъ, какъ вашъ лучшій другъ, не думать видѣть его, но ждать съ терпѣніемъ болѣе счастливыхъ временъ. Вотъ, милостивый государь, предательства этого человѣка, которому вы такъ довѣрились, но его предательству нѣтъ конца. Ваша честь, безопасность ваша собственная и вашихъ друзей совокупно вопіютъ о томъ, чтобы вы порвали съ нимъ. Примите сейчасъ мѣры къ тому, посовѣтуйтесь съ Александромъ Шуваловымъ. Скажите ему, что вы передаетесь всецѣло въ руки его и Ивана Ивановича съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ ничего общаго съ великимъ канцлеромъ, объявляя, что онъ слишкомъ васъ обидѣлъ и вамъ измѣнилъ, чтобы вы могли когда-нибудь еще довѣриться ему" [2]).

Это внушеніе Уилльямса какъ бы подѣйствовало на великую

---

[1]) Переписка, стр. 307.
[2]) Тамъ же, стр. 259.

княгиню, и она пишетъ записку Ивану Ивановичу Шувалову: „Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ: „вы приписываете намъ все зло, которое дѣлается; это однако не мы, но тотъ, котораго вы считаете вашимъ лучшимъ другомъ, который вамъ его причинялъ и который продолжаетъ причинять“. Онъ прибавилъ: „вы увидите со временемъ, что это мы вамъ вѣрны, а не они“. Я основываюсь на этихъ словахъ, и вы увидите, что я искрененъ, въ виду слѣдующаго довѣрительнаго сообщенія. Онъ безошибочно говоритъ о канцлерѣ... Я смотрѣлъ на него въ теченіе четырехъ лѣтъ, вовсе не помня его прежнихъ обидъ, но съ довѣріемъ и всею дружбой, на которую я способенъ. Онъ мнѣ отплатилъ только надувательствами и даже предательствами. Я могъ бы вамъ насчитать ихъ двадцать. Вслѣдствіе одного (предательства) я оставляю его и бросаюсь въ ваши объятія. Не имѣйте ничего общаго съ нимъ, если вы хотите имѣть меня вполнѣ вашимъ. Я требую отъ васъ всего для настоящаго и обѣщаю вамъ все для будущаго“ [1]).

Но внушаемое англійскимъ посломъ недоброжелательство къ канцлеру не могло вкорениться въ умѣ великой княгини. Ведя переговоры съ Шуваловыми, она въ то же время продолжала сношенія съ канцлеромъ, настаивая, чтобы онъ поспѣшилъ съ дѣломъ о возвращеніи Понятовскаго, и въ концѣ концовъ пишетъ Уилльямсу: „Дѣйствительно по моему приказанію Бернарди [2]) говорилъ съ вами отъ моего имени въ пользу канцлера. Какой бы онъ ни былъ, это—человѣкъ, мнѣ привязанный, единственный съ головою, котораго я имѣю, единственный, который могъ бы быть мнѣ полезенъ. Думаете ли вы быть въ выигрышѣ, потерявъ его? Шуваловы, менѣе ловкіе, точно также злые, равно плутоватые, съ гораздо большимъ нерасположеніемъ ко мнѣ, расплатились бы съ вами только новыми предательствами. Замѣнитъ ли его (канцлера) негодный вице-канцлеръ? Познайте это. Онъ очень недостоинъ вашего уваженія и нравится вамъ только по своему лицемѣрію, которымъ онъ умѣетъ прикрывать свой настоящій характеръ. Наконецъ, если вы погубите канцлера, моя гибель неизбѣжна. Онъ врагъ Пруссіи, но онъ не врагъ Англіи. Я знаю изъ разныхъ сторонъ и между прочимъ отъ графа Понятовскаго, что онъ поддерживаетъ при всѣхъ случаяхъ и говоритъ совершенно ясно во всѣхъ дворахъ, что необходимо, чтобы Россія оставалась другомъ Англіи. Ваши таланты могутъ вызвать въ немъ зависть, онъ можетъ васъ не

---

[1]) Переписка, стр. 269.

[2]) Венеціанскій ювелиръ, служившій посредникомъ между Бестужевымъ, Уилльямсомъ и великой княгиней.

любить, но будьте увѣрены, что онъ менѣе всего врагъ вашего отечества“ [1]).

Горяиновъ, говоря о канцлерѣ, называетъ его „плутоватымъ и корыстнымъ“ [2]). Первый эпитетъ можетъ быть допущенъ, если его понимать въ томъ смыслѣ, что Бестужевъ былъ изворотливъ, не всегда держался прямого пути въ достиженіи своихъ цѣлей, пускалъ въ дѣйствіе нѣкоторую хитрость, хотя бы, напр., въ дѣлѣ о Понятовскомъ. Слово же „корыстный“, примѣненное къ кому-либо, можетъ возбудить у насъ мысль, что данное лицо за деньги, посуленныя ему, можетъ обдѣлать что угодно, совершенно не считаясь съ нравственными нормами. Бестужевъ, конечно, не былъ безсребренникомъ, на что указываетъ сообщеніе Уилльямса, что онъ просилъ его исходатайствовать ему у англійскаго короля пенсію и даже пользовался этой пенсіей. Конечно, пенсія, получаемая сановникомъ отъ чужого правительства, есть не что иное, какъ подкупъ. Но Бестужевъ вообще не былъ податливъ на подкупы. Самъ Уилльямсъ, взглядомъ котораго на канцлера, вѣроятно, воспользовался Горяиновъ, заявляетъ въ письмѣ отъ 10 августа, что онъ убѣждалъ Бестужева допустить прусскаго посла въ Петербургъ, но послѣдній отказался, несмотря на тѣ убѣдительныя средства, которыми англійскій посолъ старался склонить его. Сообщая объ этомъ великой княгинѣ, Уилльямсъ пишетъ: „Лапы были бы хорошо смазаны. Но какая-то высшая сила его задерживаетъ. Вотъ тайна, такъ какъ мои предложенія были значительны“ [3]). На первый взглядъ, дѣйствительно, покажется страннымъ, что въ одномъ случаѣ канцлеръ даже самъ попросилъ пенсію отъ англійскаго короля, въ другомъ же — отказался отъ денегъ, исходящихъ отъ прусскаго правительства. Надо полагать, что тутъ большую роль играло то, откуда исходили деньги. Канцлеръ имѣлъ свои твердо установившіеся взгляды на то, что полезно или вредно для Россіи въ области внѣшней политики. Добрыя отношенія съ Англіей, по его мнѣнію, можно было поддерживать безъ всякаго вреда для русскаго государства. Въ этой области онъ считалъ возможнымъ что-либо сдѣлать, не поступаясь своими убѣжденіями. Поэтому англійскую пенсію онъ считалъ какъ бы жалованіемъ за службу на обоюдную пользу Англіи и Россіи. Денегъ же отъ прусскаго короля онъ не принималъ, такъ какъ онѣ обязывали бы его дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Россіи. На это могутъ возразить, что

---

[1]) Переписка, стр. 318.

[2]) Тамъ же, предисловіе, стр. XIX.

[3]) Тамъ же, стр. 33.

можетъ быть онъ былъ недоволенъ размѣромъ предлагаемой суммы. Если бы это такъ, то, вѣроятно, онъ какъ-нибудь намекнулъ бы объ этомъ Уилльямсу, и тотъ, безъ сомнѣнія, поспѣшилъ бы увеличить ее. Но такого намека не было. Иначе Уилльямсъ не упустилъ бы лишняго случая распространиться о жадности канцлера къ деньгамъ въ письмѣ къ великой княгинѣ, чтобы очернить соперника. Могутъ также указать на то, что канцлеръ не сдѣлалъ за этотъ періодъ ничего конкретнаго и для Англіи, отъ которой онъ получалъ пенсію. Но это случилось не потому, что онъ не желалъ добра Англіи, но потому, что встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны французской партіи, которая получила надъ нимъ перевѣсъ, благодаря оплошности его по дѣлу о русско-англійскомъ союзѣ. Какъ извѣстно, въ то время, когда Бестужевъ настаивалъ на ратификаціи англо-русскаго субсидійнаго договора, получено было извѣстіе о заключеніи англо-прусскаго союза, и благодаря этому обаяніе его необычайнаго искусства въ дипломатіи и предусмотрительности исчезло, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упалъ во мнѣніи императрицы [1]). Но знаменитый канцлеръ, какъ мы видимъ изъ переписки, продолжалъ еще ратовать за добрыя отношенія къ Англіи и не разъ сообщалъ великой княгинѣ и Уилльямсу, что на конференціи чуть ли не рѣшили гарантировать Ганноверъ, что, какъ мы знаемъ, мѣшало окончательному закрѣпленію субсидійнаго договора [2]).

Въ своемъ сужденіи о Бестужевѣ мы пользовались данными переписки. Но къ выводу, еще болѣе благопріятному для Бестужева, пришелъ и Бильбасовъ, который, какъ мы уже упоминали, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи переписки Екатерины съ Уилльямсомъ. Для сличенія приведу главнѣйшія мѣста изъ его характеристики великаго канцлера. „Онъ одинъ изъ всей..... толпы“ подобострастныхъ и низкопоклонныхъ сановниковъ, говоритъ Бильбасовъ, „достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службою родинѣ.....; одинъ онъ, не кривя душою, смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I и его дочери Елисаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право, предъ смертью, начертать свой девизъ: semper idem. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка..... Онъ не любилъ обманывать—предпочиталъ сказываться больнымъ, отмалчиваться; но и его трудно было обойти или обмануть..... По словамъ его личнаго врага, прусскаго короля Фридриха II, Бестужевъ-Рюминъ „былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую

[1]) Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. 24, стр. 901.
[2]) Переписка, стр. 7 и 12.

Императрицу, если бы нашлось у кого довольно денегъ, чтобы заплатить ему за нее". Фридриху II, безъ сомнѣнія, было бы очень на-руку, если бы это была правда — онъ первый подкупилъ бы Бестужева-Рюмина. Онъ этого и домогался всѣми мѣрами, но безуспѣшно: онъ опредѣлялъ на подкупъ русскаго канцлера большія суммы, готовъ былъ даже выплатить ту сумму, „какая потребуется"— ничто не удалось. Екатерина II..... утверждаетъ положительно, что онъ былъ неподкупенъ: jamais on ne le gagna par argent. Въ 1747 г., очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ у англійскаго консула 50.000 р. подъ залогъ своего дома, хотя, конечно, англійское правительство, нуждающееся въ 30.000 русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи, готово было бы употребить даже большую сумму на „подкупъ" канцлера" [1]).

Безъ сомнѣнія, г. Бильбасовъ почти идеализируетъ великаго канцлера вопреки чуть-ли не общему убѣжденію въ продажности этого лица. Данныя же переписки позволяютъ намъ видѣть въ Бестужевѣ хотя и не безупречнаго человѣка, но и не настолько корыстолюбиваго, чтобы ради своихъ личныхъ выгодъ сознательно жертвовать интересами отечества.

Возвращаясь опять къ великой княгинѣ, мы постараемся выяснить тѣ чувства, которыя она питала къ различнымъ государствамъ.

Прежде всего остановимся на Англіи. Тутъ не надо забывать, что съ этими чувствами мы знакомимся по ея письмамъ къ англичанину, который исходатайствовалъ ей у своего короля значительную сумму взаймы. Узнавъ о томъ, что уже прислана Уилльямсу просимая ею сумма, она пишетъ ему: „Я болѣе тронута знаками довѣрія короля, вашего государя, чѣмъ всякими другими любезностями. Его довѣріе мнѣ льститъ, я надѣсь его заслужить и съ достовѣрностью поддержу мнѣніе его величества. Вы знаете, что все, что я дѣлаю, основано на убѣжденіи, въ которомъ я нахожусь, что въ этомъ заключается благо Россіи" [2]). Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 23 августа Уилльямсъ спѣшитъ подтвердить правильность ея сужденія. „Я заявляю вамъ....., пишетъ онъ, что по моему убѣжденію, все, что вы ни дѣлаете, клонится къ дѣйствительной выгодѣ Россіи. Ея союзъ съ Англіей существуетъ безъ перерыва со временъ Ивана Васильевича. Я думаю, какъ вы, что нашъ союзъ— самый естественный для нашихъ обоихъ отечествъ и если мы въ этомъ ошибаемся, то заблуждаемся, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ

[1]) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II", т. I, стр. 67—71.

[2]) Переписка, стр. 63.

Петромъ Великимъ“ [1]). Далѣе, въ письмѣ за № 60 Екатерина заявляетъ: „Я смотрю на англійскую націю, какъ на ту, союзъ съ которой самый естественный и самый полезный для Россіи, и эта идея укрѣпилась во мнѣ воспоминаніемъ о личныхъ обязательствахъ, по которымъ я должна и по которымъ я всегда хотѣла бы быть должной англійскому королю, такъ какъ я истинно привязана къ нему“ [2]). Надо замѣтить, что это—предпослѣднее по времени изъ писемъ Екатерины къ Уилльямсу, напечатанныхъ въ перепискѣ. Предъ этимъ же, въ маѣ, она просила англійскаго посла, чтобы онъ опять досталъ ей денегъ. „Сдѣлайте, пишетъ она, чтобы мнѣ дали впередъ (если бы вы это могли) такую сумму, какую я получила; если это возможно, чтобъ это было еще болѣе въ тайнѣ, чѣмъ въ первый разъ, и не могло ли бы это придти безъ того, чтобы знали здѣсь, что это для меня, но для вашего употребленія или подъ другимъ какимъ-либо предлогомъ?“ И тутъ же подкрѣпляетъ свою просьбу словами: „Вы будете звеномъ, которое скрѣпитъ естественную дружбу, которая должна существовать между нашими обѣими родинами; а какое звено болѣе крѣпко, какъ то, которое основано на уваженіи и на довѣріи, самомъ заслуженномъ? Мы преодолѣемъ вмѣстѣ нашихъ враговъ“ [3]). Были ли это дѣйствительныя чувства Екатерины или заявленіе о нихъ вынуждалось обстоятельствами, именно нуждой въ деньгахъ, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ у великой княгини не было причины къ недовольству Англіей. Конечно, нельзя отрицать, что ея чувства къ этому государству были подогрѣты дружбой съ Уилльямсомъ и тѣми одолженіями, которыя дѣлалъ ей англійскій король, а можетъ быть, и разсчетами на дальнѣйшія одолженія.

О чувствахъ великой княгини къ Пруссіи за время переписки мы вполнѣ опредѣленныхъ данныхъ не имѣемъ. Изъ первыхъ ея писемъ мы видимъ, что она считала желательнымъ присутствіе въ Петербургѣ прусскаго посла. Въ немъ она видѣла пособника Уилльямсу, что̀ было бы противовѣсомъ совмѣстной дѣятельности вице-канцлера Воронцова, который въ перепискѣ называется Лепидомъ, съ Дугласомъ“ [4]). Затѣмъ, по прочтеніи брошюры, въ которой Фридрихъ II оправдывалъ свой образъ дѣйствій по отношеніи къ Саксоніи и Австріи, она объявила себя, въ письмѣ отъ 20 ноября, глубокой почитательницей прусскаго короля. Въ дру-

---

[1]) Переписка, стр. 80.
[2]) Тамъ же, стр. 339.
[3]) Тамъ же, стр. 338.
[4]) Тамъ же, стр. 27.

гихъ же мѣстахъ она высказывалась иначе. Такъ, въ ея запискѣ, отъ 30 августа мы читаемъ: „Если бы я былъ на мѣстѣ, на которомъ вы желаете меня видѣть (здѣсь имѣется въ виду императорскій тронъ), я бы постарался воспользоваться оплошностями его прусскаго величества, и нельзя было бы упустить выслушать эти предложенія, развѣ при потерѣ разсудка. Не глупость ли съ его стороны обращаться къ нашему посредничеству? развѣ буржуазное правило, требующее безпристрастія въ посредникѣ, не въ силѣ между великими вельможами?“ [1]). Впрочемъ, въ подобной формѣ можно высказаться и о лицѣ, къ которому доброжелательны. Поэтому-то на это мѣсто нельзя ссылаться какъ на доказательство недоброжелательства великой княгини къ прусскому королю. Отношеніе ея къ самому участію русскихъ въ войнѣ противъ Пруссіи также не выясняется вполнѣ опредѣленно. Такъ, когда Апраксинъ, назначенный главнокомандующимъ арміи, выставляемой противъ пруссаковъ, затѣялъ разговоръ съ ней о своемъ отъѣздѣ въ армію, она сказала ему: „Я не люблю войны. Нѣтъ ничего лучше мира“. Извѣщая объ этомъ Уилльямса, она какъ бы съ удовольствіемъ сообщаетъ послѣдовавшій на это отвѣтъ Апраксина: „Если прусскій король нападетъ на меня, я буду сражаться. Если не нападетъ, я останусь въ покоѣ“ [2]). Затѣмъ же, сообщая англійскому послу, что Апраксинъ спрашивалъ у нея: ѣхать ли ему къ арміи или остаться, она умалчиваетъ, какой дала на это отвѣтъ [3]). Уилльямсъ же спѣшитъ подать ей на этотъ счетъ совѣтъ, хотя она и не просила его объ этомъ. „Я хотѣлъ бы всегда, пишетъ онъ, чтобъ мои совѣты были пріятны вамъ; когда мы оба одного мнѣнія, я былъ бы всегда доволенъ, и я бы воображалъ себѣ, что совѣтъ хорошъ. Если Апраксинъ—вашъ другъ, онъ не уѣдетъ“ [4]). Изъ всего этого трудно сдѣлать увѣренный выводъ. Впрочемъ, отчасти насъ выводитъ изъ затрудненія записка великой княгини отъ 18 ноября. Предъ этимъ Уилльямсъ спрашивалъ у нея, какъ будетъ относиться великокняжескій дворъ къ прусскому королю послѣ смерти Елисаветы Петровны. Относительно себя Екатерина отвѣтила въ слѣдующей формѣ: „Что касается ея высочества великой княгини, то такъ какъ не рѣшено, будетъ ли она имѣть тогда много авторитета, то почти напрасно говорить о томъ, но мы удовлетворимъ ваше любопытство: знайте, что она никогда не посовѣтуетъ иного, какъ

---

[1]) Переписка, стр. 108.
[2]) Тамъ же, стр. 121.
[3]) Тамъ же, стр. 210.
[4]) Тамъ же, стр. 212.

то, что она сочтетъ причастнымъ къ славѣ и къ выгодѣ Россіи, къ которой она имѣетъ страсть столь же сильную, какъ спартанецъ имѣлъ къ Лакедемону, но она также знаетъ всю нужду, которую имѣетъ эта страна, быть хорошо управляемой внутри" [1]). Такой отвѣтъ можно было дать всякому послу, помимо тѣхъ чувствъ, которыя питались къ тому государству, котораго онъ былъ представителемъ.

Но учитывая то, что Екатерина Алексѣевна была довольно щедра въ изліяніяхъ по адресу Англіи, придется допустить, что она неособенно благоволила къ Пруссіи и, не желая огорчить этимъ Уилльямса, дала ему уклончивый отвѣтъ. Эту догадку подтверждаетъ и то, что уже въ слѣдующемъ году великая княгиня побуждаетъ Апраксина въ своихъ письмахъ къ нему къ энергичному дѣйствію противъ Пруссіи.

Къ Франціи, какъ мы могли заключить изъ ряда раньше приведенныхъ мѣстъ, Екатерина относилась враждебно. Этому много способствовало, съ одной стороны, то, что при русскомъ дворѣ сторону Франціи держали лица, недоброжелательно относившіяся къ велико-княжескому двору, съ другой стороны—вліяніе Уилльямса, видамъ котораго совершенно не соотвѣтствовало стремленіе Шуваловыхъ добиться обмѣна послами между Россіей и Франціей. „Версальскіе министры, говоритъ англійскій посолъ въ письмѣ къ великому князю, врученномъ Екатеринѣ незапечатаннымъ для передачи, интриганы и предпріимчивы при всѣхъ дворахъ, и они довольно блестящимъ образомъ доказали это въ С.-Петербургѣ. Такъ какъ чувства вашего императорскаго высочества по отношенію къ нимъ извѣстны теперь обществу, то вашему высочеству нельзя не быть очень предубѣжденнымъ противъ тѣхъ, которые думали бы его увѣрить въ дружбѣ этой страны или ея министровъ къ Россіи. И если сегодня Франція дѣлаетъ видъ, что ищетъ дружбы императрицы, то она это дѣлаетъ скорѣе съ намѣреніемъ повредить Великобританіи, чѣмъ съ цѣлью предоставить какую-либо выгоду этой имперіи" [2]). Затѣмъ, въ письмѣ отъ 20 августа онъ рисуетъ предъ великой княгиней тѣ перемѣны, которыя, по его мнѣнію, произойдутъ при дворѣ съ пріѣздомъ французскаго посла. „Коль скоро пріѣдетъ французскій посолъ, пишетъ онъ, Шуваловы, которые его выписали, будутъ его всѣми силами поддерживать. Тѣ, которые хвалятся тѣмъ, что поддерживаютъ французовъ, всегда превращаются въ ихъ рабовъ или вводятся ими въ обманъ. Только

---

[1]) Переписка, стр. 276.
[2]) Тамъ же, стр. 44.

немного дней посолъ будетъ въ ихъ рукахъ, они же попадутъ въ его собственныя, и онъ заставитъ ихъ удалить всѣхъ тѣхъ, которые не послѣдуютъ слѣпо его предначертаніямъ и не подчинятся его желаніямъ". Побуждаемая Уилльямсомъ, Екатерина Алексѣевна нѣсколько разъ требовала отъ Шуваловыхъ не только порвать связи съ Франціей, но даже препятствовать пріѣзду ея посла въ Петербургъ. Въ одномъ же изъ писемъ, уже нами цитированномъ, она прямо высказалась, что во французскомъ послѣ видитъ своего врага.

Минуя чувства великой княгини къ Австріи, установить которыя мы не беремся за отсутствіемъ данныхъ, хотя можно допустить, что отношеніе ея къ этому государству было отчасти недоброжелательно уже потому, что Австрія домогалась сближенія Россіи съ Франціей, мы коснемся чувствъ Екатерины къ Швеціи.

Великая княгиня любовно относилась къ шведскому королю, какъ къ своему родственнику; при чемъ въ перепискѣ она не разъ выражала безпокойство по поводу получаемыхъ изъ Швеціи извѣстій о происходившихъ тамъ смутахъ. Такъ въ письмѣ отъ 8 августа она писала Уилльямсу: „Я сокрушаюсь сердцемъ, когда я думаю о Швеціи. Мое воображеніе поражено до такой степени, что всѣ ночи мнѣ снятся событія въ Швеціи. Моя искренняя привязанность къ Россіи, стыдъ, падающій на Россію, дружба къ шведскому королю, которую я всосалъ въ себя съ молокомъ, все это вмѣстѣ взятое причиняетъ мнѣ горе, которое увеличивается при мысли, что я ничѣмъ не могу помочь. При мысли о мученикахъ я испытываю такую боль, которая возобновляется всякій разъ, какъ они представляются моему воображенію"[1]). Въ письмѣ къ канцлеру, пересланномъ, по возвращеніи, къ Уилльямсу при запискѣ отъ 29 августа, мы читаемъ: „То безпокойное состояніе, въ которомъ не стыдятся оставлять моего дядю, шведскаго короля, отнюдь не озабоченные тѣмъ презрѣніемъ, которое падаетъ на родину отъ того, что разрѣшаютъ французскому послу и 16 негодяямъ, проданнымъ ему, оскорблять короля, котораго посадила на престолъ русская императрица, и образъ управленія котораго ей былъ обезпеченъ, тогда какъ ему могли придти на помощь четырьмя строками,—все это съ той цѣлью, какъ я думаю, чтобъ прославиться тѣмъ, что добились отъ французскаго двора милостивой присылки посла сюда для предписанія законовъ великимъ людямъ и модъ—маленькимъ,—все это, говорю я, должно было меня разочаровать въ заблужденіи заступаться за моихъ родныхъ"[2]).

---

[1]) Переписка, стр. 22.
[2]) Тамъ же, стр. 100.

Отношенія же Екатерины Алексѣевны къ Даніи зиждятся на вопросѣ о Голштинскомъ герцогствѣ. Данія, завладѣвъ Шлезвигомъ, думала посредствомъ обмѣна пріобрѣсть и Голштинію; но великій князь Петръ Ѳедоровичъ, какъ голштинскій герцогъ, и слышать не хотѣлъ объ обмѣнѣ, а лелѣялъ мечту когда-либо возвратить къ своимъ владѣніямъ и Шлезвигъ. Вся надежда датчанъ была на то, что великая княгиня убѣдитъ Петра Ѳедоровича согласиться на обмѣнъ. Но, какъ мы видимъ изъ ея записки отъ 25 августа, она отказывалась отъ какого-либо посредничества до тѣхъ поръ, пока датскій король не откажется отъ намѣренія выставить своего младшаго сына въ качествѣ замѣстителя Любекскаго епископа, такъ какъ эта должность уже въ теченіе 200 лѣтъ была удѣломъ младшихъ сыновей голштинскаго дома, которые бы, съ отнятіемъ ея, стали нищими и безпокоили бы русскій дворъ, какъ родственники, просьбами о вспомоществованіи [1]). Въ запискѣ къ канцлеру, она поручаетъ ему противодѣйствовать этому намѣренію датскаго короля совмѣстно съ англійскимъ посломъ. „Такъ какъ я думаю, добавляетъ она, что выгоды англійскаго короля связаны въ этомъ отношеніи съ интересами моихъ дядей, я прошу ваше превосходительство послать за англійскимъ посломъ и сказать ему, чтобъ онъ совмѣстно съ вашимъ превосходительствомъ употребилъ всѣ средства, которыя онъ признаетъ приличными, къ отводу этого гибельнаго удара и устраненію этого срама отъ дома, изъ котораго происходитъ великій князь и я, и который уже безъ того слишкомъ въ упадкѣ“ [2]).

Датское правительство все-таки думало достичь успѣха посредствомъ подкупа великой княгини. Съ этой цѣлью Бернсторфъ извѣстилъ Бестужева, что приняты мѣры, чтобы датскій банкиръ въ Гамбургѣ „держалъ наготовѣ, къ услугамъ ея императорскаго высочества, сто тысячъ рублей“. Кромѣ того была предложена пожизненная пенсія ея матери, принцессѣ цербстской, въ 6.000 червонцевъ въ годъ, уплату которой обѣщали начать со дня заключенія договора объ обмѣнѣ. Какое впечатлѣніе произвела на Екатерину депеша Бернсторфа къ канцлеру, можно судить по проекту ея письма къ послѣднему: „Я получила письмо господина Бернсторфа, читаемъ мы въ проектѣ, которое вы прислали мнѣ. Послѣ знаковъ уваженія, которые оказываетъ мнѣ это письмо со стороны датскаго короля, я не думала въ немъ найти свидѣтельство презрѣнія столь замѣтное, какъ предложеніе ста тысячъ рублей. Я прошу васъ,

---

[1]) Переписка, стр. 83.

[2]) Тамъ же, стр. 101.

милостивый государь, дать знать и показать господину Остену[1]) эту записку для того, чтобы онъ извѣстилъ короля, своего государя, о томъ, что мой образъ мысли не столь недостоинъ, какъ его дворъ себѣ изображаетъ его, что то, что я сдѣлала, было сдѣлано по дружбѣ къ Россіи, что на будущее время я не совершу ни одного шага, о которомъ великій князь не былъ бы освѣдомленъ, и что помимо почтенія, которое я испытываю къ вамъ, милостивый государь, я предупрежу его немедленно о предложеніяхъ, которыя смѣютъ дѣлать мнѣ.... Если его датское величество желаетъ нашей дружбы, великаго князя и моей, и если онъ желаетъ извѣстнаго договора, вотъ условія, которыя ни въ чемъ не могутъ быть измѣнены, и это мое послѣднее слово". Затѣмъ идетъ перечисленіе условій. Въ заключеніе Екатерина говоритъ: „Я дѣлаю это, потому что я люблю Россію, но также пусть знаетъ датскій король, что это единственная причина моихъ дѣйствій" [2]).

Образъ дѣйствій Екатерины Алексѣевны въ разсматриваемый нами періодъ, какъ мы видѣли, не отличался особенной послѣдовательностью. Она то отвергаетъ попытки Шуваловыхъ къ сближенію, то сама ищетъ этого сближенія; то бранитъ въ своихъ письмахъ канцлера, то ратуетъ за него. Но эта противорѣчивость или, лучше, нервность ея дѣятельности отчасти объясняется исключительностью обстоятельствъ, которыя выпали на это время. Изъ нихъ, какъ мы уже указывали, особенную роль играли—болѣзнь императрицы и усиленіе французской партіи при дворѣ. Не малую роль въ этой нервности сыгралъ и совѣтникъ великой княгини, Уилльямсъ. Въ каждомъ его письмѣ чувствуется отсутствіе у автора уравновѣшенности и той осмотрительности въ сужденіяхъ, которая особенно нужна дипломату. Наприм., по вопросу о пріѣздѣ французскаго посла онъ то высказывается, что этотъ пріѣздъ ему ничуть не страшенъ, повѣривъ на слово, что гарантія Ганновера обезпечена, то чрезмѣрно безпокоится за успѣшность своей миссіи, съ пріѣздомъ французскаго посла, узнавъ, что молва о гарантіи оказалась ложной. Бывало, что въ одинъ и тотъ же день онъ различно высказывался объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, отвѣчая на письмо великой княгини, въ которомъ она сообщала, что Апраксинъ предоставилъ ей выбирать, долженъ ли онъ ѣхать къ арміи или нѣтъ, Уилльямсъ, какъ мы уже говорили, спѣшитъ внушить ей, что главнокомандующій долженъ остаться въ Петербургѣ, а вечеромъ того же дня пишетъ: „Предложеніе Апраксина уѣхать или

---

[1]) Датскій посланникъ въ Петербургѣ.

[2]) Переписка, стр. 320—321.

остаться сообразно съ вашими приказаніями—одинъ только простой комплиментъ; вы уже знали, что русскія войска не должны были перейти свои границы въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ совершенно безразлично, останется ли фельдмаршалъ въ Петербургѣ или поѣдетъ онъ въ Ригу"[1]). Возбужденный какимъ-либо ничтожнымъ случаемъ, онъ рисовалъ фантастическія картины успѣха или опасности и самъ же первый вѣрилъ всему этому. Нагляднымъ образомъ на эту черту въ немъ указываетъ его письмо отъ 9 августа, къ которомъ, какъ у насъ уже упоминалось, подъ вліяніемъ бесѣды съ Вольфомъ, онъ вообразилъ, что на него надвигается страшная опасность, и спѣшитъ предотвлечь ее, не разбираясь въ годности средствъ.

Яркую характеристику этой личности мы находимъ у Бильбасова, въ приложеніи къ первому тому его „Исторіи Екатерины II". „Это былъ фантазеръ, говоритъ онъ, человѣкъ нервный и настолько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательной. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрныя представленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ"[2]). Въ доказательство сказаннаго Бильбасовъ сопоставляетъ двѣ депеши Уилльямса къ своему правительству, отъ 2 ноября и 18 декабря 1756 г. Въ первой изъ нихъ англійскій посолъ доноситъ, что „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ея высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи".

Во второй онъ пишетъ: „Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ—великой княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея величество почтила меня на другой же день.

Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ,

---

[1]) Переписка, стр. 215.

[2]) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II", т. I, стр. 454.

что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предпочитаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ:—Что толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо чрезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію. Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ, потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу, великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ".

Отмѣтивъ то, что въ обѣихъ депешахъ одинъ и тотъ же отзывъ Апраксина о составѣ порученной ему арміи отнесенъ сначала къ великой княгинѣ, а затѣмъ къ императрицѣ, Бильбасовъ замѣчаетъ, что, судя по заявленію Уилльямса, упомянутое имъ во второй депешѣ письмо отъ великой княгини онъ получилъ въ день отъѣзда Апраксина, т. е. 30 октября. Такъ какъ съ этого дня до 18 декабря Уилльямсъ отправилъ въ Англію четыре депеши и ни въ одной изъ нихъ не сообщилъ о планахъ Апраксина, то Бильбасовъ предполагаетъ, что все, изложенное имъ въ депешѣ отъ 18 декабря, онъ почерпнулъ изъ ходившихъ въ Петербургѣ слуховъ „о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціей въ началѣ декабря", и облекъ эти извѣстія въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великой княгиней съ цѣлью придать имъ большій вѣсъ. Желая же усилить въ глазахъ англійскаго правительства свое значеніе при великокняжескомъ дворѣ, Уилльямсъ отмѣтилъ, что безъ измѣненія выписалъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини. Самое же письмо Екатерины Бильбасовъ разсматриваетъ, какъ „чистый вымыселъ" [1]).

Данныя переписки позволяютъ намъ отчасти смягчить то обвиненіе, которое г. Бильбасовъ возводитъ на Уилльямса. Прежде всего въ письмѣ отъ 5 ноября 1756 г., приходившагося тогда на вторникъ, великая княгиня сообщаетъ, что въ воскресеніе, т. е. 3 ноября, она говорила при дворѣ съ Апраксинымъ, и что онъ сказалъ, что уѣзжаетъ черезъ два дня. Далѣе она говоритъ, что въ понедѣльникъ, т. е. 4 ноября, фельдмаршалъ приходилъ съ женой къ ней прощаться. Это наводитъ насъ на мысль, что Апраксинъ уѣхалъ изъ Петербурга не 30 октября, какъ думаетъ Бильбасовъ, а 5 ноября, черезъ два дня послѣ разговора съ великой княгиней при дворѣ.

---

[1]) Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II", т. I, стр. 457—462.

Поэтому, естественно, ко второму ноября Уилльямсу еще не было извѣстно содержаніе прощальной бесѣды великой княгини съ Апраксинымъ. Кромѣ того въ этомъ и послѣдующихъ письмахъ Екатерины мы не находимъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что сообщилъ Уилльямсъ въ своей депешѣ отъ 18 декабря, за исключеніемъ отзыва Апраксина о русской арміи. Такъ, въ указанномъ письмѣ мы читаемъ: „Она (жена Апраксина) разсказала мнѣ, что... (ея мужъ) ѣхалъ командовать арміей безъ офицеровъ и кавалеріи, что когда онъ сказалъ это императрицѣ, та разсердилась, а потомъ сказала Петру Шувалову: „вы увеличиваете мои силы предо мною, вы совсѣмъ не боитесь Бога, обманывая меня, Апраксинъ увѣряетъ меня, что у него недостаетъ кавалеріи", что вслѣдствіе этого Петръ Шуваловъ не допускалъ въ теченіе восьми дней фельдмаршала говорить съ императрицей, и что Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ пугалъ ея величество, несмотря на ея нездоровье" [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что отзывъ Апраксина о войскѣ долженъ быть отнесенъ недѣли за двѣ до отъѣзда его къ арміи, а можетъ быть и къ болѣе раннему времени, и при томъ онъ былъ высказанъ не великой княгинѣ, какъ сказано въ депешѣ Уилльямса отъ 2 ноября, а императрицѣ, какъ гласитъ вторая депеша. Далѣе, объ этомъ разговорѣ великая княгиня узнала не отъ самого фельдмаршала, а, какъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, отъ его жены. Поэтому слѣдующій послѣ этого, по депешѣ, діалогъ между главнокомандующимъ и великой княгиней, можетъ быть, и не имѣлъ мѣста при прощальномъ визитѣ. Да къ тому же Екатерина Алексѣевна и не познакомила англійскаго посла съ тѣмъ, о чемъ у нея шла рѣчь съ Апраксинымъ наканунѣ его отъѣзда. Въ общемъ же сообщеніе Уилльямса во второй депешѣ о томъ, что великая княгиня бесѣдовала съ фельдмаршаломъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи, не является вымысломъ. Подобный разговоръ происходилъ между означенными лицами болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до отъѣзда Апраксина, а именно — 29 сентября. Онъ изложенъ Екатериной въ ея запискѣ отъ 30 сентября, и мы цѣликомъ приведемъ его для сопоставленія съ депешей.

„Я щупалъ и перещупалъ вчера Апраксина разными способами; онъ мнѣ сказалъ, что его инструкціи уже восемь дней какъ были у императрицы и не были подписаны, что онъ ждалъ ихъ и денегъ на путешествіе, чтобъ уѣхать. Я спросилъ его: „нападете ли вы на Мемель?" „Нѣтъ, сказалъ онъ, что намъ дѣлать съ этой лачугой. Она будетъ нашей, когда мы захотимъ этого и одержимъ

[1]) Переписка, стр. 248.

болѣе полезныя побѣды; болото, которое защищаетъ онъ, не стоитъ того, чтобы въ немъ засѣсть". — Вы возьмете тогда (путь) через Польшу? сказалъ я. — Да, былъ его отвѣтъ, если случай того потребуетъ.—Но, продолжалъ я, думаете ли вы, что прусскій король будетъ васъ ждать? Все будетъ сдѣлано и, конечно, до вашего прихода, и вы вернетесь, какъ пришли, не увидавъ непріятеля. — Такъ вы думаете, отвѣтилъ онъ мнѣ, что онъ помирится съ другими, чтобы сразиться съ одними нами?

— Нѣтъ, сказалъ я, я очень увѣренъ и твердо думаю, что онъ намѣренъ безусловно не приступать къ войнѣ съ нами.

Мнѣ показалось, что я увидѣлъ въ немъ радость въ виду этихъ словъ. Онъ возразилъ мнѣ: „мои полки уже подвинулись въ Курляндіи далѣе того, гдѣ они были, но они не имѣютъ еще всѣхъ своихъ запасовъ". — Да, сказалъ я, и запасы Курляндіи скоро истощатся, такъ какъ 80.000 человѣкъ много значатъ.

Онъ прибавилъ: „Литва намъ привезетъ ихъ за деньги". — Вы пойдете за ними, сказалъ я, вы заблуждаетесь. Онъ разсмѣялся, а я заключилъ, что онъ не зналъ своего назначенія, что всѣ приготовленія, которыя дѣлаютъ, — одинъ только вѣтеръ, что ничего нѣтъ опредѣленнаго и что имъ недостаетъ многихъ вещей, прежде, чѣмъ быть въ состояніи что-либо предпринять [1])".

Сличеніе разговора, переданнаго Екатериной, съ изложеніемъ его въ депешѣ англійскаго посла, показываетъ, что обѣ передачи сходны между собой только по своему началу. Но это все-таки не мѣшаетъ намъ отнестись къ Уилльямсу менѣе строго, чѣмъ какъ это сдѣлалъ г. Бильбасовъ. Сообщеніе Уилльямса не есть „чистый вымыселъ", а только довольно вольная комбинація сообщеннаго ему великой княгиней. Кромѣ того, кое-что изъ сообщенія Екатерины оставлено безъ вниманія и замѣнено личными измышленіями англійскаго посла. Все это какъ нельзя лучше оправдываетъ приведенную нами характеристику Уилльямса, данную г. Бильбасовымъ. Вѣроятно, въ моментъ написанія депеши въ умѣ англійскаго посла по какой-либо ассоціаціи всплыли упомянутыя сообщенія великой княгини. Но онъ не потрудился порыться въ хранившихся у него копіяхъ съ писемъ Екатерины Алексѣевны, чтобы точнѣе установить время сообщенія ему этихъ извѣстій и самую форму ихъ. Надѣясь на свою память, онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ, что не погрѣшитъ противъ истины.

Хотя Уилльямсъ, какъ мы видѣли, во-время не воспользовался

---

[1]) Переписка, стр. 186—187.

сообщенными ему великой княгиней свѣдѣніями, но уже тотъ фактъ, что Екатерина Алексѣевна знакомила посла дружественной Пруссіи державы съ тѣми военными планами, которые проектировались при русскомъ дворѣ противъ Фридриха II, является государственнымъ преступленіемъ. Подъ эту же рубрику должно отнести и пересылку Уилльямсу копій съ дипломатическихъ бумагъ, о чемъ мы упоминали раньше. Такой образъ дѣйствій Екатерины никакъ не вяжется съ тѣми ея заявленіями о своей любви къ Россіи, которыя не разъ попадались въ нашихъ выдержкахъ изъ ея писемъ, и я, не надѣясь на свои силы, предоставляю людямъ болѣе опытнымъ разобраться въ немъ. Что же касается внѣшней стороны этого факта, то можно замѣтить, что Екатерина вовсе не боялась, что ея предосудительная дѣятельность будетъ обнаружена. Она вполнѣ вѣрила въ преданность своего камеръ-юнкера Льва Александровича Нарышкина и нѣкоего Свалло, которые были посредниками между нею и Уилльямсомъ по доставкѣ писемъ, что̀ видно изъ того, что она, какъ и Уилльямсъ, скоро перестали прибѣгать къ условнымъ именамъ при упоминаніи въ письмахъ о комъ-либо изъ придворныхъ. Получая же свои записки обратно, Екатерина, вѣроятно, уничтожала ихъ, не подозрѣвая, что англійскій посолъ снималъ съ нихъ копіи.

На этомъ мы и оканчиваемъ свою работу.

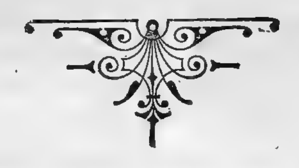
Въ заключеніе же является не лишнимъ замѣтить, что изданіе разсмотрѣнной нами переписки не можетъ не быть цѣннымъ для русской исторіи, такъ какъ эта переписка освѣщаетъ самый активный періодъ изъ жизни Екатерины II въ Россіи во время царствованія Елисаветы Петровны. Этотъ періодъ, впрочемъ, можетъ быть, слѣдуетъ немного расширить за предѣлы годового срока, обнимаемаго перепиской, но, конечно, не назадъ отъ середины 1756 г., такъ какъ только съ этого времени, съ момента, когда Елисавета Петровна опасно заболѣла, Екатерина начала проявлять себя, какъ защитница интересовъ великокняжескаго двора, на которые въ то время, какъ предполагалось, посягала партія Шуваловыхъ. Съ конечнаго же момента переписки названный періодъ должно удлиннить болѣе чѣмъ на полгода, до февраля 1758 г., до начала процесса надъ Бестужевымъ и Апраксинымъ, когда на великую княгиню смотрѣли, какъ на причастную къ отступленію Апраксина изъ Пруссіи къ русской границѣ. Хотя допросъ подсудимыхъ и слѣдствіе по ихъ дѣлу не обнаружилъ виновности Екатерины, и ей удалось примириться съ императрицей, но уже съ паденіемъ Бестужева она не могла хотя бы косвенно оказывать вліяніе на ходъ русской политики. Великой княгинѣ пришлось уйти въ самоё

себя еще потому, что Петръ Ѳедоровичъ съ 1758 г. началъ замѣтно сторониться ея.

До сихъ поръ о жизни Екатерины II, въ бытность ея великой княгиней, мы могли почерпать свѣдѣнія почти только изъ ея записокъ, составленныхъ значительно позже и описывающихъ былыя событія по памяти и изъ нѣсколькихъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Переписка же раскрываетъ предъ нами событія, закрѣпленныя непосредственно за ихъ совершеніемъ, и ярко обрисовываетъ тѣ чувствованія, которыя они вызывали. Такимъ образомъ въ перепискѣ Екатерины Алексѣевны съ Уилльямсомъ мы имѣемъ цѣнный матеріалъ для ея исторіи.

Д. А. Архангельскій.

(Окончаніе).

Н. И. Пироговъ по документамъ Московской-Троицкой, въ Сыромятникахъ, церкви.

(Историческая справка).

Семейство Пироговыхъ, въ составѣ главы дома (секретаря Ивана Ивановича Пирогова), его жены (Елисаветы Ивановны) и четверыхъ дѣтей (Петра, Александры, Пелагіи и Анны), поселилось въ приходѣ Троицкой церкви, по всей вѣроятности, въ 1805 г., однако не ранѣе предыдущаго 1804 г. [1]). Оно поселилось тутъ дусразу на правахъ домовладѣльцевъ, пріобрѣтши, какъ можно думать, домъ статскаго совѣтника Семена Ефимовича Попова [2]), нынѣшній домъ Грязнова (№ 14), находящійся во 2-мъ участкѣ Басманной части по Кривоярославскому переулку [3]). По крайней мѣрѣ, „исповѣдныя росписи" Троицкой церкви до 1805-го г. не знаютъ потомъ (до 1826-го г.) изъ году въ годъ говѣвшихъ прихожанъ Пироговыхъ ни какъ домовладѣльцевъ, ни какъ квартирантовъ. Допустить же отсутствіе этой фамиліи въ книгахъ по причинѣ небытія у исповѣди въ *приходской* церкви скорѣе возможно

---

[1]) До 1823 г. „росписи" писались о прихожанахъ, бывшихъ „у исповѣди и Святыхъ Таинъ причастія" не только „во святую четыредесятницу" (какъ это, начиная съ 1823 г., въ „исповѣдныхъ вѣдомостяхъ"), но „и последующіе посты". Отсюда есть основаніе думать, что онѣ писались по прошествіи даннаго года. Если же въ „росписи" 1804 г. отсутствуютъ Пироговы, то это можетъ означать, въ лучшемъ случаѣ, переселеніе Пироговыхъ въ Сыромятники во второй половинѣ 1804 г., вѣроятнѣе же всего должно указывать на 1805 г., какъ на дату этого событія (ср. ниже).

[2]) Судя по „росписямъ" 1804 г. о домѣ Попова и 1805 г.—Пирогова, населеніе въ нихъ, въ нѣкоторой части, одинаковое, къ тому же въ 1805 г. въ домѣ Пирогова значится живущей „статская совѣтница Екатерина Михайловна Попова", которая въ „росписи" предыдущаго года показана женой С. Е. Попова.

[3]) Объ этомъ см. нашу статью въ № 227 „Русск. Вѣдом." за текущій годъ.

при способѣ веденія теперешнихъ „исповѣдныхъ вѣдомостей", особенно въ городахъ, нежели тогдашнихъ, „исповѣдныхъ росписей" [1].

Здѣсь-то, 13 ноября 1810-го года, какъ записано въ метрическихъ книгахъ или, на языкѣ того времени, въ „вѣдомости" Троицкой церкви подъ № 58-мъ, „у коллежскаго секретаря Ивана Иванова Пирогова родился сынъ Николай; молитвовалъ священникъ Алексѣй Стефановъ [2]) съ пономаремъ [3]), крещенъ 20 дня. Воспріемникомъ былъ московской имянитой гражданинъ Семенъ Андрѣевъ Лукутинъ [4]), воспріемницей была московскаго купца Петра Николаева Андронова жена Екатерина Васильева. Крещеніе совершали означенный священникъ съ причтомъ [5])".

Въ 1812-мъ г. домъ И. И. Пирогова, вмѣстѣ съ подавляющимъ большинствомъ приходскихъ домовъ [6]), сгорѣлъ, какъ мы о томъ узнаемъ изъ современнаго рукописнаго „Извѣстія о церкви Живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ". Но, должно думать, онъ скоро былъ возстановленъ, потому что семейство Пироговыхъ, начиная съ 1805-го г. и т. д., неопустительно значится въ „исповѣдныхъ росписяхъ" говѣвшимъ.

На листы этихъ послѣднихъ впервые въ 1814-мъ г. среди дѣтей Пирогова заносится послѣднимъ сынъ „Николай", сначала (до 1817-го г.) не бывшимъ на исповѣди „за малолѣтствомъ", а потомъ ежегодно исполняющимъ христіанскій долгъ.

Любопытно, что, по цитуемой „росписи" 1814-го г., ему всего 1 годъ отъ рожденія, хотя, на основаніи тѣхъ же книгъ, въ слѣдующемъ (1815-мъ) году—3 года.

Съ 1824-го г. онъ „исповѣдными вѣдомостями" переименовывается въ „Николая Иванова", а въ 1826 г. имя Н. И. Пирогова,

---

[1]) Въ нынѣшнихъ „исповѣдныхъ вѣдомостяхъ" городскихъ церквей помѣчаются *фактически* бывшіе на исповѣди, въ крайнемъ случаѣ, еще домовладѣльцы, хотя бы и не говѣвшіе. Въ „росписяхъ" же писались, въ собственномъ смыслѣ слова, *всѣ* прихожане.

[2]) По фамиліи Баженовъ.

[3]) Матвѣемъ Петровымъ Соболевымъ.

[4]) Земля С. А. Лукутина, впослѣдствіи московскаго купца, принадлежитъ нынѣ г. Живаго, находится въ томъ же 2-мъ участкѣ Басманной части, гдѣ и теперешній домъ Грязнова, и въ сравнительно близкомъ разстояніи отъ этого послѣдняго. Такимъ образомъ, Пироговъ отецъ съ своимъ кумомъ Лукутинымъ были въ извѣстномъ смыслѣ сосѣдями.

[5]) Кромѣ упомянутыхъ лицъ причтъ въ названной церкви тогда еще составляли діаконъ Александръ Алексѣевъ Величкинъ и дьячекъ Алексѣй Александровъ Стрекаловъ.

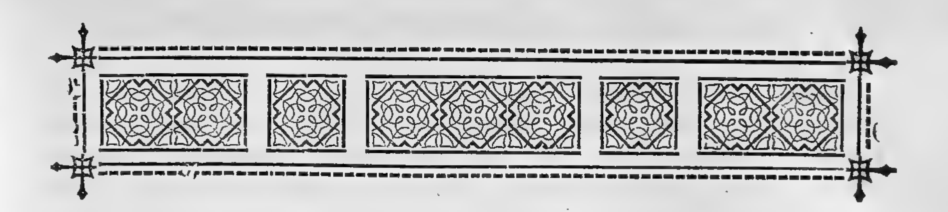
[6]) 44-мя изъ 50-ти.

одновременно съ именами послѣднихъ Пироговыхъ, прихожанъ Троицкой церкви, совершенно исчезаетъ отсюда.

Отмѣченное обстоятельство находится, съ одной стороны, въ связи со смертью Пирогова-отца (въ 1825-мъ г.), на другой годъ послѣ чего семейство Пироговыхъ выѣхало изъ прихода Троицкой церкви. Затѣмъ оно обусловлено сравнительно скорой (въ 1826—7 г.г.) перепродажей ими своего сыромятническаго дома иному владѣльцу...

Н. П. Кудрявцевъ.

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны[1]).

(Изъ воспоминаній).

За время кампаніи, какъ извѣстно, очень непродолжительной, Мих. Ив. старался вникнуть въ подробности того, что именно представлялъ собою Мольтке, какъ человѣкъ и какъ глубокій военный мыслитель; узнать его всесторонне, познакомиться съ его характеромъ, нравомъ, образомъ мыслей ему казалось очень поучительнымъ и до конца осталось для него крайне интереснымъ.

Изучая его лично при близкихъ свиданіяхъ, которыя были возможны урывками и нечасто—Мих. Ив. не пренебрегалъ на досугѣ заговаривать объ угрюмомъ старикѣ при встрѣчахъ съ людьми, хорошо и основательно знавшими его; гр. Голенищевъ-Кутузовъ кое-что преподалъ о немъ, но это былъ человѣкъ, знакомый съ Мольтке почти поверхностно въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно для того, чтобы дать болѣе глубокія свѣдѣнія объ этомъ, во всякомъ случаѣ, сложномъ человѣкѣ.

Болѣе, чѣмъ отъ кого бы то ни было, довелось изучить характеръ его въ бесѣдахъ съ такимъ виднымъ, бросавшимся въ глаза, стоявшимъ на верхахъ прусской администраціи дѣятелемъ, какимъ былъ генералъ Фойхстъ-Ретцъ—давнишній другъ Вильгельма въ бытность его принцемъ, а впослѣдствіи королемъ и императоромъ; это былъ крайне способный человѣкъ, во многомъ сотрудникъ Мольтке и большая въ то время надежда Пруссіи. Онъ находился при главной императорской квартирѣ, въ качествѣ одного изъ высшихъ офицеровъ генеральнаго штаба; съ нимъ М. И. познакомился собственно въ походѣ, очень живо заинтересовался имъ самимъ

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1910 г.

и немало впослѣдствіи разсказывалъ о немъ. При первомъ же знакомствѣ, Фойхтсъ-Ретцъ заговорилъ горячо объ Россіи и говорилъ о ней такъ много, что Мих. Ивановичъ испыталъ то непріятное чувство, которое приходится испытывать, когда чувствуется, что новый знакомый силится наговорить то, чего вовсе не думаетъ и въ чемъ хочетъ притвориться изъ-за совершенно непонятныхъ побужденій и разсчетовъ.

„Но тутъ же скоро я узналъ, говаривалъ Мих. Ив., что еще во время нашей Крымской войны этотъ симпатичный генералъ, пользуясь дружбой къ принцу Вильгельму, составилъ возлѣ него кружокъ сильныхъ людей, которые крайне рѣшительно и весьма успѣшно ратовали за поддержаніе, во что бы то ни стало, добрососѣдскихъ отношеній къ оставленной, забытой и пренебреженной всѣми Россіи.—Нисколько не скрывая, скажу, что былъ сильно сразу подкупленъ Фойхтсъ-Ретцомъ“.

Объ этомъ замѣчательномъ генералѣ рѣчь впереди.

Вспоминая подробности изученія качествъ и свойствъ Мольтке, Мих. Ив. всегда говорилъ, что мало прочесть его крупныя сочиненія — стратегическія вообще и военно-историческія въ родѣ русско-турецкой войны 1828/9 гг., „итальянскаго похода 1859 г.“ (австро-французская война), „датской войны 1864 г.“ и т. п.,—не надо пренебрегать мелкими его записками, тѣмъ болѣе, что онѣ читаются легко и очень интересны, какъ продуктъ наблюденій и размышленій человѣка разносторонне развитого и солидно образованнаго.

„При всей нашей непріязни и даже ненависти къ націи, представителемъ которой является Мольтке, нельзя не отдать справедливости его высокимъ дарованіямъ“, говаривалъ Мих. Ив.

„Эту аксіому или пропись, добавлялъ онъ, я говорю по адресу тѣхъ, которые считаютъ, что если человѣкъ несимпатиченъ, а въ особенности если ненавистенъ, то и достоинствъ за нимъ признавать нельзя: такихъ мудрецовъ немало; въ нихъ больше всего развито стадное чувство: какъ можно,—тотъ и другой, и третій изъ моихъ пріятелей его бранятъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а я вдругъ похвалю; нельзя“. Какой-то лукавый почитатель великаго стратега у насъ на Руси, вѣроятно въ защиту себя противъ обнаруженія выработавшагося у насъ и засѣвшаго въ насъ непріязненнаго къ нѣмцамъ чувства, придумалъ или, вѣрнѣе, перехвативъ откуда либо, обрадовался возможности выдавать Мольтке за датчанина, тогда какъ по рожденію онъ съ головы до ногъ нѣмецъ и вообще въ основѣ до мозга костей нѣмецъ чистѣйшей пробы; онъ, правда, во многомъ представляетъ собою исключеніе передъ другими нѣмцами, что несомнѣнно даетъ поводъ выдѣлять его; но безпристрастіе, даже при сужденіи о злѣйшемъ врагѣ должно быть на первомъ планѣ; у лукаваго поклонника

какъ будто-бы не хватило силъ признать геніемъ нѣмца; слабое утѣшеніе изобрѣлъ онъ,—самообманъ: признаю-де я его геніемъ, но онъ датчанинъ, а не нѣмецъ".

Былъ ли по рожденію нѣмецъ, датчанинъ, китаецъ или ашантій тотъ или иной государственный дѣятель,—важнымъ Мих. Ив. это не признавалъ; все же говорилъ онъ, хоть я и считаю это мелочью вообще, но выясненію настоящаго происхожденія такого всезахватывающаго человѣка, каковъ Мольтке, не могу не дать значенія; какъ, напримѣръ, могли бы мы пренебречь свѣдѣніемъ о томъ, что Наполеонъ былъ собственно корсиканецъ, а не чистый французъ;—а это играло пожалуй самую большую роль во всемъ ходѣ его карьеры и отношеній его къ Франціи: онъ былъ относительно французской массы „иностранецъ", и это ему во многомъ развязывало руки; будь онъ прирожденный французъ, онъ никогда не былъ бы въ состояніи доходить до такой безцеремонности, какую онъ такъ часто проявлялъ въ теченіе всей своей жизни и службы (если она у него была); онъ былъ и остался до конца корсиканцемъ и человѣкомъ родового типа,—былъ безгранично слабъ къ родичамъ и совершенно не церемонился со всѣми остальными людьми [1]).

Съ такой стороны происхожденіе Мольтке, конечно, не могло имѣть значенія,—совсѣмъ другой складъ жизни Пруссіи,—это не Франція, а въ особенности не тогдашняя Наполеоновская Франція, близкая къ только-что пережитой революціи.

* * *

Нерѣдко слышанные, во время нахожденія при прусской арміи, слегка насмѣшливые намеки нѣмцевъ на датское происхожденіе Мольтке дали Драгомирову случай разспросить объ этомъ гр. Голенищева-Кутузова; съ его ли словъ, а можетъ быть изъ другихъ источниковъ, Мих. Ив. указывалъ не разъ, каковы были, болѣе или менѣе серьезные, поводы считать Мольтке датчаниномъ.

Прежде всего множество писемъ изъ Россіи въ 1856 году Мольтке адресовалъ на имя своей жены въ Данію, гдѣ она въ то время за отсутствіемъ его безвыѣздно проживала; изъ этого можно было, пожалуй, заключить, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ;—но не было даже и этого. Мольтке родился въ Мекленбургъ-Шверинѣ, а отецъ его, человѣкъ не богатый, женатый на нѣмкѣ, находясь впослѣдствіи на службѣ въ одномъ изъ прусскихъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, стоявшихъ на границѣ Шлезвигъ-Голштинской провинціи, принадлежавшей въ

[1]) См. статью М. Драгомирова „Замѣтки о Наполеонѣ I", стран. 175 изд. книгопрод. Н. Я. Оглоблина. Кіевъ 1898.—Мих. Ив. нерѣдко въ разговорахъ какъ бы цитировалъ себя, ссылаясь на собственныя свои сочиненія.

концѣ XVIII и болѣе половины XIX столѣтія Даніи (до 1864 г., когда Пруссія, при главномъ участіи въ этомъ того же Гелльмута Мольтке, отобрала ее),—увлекся общимъ теченіемъ и, въ числѣ многихъ нѣмцевъ, на скопленные зильбельгроши, соблюдая въ полной мѣрѣ и чистотѣ всѣ законы и не обходя ихъ, купилъ въ той провинціи недорого стоившее, небольшое, благоустроенное имѣнье.—Затѣмъ, всецѣло оставаясь прусскимъ подданнымъ и,конечно, не мѣняя ни на іоту своихъ нѣмецкихъ тенденцій, онъ, какъ владѣлецъ земли въ Даніи, отдалъ своего сына Гелльмута въ датскій—копенгагенскій кадетскій корпусъ.

Тамъ юноша блестяще окончилъ курсъ ученья, а для окончанія высшаго образованія отправился въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ высшую военную школу, по окончаніи въ ней курса,онъ опредѣлился на службу въ 8-й пѣхотный прусскій или бранденбургскій полкъ, стоявшій въ провинціи этого названія,—въ городѣ Франкфуртѣ (на Одерѣ), гдѣ онъ въ молодыхъ же годахъ женился на тамошней уроженкѣ.

Достаточно было окончить курсъ въ датскомъ кадетскомъ корпусѣ и явиться въ берлинскую высшую школу изъ копенгагенскихъ кадетъ, для того, чтобы получить отмѣтку,—это нечистый нѣмецъ, это пришлый, это датчанинъ, разсудили не только посторонніе, но и товарищи и воспитатели.

Во время пребыванія Мольтке въ Россіи, жена его проживала въ Шлезвигъ-Голштинскомъ имѣніи, еще въ ту пору находившемся въ предѣлахъ Даніи.

* * *

Опредѣляя происхожденіе Мольтке, М. И. Драгомировъ какъ бы пришилъ къ этому фактъ происхожденія Наполеона; по поводу этого нельзя не вспомнить, что онъ нерѣдко выказывалъ,—вольно или невольно,— стремленіе если не сравнить Мольтке съ Наполеономъ, то сопоставить или вѣрнѣе положить ихъ на разныя чашки однихъ вѣсовъ.

Отдавая себѣ въ этомъ отчетъ, онъ высказывалъ, что вообще параллели между ними нѣтъ: Наполеонъ весь геній, насквозь, Мольтке же лишь богатъ высокими дарованіями, человѣкъ въ высшей степени талантливый. Однако въ военномъ отношеніи, во всемъ, что касается военнаго искусства [1]) — это былъ геній. Подойдя такимъ образомъ, еще въ бытность свою при главной прусской квартирѣ, къ занимавшему его предмету сужденій, Мих. Ив. находилъ иногда для себя интереснымъ именно сопоставлять Наполеона съ Мольтке въ различныхъ частностяхъ.

Наполеонъ, говорилъ онъ, соображалъ гораздо „быстрѣе", чѣмъ

---

[1]) Извѣстно, что военной науки М. И. Драгомировъ не признавалъ. См. стр. 48. „Очерки М. Драгомирова". Разборъ „Войны и Мира". Кіевское изданіе Н. Я. Оглоблина, 1898 г.

Мольтке; Наполеонъ схватывалъ, а Мольтке понималъ; но кто изъ нихъ „лучше" соображалъ, кто лучше примѣнялъ соображаемое— это вопросъ. По всѣмъ даннымъ Мольтке непосредственно извлекалъ больше пользы изъ глубоко понятаго, чѣмъ Наполеонъ изъ схваченнаго на-лету. Скоро Наполеонъ соображалъ и скоро терялъ нить быстро соображеннаго; зато, бросая схваченное, быстро тутъ же творилъ новое, ничего общаго съ брошеннымъ неимѣвшее, часто однако еще вѣрнѣе, лучше приводившее къ желанной, намѣченной имъ заранѣе цѣли [1]); Мольтке глубоко втягивался въ понятое и вовсе не отцѣплялся отъ него до тѣхъ поръ, пока не извлекалъ изъ этого всю поставленную его цѣлями пользу; онъ билъ навѣрняка, но все это выходило грузно, медлительно. Вотъ въ чемъ кроется разница между всестороннимъ Наполеоновскимъ геніемъ и односторонними талантами Мольтке.

Такъ иногда Мих. Ив. отрывочно судилъ и рядилъ о томъ, что глубоко изучилъ и описалъ, въ чрезвычайно живыхъ очеркахъ, сопоставляя это съ тѣмъ, о чемъ удалось почти вскользь наблюсти за короткое время пребыванія среди арміи, направлявшейся къ побѣдамъ геніемъ тихаго, скромнаго, въ высшей мѣрѣ даровитаго человѣка, таланты коего проявились тогда въ всей полнотѣ.

Еще одно изъ многихъ сопоставленій Мих. Ивановича: Наполеонъ нерѣдко бывалъ мелочнымъ и всегда мстительнымъ [2]) Мольтке ни мелочности, ни мстительности не зналъ вовсе.

* * *

Много разъ случалось слышать, что М. И. Драгомировъ не чисто русскій человѣкъ; зная, что онъ происхожденія малороссійскаго, приписывали ему — если не полное сочувствіе сепаратному бреду, то нѣкоторое одобреніе тенденцій относительно обособленности Малороссіи; мало находилось людей, которые серьезно поддерживали этотъ вздоръ, но среди людей, находившихъ его „хитрымъ хохломъ", находились такіе, которые твердили и повторяли это на разные лады съ добавленіемъ массы междустрочій. Иногда кое-что изъ этого доходило до него, и онъ лишь говорилъ: на всякій чихъ не наздравствуешься, родился я въ сердцѣ Малороссіи—Черниговскомъ Конотопѣ,—не можетъ же изъ меня вдругъ выйдти какой-нибудь тамбовецъ, могилевецъ или калужанинъ, а тѣмъ менѣе бердичевецъ,—каждому свое.

Въ Мольтке этотъ „хохолъ" въ сильной степени цѣнилъ то, что угрюмый, молчаливый старецъ всегда показывалъ по отношенію къ Россіи, какъ государству и какъ къ націи, непритворное расположе-

[1]) Смотри тѣ же очерки М. Драгомирова: „Наполеонъ I-й", стр. 168—170.

[2]) См. тѣ же очерки, стр. 177.

ніе, а главное въ своихъ отзывахъ о ней былъ всегда одинаково безпристрастенъ и глубоко справедливъ. Мольтке, высказывая на разные лады похвалы Россіи, видимо, смаковалъ свои отзывы, самъ радовался случаю ихъ высказать громко и отчетливо.

Россіей Мольтке всегда интересовался, а хорошо ознакомился съ ней за десять лѣтъ до Австро-Прусской войны—въ 1856 году, когда, состоя въ должности адъютанта у принца Фридриха-Вильгельма [1]), прожилъ нѣкоторое время въ Россіи; въ письмахъ, которыя онъ посылалъ отсюда женѣ своей, онъ показалъ большую наблюдательность; видимо тогда — въ первые годы царствованія Императора Александра Николаевича,—онъ набрался понятій и свѣдѣній, какъ о Россіи, такъ и о лицахъ, стоявшихъ высоко на лѣстницѣ жизни обновлявшагося государства, развитію котораго онъ крайне доброжелательно симпатизировалъ и симпатично доброжелательствовалъ.

* * *

Тотчасъ послѣ представленія королю въ Берлинѣ, Мих. Ив. не могъ представиться ни наслѣдному принцу, ни принцу Фридриху-Карлу; они были въ отъѣздѣ, и возвращеніе ихъ въ Берлинъ ожидалось со дня на день; однако, какъ говорилось громко—оффиціально, очередные смотры войскъ задерживали ихъ; шопотомъ, по секрету передавалось однако изъ устъ въ уста,—что оба принца были заняты поѣздкой въ Піемонтъ; на нихъ было возложено королемъ сложное порученіе, — вести переговоры съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ для склоненія его къ заключенію прусско-итальянскаго союза противъ Австріи. Пока благородные принцы преуспѣвали около не менѣе благороднаго короля [2]), Мих. Ив. успѣлъ съ гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ побывать у Мольтке.

Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ старшій сынъ Вильгельма,—принца Прусскаго, вступившаго въ 1861 году на Прусскій королевскій престолъ и принявшаго въ 1871 году титулъ императора Германскаго.

Фридриху-Вильгельму минуло двадцать пять лѣтъ, когда онъ, въ 1856 году, былъ отправленъ въ Россію, гдѣ довольно долго прогостилъ, пользуясь гостепріимствомъ Императора Александра II; мать Царя,—Императрица Александра Ѳедоровна приходилась родной теткой принцу, — она была родная сестра его отца Вильгельма.

---

[1]) Въ войнѣ 1866 года тридцатипятилѣтній Фридрихъ-Вильгельмъ,—наслѣдный принцъ Прусскій Фридрихъ, командовалъ 2-й арміей.

[2]) Извѣстно, что за Викторомъ Эммануиломъ, тогдашнимъ королемъ Италіи, въ теченіе всей его жизни сохранилось, данное ему народомъ, названіе, сдѣлавшееся похожимъ на добавленіе къ оффиціальному титулу il Re galant' uomo (король-джентльмэнъ).

Высокообразованный [1]), прекрасно воспитанный, обладавшій чуднымъ характеромъ, принцъ болѣе и болѣе развивался въ путешествіяхъ съ такими людьми, какъ адъютантъ его Мольтке, какъ другъ Вильгельма генералъ Фойхтъ-Рецъ и другіе. Многаго ждала отъ него Германія, много пользы ей принесъ онъ въ военномъ отношеніи, какъ рѣдкій военачальникъ, но судьба не судила ему положить въ жертву отечеству свои дарованія въ качествѣ государственнаго дѣятеля на престолѣ: сдѣлавшись въ 1861 году,—на тридцатомъ году жизни, наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, а черезъ десять лѣтъ Германскимъ, и вступивъ на императорскій престолъ 10 марта 1888 года, онъ пробылъ на немъ лишь 127 дней—15 іюля того же года онъ умеръ отъ жестокой болѣзни:—развившійся въ горлѣ ракъ безвременно свелъ этого колосса въ могилу на 57 году его жизни.

Возвращеніе Наслѣднаго принца и принца Фридриха-Карла изъ Піемонта наполнило Берлинъ большимъ торжествомъ: распространившіяся повсюду свѣдѣнія о крайне успѣшномъ окончаніи ими возложенной на нихъ миссіи вызвали по ихъ адресу большія оваціи; Берлинъ, сбросивъ грустное, подавленное настроеніе, перешелъ къ искреннему ликованію и стремился на каждомъ шагу показать свою благодарность принцамъ, въ особенности Наслѣдному—„Фрицу", какъ его вездѣ всегда ласково называли; онъ, со времени своего дѣтства, былъ отмѣннымъ народнымъ любимцемъ.

Много ходило разсказовъ тогда о ходѣ командировки, исполненной братомъ и сыномъ короля; говорили, будто-бы Викторъ Эммануилъ съ самаго начала переговоровъ былъ готовъ довести дѣло до желательнаго для Пруссіи конца, такъ какъ онъ ясно понималъ въ такомъ шагѣ и свою выгоду, но будто бы министры упирались и оказывали сильное сопротивленіе. Чернь, державшаяся республиканско-разбойничьяго разгула, въ своемъ озлобленіи противъ Австріи,—не различая иныхъ нѣмцевъ и причисляя ихъ всѣхъ къ одному лагерю,—шумѣла противъ Пруссіи; министры трепетали передъ ея разнузданностью, а потому не было никакой надежды на то, чтобы желанія Виктора Эммануила одержали верхъ.

Австрійскіе эмиссары и шпіоны съ большимъ искусствомъ разжигали народныя страсти и удерживали итальянскихъ министровъ отъ всякаго поползновенія сдѣлать шагъ въ сторону благоразумія въ ми-

---

[1]) Когда ему минуло 18 лѣтъ—въ 1849 году, для руководства его образованіемъ былъ назначенъ извѣстный нѣмецкій ученый Эрнестъ Курціусъ, авторъ многихъ сочиненій, между прочимъ популярнѣйшей „Греческой исторіи"—до сихъ поръ не утратившей своей цѣнности въ ряду подобныхъ изданій. Это былъ глубоконачитанный, разносторонне образованный много на своемъ вѣку путешествовавшій, историкъ, филологъ, нумизматъ и археологъ.

нуты наступившаго историческаго испытанія, требовавшаго быстраго въ свою пользу рѣшенія и твердаго шага въ сторону нанесенія крупнаго удара загребательной политикѣ исконнаго врага своего —Австріи.

Масса свѣдѣній, ходившихъ въ то время въ Берлинѣ, увѣряла, что только лично наслѣдный принцъ своею величавой простотой и обворожительною манерой обращенія мало-по-малу спокойно успѣлъ очаровать и привлечь на свою сторону вліятельнѣйшаго изъ тогдашнихъ государственныхъ людей молодого Итальянскаго королевства—министра Менабреа. Послѣдній не только тогда услужилъ Пруссіи изъ желанія быть угоднымъ наслѣдному принцу, но навсегда сдѣлался усерднымъ поклонникомъ этого принца, а это дало первый толчекъ тому, что никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, до конца своей жизни, онъ не измѣнялъ Пруссіи;—про него говорили, что онъ былъ какъ бы заколдованъ чарами наслѣднаго принца.

Впослѣдствіи, часто вспоминая объ этомъ, Мих. Ив. говорилъ, что если разсказъ о такомъ привлеченіи министра-президента Менабреа на сторону наслѣднаго принца и зародился въ пруссакахъ на почвѣ желанія польстить своему чувству любви къ „Фрицу", то во всякомъ случаѣ эта любовь къ нему являлась совершенно понятною и вполнѣ объяснимою.

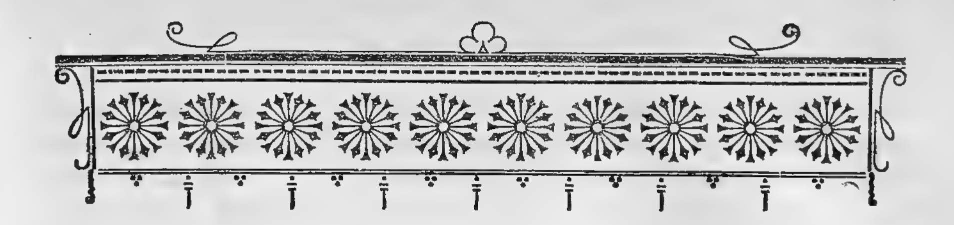
Но въ этомъ крылось не только простое проявленіе чувства къ своему любимцу; проявленіе это ясно выдвигало затаенное убѣжденіе нѣмцевъ въ громадныхъ дипломатическихъ способностяхъ принца; въ томъ, что онъ былъ ими одаренъ, пруссаки очевидно получили увѣренность, всесторонне оцѣнивая результаты поѣздки „Фрица" въ Піемонтъ.

Лично М. Ив., изъ своего перваго знакомства съ этимъ чуднымъ принцемъ, кромѣ присущихъ ему чисто-военныхъ,—полководческихъ способностей, отмѣтилъ въ немъ „вполнѣ рыцарское отношеніе ко всѣмъ во всемъ" и необыкновенное, изъ ряду выходившее, чувство отеческой любви къ солдату.

— „Въ этихъ дѣтяхъ, говаривалъ молодой принцъ: замѣчательно и беззавѣтно выработана въ видѣ долга привычка—терпѣть и переносить безропотно все самое тяжелое; они достойны наиболѣе высокихъ чувствъ любви и участливаго къ себѣ покровительства въ мелочахъ".—Впослѣдствіи, въ теченіе всего похода, Михаилу Ивановичу на каждомъ шагу кидалась въ глаза неусыпная, доходившая до болѣзненности, заботливость „Фрица" о солдатѣ и объ его нуждахъ.

Находились здѣсь нѣмецкіе языки, которые обращали это въ шутку и ехидно говорили, что начальникъ 2-ой арміи—наслѣдный принцъ Фридрихъ, всецѣло обратился въ интенданта при своемъ Начальникѣ штаба генералѣ Блюменталѣ; но объ этомъ впереди...

(Продолженіе слѣдуетъ). А. Е. К.

Первые годы службы [1]).

Не разнообразна была наша жизнь. Собирались мы у тѣхъ изъ насъ, кто имѣлъ хату побольше, чаще всего у Викгорста, тамъ же мы и обѣдали. Вопросъ о продовольствіи имѣлъ первостепенную важность въ такомъ глухомъ и не важномъ мѣстѣ, какъ Богуславъ. Прежній обычай, имѣвшій въ артиллеріи почти всеобщее распространеніе—обѣдать у батарейнаго командира, уже вышелъ изъ употребленія, или лучше сказать съузился: батарейные командиры стали звать офицеровъ къ обѣду только въ лагеряхъ. Каждый офицеръ, предоставленный на зимнихъ квартирахъ своему собственному усмотрѣнію, продовольствовался разно: или входилъ въ артель изъ нѣсколькихъ товарищей, или сговаривался съ квартирной хозяйкой, или превращалъ своего денщика въ повара, вѣрнѣе сказать, въ кашевара. Сначала и я продовольствовался отъ своей хозяйки, т. е. мнѣ давали борщъ и (большею частію) кашу, но потомъ получилъ приглашеніе въ артель, которое конечно и принялъ съ восхищеніемъ. Тутъ меню было разнообразнѣе, и качество стола повыше, при количествѣ достаточномъ, платили же мы по 4 р. 50 к. сер. въ мѣсяцъ, такъ какъ мѣстная дешевизна была замѣчательная.

И такъ, собравшись вмѣстѣ около часа, мы обѣдали, при томъ довольно шумно и, по моему тогдашнему мнѣнію, очень весело. Если иной разъ что-нибудь припахивало дымкомъ, или не дожарилось, или переварилось, то это непремѣнно замѣчалось старшими товарищами, но тѣмъ не менѣе съѣдалось безъ остатка. Послѣ обѣда иногда расходились по домамъ, иногда оставались, играли

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

въ карты, бесѣдовали. Картежная игра была въ большомъ ходу и играли почти всѣ, но въ однѣ коммерческія игры, азартныя же были тутъ не въ модѣ. Сидѣли большею частью въ фуражкахъ, и объяснялся этотъ обычай тѣмъ, что въ хатахъ съ тонкими, промерзающими стѣнами послѣ топки печей всегда угарно, а потому необходимо сидѣть съ покрытой головой. Хоть я и не совсѣмъ понималъ, почему шапка можетъ служить предохранительнымъ средствомъ отъ угара, однако принялъ этотъ аргументъ безъ критики, и самъ съ нѣкоторой тайной гордостью сидѣлъ въ фуражкѣ. Одно меня при этомъ смущало: у всѣхъ были фуражки затасканныя, замызганныя, а у Викгорста даже безъ половины козырька, у меня же совершенно новая, сейчасъ видно, что офицеръ новоиспеченный. Мнѣ очень хотѣлось привести свою фуражку въ старослужащій видъ, но остановило меня то соображеніе, что замѣтятъ и будутъ смѣяться. Да и какой толкъ портить одну фуражку, когда всѣ прочія статьи костюма у меня тоже съ иголочки, а у другихъ потертыя, выцвѣтшія, даже совсѣмъ какія-то необычайныя. И въ самомъ дѣлѣ, каждый ходилъ, въ чемъ хотѣлъ и что нравилось, особенно тѣмъ, что были помоложе. Видѣлъ я тутъ полосатые, тиковые сюртучки или казакинчики съ полудюжиной кармановъ и карманчиковъ; видѣлъ широчайшія шаровары, конечно, тоже изъ дешевенькой матеріи, а зимой тулупы, тулупчики и проч., все нимало не подходящее къ установленной формѣ. Сапоги употреблялись въ Богуславѣ высокіе, въ родѣ ботфортъ, ибо грязь была невообразимая; они шились изъ лошадиной кожи, доходили до колѣнъ, каблуки были подкованы, а зимою ставились подковки даже на шипахъ, такъ какъ мѣстность въ Богуславѣ очень гористая, въ гололедицу трудно проходимая. По той же причинѣ вмѣстѣ съ подкованными сапогами офицеры употребляли палки съ острымъ гвоздемъ на концѣ и называли ихъ костылями. Всѣми этими снаряженіями обзавелся и я.

Бесѣды послѣобѣденныя и вечернія велись на темы не очень разнообразныя, чаще всего мы, говоря техническимъ терминомъ, „ругали начальство“. До высшаго начальства не добирались, а критиковали больше низшее, въ родѣ батарейнаго и бригаднаго командировъ. Батарейныхъ командировъ обзывали *арендаторами*, ибо тогдашній способъ веденія батарейнаго хозяйства походилъ дѣйствительно какъ будто на арендованіе. Требовалось, чтобы батарея имѣла видъ, такъ сказать, праздничный всегда, когда есть начальство, и вездѣ, гдѣ есть начальство. Особенно праздничнымъ качествамъ должны были отвѣчать лошади и конская аммуниція; но эта особенность не препятствовала быть лошадямъ и ихъ сбруѣ

самою доходною статьею батарейнаго хозяйства. Доходы батарейныхъ командировъ, впрочемъ, были весьма различны по цифрѣ итога: вдвое, впятеро, даже вдесятеро больше или меньше у одного противъ другого. И вся эта разница порождалась обстоятельствами времени и мѣста, условіями квартированія: главная статья дохода опредѣлялась разницей между справочной и дѣйствительною цѣною на фуражѣ. Чтобы справочная цѣна была какъ можно выше дѣйствительной, командирами употреблялись всевозможныя мѣры, всѣ онѣ сводились, конечно, къ подкупу, и цѣль достигалась почти всегда. Въ Богуславѣ мнѣ привелось однажды, въ самомъ началѣ моего тамъ пребыванія, завѣдывать около недѣли батарейными лошадьми, расположенными въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка. Тутъ я имѣлъ случай узнать, что справочная цѣна на сѣно была 10 к. сер., а сѣно покупалось отъ $3^1/_2$ до 5 коп. Конечно, разница между цѣнами справочною и дѣйствительною не вся шла въ командирскій карманъ; казенная дача сѣна была недостаточна и можетъ быть нѣсколько мѣсяцевъ въ году приходилось лошадей кормить больше положеннаго, но въ этомъ и иныхъ однородныхъ обстоятельствахъ и заключалась основная черта тогдашняго войскового хозяйства, которое давало поводъ нашему брату называть батарейныхъ командировъ арендаторами. И кличка эта къ нимъ прилагалась вовсе не въ одной 1 бригадѣ.

Когда офицеры бесѣдовали, „ругая начальство", то на счетъ своего собственнаго начальства прохаживались довольно рѣдко, а больше на счетъ командировъ въ другихъ бригадахъ. Дѣлалось это безъ негодованія, безъ задора, даже безъ горечи, въ бесѣдѣ субъективность собесѣдниковъ какъ будто отсутствовала; каждый излагалъ тотъ или другой фактъ какъ бы не для слѣдствія или суда, а для внесенія въ протоколъ историческаго изслѣдователя и собирателя. Кричали много, но страсть въ этомъ крикѣ не звучала, разсказываемые курьезы до того отвѣчали общему тону времени, что удивленія не возбуждали. А своего собственнаго начальства даннаго времени касались рѣдко потому, что эта тема была почти исчерпана и успѣла очень пріѣсться. Другое дѣло, когда пріѣзжалъ новый командиръ.

Въ Богуславѣ, при штабѣ бригады, находилась бригадная библіотека, довольно хорошая сравнительно съ другими, которыя мнѣ привелось впослѣдствіи видѣть, но она была или спеціально-артиллерійская, или литературная случайнаго характера, а требованіямъ научнаго образованія отвѣчала лишь въ слабой степени. Научная подготовка офицеровъ была корпусно-кадетская, общеизвѣстнаго типа, изъ котораго выдѣлялись только отдѣльныя лица,

слѣдовательно, на каталогъ бригадныхъ библіотекъ она влiять не могла. Да и вся обстановка полевого артиллерiйскаго офицера, складъ его жизни, смыслъ его службы вовсе не наталкивали на пользу самообразованія. Даже спеціальное образованіе стояло въ нашей артиллеріи на низкомъ уровнѣ и со стороны офицеровъ не употреблялось никакихъ усилій, чтобы уровень этотъ поднять. Огромное большинство артиллерiйскихъ офицеровъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ; исключеніе составляла только гвардейская артиллерія, комплектовавшаяся преимущественно изъ артиллерiйскаго училища. А въ кадетскихъ корпусахъ особыхъ курсовъ для спеціальныхъ родовъ оружія не было; учился отлично—въ гвардію; хорошо—въ артиллерію или саперы; средственно—въ армію, плохо—въ линейные батальоны, совсѣмъ худо—въ гарнизонъ. Мудрено ли, что новоиспеченный артиллеристъ, не имѣвшій сколько-нибудь серьезной спеціальной подготовки, нисколько не заботился о своемъ дальнѣйшемъ артиллерiйскомъ образованіи? Ѣздить верхомъ у такого-то орудія, командовать такимъ-то взводомъ 2—3 мѣсяца въ году, познакомиться съ механизмомъ заряжанія и пальбы изъ нехитраго гладкостѣннаго орудія, присмотрѣть, какъ обучаютъ фейерверкеры солдатъ маршировкѣ и орудійнымъ пріемамъ,—вотъ весь циклъ служебной мудрости для молодого офицера на многіе годы. Да еще и такъ бывало, что коннаго батарейнаго строя офицеры не знали и въ строю путали, между прочимъ потому, что, жалѣя свою доходную статью—лошадей, батарейные командиры экзерцировали свои батареи въ конномъ строю очень рѣдко. Впрочемъ, и тутъ у офицеровъ былъ рессурсъ: тогда солдаты служили долго, и старѣйшіе изъ нихъ, фейерверкеры, строевую службу знали хорошо; уносный фейерверкеръ всегда могъ подсказать офицеру, что слѣдуетъ дѣлать при каждомъ построеніи. И подсказывали.

Существовалъ въ то время законъ, въ силу котораго офицеры младшихъ чиновъ обязаны были держать ежегодные экзамены изъ нѣсколькихъ предметовъ своей спеціальности. Вскорѣ послѣ моего поступленія на службу, этотъ законъ былъ видоизмѣненъ: экзамены производились лишь передъ производствомъ офицеровъ въ слѣдующій чинъ, а вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены совершенно. Однимъ оффиціальнымъ обманомъ стало меньше. Я, будучи скверно подготовленъ къ артиллерiйской службѣ, хотя учился порядочно, побаивался-таки этихъ экзаменовъ, предполагая, что испытаніе офицеровъ должно быть нѣчто весьма серьезное, и по характеру, и по объему. Поэтому, нѣсколько освоившись съ собраніями товарищей и привыкнувъ подавать на нихъ иногда свой голосъ, я рѣшился какъ-то спросить объ офицерскихъ экзаменахъ. Отвѣтомъ былъ

легкій, но всеобщій смѣхъ. Затѣмъ мнѣ объяснили, что каждый экзаменующійся задаетъ себѣ задачи самъ, по своему выбору и усмотрѣнію, рѣшаетъ ихъ письменно и представляетъ начальству, а оно отсылаетъ куда слѣдуетъ. Къ этому прибавили, что вообще наши экзамены есть чистая комедія, что офицерскіе испытательные листки или вовсе не разсматриваются, или провѣряются на выдержку можетъ быть изъ сотни одинъ и что прискорбныхъ для экзаменующихся результатовъ не бываетъ, а если и бываютъ изрѣдка, то въ такихъ лишь случаяхъ, когда офицеръ дозволяетъ себѣ вопіющую безпечность и небрежность.

Научныхъ бесѣдъ у насъ въ Богуславѣ не было, литературныя бывали изрѣдка, или урывками, о строевой, т. е. фронтовой, службѣ упоминалось рѣдко, но служба вообще разбиралась часто. Говорилось о разныхъ стоянкахъ, со вздохомъ упоминалось про стоянку въ Польшѣ, какъ о самой выгодной въ денежномъ отношеніи, ибо тамъ давалось усиленное жалованье. Вообще оказывалось хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, почти никто не былъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и мечталъ о лучшемъ. Главною тому причиною была, во-первыхъ, бѣдность, т. е. недостатокъ средствъ для жизни самой простой и скромной; во-вторыхъ, чрезвычайно тугое чинопроизводство въ полевой артиллеріи, допускающее видѣть улучшеніе настоящаго положенія лишь въ далекомъ будущемъ, т. е. когда наступитъ время командованія батареей.

Недостатокъ средствъ — вотъ основное положеніе, изъ котораго всѣ бесѣды исходили или къ которому всѣ онѣ приводили. Судили и рядили на всѣ лады — какъ быть, чтобы ухитриться сводить концы съ концами. Выяснялось, что, во-первыхъ, пить чай прапорщику нельзя, тѣмъ паче съ такими приправами, какъ ромъ и лимонъ; носить платье слѣдуетъ изъ двухрублеваго сукна; сапоги заказывать выростковые; и такъ далѣе. Болѣе всего встрѣтилось трудностей при опредѣленіи расходовъ экстраординарныхъ, особенно по амурной части. При всей неизбѣжности этой расходной статьи, она признана для прапорщика запретной и даже опасной, по невозможности регулированія и по сравнительной мягкости прапорщичьихъ сердецъ, вредно отражающейся на карманѣ. И судили-то прапорщики же.

Иногда, наскучивъ толковать все объ одномъ и томъ же, прибѣгали къ хоровому пѣнію, но оно тянулось недолго, такъ какъ умѣлыхъ пѣвцовъ не было ни одного, а неумѣлое рвеніе заводило, Богъ знаетъ, куда. Пѣли пѣсни солдатскія, романсы, а то на какой-нибудь мотивъ пѣли, что взбредетъ на умъ, большею частью содержанія скоромнаго. Чаще всего пѣли романсъ „бригадный“, кѣмъ-

то и на кого-то составленный; все это я позабылъ, но слова романса и напѣвъ (очень недурной и оригинальный) помню до сихъ поръ. Начинался романсъ такъ:

Идетъ Миша и пла-а-ачетъ...
Увидѣла Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
„Чего Миша плачетъ—плачетъ?
„Чего Миша хочетъ—хочетъ?"
— Пла-а-чу я пла-а-чу
— Подойти къ тебѣ хочу. —
Настя Мишу утѣшала
Подойти къ себѣ пускала
„Подь, Мишенька, подь, душенька,
„Подь, подойди."
А Миша идетъ и все пла-а-а-четъ.

Далѣе развивается содержаніе пѣсни, несовсѣмъ въ печати удобное.

Если къ описанному времяпрепровожденію прибавить шахматы да бильярдъ въ скверномъ, грязномъ еврейскомъ трактирѣ, то вся программа нашихъ занятій, удовольствій и развлеченій будетъ исчерпана. Ни спектаклей, ни концертовъ, ни даже заѣзжихъ фокусниковъ или акробатовъ—не было во время 5 мѣсячнаго пребыванія моего въ Богуславѣ. Оставалось сидѣть дома и читать, затѣмъ бездѣльно шататься по грязному, вонючему мѣстечку, заходить другъ къ другу, чтобы посмотрѣть въ сотый разъ на стѣны и маленькія окна хаты, вытянуть кверху руки, глубоко зѣвнуть и проговорить: „Господи, что за скука!" При этихъ условіяхъ какъ много могли бы поработать тѣ же самые офицеры на пользу службы, если бы служба была умѣло организована!

Мое положеніе, сравнительно съ прочими, было лучше и легче. Я только что выскочилъ въ взрослые, впервые испытывалъ свободу и очень интересовался своею новой обстановкой и всѣмъ окружающимъ. Мнѣ не могло наскучить съ перваго раза все то, что другимъ надоѣло давнымъ давно. Меня занимало даже скитанье по Богуславу въ подкованныхъ сапогахъ, съ костылемъ въ рукѣ. Кромѣ того я сталъ учиться верховой ѣздѣ, благодаря любезности товарищей. А страсть къ чтенію можно было удовлетворять вполнѣ, если откинуть капризничанье въ выборѣ книгъ и не требовать отъ чтенія систематичности. Да и самая наша жизнь съ ея условіями и обстановкой отрицала серьезныя и систематическія занятія, если бы у кого-нибудь появилась къ нимъ охота. Помимо состава бригадной библіотеки, довольно хорошей и полной только

сравнительно, не было никакихъ элементарныхъ удобствъ для занятій. Мудрено было бы молодому человѣку, волею судьбы попавшему въ эту грязную дыру, отшатнуться отъ небольшого общества и повести жизнь анахорета. Онъ умеръ бы съ тоски, а почти-что и съ голода. Все направляло людей на битый путь ничегонедѣланія и научало думать только о завтрашнемъ днѣ, не дальше. Графъ Толстой гдѣ-то въ „Войнѣ и Мирѣ" говоритъ, что военные имѣютъ привилегію на безупречную праздность, тогда какъ для всѣхъ другихъ праздность предосудительна. Это прямо приложимо къ тому времени, ибо условность эпитета „безупречный" сложилась лишь въ послѣдующее время.

Чтобы показать, какими удобствами мы пользовались въ нашемъ домашнемъ быту, опишу тѣ квартиры, которыя я занималъ. Сначала мнѣ и товарищу, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, была отведена квартира на концѣ мѣстечка, въ просторной хатѣ, раздѣленной сѣнями пополамъ. Въ одной половинѣ оставались проживать хозяева, другую заняли мы. Наше помѣщеніе состояло изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, гостиной и спальни, какъ мы ихъ назвали; въ спальню выходила хозяйская русская печь и ее нагрѣвала, гостиная отапливалась своей собственной печкой. Надъ русской печкой была квадратная дыра, въ четверть арш., черезъ эту дыру къ намъ безпрестанно кто-нибудь засматривалъ и черезъ нее же мы разговаривали съ хозяйкой, когда волей, а когда и неволей. Стѣны этого домика-мазанки были тонкія, не больше четверти; крыша соломенная, окна маленькія, какъ въ крестьянскихъ хатахъ, потолокъ низкій, такъ что можно было достать его вытянутой рукой. Полъ былъ глиняный, ровный и гладкій, но отъ ходьбы по немъ давалъ тонкую пыль. Въ спальнѣ стояла кровать, конечно безо всего; въ гостиной диванъ съ деревянною доскою вмѣсто общепринятаго мягкаго сидѣнія; если къ этому прибавить два простыхъ не окрашеныхъ стола и четыре стула, то меблировка будетъ полная. Мы справили себѣ сѣнники для спанья и имущество свое держали въ чемоданахъ.

Стѣны нашего зимняго дворца промерзали насквозь или по крайней мѣрѣ настолько, что при топкѣ печи, по комнатамъ стоялъ паръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялся такой угаръ, что оставаться дома не было возможности. При сырой, но теплой погодѣ было немного лучше. Каждую субботу являлась къ намъ бабуся съ горшкомъ какой-то красной глины, просила насъ удалиться и безъ всякихъ приспособленій, съ помощью одной правой руки, смазывала тонкимъ слоемъ глины полъ, гладко и ровно. Часа черезъ два полъ просыхалъ и дѣлался чистымъ, опрятнымъ, даже красивымъ. Это меня натолкнуло на совершенно новую мысль.

До бани было далеко и очень грязно; отчего не устроить себѣ

баню дома, въ гостиной?—Для этого я выбралъ пятницу, т. е. канунъ полотерныхъ экзерцицій бабуси; затопилъ печку по обыкновенію соломой, поставилъ въ нее горшокъ или два воды и, когда она нѣсколько нагрѣлась, раздѣлся и препорядочно вымылся, а потомъ лужу грязной воды собралъ въ горшокъ. Такое мое свободомысліе возбудило на слѣдующій день цѣлую бурю со стороны хозяйки, однако послѣ полотерныхъ упражненій бабуси, испорченный полъ получилъ свой обычный видъ. Только я больше не устраивалъ у себя дома баню, иначе хозяйка пожаловалась бы непремѣнно. Офицеры очень смѣялись и хвалили мою изобрѣтательность, такъ что я очень выросъ въ моемъ собственномъ мнѣніи.

На другую квартиру я перешелъ, вмѣстѣ съ товарищемъ въ срединѣ зимы, а почему именно понадобилось это перемѣщеніе,—не помню. Отведена была одна большая комната въ грязномъ трактирѣ; потомъ оказалось, что подъ нею находился трактирный погребъ Мебель была получше, чѣмъ въ первой, но зато шумъ и гамъ по временамъ стояли въ сосѣдствѣ такіе, что даже насъ, неизбалованныхъ, тревожили и заставляли иногда уходить изъ дома. А пуще всего доѣзжалъ насъ страшный холодъ, который не поддавался никакимъ топкамъ; однажды ночью на столѣ замерзла вода въ стаканѣ. Зато мы безпрестанно ходили согрѣваться билліардной игрой, конечно даромъ, и скоро въ этомъ искусствѣ стали почти артистами.

Такимъ образомъ протекло около пяти мѣсяцевъ. Я свыкся со своей средой и не успѣлъ еще соскучиться моей монотонной и однообразной захолустной жизнью. Товарищей моихъ я полюбилъ искренно или по крайней мѣрѣ настолько къ нимъ привязался, что разставаніе съ ними очень бы меня огорчило. А между тѣмъ именно и пришлось разстаться. Насъ было тутъ двое сверхкомплектныхъ; это конечно было предвидѣно въ Петербургѣ при моемъ сюда назначеніи и слѣдовало мнѣ тогда же указать на выборъ другого мѣста службы. Однако почему-то предпочли поступить иначе; въ 1-ю бригаду меня зачислили согласно моему желанію, но зато, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перевели въ 6-ю, уже не справляясь съ моимъ желаніемъ.

Я сталъ готовиться къ отъѣзду; въ матеріальной сторонѣ моего житья-бытья оказались кое-какія прорѣхи, которыя надлежало задѣлать. Жилъ я очень прижимисто и считалъ каждую копейку, но это отъ прорѣхъ не спасло, а только сдѣлало ихъ не очень большими и къ заштопанью довольно легкими. Припоминаю одинъ случай изъ тѣхъ, кои производили прорѣхи. Въ Богуславѣ, какъ и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ скучено еврейское населеніе, процвѣтало ремесло факторовъ. Факторъ—это комиссіонеръ, котораго не ищутъ, а который самъ васъ ищетъ. Если вы фактора не желаете, онъ все равно

будетъ къ вашимъ услугамъ; онъ постоянно торчитъ гдѣ-нибудь невдалекѣ, слѣдитъ за вами, узнаетъ про ваши потребности и является съ нужными для васъ вещами прежде, чѣмъ вы соберетесь ихъ пріобрѣсти. Онъ никогда не утомляется и какъ будто не ѣстъ и не спитъ. И все это за 15 коп. въ день, т. е. въ рабочій, комиссіонный день. А если кто побогаче или потароватѣе и даетъ копеекъ 25—30, то факторъ уже такъ и дежуритъ безсмѣнно въ его передней, кухнѣ или сараѣ. Ни у меня, ни у моихъ товарищей не было факторовъ, во-первыхъ, потому, что 15 коп. были для насъ большимъ расходомъ, а во-вторыхъ, каждый изъ насъ имѣлъ казенную прислугу. Тѣмъ не менѣе мы отъ факторовъ отдѣлаться не могли и хотя они нашихъ глазъ не мозолили, но непремѣнно являлись тогда, когда по ихъ нюху представлялась надобность въ нихъ и была надежда на гешефтъ. Если чутье фактора оказывалось вѣрнымъ, то добродѣтель награждалась, т. е. гешефтъ попадалъ въ его карманъ, если же нюхъ обманывалъ, то порокъ наказывался, т. е. факторъ выпроваживался, смотря по темпераменту патрона, или простымъ напутственнымъ словомъ или подзатыльникомъ. Это послѣднее обстоятельство впрочемъ не обезкураживало фактора, и онъ по-прежнему продолжалъ невидимо состоять при исправленіи своихъ обязанностей, но только придавалъ имъ значеніе второстепенное, вспомогательное.

Былъ и у меня подобный фактотумъ іудейскаго исповѣданія, можно бы сказать le juif errant въ предѣлахъ Богуслава. Ужъ чего я былъ голъ и неимущъ, а все-таки нашлись охотники зарабатывать барыши на моей особѣ. Въ самомъ началѣ факторъ мнѣ дѣйствительно былъ полезенъ и даже нуженъ, пока я не освоился и не получилъ казенную прислугу, но потомъ надобность въ немъ встрѣчалась рѣдко и случайно. Когда я пріѣхалъ въ Богуславъ, меня облѣпила цѣлая туча этихъ хищныхъ птицъ, и ужъ не помню, какимъ образомъ выборъ палъ на одного, Лейбу или Мошку. Вѣрнѣе, что не я его выбралъ, а они сами разыграли меня между собою въ лотерею, такъ что не онъ состоялъ видимо и невидимо при мнѣ, а я при немъ. Первое время, несмотря на мою голь, онъ получалъ съ меня барыши постоянные, хотя и копеечные, но если для меня эти копейки имѣли значеніе, то для него и подавно: эти факторствующіе жидки были поистинѣ народъ очень бѣдный и жалкій. Бывали однако случаи, хотя и рѣдкіе, когда факторъ зарабатывалъ съ меня барыши крупнѣе копеечныхъ, такъ сказать, гривенные. Однажды принесъ онъ ко мнѣ нѣсколько разныхъ вещей, передавая мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что представляется необыкновенный случай купить ихъ за четверть цѣны. Я велѣлъ ему убираться вонъ, онъ и убрался, но всѣ вещи оставилъ у меня—

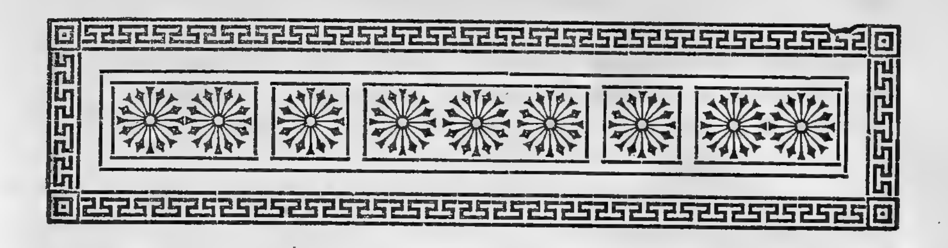
обыкновенный факторскій пріемъ съ молодыми и неопытными. Невольно сталъ я разсматривать разложенныя вещи, какъ разъ въ это время факторъ опять явился, и въ результатѣ получилось, что я купилъ коробку съ помадой и заплатилъ за нее два рубля серебромъ, когда всѣ мои наличные денежные рессурсы ограничивались въ то время 5—6 рублями. Коробка съ помадой была такая красивая, помадныя банки, числомъ три, такія изящныя; жидокъ-факторъ такъ убѣдительно высчитывалъ по пальцамъ выгодность покупки, что я не устоялъ. Лишь когда онъ исчезъ съ моими двумя рублями, я сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, ибо никогда никакой помады не употреблялъ ни прежде, ни послѣ.

Передъ отъѣздомъ я пересмотрѣлъ все мое небогатое имущество и, что нашелъ въ немъ лишняго, распродалъ своимъ товарищамъ, или обмѣнялъ на болѣе нужное. У одного изъ нихъ купилъ я на дорогу ношеный, но хорошій тулупъ изъ калмыцкихъ барановъ, крытый нанкой. Цѣна, 15 р., была мнѣ не по карману, и я думалъ было отказаться отъ покупки, хотя въ одной шинели, подбитой вѣтромъ, ѣхать было очевидно нельзя. Однако вмѣшались въ дѣло товарищи, составили изъ себя нѣчто въ родѣ жюри экспертовъ и уговорили продавца уступить мнѣ тулупъ за 10 рублей серебромъ. Несмотря на всѣ эти операціи, денегъ у меня было меньше, чѣмъ нужно по самому скромному счету, а товарищи помочь не могли: всѣ они сами сидѣли безъ копейки. Посовѣтовали обратиться къ батарейному командиру, высчитали нужную мнѣ сумму (руб. 30), опредѣлили срокъ, къ которому я могу возвратить долгъ. Я отправился къ Пассеку; онъ выслушалъ мою просьбу, подкрѣпленную исчисленіями, сразу согласился, сейчасъ же вручилъ мнѣ просимую сумму и отказался взять расписку. Я пришелъ въ нашу компанію къ обѣду, восхищенный и славословившій; офицеры похвалили Пассека, сказавъ, что такъ и слѣдуетъ, что иначе онъ былъ бы скотина, а что впрочемъ есть скоты. При этомъ мнѣ было слегка внушено, что любезность Пассека обязываетъ меня быть въ свою очередь точнымъ при отдачѣ долга; я увѣрилъ ихъ, что такъ и будетъ, и дѣйствительно возвратилъ потомъ деньги въ срокъ.

Очень пришлись мнѣ по душѣ мои товарищи, а нѣкоторыхъ изъ нихъ я искренно полюбилъ. Много ли, кажется, 5 мѣсяцевъ, а они сдѣлали то, что потомъ не дѣлалъ и цѣлый рядъ лѣтъ. Лежала ли причина тому въ хорошихъ качествахъ офицеровъ, или же въ свѣжести моихъ первыхъ впечатлѣній? Я думаю, и въ томъ и въ другомъ.

А. Ф. Петрушевскій.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 3-я [1]).

1877—1878.

ГЛАВА I.

Что сдѣлаетъ Англія?

Вопросъ, поставленный г-жей Новиковой въ заключеніи письма, въ которомъ она сообщала, что война объявлена, задѣлъ и Гладстона, и многихъ англичанъ. Мы, говорятъ они, настаивали на необходимости имѣть одинаковую отвѣтственность съ Россіей въ опредѣленіи Восточнаго вопроса. Мы вошли въ соглашеніе съ ней при составленіи программъ реформъ, на Константинопольской конференціи, которую турки отвергли. Мы подписали протоколъ вмѣстѣ съ Россіей, предлагающій Турціи золотой мостъ, посредствомъ котораго она могла бы избѣжать опасности войны и необходимости исполненія реформъ. Турція и это безъ церемоніи отвергла. Вы спрашиваете, какъ поступитъ теперь Англія?

Отвѣтъ былъ, что Англія ничего не сдѣлаетъ. Мы приказали султану приступить къ реформамъ, но такъ какъ онъ отказался исполнить наше повелѣніе, то мы честно умыли руки отъ всего дѣла, благодаря Бога, что избавились отъ такого мошенника. Къ этому рѣшенію правительство и большая часть націи пришли безъ всякихъ колебаній. Это была эгоистичная, близорукая политика, подлая политика, но та часть англичанъ, которая не была эгои-

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

стична и подла, которая сознавала свою отвѣтственность и готова была идти на необходимыя жертвы, была въ безпомощномъ меньшинствѣ. Она не могла даже требовать поддержки отъ лидеровъ либеральной партіи.

Никакое національное униженіе не чувствовалось такъ остро безсильнымъ меньшинствомъ и не было принято съ такой снисходительностью всемогущимъ большинствомъ, какъ это. Иди мы рука объ руку съ Россіей, не было бы турецкаго сопротивленія, а если было бы, то въ одинъ мѣсяцъ съ нимъ бы справились. Въ интересахъ самой Турціи соединенное понужденіе было желательно, какъ желательно, чтобы у зубного врача была сильная кисть руки, чтобы сразу выдернуть больной зубъ, а болгаръ это избавило бы отъ обращенія ихъ страны въ театръ войны. Для принципа Европейскаго концерта, ради человѣколюбія и цивилизаціи, наша обязанность была ясна. Но мы отъ нея уклонились. Лордъ Биконсфильдъ надѣялся, что турки побѣдятъ. Большая часть націи не любила Россіи и не желала мѣшать ей сломать себѣ зубы о Турцію. Но преобладающее вліяніе имѣлъ чистый, прямой, неподдѣльный эгоизмъ Англіи. Зачѣмъ намъ тратить выстрѣлы, или копѣйку на болгаръ? Если русскіе желаютъ сражаться за нихъ съ туркомъ, пускай сражаются, сколько угодно. Но мы будемъ нейтральны. Таково было осторожное мнѣніе даже либераловъ, какъ Форстеръ, Брайтъ. Послѣдній былъ противникомъ всякой войны, а первый не могъ себѣ представить, чтобы мы были обязаны воевать противъ Турціи. Душа Гладстона разразилась гнѣвомъ: ему припомнилась Крымская война и роль, которую въ ней играла Англія, но, несмотря на поддержку радикаловъ и сильной партіи, онъ былъ теперь безсиленъ даже собрать послѣднюю. Итакъ, вся нація была солидарна въ рѣшеніи предоставить славянъ ихъ судьбѣ. Народъ еще не былъ достаточно воспитанъ, чтобъ понять свою отвѣтственность.

Кабинетъ, безнадежно дѣлившійся на голоса, какъ только вопросъ шелъ о дѣйствіи въ ту или другую сторону, согласился, наконецъ, не дѣйствовать вовсе. Политика дешевая, популярная и безопасная.

Что же касается до духовенства, то священникъ В. Дентонъ ярко описываетъ ихъ положеніе въ своемъ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ отъ 31-го марта. Вотъ оно:

„Консервативные члены нижней палаты такъ хорошо пріучены повиноваться (Ваши бывшіе крѣпостные едва-ли были покорнѣе), что за исключеніемъ г-на Форсайтъ, никто пальцемъ не пошевельнулъ, хотя даже среди нихъ не всѣ согласны съ политикой мини-

стерства. Мы достигли одного: война изъ-за Турціи съ Россіей абсолютно невозможна“.

Либералы были воинственнѣе настроены, но наврядъ ли набралось бы ихъ 60 или 70 въ палатѣ изъ 638 членовъ.

При этихъ условіяхъ положеніе Гладстона было необыкновенно затруднительно. Возбудить народъ къ тому, чтобы отказать въ помощи туркамъ, было легко. Устроить публичныя собранія въ пользу присоединенія къ Россіи и сдерживанія турокъ, хотя бы дипломатическаго, было труднѣе. Такъ, напримѣръ, Фриманъ всегда указывалъ въ своихъ публичныхъ воззваніяхъ на то, что мы не должны быть вовлечены въ эту войну съ Россіей.

За два дня до объявленія войны, г. Фриманъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Грецію, пишетъ мнѣ:

„Я увѣренъ, что наступило время для большихъ митинговъ, или для сильной дѣятельности вообще. Какъ много сдѣлали митинги прошлаго года, до Сентъ Джемсъ Холь включительно, ясно изъ того, что они до сихъ поръ воспаляютъ умы торіевъ. Ихъ хвастовство, что нація измѣнила свое мнѣніе, должно бы получить отвѣтъ. Главное слѣдуетъ выяснить, что ни въ какомъ случаѣ мы не позволимъ еврею втянуть насъ въ войну съ Россіей. Мысль его все время несомнѣнно была заставить Россію воевать съ турками, чтобъ придраться къ ней потомъ. Не думаю, чтобы онъ сообщилъ объ этомъ лорду Дерби: тотъ слишкомъ глупъ, или лорду Салзберри, который слишкомъ честенъ, но это его игра, это ясно, и намъ слѣдуетъ говорить противъ этого вѣ-время. Вы, сѣверяне, должны бы начать агитацію“.

Изъ Вероны г. Фриманъ пишетъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 30-го апрѣля:

„Я здѣсь съ двумя дочерьми Маргаритой и Еленой по пути въ Грецію. Мы услышали передъ самымъ отъѣздомъ изъ Англіи, что началась война. Вамъ не нужно спрашивать, на чьей сторонѣ мои симпатіи, но я боюсь, что многіе въ Англіи отступаютъ. Удивительно, какъ это русское пугало дѣйствуетъ. Я боюсь, что даже „Daily News“ слабѣетъ. Легенды про обращеніе съ уніатами сильно вредятъ Россіи въ Англіи. Его сравниваютъ съ обращеніемъ турокъ въ Болгаріи. Я ничего не знаю объ этихъ легендахъ, но если вѣрить самому худшему разсказу, все же нѣтъ никакого сравненія между двумя примѣрами. Хорошо объ этомъ было написано въ „Guardian“ прошлую среду. Я, кажется, послалъ Вамъ экземпляръ моего добраго дружка „Сѣверное Эхо“, съ очень хорошей аналогіей. Чувства англичанъ къ протестантамъ въ Нидерландіи во время Елизаветы не были менѣе искренни, потому что

католики и протестанты конконформисты тогда преслѣдовались въ Англіи.

„Люди имѣютъ весьма неопредѣленное понятіе объ уніатахъ, какъ и о старыхъ границахъ Россіи, Польши и Литвы. Не дурно было бы, съ Вашей стороны, просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Грецiя, повидимому, тоже очень боится, что Вы ею пожертвуете въ пользу Болгаріи. Я говорю грекамъ, что меня, надѣюсь, не заставятъ чертить границы въ Македоніи и Ѳракіи. Если-бъ это случилось, я бы сдѣлалъ себѣ враговъ изъ двухъ народовъ, которыхъ дружбой я дорожу. Но если возстанутъ Эпиръ, Ѳессалія и Критъ, Грецiя должна зашевелиться“.

Позднѣе г-нъ Фриманъ опять коснулся этого вопроса.

„Я не могъ понять причины этой русской „Синей Книги“, развѣ еврейское желаніе какъ-нибудь да повредитъ Россіи. Надѣюсь, что разсказы — ложь. Но допустимъ, что все это правда, что тогда? Россія и Англія независимыя государства. Каждое изъ нихъ стоитъ на своихъ ногахъ. Каждое должно видѣть свои грѣхи. Ни одно не можетъ быть судьей другого. Ни одно не поддерживается третьей державой для собственныхъ выгодъ. Но турокъ не самостоятеленъ, онъ не стоитъ на своихъ ногахъ, его поддерживаетъ Англія и другія государства изъ-за собственныхъ интересовъ. Эти государства поэтому имѣютъ право его судить, иначе его грѣхи будутъ ихъ грѣхами. Издать русскую „Синюю Книгу“ ни въ какомъ смыслѣ не соотвѣтствуетъ турецкой „Синей Книгѣ“. Это не что иное, какъ дерзкая выходка еврея, подобная прочему. Мы не должны бы останавливаться на вопросѣ греческихъ уніатовъ, хотя въ 1877 году торійскія газеты много писали о немъ. Правительство, чтобы сдѣлать недружелюбную выходку относительно Россіи, издало „Синюю Книгу“, наполненную донесеніями Мансфельда (англійскаго консула въ Польшѣ), описывавшаго жестокости, которымъ подвергались греки-уніаты отъ русскихъ властей, чтобы принудить ихъ возвратиться въ православіе“. Это было больное мѣсто для г-жи Новиковой; 2-го мая она писала Гладстону:

„Мансфельдъ и его жена положительно въ рукахъ поляковъ по вопросу о греческихъ уніатахъ. Повѣрьте мнѣ, прозелитизмъ совсѣмъ не въ нашей природѣ. Удивительно, какъ часто англійскіе дипломаты бываютъ введены въ заблужденіе. Я дамъ Вамъ выдержку изъ только-что полученнаго мною письма: L'ambassadeur d'Angleterre est furieux de la marche des affaires, prétendant qu'il a été trompé par les Russes et qu'il a assuré tout le temps son gouvernement qu'il n'y avait qu'un très petit parti qui croyent l'honneur national en jeu. Le bon vieux Leflô (ambas-

sadeur de France) lui a nettement parlé l'autre jour. „Plaignez vous encore quand c'est uniquement grâce à vos récits mensongers que nous devons la guerre. Oui, je maintiens mon dire: vous avez donné sur eux de fausses informations. Le 9 avril Leflô recoit un telegramme de Paris du Duc Decazes, vous êtes trop alarmiste, vous et vos rapports. La guerre est impossible. Personne ne veut la guerre. Je pars pour Nice. Eh bien, repond Leflô, j'aurai le plaisir de vous en faire revenir dans trois jours. La guerre fut declarée le 12/24 avril.

Энтузіазмъ великъ, пожертвованія такъ велики и такъ добровольны, что даже русскіе съ трудомъ вѣрятъ своимъ глазамъ. Никакое описаніе не можетъ дать Вамъ понятіе о томъ, что происходитъ здѣсь, со времени объявленія войны. Какъ слѣпы были нѣкоторые за это послѣднее время! Я, кажется, Вамъ говорила, что каждый день мира былъ днемъ страданій, пока не было предпринято что-нибудь серьезное въ пользу славянъ.

Пишите, дорогой г-нъ Гладстонъ, если можете это сдѣлать, не подвергая себя опасности. Въ свободной Англіи есть извѣстное рабство, очень странное для русскихъ, которое называется „свобода прессы", иногда страшно низкой и вульгарной. Простите, что говорю такъ откровенно. Ваша всегда, несмотря на печать,

Ольга Н".

Это письмо вызвало немедленный отвѣтъ. Гладстонъ въ то время былъ въ борьбѣ съ лидерами своей собственной партіи относительно его знаменитыхъ резолюцій въ пользу совмѣстнаго съ Россіей давленія на турокъ, высказанныхъ имъ 7-го мая.

73 Гарлей Ст. 8-го мая 1877.

Дорогая госпожа Новикова, позвольте Вамъ объяснить то рабство, о которомъ Вы упоминаете въ своемъ интересномъ письмѣ отъ 2-го.

По восточному вопросу я дѣйствую противъ правительства, противъ клубовъ, противъ лондонской печати (въ большинствѣ), противъ большинства обѣихъ палатъ и противъ пяти шестыхъ или девяти десятыхъ плутократіи страны. Это составляетъ большую силу; противъ нихъ, по моему мнѣнію, настоящая нація. За нее и вмѣстѣ съ ней я стараюсь дѣйствовать. У меня, видитъ Богъ, нѣтъ избытка силъ. Я обязанъ тщательно избѣгать всего, что можетъ уменьшить мои силы. Писать Вамъ тайно, систематически, посылать Вамъ документы, или что-нибудь подобное, усилило бы предубѣжденіе противъ меня, и этимъ повредило бы дорогому для

меня дѣлу. Не удивляйтесь поэтому, если я просилъ Васъ отказаться отъ посылки писемъ заказными, или чего-нибудь производящаго впечатлѣнія секрета, а теперь прошу не посылать Вамъ документовъ, которые до меня лично не касаются, иначе я имѣлъ бы видъ агента. Мы въ пылу большого спора. Дѣйствія касаются одного моего замѣчанія въ парламентѣ, только что сдѣланнаго, 30-го апрѣля, и потому они поспѣшны; но было множество митинговъ съ большимъ энтузіазмомъ. Невозможно, по краткости времени, правильно сравнить ихъ съ осенними, но я думаю, что они оправдываютъ мое мнѣніе, что нація думаетъ теперь такъ же, какъ она думала тогда. Я заваленъ работой. Частный человѣкъ, въ частномъ домѣ, я получилъ 140 писемъ въ субботу, а вчера, кажется, 250. Мою переписку съ русскими ставятъ мнѣ въ вину въ дебатахъ. Я долженъ упомянуть объ этомъ въ отвѣтѣ. Не имѣю времени распространяться объ общемъ вопросѣ. Да помилуетъ Богъ тѣхъ, кто правъ. Вашъ искренно

В. Гладстонъ.

Прежде чѣмъ это письмо достигло Москвы, Ольга Алексѣевна послала слѣдующее выраженіе восторга и страха. Содержаніе его рѣчи и его резолюцій дошло до нея по телеграфу въ Москву. „Вы снова ведете благородную и великую борьбу въ исторіи міра. Да укрѣпитъ Васъ Богъ и увѣнчаетъ успѣхомъ Ваши геройскія усилія. Пожалуйста откликнитесь. Ваша благодарная

Ольга Н“.

Храбрецы, желавшіе видѣть британскій флотъ въ соединеніи съ русской арміей, были сильны на сѣверѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центра, но идея соединеннаго дѣйствія была слишкомъ нова и не по вкусу большинству англичанъ. Къ тому же, война уже началась. Я съ своей стороны напечаталъ воззваніе, которое вызвало интересное письмо ко мнѣ г-на Чемберлэна, съ которымъ я въ то время часто переписывался. Чемберлэнъ въ началѣ своей карьеры былъ крайній радикалъ. Онъ мнѣ писалъ 12-го апрѣля слѣдующее:

„Въ общемъ я совершенно согласенъ съ Вами въ этомъ вопросѣ; международное посредничество предполагаетъ международную политику. Однако, я не имѣю ни малѣйшей надежды убѣдить въ этомъ партію мира, во что бы то ни стало. Нужно помнить, что число ихъ невелико и безъ дѣйствительнаго вліянія. Большинство націи, я надѣюсь,—друзья мира, но друзей мира, какой бы ни было цѣной, можно по пальцамъ перечесть. Вѣроятное послѣдствіе невмѣшательства будетъ, что Россія произведетъ одна судъ надъ Турціей,

и сдѣлавъ это, не будетъ въ состояніи отказать своей арміи и своей націи въ ожидаемой наградѣ, т. е. въ увеличеніи территоріи. Тогда мы начнемъ кричать о вмѣшательствѣ Англіи и, хотя не думаю, чтобы правительству было разрѣшено объявить войну Россіи, и я увѣренъ, что мы были бы не сильны въ этой борьбѣ, тѣмъ не менѣе есть большой рискъ осложненій, въ которыхъ серьезно запутаны наши интересы. Съ другой стороны, желаніе вмѣшаться во-время и въ соединеніи съ другими, чтобъ заставить Турцію исполнить рѣшеніе конференціи, имѣло бы, я увѣренъ, результатомъ ея немедленное подчиненіе.

Надѣюсь, Вы будете продолжать, когда представится случай, защищать взгляды, которые Вы такъ хорошо выразили въ своихъ статьяхъ".

Когда возгорѣлась война, храбрецы требовали съ негодованіемъ энергичныхъ дѣйствій парламента, но, за исключеніемъ маленькой радикальной группы, Гладстонъ не могъ найти парламентской поддержки. Слѣдующее письмо отъ Питеръ-Райландсъ, члена парламента, написанное 27-го апрѣля, наканунѣ появленія резолюцій Гладстона, выражаетъ чувства отчаянія и отвращенія, преобладающія въ воинственномъ лагерѣ въ то время.

Г-нъ Райландсъ писалъ изъ нижней палаты:

„Я сильно желалъ склонить переднюю скамью оппозиціи на то, чтобы предложить резолюцію, выражающую сожалѣніе, что вслѣдствіе колеблющейся политики правительства и нежеланія его искренно соединиться съ другими европейскими государствами, они упустили случай обезпечить улучшеніе участи христіанъ въ Турціи и предотвратить войну.

Я составилъ резолюцію и далъ ее лорду Гартингтону, но, къ несчастію, различіе мнѣній между лидерами оппозиціи и необычайная робость нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ политической вялостью состава либеральной партіи, помѣшали узнать мнѣніе палаты при голосованіи.

Я согласенъ съ Вами; либеральная партія въ значительной мѣрѣ не исполнила своей обязанности къ Восточному вопросу въ эту сессію, и я очень боюсь, что ошибочный взглядъ партіи невмѣшательства повліялъ на несогласіе мнѣній, что лишило возможности предпринять какой бы то ни было шагъ".

Гладстонъ, истощивъ всѣ средства убѣдить лидеровъ своей партіи, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. 30-го апрѣля онъ заявилъ о пяти резолюціяхъ, нѣсколько длинныхъ и неясныхъ, суть которыхъ было требованіе, чтобъ Великобританія приняла участіе въ воздѣйствіи на Турцію. Въ ту же минуту друзья вмѣшательства

стали собирать митинги во всѣхъ передовыхъ центрахъ, поддерживая Гладстона и призывая либеральныхъ лидеровъ его поддержать. 1-го мая я получилъ письмо отъ Чемберлэна:

„Либеральная передняя скамья рѣшила покинуть Гладстона, а весьма важно, чтобъ онъ имѣлъ общую, искреннюю народную поддержку. Если виги будутъ держаться теперешняго рѣшенія, въ партіи долженъ произойти расколъ. Я не увѣренъ въ томъ, будетъ ли это дурно, такъ какъ мы можемъ надѣяться, что она составится на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

„Я радъ извѣстіямъ о митингахъ въ Вашемъ сосѣдствѣ и надѣюсь на увеличеніе ихъ на этихъ дняхъ".

Начались переговоры, чтобы убѣдить Гладстона согласиться на парламентскій маневръ которымъ, вся партія могла бы явиться въ палату, чтобы поддержать его первую резолюцію, въ которой объявлялось, что палата имѣетъ законную причину недовольства отвѣтомъ Порты лорду Дерби 21-го сентября. Гладстонъ согласился. Когда должны были начаться пренія, его спросили, имѣетъ ли онъ намѣреніе раздѣлить свои резолюціи. Гладстонъ отвѣчалъ: „нѣтъ", но обыкновенно ставится на голосованіе первая. Послѣдовалъ двухчасовый неясный споръ, послѣ котораго Гладстонъ произнесъ, по увѣренію Бальфура, самую блестящую рѣчь, когда-либо слышанную въ палатѣ, но страна не поняла ея сути, и истолковали ее, какъ отступленіе, даже какъ бѣгство Гладстона. Нѣкоторые либералы пришли въ отчаяніе.

Гладстонъ всегда отрицалъ отказъ отъ какой-нибудь изъ своихъ резолюцій. Вотъ объясненіе того, что случилось, написанное г-мъ Чемберленомъ 8-го мая на слѣдующее утро, послѣ дебатовъ:

„Я боюсь, что Гладстону измѣнили его недавніе коллеги. Сколько я понимаю, у него спросили: намѣренъ ли онъ всѣ свои резолюціи снять съ очереди. На его отвѣтъ, что онъ никогда не имѣлъ этого намѣренія, его просили заявить объ этомъ палатѣ, говоря, что этимъ онъ соединитъ свою партію. Отъ этого произошло волненіе между приверженцами Гладстона, которымъ казалось, что если Гладстонъ перемѣнилъ тактину, то страна, возставшая на его зовъ, обманута.

Я не вѣрю, чтобы произошла такая перемѣна, хотя друзья Гартингтона, стараясь придать этому такой видъ, нанесли новый, серьезный ударъ партіи, достоинство которой несомнѣнно пострадало отъ такой сцены, какая произошла вчера".

Слѣдующее письмо Манчестерскаго епископа Фрозера отъ 11-го мая выражаетъ чувства лучшихъ гладстонцевъ сѣвера.

„Я глубоко чувствую важность кризиса и сильно сожалѣю объ

угрожающемъ расколѣ въ либеральной партіи. Не могу себѣ представить, чтобы страна, въ здравомъ разумѣ, шла на войну за Турцію. Духъ ослѣпленія нашелъ на большую и вліятельную часть общества: не знаю съ какими цѣлями и по какимъ причинамъ все дѣлается возможнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ сознаться, я не вижу ясно прямой цѣли политики г-на Гладстона. Отвлеченныя резолюціи всегда сомнительны. Самое грустное въ этомъ случаѣ, по моимъ понятіямъ, это то, что лучшія человѣческія чувства служатъ предметомъ презрительныхъ насмѣшекъ. Это проявляется, напримѣръ, въ спорахъ о вивисекціи, такъ же, какъ въ Восточномъ вопросѣ. И въ исторіи извѣстно, какъ часто, такъ называемая эпоха высшей цивилизаціи была грубо равнодушна къ страданію".

Чтобъ устранить недовольство и дать опять вліяніе храбрымъ, Чемберленъ пригласилъ Гладстона въ Бинглей-Холь въ Бирмингамѣ на открытіе національно-либеральнаго союза. Чемберленъ не скрывалъ своей цѣли. Онъ мнѣ писалъ 24-го мая:

„Если Вы желаете имѣть ключъ къ предстоящей демонстраціи, которая по своей важности превзойдетъ все, что до сихъ поръ было, то вотъ онъ: эта демонстрація наиболѣе активныхъ либераловъ, для поддержки человѣка, который болѣе чѣмъ кто-либо представляетъ въ настоящее время дѣйствующую политику за границей и дома (Гладстонъ).

„Будущая программа либерализма должна идти изъ нижнихъ слоевъ. Мы не можемъ ожидать вдохновенія отъ нашихъ оффиціальныхъ лидеровъ, и я надѣюсь, что теперешнее движеніе послужитъ къ единенію въ дѣйствіяхъ и дастъ силу и ясность мнѣнію либераловъ".

Г-жа Новикова въ Москвѣ слѣдила съ тревогой за судьбой Гладстоновскихъ резолюцій. Дебаты кончились 14-го мая. Г-нъ Фриманъ за это время прибылъ въ Грецію, откуда писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 27-го мая:

„Греки не знаютъ на что рѣшиться, и это меня не удивляетъ. Не трогаясь съ мѣста, они ничего не получатъ, двинуться же не смѣютъ, боясь, что Гобартъ-паша сожжетъ ихъ прибрежные города. Опасность для нихъ, какъ Вы видите, больше, чѣмъ для неприморскихъ странъ. Они страшно боятся Россіи, думая, что Вы сдѣлаете все для Болгаріи и ничего для нихъ.

„Я, право, думаю, что дружеское увѣреніе со стороны Россіи относительно Греціи было бы очень полезно. Народное настроеніе дѣлается воинственнымъ, банды направляются въ Ѳессалію. Государственнымъ людямъ необходима увѣренность, что въ борьбѣ съ

турецкимъ флотомъ они не останутся безъ помощи. Вашему флоту довольно дѣла. Не могла ли бы Австрія (которая, кажется, склонна дѣйствовать въ Босніи), или Италія сдѣлать что-нибудь?"

29-го мая каноникъ Лидонъ писалъ г-жѣ Новиковой изъ Оксфорда свое мнѣніе на положеніе дѣлъ. Оно характерно спокойной защитой Россіи, которая, въ его глазахъ, геройски несетъ на своихъ плечахъ бремя новаго крестоваго похода.

„Со времени преній въ парламентѣ, по поводу резолюцій Гладстона, требованіе войны съ Россіей сравнительно затихло. Конечно, туркофильскія газеты: „Pall Mall", „Daily Telegraph" и „Morning Post" продолжаютъ свою агитацію по-прежнему. Но люди безпристрастные, по моему наблюденію, гораздо менѣе склонны ихъ слушать, а тѣ, кто думаетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ война съ Россіей была бы страшнымъ преступленіемъ со стороны Англіи, имѣютъ смѣлость болѣе рѣшительно это высказать въ печати и въ обществѣ.

Прошлое воскресенье я коснулся этого предмета въ проповѣди передъ Оксфордскимъ университетомъ. И, какъ я послѣ узналъ, мои слова были хорошо приняты.

Конечно, пока премьеромъ лордъ Биконсфильдъ, мы не въ безопасности, у него положительная страсть поддерживать азіатовъ противъ европейцевъ, нехристіанъ противъ христіанъ, но кабинетъ его далеко не единодушенъ, и я надѣюсь и вѣрю, что есть министры, которые обуздаютъ своего главу, какъ они это дѣлали до сихъ поръ.

Пожалуйста убѣдите Вашихъ московскихъ друзей, что въ Англіи есть множество людей, которые благодарятъ Бога за успѣхи русской арміи, которые радуются надеждѣ избавленія армянскихъ и болгарскихъ христіанъ, и которые отрицаютъ распространяемую газетами глупость объ опасности для нашей Индійской имперіи.

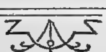
Въ четвергъ Гладстонъ произнесетъ рѣчь по Восточному вопросу передъ 30.000 публикой въ Бирмингамѣ. Будутъ особые поѣзда, и я надѣюсь, будетъ большая народная демонстрація въ пользу справедливости, что означаетъ въ пользу Россіи".

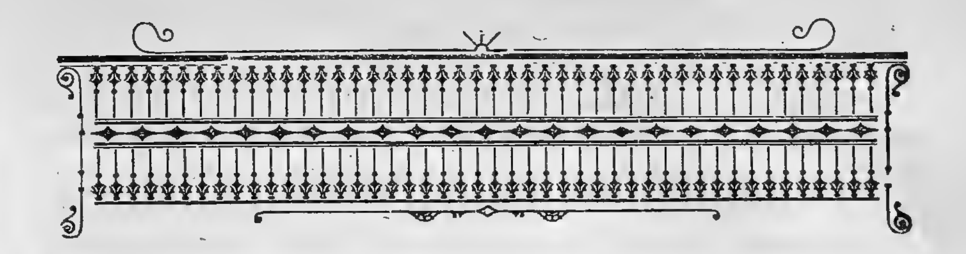
Митингъ состоялся, успѣхъ былъ поразительный. 2-го іюня Ольга Алексѣевна писала Гладстону:

„Примите мои сердечныя поздравленія съ Бирмингамскимъ торжествомъ и мою благодарность за брошюру, дошедшую, наконецъ, до меня, послѣ большого опозданія. Мой сердечный привѣтъ г-жѣ Гладстонъ. Ваша искренно

Ольга Новикова, рожденная Кирѣева".

Сообщено Е. С. М.

Тѣни прошлаго.

(По документамъ).

Когда слышишь о настоящихъ ужасахъ аграрныхъ безпорядковъ, когда безумная толпа крестьянъ уничтожаетъ все, не разбирая праваго и виноватаго, невольно вспоминаешь о томъ прошломъ, когда эта же толпа, въ лицѣ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, была подъ ярмомъ крѣпостного права. Чего только не приходилось переносить отъ жестокости, самодурства, развращенныхъ инстинктовъ помѣщиковъ. Немногіе оставили по себѣ добрую память. Стоитъ только заглянуть въ какой-либо изъ архивовъ, и возстанутъ жалкія тѣни позорнаго прошлаго.

Истязанія неповинныхъ людей, попраніе человѣческаго достоинства, униженія, всего было вдоволь. Не только изъ устъ болтливой старушки слышишь объ этихъ ужасахъ, о нихъ читаешь въ оффиціальныхъ бумагахъ. Въ Новгородской губерніи особенно много дѣлъ о помѣщикахъ и дворовыхъ было въ 30-хъ годахъ, при губернаторѣ Денферѣ, который, чуть только доходило до него извѣстіе о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, возбуждалъ слѣдствіе и всегда старался добиться справедливаго, гуманнаго обращенія съ дворовыми. Несмотря на его старанія, онъ рѣдко добивался цѣли.

Такъ въ 1834 г. также было возбуждено имъ подобное дѣло.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ жилъ въ своей усадьбѣ Карпинѣ помѣщикъ Александръ Васильевичъ Литвиновъ. Онъ уже 15 лѣтъ нигдѣ не служилъ и, вѣроятно, отъ бездѣлья придумывалъ самые

разнообразные способы истязаній для своихъ крестьянъ и доводилъ ихъ до того, что они рѣшались бѣжать отъ владѣльца и дѣлали это неоднократно.

Въ сентябрѣ 1839 года пять человѣкъ дворовыхъ были пойманы въ Москвѣ и, какъ бѣглые, арестованы при Пречистенской части. При допросѣ они разсказали всю свою ужасную жизнь у помѣщика. Чего только здѣсь не было?

Литвиновъ былъ вспыльчивъ до крайности. Въ припадкахъ гнѣва онъ билъ дворовыхъ нагайкою и палками и, не довольствуясь этимъ, заставлялъ просиживать по 2—3 часа на снѣгу въ самую холодную погоду, спустивъ нижнее платье, и тереть при этомъ лицо снѣгомъ до крови. За малѣйшую провинность ставилъ на нѣсколько часовъ голыми колѣнами на крупный песокъ, приказывалъ ползать по толченому кирпичу на голыхъ же колѣнахъ, или растирать ими камень.

Однажды одинъ изъ бѣжавшихъ осмѣлился сказать на глазахъ барина нѣсколько словъ своей женѣ и за это былъ поставленъ класть земные поклоны нѣсколько часовъ сряду, до полнаго изнеможенія. Обыкновеннымъ наказаніемъ считалось обливаніе холодною водою.

На барскую работу крестьяне должны были являться ежедневно. Приказчикъ, по приказанію барина, или по собственной ретивости, вырывалъ у нихъ на головахъ волосы. Дворовый Филиппъ Владиміровъ былъ закованъ въ кандалы въ теченіе семи мѣсяцевъ, ноги несчастнаго были стерты и зіяли ранами; его выгоняли на работу, не снимая кандаловъ.

Издѣвательства надъ женщинами и дѣвушками были отвратительны. Это были положительно твари безсловесныя, покорныя волѣ властелина. Когда онѣ впадали въ немилость, ихъ заставляли „ѣсть навозъ, пить мочу, тереть снѣгомъ дѣтородныя части“ [1]).

При всемъ этомъ дворовые были лишены порядочной пищи: мясную они видѣли только иногда, обыкновенно, имъ давался хлѣбъ, и то въ маломъ количествѣ, и овсяная кашица.

Въ домашней жизни Литвиновъ доводилъ людей до нищеты. Хлѣбъ по обмолотѣ складывался въ особый амбаръ, покосы отбирались.

Такъ описывали дворовые свою жизнь у Литвинова. Казалось, дѣло должно бы кончиться не въ пользу помѣщика, но вышло совершенно обратное. Бѣглыхъ перевели въ острогъ, а въ перспективѣ

[1]) Горничную Авдотью Феклистову.

была Сибирь и каторга. Продержавъ пойманныхъ нѣкоторое время подъ арестомъ, сняли второй допросъ. На этомъ допросѣ арестованные, участь которыхъ была еще въ рукахъ хозяина, всячески старались смягчить первое показаніе; но работу въ кандалахъ, при всемъ стараніи, нельзя было скрыть, равно нельзя было отрицать и общеизвѣстнаго обычая Литвинова бить по щекамъ, „когда разсердится, вспылитъ", а это случалось очень часто.

Потомъ допрошенныхъ привели къ барину. Было два исхода: или Сибирь, или помилованіе помѣщика. Крестьяне, ползая на колѣняхъ у ногъ Литвинова, просили прощенія, и въ результатѣ ему дано было право наказать, при содѣйствіи земской полиціи, виновныхъ въ побѣгѣ, „чтобъ другимъ не повадно было". Такъ гласитъ конецъ дѣла. По отношенію къ Литвинову начальство ограничилось тѣмъ, что имѣло яко-бы негласный надъ нимъ надзоръ.

Небезъинтересно дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ крестецкаго помѣщика Мусина-Пушкина, который также обращался со своими крѣпостными безчеловѣчно. Когда онъ бывалъ пьянъ, т. е. почти всегда, онъ дрался немилосердно, поролъ розгами, стригъ волосы. Провизія давалась гнилая, хлѣбъ выпекался изъ непросѣянной овсяной муки съ небольшою примѣсью ржаной. Недостаточное питаніе расшатывало организмы.

Одной изъ любимыхъ забавъ М.-Пушкина было растлѣніе 12—13 лѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ онъ выдавалъ замужъ за своихъ же дворовыхъ, не разбирая возраста. Часто жениху 14 лѣтней невѣсты бывало столько же, или, рядомъ съ невѣстой-ребенкомъ, ставился чуть не старецъ. Такое поведеніе помѣщика не было тайною ни для кого.

Крестецкій уѣздный предводитель дворянства, кн. Ухтомскій, оффиціально отзывался о Мусинѣ-Пушкинѣ такъ: „По семейственному разстройству, какъ съ женою своею, такъ равно и съ ближними родственниками своими, потерялъ совершенно твердость духа, опустилъ правленіе вотчины своей, хозяйственное распоряженіе дома съ дворовыми людьми, отчего произошли отъ стѣсненія управляющихъ неудовольствіе и даже жалобы правительству крестьянъ".

Въ 1826 году изъ вотчины его бѣжало 8 человѣкъ, изъ нихъ 5 мужчинъ и три женщины. Дойдя до Валдая, они нашли еще одного изъ своихъ дворовыхъ и всѣ вмѣстѣ, на пути къ Зимогорью, зашли въ питейный домъ около кузницъ. Тамъ они встрѣтили неизвѣстнаго человѣка, одѣтаго въ русское платье, разговорились съ нимъ, и тотъ предложилъ написать прошеніе Государю Николаю Павловичу, проѣздъ котораго изъ Петербурга въ Москву

ожидался на-дняхъ. Крестьяне согласились, поставили полштофъ водки, уплатили 50 коп. серебромъ, и прошеніе было готово. Подать его рѣшено было въ Вышнемъ Волочкѣ. Вотъ подлинный текстъ этого прошенія [1]):

„Все Августѣйшій Монархъ Ваше Императорское Величество...

„Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ Самодержецъ всероссійскій Государь Всемилостивый просятъ Новгородской губерніи Крестѣцкаго уѣзда усадьбы Перетна помещика колежскаго Ассесора Алексѣя Федоровича Мусина Пушкина крестьянѣ Петръ Макаровъ и михѣй Ильинъ Кузма Васильевъ Иванъ Ивановъ Прокофей Ивановъ и женскаго полу Маланья Иванова и Устинья Иванова Прасковья Ильина. А о чемъ наше прошеніе тому слѣдуютъ пункты:

1-е Такъ какъ мы отлучившись отъ двора господина своего Пушкина За разные Его кнамъ несносныя обиды 1-е что намъ отъ его Господина Своего тяжчайшіе работы, такъ какъ онъ имѣетъ насъ немалое количество какъ мужескаго такъ и женскаго полу. Такъ какъ не имѣемъ мы отъ него никакого пропитанія ни одѣжды а работы несносныя, а иногда придемъ сработы то чинитъ намъ несносныя побои ежедневно такъ что едва изъ насъ которой можетъ и жизнь свою продлить далеѣ. Еще же уже отлучившись по его несноснымъ побоямъ и по содержанію насъ какъ дворовыхъ такъ и протчихъ мужеска и женскаго полу не менѣе сорока человѣкъ то и просимъ Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя Отца и Покровителя всея вселенныя насъ на законномъ основаніи защитить отъ сего Господина Пушкина. Еще же какъ перваго изъ насъ просителя Петра Макорова жена моя Маланья Иванова отъ него Господина Пушкина избита что и по днесь имѣетъ она на лице своемъ подглазомъ черные багроватые пятны. Итакъ что тѣперя я не гораздно глазами вижу и имѣю я вголовѣ великую глухость но и теперя мы находимся вразныхъ обстоятельствахъ и теперя не имѣемъ кромѣ Васъ Ваше Величество никого Покровителя но не такъ что мы одне оные просителли но изволитѣ кому слѣдуетъ зделать на законномъ основаніе изследования и спросить всехъ крестьянъ нашего помещика естлиже окажется что мы одне просителли но и все купно будутъ утруждать главное начальство но теперя у насъ во дворѣ Господина Нашего много даже врогаткахъ и вразныхъ на ногахъ, а такъ какъ мы не лишины что нонича сего 1826-го года неупомнимъ какого

[1]) Орѳографія подлинника.

числа изданы указы чтобы никоего человѣка ни содержать ни подкакимъ арестомъ но онъ содержитъ насъ потстрогимъ арестомъ какъ насъ дворовыхъ такъ и крестьянъ мучаетъ бесчадно, но даже и работать посылаетъ врогаткахъ, Но теперича такъ сказать, что онъ помѣщикъ Пушкинъ нездѣлалъ ни одному крестьянину во всю свою жизнь никакой легости кромѣ несноснаго зла и дабы Высочайшимъ указомъ Вашего Императорскаго Величества видѣвъ насъ вбедныхъ обстоятельствахъ защититѣ отъ сей нашей несносной жизни а буде мы окажемся виновны противу сего нашего прошения то подвержены мы Вашего Императорскаго Величества строгому суждению естли-же означенной помещикъ нашъ окажется предъ вами либо чемъ то поступить снимъ по законамъ. А мы къ господину Своему Пушкину служить не намѣрены, а согласны итътить въ военную службу а по негодности изъ насъ кого-либо—то желаемъ куда угодно вамъ насъ определить. Просимъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго государя отца и покровителя Ваще Императорское Величество примитѣ отъ насъ бедное наше прошеніе изделайте намъ законное съ помѣщикомъ Пушкинымъ удовлѣтвореніе. г. 1826-го".

Взявъ прошеніе, крестьяне отправились въ Ямъ Едрово, но дальше имъ не суждено было идти; ихъ задержали жандармы и представили въ Земскій Судъ. Прошеніе было отнято и отослано для объясненія Мусину-Пушкину. На первомъ допросѣ бѣглые подтверждали истину того, что написано было въ прошеніи. Стороной наводились оффиціальныя справки о жизни и поведеніи М.-Пушкина; предводитель дворянства сдѣлалъ ему внушеніе, что слѣдуетъ лучше обращаться съ людьми. Послѣ этого рядъ начальствующихъ лицъ, какъ-то: земскіе судьи, исправникъ, стряпчіе, ближайшіе сосѣди показывали, что яко-бы М.-Пушкинъ исправился, обращеніе его съ дворовыми стало лучше и сами, будто-бы, дворовые довольны своимъ господиномъ. Интересно то, что показанія земскаго судьи, исправника, уѣзднаго предводителя и сосѣдей составлены какъ-бы по одному шаблону и подъ одинаковыми почти словами стоятъ только разныя подписи. Показанія дворовыхъ представляютъ около 30-ти записокъ, написанныхъ одною рукою, съ однимъ содержаніемъ и разнятся также лишь только подписями, т. е. въ большинствѣ, крестами, по безграмотству ихъ замѣняющими. Если вѣрить запискамъ, то владѣлецъ былъ примѣрнымъ человѣкомъ, а бѣглые, наоборотъ, оказались людьми „характера вздорнаго и буйнаго". Въ концѣ концовъ Мусинъ-Пушкинъ былъ оставленъ полновластнымъ хозяиномъ своего имѣнія и людей, и, предполагавшееся вначалѣ, учрежденіе надъ нимъ опеки не состоялось. Доку-

ментально онъ былъ правъ, но о звѣрствахъ его, упоминаемыхъ въ дѣлахъ, еще до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста разсказы мѣстныхъ жителей.

Слѣдствіемъ жестокаго обращенія помѣщиковъ было то, что дворовые всегда старались бѣжать, и архивныя описи эпохи крѣпостнаго права изобилуютъ дѣлами о бѣглыхъ, оффиціальныя Губернскія Вѣдомости наполнены списками пойманныхъ бѣглыхъ, съ подробными описаніями ихъ личности и вида и „особыхъ примѣтъ“ благороднаго обращенія своихъ господъ, въ видѣ вывиховъ, шрамовъ на лицѣ, спинъ, изборожденныхъ рубцами плетей и розогъ, и т. п.

Въ жестокомъ обращеніи часто сознавались сами помѣщики, какъ напр. устюжскій помѣщикъ, поручикъ Ахматовъ, во время слѣдствія надъ нимъ Палаты Уголовнаго Суда, не опровергалъ показаній своихъ бѣглыхъ, что онъ бьетъ ихъ зачастую безъ вины, бьетъ привязанными и т. д.

Бѣгство преслѣдовалось закономъ очень строго. Наказывались не только сами бѣглые, но и тѣ, которые почему бы то ни было давали имъ пріютъ, хотя кратковременный, и пищу. Такъ, когда въ 1825 году отъ Ахматова бѣжало трое дворовыхъ, изъ нихъ двое съ женами, одна изъ женщинъ, Марія Богданова, живя работницей у дьячка Черенскаго погоста Степана Степанова, родила дочь, подкинула ее своему хозяину и тайно ушла отъ него. Дьячекъ, продержавъ малютку нѣкоторое время у себя, отправилъ ее въ Сиропитальный домъ. Черезъ два года всѣ бѣглые были пойманы, водворены на прежнее мѣстожительство, наказаніе ихъ было предоставлено владѣльцу, а тѣ, которые, по слѣдствію, держали у себя бѣглыхъ, были наказаны батогами и плетьми. Иные получили отъ 25 до 30 ударовъ „при собраніи народа“, иные были посажены въ тюрьму на срокъ отъ 3-хъ до 10-ти дней, на хлѣбъ и на воду, а наказаніе причта Черенскаго погоста было предоставлено усмотрѣнію консисторіи. Что сдѣлала послѣдняя, по дѣлу не видно, но обыкновенно за такіе проступки виновные или предавались церковному покаянію или высылались въ болѣе глухія мѣста.

Все это не помѣшало, однако, Устюжскому Предводителю собрать объ Ахматовѣ отъ окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ такія свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что онъ ведетъ себя прилично благородному званію.

Какъ и во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода, черное сначала оказывалось подъ конецъ бѣлымъ. Странно, между прочимъ, то, что тѣ крѣпостныя дѣвушки, которыя хотя бы на короткое время попадали

въ милость къ барину, точно старались вымѣщать свой позоръ на своихъ же близкихъ. Онѣ сами придумывали ужаснѣйшія истязанія и, ослѣпленный минутными вспышками страсти, баринъ дѣлался только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ подобныхъ „управительницъ“. Настасья Минкина, извѣстная управительница графа Аракчеева, терзавшая дворовыхъ, не была единственной личностью въ этомъ отношеніи. Подобныя ей встрѣчались часто. Тотъ же поручикъ Ахматовъ мучилъ своихъ дворовыхъ „по наговору управительницы крестьянской дѣвки Анны Алексѣевой“.

Быть можетъ, онѣ подражали своимъ барынямъ-помѣщицамъ, которыя въ жестокости не уступали мужчинамъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Новгородскомъ уѣздѣ владѣла многими деревнями маіорша Пелагея Ксенофонтьевна Абрютина. Она находилась въ постоянной враждѣ со своими крѣпостными и безпрестанно жаловалась на неповиновеніе крестьянъ, которые спасались отъ нея бѣгствомъ.

Въ іюнѣ 1830 года Абрютина подала жалобу въ земскій судъ и, какъ всегда, обвиняла крестьянъ въ неповиновеніи, говоря, что они бѣжали изъ вотчины самовольно. Земскимъ судомъ были приняты мѣры къ поимкѣ бѣглецовъ, и задержанные 10 человѣкъ объяснили, что они не думали бѣжать, но шли только въ городъ къ высшему начальству, чтобы пожаловаться на маіоршу, которая изнуряетъ ихъ своей работой, такъ какъ управляющій имѣніемъ ежедневно выгоняетъ ихъ на работу, „отчего они, не имѣя времени обрабатывать своей пашни, не могутъ достать на пропитаніе хлѣба и испрашиваютъ у сосѣдей Христовымъ именемъ и, сверхъ того, съ самаго начала Петрова поста приказано имъ отдавать вечерній удой молока“. Когда дѣло это дошло до свѣдѣнія уѣзднаго предводителя дворянства Тыркова, онъ предложилъ земскому суду „имѣть неослабный надзоръ, какъ за поступками крестьянъ въ отношеніи обязанности ихъ къ помѣщику, такъ и обращенія самихъ помѣщиковъ со своими крестьянами...“, а г-жу Абрютину убѣждалъ письмомъ, что сдѣлавъ внушеніе крестьянамъ, онъ проситъ и ее обращаться гуманно, не давая повода къ безпорядкамъ, ставить на барщину только три дня въ недѣлю, а праздники давать для отдыха. Одновременно онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи губернскому предводителю и губернатору Денферу. Все повидимому, успокоилось. Но вдругъ получился запросъ отъ генер.-ад. Бенкендорфа, по поводу жалобы крестьянъ Абрютиной Государю Императору.

Тогда уѣздный судья Поповцевъ лично отправился въ имѣніе Абрютиной. Маіоръ Абрютинъ былъ боленъ, а маіорша волновалась, жаловалась на крестьянъ, обуреваемыхъ „мятежнымъ духомъ“,

жаловалась и на мѣстнаго священника Смѣлкова и даже на чиновниковъ земскаго суда, обвиняя ихъ въ подстрекательствѣ. На убѣжденія уѣзднаго судьи обращаться кротко и человѣколюбиво, она, повидимому, соглашалась, обѣщаясь даже не наказывать бѣглецовъ за исключеніемъ одного, котораго просила сослать въ Сибирь.

Обо всемъ этомъ Поповцевъ донесъ Александру Христофоровичу Бенкендорфу, увѣряя его въ своемъ неослабномъ наблюденіи и бдительности за враждующими сторонами, не забывъ, однако, оговориться, что чиновники земскаго суда не причастны къ возмущенію, а виноваты другіе „неблагонамѣренные люди, возмущающіе бывшихъ до сего кроткими и покорливыми крестьянъ". Заканчиваетъ онъ свое почтительное донесеніе такъ:

„Есмь съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію Вашего Высокопревосходительства Милостивѣйшаго Государя всепокорнѣйшій слуга Яковъ Поповцевъ, исправляющій должность Дворянскаго Предводителя Уѣздный Судья, капитанъ и кавалеръ".

Не успѣлъ вступить въ должность, послѣ болѣзни, Уѣздный Предводитель, какъ уже получилъ новую жалобу Абрютиной и послалъ на разслѣдованіе исправника.

Между тѣмъ, дворовые до такой степени ожесточились, что не стали подписывать взятыхъ съ нихъ допросовъ и отказались повиноваться исправнику. Тогда отправился удостовѣриться на мѣстѣ „самъ предводитель и вотъ какъ онъ описываетъ свою поѣздку въ донесеніи Губернскому Предводителю: „при посредничествѣ его же г. исправника и виновныхъ взять подъ стражу, и хотя справедливыми доказательствами убѣдилъ спрошенныхъ крестьянъ къ подписанію взятыхъ отъ нихъ допросовъ, но при тѣхъ же справедливыхъ убѣжденіяхъ никакъ не могъ взять виновныхъ подъ караулъ, ибо толпа крестьянъ въ числѣ 41 чел. съ буйнымъ крикомъ бросилась на понятыхъ и взяла обратно виновниковъ возмущенія, объявивъ съ неистовствомъ, что четырыхъ человѣкъ отправлять къ суду не даютъ, а идутъ всѣ въ Новгородъ.

Видя столь сильное сопротивленіе, я въ то же время снова убѣждалъ бунтующихъ не упорствовать, вразумляя, что дѣлаютъ они противузаконно, однакожъ они, не внимая словамъ моимъ, пошли въ домъ одного изъ своихъ сообщниковъ и на приказаніе мое разойтиться по крайней мѣрѣ по домамъ своимъ отозвались, что разойдутся тогда, когда захотятъ, а не теперь".

Тогда предводитель рѣшилъ водворить спокойствіе при помощи воинской силы, а виновныхъ предать уже военному суду. Но такъ какъ взять ихъ подъ стражу открыто было опасно, то онъ наду-

малъ взять непокорныхъ хитростью: „На сей конецъ поручилъ я командированному отъ Новгородскаго Земскаго Суда Дворянскому Засѣдателю Надарову всѣхъ крестьянъ г. Абрютиной, живущихъ въ селѣ Любыняхъ, деревняхъ: Кругахъ, Якшинѣ, Подоклиньѣ и Правдухѣ, выслать въ деревню Княжій Дворъ подъ видомъ, что они должны ѣхать въ деревню Сутоки, для исправленія подводной повинности, а между тѣмъ сообщилъ командиру поселеннаго карабинернаго фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли, полковнику Старченкову, объ откомандированіи одной роты съ приличнымъ числомъ оберъ-офицеровъ. И вслѣдствіе сего 4-го ноября командирована ко мнѣ воинская команда подъ вѣдѣніемъ капитана Перфильева. Когда явился ко мнѣ г. Перфильевъ, я приказалъ ему поставить караулъ у перевоза чрезъ рѣку Шелонь въ деревнѣ Княжемъ Дворѣ, чрезъ который должны переправляться крестьяне, высылаемые въ подводы подъ предлогомъ, будто-бы о всѣхъ проѣзжающихъ необходимо знать по карантину, предохраняющему людей отъ существующей болѣзни—холеры, но, напротивъ того, руководила къ сему одна мысль, чтобъ бунтующихъ крестьянъ г. Абрютиной взять подъ арестъ, безъ всякаго сопротивленія ихъ".

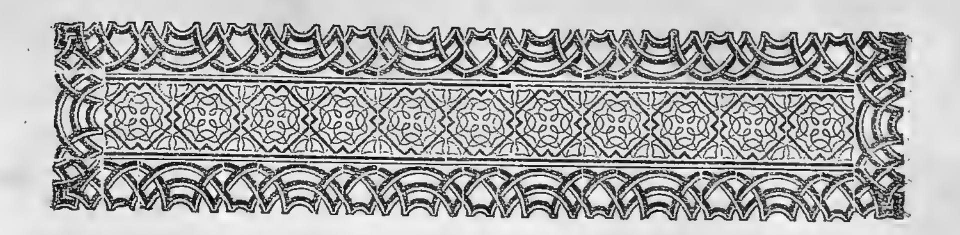
Дѣйствительно, 5 ноября стали подъѣзжать къ р. Шелони означенные крестьяне. Каждую подводу у перевоза останавливали и отводили людей въ ранѣе намѣченныя полковникомъ Старченковымъ избы, гдѣ ждалъ уже караулъ. Такимъ образомъ было арестовано 45 человѣкъ, безъ малѣйшаго упорства съ ихъ стороны. Потомъ они были отправлены въ д. Любынь и размѣщены въ крестьянскихъ избахъ подъ карауломъ, а въ вотчинахъ Абрютиной была учреждена экзекуція, заключавшаяся въ слѣдующемъ: по всѣмъ избамъ поставили воинскій караулъ, по два человѣка на каждую. Солдаты должны были слѣдить, чтобы аккуратно исполнялись три дня барщины въ недѣлю. Арестованные также частью были распущены по домамъ для работы подъ надзоромъ караула. Продовольствіе караульные получали отъ хозяевъ-крестьянъ за ихъ счетъ. Между тѣмъ работала и Комиссія Военнаго Суда. Наводились справки о поведеніи Абрютиныхъ. Сосѣдніе помѣщики отозвались, что Абрютины—характера безпокойнаго, сварливаго и съ крестьянами обращаются сурово. Уже черезъ два года губернскій предводитель Игнатьевъ былъ увѣдомленъ о томъ, что виновные крестьяне, по приговору Военнаго Суда, наказаны плетьми и батогами, а мѣстнымъ помѣщикамъ предлагалось „имѣть особое наблюденіе за Абрютиными, дабы не подвергали крестьянъ стѣсненіямъ и изнуреніямъ".

Съ этого времени свѣдѣнія объ Абрютиныхъ теряются. На

неоднократные запросы о нихъ предводителей Земскій Судъ стоически молчалъ и былъ даже оштрафованъ за это на 10 рублей. Только въ 1845 году стало извѣстно, что маіоръ Абрютинъ уже умеръ, а маіорша продала вотчины помѣщицамъ Богдановской и Колонтаровой, у которыхъ крестьяне были спокойны и находились въ должномъ повиновеніи.

З. А. Слезскинская.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Означенное мое положеніе заключалось въ слѣдующемъ: „Человѣкъ созданъ такимъ образомъ, что онъ не довольствуется сознаніемъ проявленій внутренней жизни и концепціею фактовъ, а стремится къ разъясненію причинъ явленій, — отсюда необходимое приложеніе философіи къ религіи. Стремясь создать себѣ представленіе объ извѣстномъ предметѣ, аргументативный умъ человѣка невольно побуждается къ объясненію существа предмета и причинъ его. Онъ старается потому даже тайну, т. е. безусловное облечь въ условное, чтобы такимъ образомъ хотя нѣсколько приблизить ее къ своему пониманію.

„Уважая это естественное стремленіе человѣческаго ума, церковь съ самаго начала допускала въ своей средѣ частную работу человѣческой мысли надъ истинами и тайнами религіи, хотя она не могла не сознавать, что понятія, выработанныя такимъ путемъ, не могли не быть условными и даже односторонними, ибо при высокой многосторонности обсуждаемаго предмета немыслимо, чтобы всѣ стороны онаго были схватываемы и разъясняемы отдѣльными лицами во всей ихъ полнотѣ. Такимъ образомъ въ лонѣ общей соединяющей всѣхъ христіанъ спасительной вѣрѣ появились разные оттѣнки личныхъ разъяснительныхъ мнѣній, такъ называемыя— частныя благочестивыя мнѣнія—на которыя церковь—сознавая съ

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1910 года.

одной стороны, что сущность тайны намъ недоступна, а съ другой, что человѣческій умъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не составить себѣ какого-либо объясненія для даннаго предмета,—смотрѣла снисходительно, предоставляя частныя воззрѣнія какъ бы личной совѣсти каждаго. Она, такъ сказать, не препятствовала отдѣльнымъ своимъ членамъ стремиться, по мѣрѣ доступности, къ освѣщенію отдѣльныхъ сторонъ христіанской истины. Только когда это стремленіе стало переходить разумныя границы, приписывая отдѣльной сторонѣ истины всю истину и выходя изъ сферы частнаго мнѣнія, проявлять притязаніе на учительство, стремясь возвести для всей церкви одну сторону догмата въ полноту его, церковь приступила для огражденія христіанской истины, къ формальному изложенію тайны, т. е. къ формулированію о ней догматическаго опредѣленія. Но такъ какъ тайна остается для насъ непостижимою, то догматическое опредѣленіе ея и не имѣло со стороны церкви поползновенія быть объясненіемъ существа предмета непостижимаго и необъятнаго для нашего ума, а имѣло только цѣлью установленіе умственныхъ граней, долженствующихъ отклонить ложное толкованіе.

„Такой естественный ходъ церковной мысли можно прослѣдить въ исторіи каждаго догмата. Догматизировать, т. е. опредѣлять и объяснять систематически, начинаетъ всегда отдѣльный человѣческій умъ. Какимъ образомъ Іисусъ Христосъ могъ быть одновременно Сыномъ Божіимъ и Сыномъ человѣческимъ? Работа человѣческой мысли надъ этой необъятной для насъ тайной приводитъ церковь къ необходимости формулировать догматъ о двухъ естествахъ Спасителя; не для того, чтобы объяснить необъяснимое, а для того, чтобы отклонить ложное толкованіе. Догматъ этотъ вырабатывается церковью, какъ послѣдствіе двухъ прямо противоположныхъ еретическихъ ученій. Въ средѣ христіанскаго общества появились люди, которые стали учить, что Христосъ „былъ болѣе человѣкъ, чѣмъ Богъ, и прежде сталъ человѣкомъ, чѣмъ сдѣлался Богомъ“ (несторіане). Одновременно съ этимъ появились другіе люди (монофизиты), которые, исходя изъ идеи несоизмѣримости человѣчества съ божествомъ, стали учить, что человѣчество по необходимости должно исчезнуть въ божествѣ, какъ исчезаетъ капля въ безмѣрномъ океанѣ, такъ что послѣ соединенія двухъ естествъ во Христѣ, осталось только одно естество—божеское. Для возстановленія истины церковь формулировала догматически—что Христосъ одного существа съ Богомъ, и что въ Немъ божеское естество соединено съ человѣческимъ несліянно и нераздѣльно. Это опредѣленіе не даетъ яснаго понятія о томъ, чего мы постичь не можемъ,

тайна остается тайной. Слова догматической формулы означаютъ только, что церковь признаетъ Христа тѣмъ, кѣмъ Онъ самъ себя объявилъ: Сыномъ Божіимъ и Сыномъ человѣческимъ въ одномъ лицѣ; ибо естества въ немъ не слиты, такъ что одно перешло въ другое. Онъ не только Богъ и не только человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ они нераздѣльны, т. е. не слѣдуетъ допускать, чтобы въ теченіе своей земной жизни Онъ могъ дѣйствовать и ощущать или не ощущать что-либо, то какъ Богъ, то какъ человѣкъ...

„Итакъ догматъ слѣдуетъ понимать не какъ адэкватное опредѣленіе о сущности предмета, но какъ установленіе границъ, отклоняющихъ вторженіе ложнаго толкованія христіанской истины. Значеніе догмата, такимъ образомъ, преимущественно отрицательное, а не положительно-объяснительное. Однимъ словомъ, догматъ въ области ученія и мысли есть то же самое, что правило въ области жизни. Точно также какъ необходимость правила есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области жизни, необходимость догмата есть послѣдствіе человѣческаго несовершенства въ области мысли“.

Мнѣ казалось не безынтереснымъ воспроизвести здѣсь вышеизложенное положеніе, потому что, какъ уже выше замѣчено, я еще не встрѣчалъ подобнаго опредѣленія значенія догмата ни въ одномъ богословскомъ трактатѣ, которые мнѣ приходилось читать.

„Опытъ изъясненія на Евангеліе отъ Іоанна“ былъ предпринятъ мною по слѣдующему случаю. Я состоялъ членомъ „общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“. По поводу дѣятельности этого общества у насъ неоднократно указывалось на настоятельную необходимость изданія и распространенія, вмѣстѣ съ книгами Св. Писанія и толкованій на оныя, для предупрежденія ложныхъ выводовъ изъ Писанія, хотя наша духовная литература и обладала уже весьма замѣчательнымъ, по своему ученому достоинству и по своему православно-христіанскому направленію, сочиненіемъ преосв. Михаила „Толковое Евангеліе“. Это подало мнѣ мысль, пользуясь прекраснымъ трудомъ преосв. Михаила, составить краткое и болѣе общедоступное изъясненіе на нѣкоторыя священныя книги.

Первый опытъ я рѣшился сдѣлать съ Евангеліемъ отъ Іоанна, нѣсколько лѣтъ спустя я издалъ краткое изъясненіе на посланіе Апостола Павла къ Филиппійцамъ; затѣмъ я принялся за изъясненіе посланій Апостола Петра, но по недостатку матеріала, этотъ послѣдній трудъ остается до настоящаго времени неоконченнымъ.

Работая надъ изъясненіемъ Ев. отъ Іоанна, я постоянно пользовался совѣтами протоіерея А. А. Лебедева, и читалъ ему мою работу,

по мѣрѣ ея составленія. Благодаря его содѣйствію, я не только получилъ на этотъ разъ безъ труда разрѣшеніе цензуры на печатаніе моего труда,—но этотъ трудъ былъ даже одобренъ Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ „для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки духовныхъ семинарій и въ библіотеки при церквахъ“.

Около этого же времени я принялъ на себя, по приглашенію Вел. Кн. Екатерины Михайловны, предсѣдательство въ попечительномъ Комитетѣ Клиническаго Института Вел. Княгини Елены Павловны. Этотъ замѣчательный учебно-медицинскій Институтъ былъ устроенъ по мысли и на средства Вел. Княгини Елены Павловны (и потому носилъ ея имя), при ближайшемъ участіи извѣстнаго доктора Эйхвальда, который сдѣлался первымъ директоромъ Института и много потрудился, чтобы поставить его на высоту современныхъ научныхъ требованій. Институтъ былъ превосходно оборудованъ, и въ клиникѣ его занимались и читали лекціи лучшіе профессора-медики. Онъ достигъ такой извѣстности, что въ Клин. Институтъ пріѣзжали провинціальные доктора, окончившіе университетское образованіе, чтобы заниматься въ клиникѣ и слушать лекціи. Вел. Кн. Елена Павловна, которая очень благоволила къ Эйхвальду, оставила ему по своему завѣщанію значительную сумму,—Эйхвальдъ пожертвовалъ этотъ капиталъ на развитіе Клиническаго Института. Онъ оставался директоромъ до самой смерти, послѣдовавшей, кажется, въ 1890 году. При Институтѣ состоялъ молодой докторъ Монастырскій, пользовавшійся, какъ операторъ, большою извѣстностью; на него смотрѣли, какъ на будущаго преемника Эйхвальда, такъ какъ онъ былъ гораздо моложе его. Къ сожалѣнію, Монастырскій умеръ еще за годъ до смерти Эйхвальда.

Въ моментъ смерти доктора Эйхвальда назначеніе директора встрѣтило нѣкоторое затрудненіе. Старшимъ изъ профессоровъ при институтѣ былъ докторъ Афанасьевъ, но онъ былъ, въ сущности, не клиницистъ, а бактеріологъ и какъ таковой пользовался нѣкоторою извѣстностью. Я ему предлагалъ, сохраняя каѳедру бактеріологіи, стать во главѣ Института, потому что это дало бы возможность пополнить личный составъ Института кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ клиницистовъ, который могъ бы замѣнить покойнаго Эйхвальда. Но Афанасьевъ настаивалъ на занятіи клинической каѳедры и не хотѣлъ согласиться на мою комбинацію. Назначенію Афанасьева директоромъ не сочувствовалъ, впрочемъ, директоръ медицинскаго департамента Рагозинъ, и сама Великая Княгиня не соглашалась на его назначеніе. Кандидатомъ Великой Княгини и Рагозина былъ докторъ фонъ-Анрепъ. Большинство членовъ Совѣта учрежденій Великой Княгини Елены

Павловны, поддерживали однако кандидатуру Афанасьева. Тогда Великая Княгиня, по совѣту Рагозина, обратилась прямо въ Совѣтъ съ выраженіемъ своего желанія о назначеніи Анрепа и просила Совѣтъ сдѣлать для того необходимыя распоряженія. Для этого требовалось временное отклоненіе отъ устава Института, такъ какъ по уставу директоромъ долженъ былъ быть клиницистъ, а Анрепъ не былъ таковымъ. Пришлось поэтому предварительно вносить это дѣло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно получило удовлетворительное разрѣшеніе. Каково же было мое удивленіе, когда нѣсколько дней спустя Великая Княгиня сообщила мнѣ за обѣдомъ, что Государь не утвердилъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта. Государь нерѣдко соглашался съ меньшинствомъ, но вдругъ, въ такомъ чисто спеціальномъ и неважномъ вопросѣ Государь отказалъ въ утвержденіи! Случай этотъ объясняется существовавшимъ въ то время въ Петербургѣ антагонизмомъ между русскими и нѣмецкими докторами. Вѣроятно, кто-либо изъ приближенныхъ Государя докторовъ внушилъ ему, что въ этомъ дѣлѣ проявилась интрига нѣмцевъ противъ русскихъ, и этого было достаточно, чтобы вызвать отказъ Государя. Мнѣ было это особенно непріятно, потому что хотя первая мысль октроировать Совѣту назначеніе фонъ-Анрепа была дана Рагозинымъ, но такъ какъ я съ этимъ предложеніемъ согласился, то оказывалось, что я былъ отчасти причиною тому, что Великая Княгиня была поставлена отказомъ Государя въ ея желаніи въ неловкое положеніе.

Вопросъ о назначеніи директора оставался затѣмъ открытымъ; а такъ какъ въ 1892 г. мнѣ пришлось управлять министерствомъ финансовъ, то я временно сложилъ съ себя предсѣдательство въ комитетѣ, гдѣ меня замѣнилъ Шванебахъ. Послѣ того какъ я осенью оставилъ министерство финансовъ, Великая Княгиня обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я опять принять на себя предсѣдательство? Но, ввиду все еще продолжавшейся трудности пріисканія подходящаго кандидата въ директора Института, я просилъ ее совершенно уволить меня, о чемъ, впрочемъ, я просилъ ее уже и прежде. Дѣло кончилось тѣмъ, что, по предложенію предсѣдателя Совѣта Шумахера, директоромъ былъ назначенъ докторъ Склифасовскій изъ Одессы, а предсѣдателемъ попечительнаго комитета былъ назначенъ фонъ-Анрепъ.

Хотя я такимъ образомъ оставилъ Клиническій институтъ въ неопредѣленномъ положеніи, однако Великая Княгиня Екатерина Михаиловна сохранила ко мнѣ прежнее благосклонное отношеніе, которое продолжалось до самой ея смерти, и я былъ глубоко тро-

нутъ, когда послѣ кончины Великой Княгини, ея дочь, принцесса Елена Георгіевна, сообщила мнѣ, что В. К. Екатерина Михаиловна оставила мнѣ по духовному завѣщанію на память картину (Бакгуйзена— Корзина цвѣтовъ), которая висѣла на стѣнѣ въ ея красной гостиной, гдѣ мы обыкновенно послѣ обѣда пили кофе и бесѣдовали. Она вообще оставила по духовному завѣщанію разные предметы на память почти всѣмъ лицамъ, находившимся въ близкихъ съ нею отношеніяхъ, и въ томъ числѣ не забыла и меня.

Осенью 1886 года я взялъ отпускъ и отправился съ сестрами въ Крымъ.

Въ Алупкѣ мы поселились въ домѣ одного татарина, помѣщеніи очень незатѣйливомъ — комната какой-то чуланъ, съ выбѣленными известкой стѣнами, въ которой помѣщалась кровать и самая необходимая примитивная мебель, — но зато помѣщеніе замѣчательно чистое. Мы посѣтили дворецъ, паркъ и всѣ окрестности Алупки, между прочимъ Симеизъ, съ его замѣчательнымъ дворцомъ Мальцева, построеннымъ исключительно изъ желѣза и стекла, и похожимъ на громадную оранжерею. Въ Симеизѣ мы встрѣтили Д. А. Милютина съ его дочерью, которые тоже туда пріѣхали погулять изъ близлежащаго своего имѣнія. Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру живописныхъ окрестностей Алупки, мы отправились въ Ялту, гдѣ и окончательно поселились на всю осень. Въ Ялтѣ мы застали В. В. Верховскаго, который, уѣзжая черезъ нѣсколько дней, передалъ намъ свою квартиру въ домѣ Мясоѣдовой, на набережной. Такъ какъ всѣ гостиницы были переполнены, то мы были очень рады этому удобному случаю. Квартира оказалась скромною, но очень удобною; хозяйка услужливая, такъ что мы очень пріятно прожили тамъ все время.

Въ Ялтѣ мы застали много знакомыхъ, кромѣ Верховскаго, графа Татищева, нашего лужскаго сосѣда съ семействомъ, Трепова съ семействомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ того въ Ай-Тодорѣ жила Вел. Кн. Екатерина Михаиловна съ семействомъ, а въ Ореандѣ Вел. Князь Константинъ Николаевичъ. Отъ Вел. Кн. Екатерины Михаиловны я получалъ нерѣдко приглашенія на обѣды и завтраки, въ Ай-Тодоръ. Кромѣ того, у нея устраивались разныя экскурсіи въ окрестности, въ большомъ обществѣ, въ которыхъ я тоже обыкновенно участвовалъ. Вел. Княгиня ѣхала обыкновенно въ экипажѣ, а все ея общество, дочь Елена Георгіевна, сыновья, жившій у нея Саблеръ и другіе приглашенные сопровождали ее верхами. Экскурсіи эти, въ пріятномъ обществѣ, доставляли всѣмъ большое удовольствіе. Такимъ образомъ мы ѣздили на Учанъ-Су, Лимены, Эрикликъ, Ай-Петри. Особенно удалась экскурсія на Ай-

Петри. Поднявшись на вершину горнаго хребта, мы наслаждались оттуда видомъ à vol d'oiseau на Алупку и простирающееся за нею море; ходившія надъ вершиною горы облака то закрывали передъ нами лежащую у подножья горы мѣстность, то, раздвигаясь, раскрывали передъ нами какъ бы медальоны картинъ, окаймленные облаками. Затѣмъ мы спустились на Эрикликъ, гдѣ для всего общества былъ приготовленъ обѣдъ, а послѣ обѣда мы проводили Вел. Княгиню до Ай-Тодора, такъ что, по возвращеніи въ Ялту, я имѣлъ пріятное сознаніе, что въ этотъ день я проѣхалъ верхомъ около 40 верстъ.

Во время пребыванія въ Крыму меня крайне заинтересовало посѣщеніе Великаго Князя Константина Николаевича. Послѣ восшествія на престолъ царствовавшаго Императора, Вел. Князь оставилъ предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ, управленіе Морскимъ Министерствомъ и, такъ сказать, удалился на покой въ свое имѣніе Ореанда, гдѣ онъ жилъ безвыѣздно, до послѣдней его предсмертной болѣзни.

Великолѣпный дворецъ Ореанды, принадлежавшій покойной Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, какъ извѣстно, сгорѣлъ, кажется, еще въ царствованіе Императора Николая. Отъ него остались въ поэтическомъ Ореандскомъ паркѣ только однѣ живописныя развалины, позволявшія, однако, судить объ изяществѣ и красотѣ бывшаго дворца. Послѣ смерти Императрицы Ореанда перешла по ея завѣщанію во владѣніе ея сына Вел. Кн. Константина Николаевича. И при немъ дворецъ оставался въ развалинахъ, потому что на поврежденныхъ огнемъ основаніяхъ и оставшихся стѣнахъ стараго дворца нельзя было сооружать надстройки; пришлось бы строить совершенно новый дворецъ—на что, кажется, не имѣлось средствъ; при томъ же, уцѣлѣвшіе остатки стараго дворца представляли крайне живописную руину. Великій Князь помѣстился въ маленькомъ флигелѣ, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ стараго дворца, въ которомъ было, кажется, всего три комнаты—его спальня, столовая и небольшой кабинетъ. Прислуга помѣщалась въ большомъ домѣ, находящемся по ту сторону стараго дворца.

Когда я пріѣхалъ представиться Великому Князю, онъ принялъ меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ очень любезно. Я былъ просто пораженъ скромностью помѣщенія. Мы разговорились съ нимъ о крымской природѣ, и затѣмъ онъ сталъ разсказывать мнѣ о постройкѣ храма въ Ореандѣ,—постройкѣ, которая поглощала весь его интересъ, и на которую онъ посвящалъ все свое время. Онъ объяснилъ мнѣ, что эта небольшая, но дѣйствительно крайне изящная церковь, строится въ древне-греческомъ стилѣ; объяснялъ мнѣ, какія

въ ней будутъ помѣщены духовныя изображенія изъ мозаики, или, какъ онъ объяснилъ мнѣ, муссіи, точное названіе старинной мозаики,—у кого онѣ заказаны въ Венеціи и т. д.—однимъ словомъ, съ живостью распространялся объ этомъ предметѣ, явно поглощавшемъ въ то время весь его интересъ...

Въ этой церкви въ день именинъ Вел. Князя происходило обыкновенно богослуженіе, на которомъ присутствовали и посторонніе лица. Во время богослуженія нѣкоторые изъ присутствующихъ получили приглашеніе на завтракъ у Вел. Князя, происходившій послѣ обѣдни; такого приглашенія удостоился и я. Такъ какъ въ его скромномъ жилищѣ было невозможно помѣстить столько гостей, то на этотъ день устраивался столъ въ одной изъ галлерей стараго дворца, почти вполнѣ сохранившейся; надъ этой галлереей натягивался парусинный тентъ, для защиты отъ солнца, родъ крыши; вдоль галлереи былъ поставленъ столъ, за которымъ размѣщались Вел. Князь и его гости. Эти завтраки по своей живописной и своеобразной обстановкѣ имѣли совершенно характеръ пикника. За завтракомъ я сидѣлъ возлѣ Д. А. Милютина.

По возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1886 г., стали поговаривать о близкомъ уходѣ Н. Х. Бунге, который уже нѣсколько разъ просилъ Государя о своемъ увольненіи. Кандидатомъ на постъ министра финансовъ называли И. А. Вышнеградскаго, кандидатуру котораго выставилъ Катковъ. Нѣсколько времени передъ тѣмъ Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и это назначеніе уже могло служить предуказаніемъ готовившагося назначенія его на высшій постъ. Иванъ Алексѣевичъ пользовался репутаціей очень ловкаго и умнаго дѣльца; онъ составилъ себѣ состояніе на поставкахъ артиллерійскому департаменту изобрѣтеннаго имъ порохового состава. Долгое время онъ былъ директоромъ технологическаго училища. Въ катковскихъ сферахъ распространялось мнѣніе, что во главѣ министерства финансовъ слѣдуетъ поставить не бюрократа и не профессора-теоретика, а практическаго дѣльца; какъ на таковаго и указывали на Вышнеградскаго.

Въ послѣднихъ числахъ года ко мнѣ заѣхалъ Пав. Ник. Николаевъ, чтобы сообщить мнѣ, что Николай Христіановичъ оставляетъ министерство, назначается предсѣдателемъ комитета министровъ (этотъ постъ тогда освободился съ уходомъ М. Х. Рейтерна), что министромъ финансовъ назначается Вышнеградскій, что онъ, Николаевъ, оставаться товарищемъ министра не соглашается, и что Вышнеградскій намѣренъ предложить мнѣ постъ

товарища, вѣроятно вслѣдствіе благопріятнаго обо мнѣ отзыва Государя, о которомъ я выше упоминалъ.

1887.

Въ самый новый годъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій заѣхалъ ко мнѣ рано утромъ, и такъ какъ я еще не былъ одѣтъ, оставилъ мнѣ карточку, съ титуломъ: министръ финансовъ. Этотъ визитъ очевидно имѣлъ цѣлью предложеніе мнѣ мѣста его товарища. По дорогѣ въ дворецъ, гдѣ въ этотъ день былъ выходъ, какъ обыкновенно, я заѣхалъ къ Ивану Алексѣевичу, но, разумѣется, тоже его не засталъ. Во дворцѣ только что Вышнеградскій увидѣлъ меня, какъ онъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ вышеуказанное предложеніе. Я ему отвѣтилъ, что, соглашаясь на сдѣланное мнѣ почетное предложеніе, я только долженъ оговорить, что такъ какъ по нѣкоторымъ вопросамъ, напр., по вопросу о таможенномъ покровительствѣ, мои мнѣнія будутъ, можетъ быть, расходиться съ его взглядами, то я предоставляю себѣ, не стѣсняясь, высказывать ему мои возраженія,—съ чѣмъ онъ, разумѣется, согласился. Мое назначеніе состоялось въ тотъ же день, т. е. 1-го января 1887 года. Въ званіи товарища министра я состоялъ почти шесть лѣтъ, т. е. до сентября 1892 г.

Въ то время въ министерствѣ финансовъ былъ только одинъ товарищъ министра; съ тѣхъ поръ это перемѣнилось: въ послѣднее время ихъ было до четырехъ. При такомъ положеніи дѣла, полезное вліяніе товарища министра значительно умаляется; въ сущности, онъ долженъ быть alter ego министра и быть постоянно въ курсѣ всего дѣла, чтобы, въ случаѣ отсутствія министра, замѣнять его по всѣмъ частямъ управленія. Нынѣ же каждый товарищъ, завѣдуя только одною частью вѣдомства, мало знакомъ съ остальными частями; въ сущности, нынѣшніе товарищи—только старшіе директора. Несомнѣнно, дѣятельность министерства финансовъ съ тѣхъ поръ крайне расширилась, но нынѣ едва-ли есть министерство, въ которомъ бы было менѣе двухъ товарищей; даже министерство Госуд. имуществъ и земледѣлія, при его ограниченномъ кругѣ дѣлъ, имѣетъ двухъ товарищей. Въ концѣ девятидесятаго года, когда въ министерство финансовъ перешла тарифная часть желѣзнодорожнаго дѣла, и былъ учрежденъ жел.-дор. департаментъ, Иванъ Алексѣевичъ пожелалъ взять второго товарища; но когда онъ доложилъ о томъ Государю, то послѣдовалъ отказъ. Государь замѣтилъ, что довольно ему и одного товарища.

Послѣ моего назначенія служащіе въ департаментѣ Государственнаго казначества поднесли мнѣ на память изящный альбомъ съ ихъ фотографическими портретами. Этотъ знакъ вниманія меня тѣмъ болѣе тронулъ, что никто изъ директоровъ этого департамента до того времени не былъ удостоенъ такого знака вниманія со стороны его подчиненныхъ. Я могъ изъ этого заключить, что, во время управленія департаментомъ, я успѣлъ заслужить расположеніе и уваженіе всѣхъ моихъ подчиненныхъ.

Почти шесть лѣтъ я работалъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ на поприщѣ финансовъ и потому могъ вполнѣ оцѣнить образъ его дѣятельности. Человѣкъ чрезвычайно энергическій и горячій, Иванъ Алексѣвичъ всю душу положилъ въ это дѣло. Работая съ утра до поздней ночи, онъ не зналъ усталости и не щадилъ своего здоровья. Онъ имѣлъ привычку вставать очень рано и, несмотря на то, нерѣдко на вечернихъ засѣданіяхъ засиживался до двухъ, трехъ часовъ ночи, и такъ какъ всѣ дѣла онъ по своему живому характеру принималъ близко къ сердцу, то онъ и находился почти въ постоянномъ волненіи. Такой усиленной дѣятельности и такого постояннаго напряженія нервовъ даже его крѣпкій и здоровый организмъ не могъ вынести. Въ апрѣлѣ 1892 года съ нимъ сдѣлался ударъ, и хотя онъ отъ него нѣсколько и оправился, но прежнимъ энергическимъ дѣятелемъ онъ уже пересталъ быть. Замѣчательно, что подъ вліяніемъ болѣзни его характеръ совершенно перемѣнился, вмѣсто прежняго довольно сухого и рѣзкаго образа обращенія, настроеніе его сдѣлалось мягкимъ и теплымъ. Несомнѣнно, въ званіи министра финансовъ онъ свою жизнь принесъ въ жертву на пользу отечества.

Въ скоромъ времени послѣ его назначенія министромъ, скончался Катковъ. Удаленіе со сцены личности, которая вывела Ивана Алексѣевича въ министры, признавалось въ то время счастливымъ для него предзнаменованіемъ,—потому что, со смертью Каткова, онъ освобождался отъ опеки и того давленія, которое Катковъ, вѣроятно, постарался бы производить на него.

Въ первые годы управленія Вышнеградскаго министерствомъ, въ составѣ министерства произошли двѣ перемѣны, на которыя было обращено вниманіе потому, что онѣ послѣдовали по указанію Государя и характеризовали направленіе, которое тогда преобладало въ высшихъ сферахъ.

Директоромъ департамента окладныхъ сборовъ былъ А. А. Рихтеръ, человѣкъ необыкновенно умный и дѣльный, но его упрекали въ дворянскихъ кругахъ въ пристрастіи къ интересамъ крестьянъ. Послѣ одного доклада у Государя, Иванъ Алексѣевичъ разсказалъ мнѣ, что Государь, указывая на неудовлетворительный будто бы

личный составъ министерства, пожелалъ удаленія между прочимъ Рихтера. По этому поводу я ему замѣтилъ, что уже и при Бунге дѣлались такія замѣчанія, но Николай Христіановичъ отстаивалъ своихъ цѣятелей, считая ихъ крайне полезными, я прибавилъ къ этому, что можетъ быть и ему удастся отстоять Рихтера, но онъ возразилъ мнѣ, что желаніе Государя было высказано на сей разъ въ столь опредѣленной формѣ, что трудно его не исполнить. Онъ, впрочемъ, все же не уволилъ Рихтера, а только перемѣстилъ его на постъ члена Совѣта Министерства Финансовъ. Александръ Александровичъ вслѣдъ затѣмъ заѣхалъ ко мнѣ, такъ какъ мы были съ нимъ всегда въ лучшихъ отношеніяхъ, чтобы лично сообщить мнѣ о своемъ перемѣщеніи, при этомъ онъ выказывалъ большое спокойствіе духа. Впослѣдствіи Вышнеградскій поручалъ впрочемъ Рихтеру разработку разныхъ, очень существенныхъ вопросовъ по земельному обложенію и по земскому хозяйству, такъ что до самой смерти онъ продолжалъ принимать серьезное участіе въ работахъ Министерства Финансовъ.

Нѣсколько времени спустя та же участь постигла Картавцева, который управлялъ Дворянскимъ и Крестьянскимъ банками. Картавцевъ былъ еще относительно молодымъ человѣкомъ. Во время профессуры Бунге въ Кіевѣ, онъ слушалъ у него лекціи, и потому Бунге его хорошо зналъ и цѣнилъ; онъ самъ опредѣлилъ его въ министерство, и нѣкоторое время спустя сдѣлалъ его управляющимъ вышеозначенныхъ банковъ. Въ этомъ положеніи онъ навлекъ на себя жестокую ненависть дворянскихъ землевладѣльцевъ. Съ учрежденіемъ дворянскаго банка, кредитные аппетиты землевладѣльцевъ разрослись до неимовѣрныхъ предѣловъ, и потому естественно, что Картавцеву постоянно приходилось отклонять крайнія требованія кредита и разныхъ льготъ, заявляемыя ему дворянами землевладѣльцами.

Это составило ему репутацію явнаго противника дворянства, о немъ говорили, что, стремясь къ переходу дворянскихъ имѣній въ руки крестьянъ, онъ намѣренно отказываетъ дворянамъ въ кредитѣ, все это доходило до Государя, и Государь потребовалъ его смѣщенія. Возбужденіе противъ него было настолько сильно, что оказывалось невозможнымъ сохранить его даже въ составѣ министерства.

Иванъ Алексѣевичъ, сообщая мнѣ о необходимости уволить Картавцева, прибавилъ еще, „что это былъ для него самый тяжелый день“. Я послѣ того заѣхалъ къ Картавцеву, но не засталъ его дома, и вслѣдъ затѣмъ получилъ отъ него письмо въ очень теплыхъ выраженіяхъ.

Иванъ Алексѣевичъ впрочемъ позаботился о томъ, чтобы его вполнѣ обезпечить. Онъ назначилъ ему очень значительную пенсію и устроилъ его членомъ правленія въ обществѣ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Вышнеградскій хорошо понималъ, что кого бы ни назначить на мѣсто Картавцева, при данномъ настроеніи, которое еще было усилено тѣмъ, что Картавцевъ былъ принесенъ ему въ жертву, бороться противъ неумѣренныхъ требованій дворянъ землевладѣльцевъ будетъ очень трудно, и потому онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ выходомъ изъ затрудненія представляется назначеніе на этотъ постъ личности изъ аристократическаго круга, которая при отказахъ въ неосновательныхъ требованіяхъ кредита не будетъ подлежать обвиненію во враждѣ дворянству. Выборъ Ивана Алексѣвича остановился на нашемъ извѣстномъ поэтѣ графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ, который и по своему громкому имени, и по своему личному характеру вполнѣ соотвѣтствовалъ требовавіямъ даннаго времени. Кромѣ того Ивану Алексѣевичу пріятно было этимъ назначеніемъ выразить свою благодарность семейству графа Кутузова, у котораго, молодымъ человѣкомъ, онъ былъ домашнимъ учителемъ, и съ которымъ съ тѣхъ поръ онъ сохранилъ хорошія отношенія. Система Ивана Алексѣевича оказалась удачною, и съ тѣхъ поръ долгое время на этотъ постъ назначались лица изъ аристократическаго круга,—князь Оболенскій, князь Ливенъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Принявъ министерство съ большимъ хроническимъ дефицитомъ въ государственномъ бюджетѣ, Иванъ Алексѣевичъ поставилъ себѣ главною задачею освободить Россію отъ этого недуга. Для достиженія этой цѣли онъ до крайности сокращалъ расходы и заботился объ увеличеніи доходовъ, воевалъ постоянно противъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій—и дѣйствительно благодаря своей удивительно энергической настойчивости достигъ того, что сверхсмѣтные расходы совершенно прекратились, дефицитъ исчезъ—въ смѣтѣ на 1891 годъ исчислялся даже значительный избытокъ дохода. Это такая громадная заслуга, которая къ сожалѣнію не была достаточно оцѣнена его современниками, но которая составитъ ему имя въ исторіи. Его обвиняли въ томъ, что онъ скупился до крайности на всякіе расходы, и потому многіе дѣйствительныя современныя потребности Государства оставались неудовлетворительными. Отчасти это такъ и было; но подобно тому, какъ больного человѣка надо прежде всего вылѣчить отъ главной болѣзни и потомъ уже думать объ удовлетвореніи другихъ его потребностей, такъ и въ данномъ случаѣ Иванъ Алексѣевичъ считалъ прежде всего необходимымъ, во что бы

то ни стало, излечить прежде всего Россію отъ главнаго ея недуга—постоянныхъ дефицитовъ.

Для уничтоженія дефицита, какъ уже выше замѣчено, необходимо было прежде всего сдерживать стремленія отдѣльныхъ вѣдомствъ получать сверхсмѣтные кредиты на расходы, не предусмотрѣнные въ смѣтѣ—и это было не легко, при установившейся привычкѣ не стѣсняться въ расходахъ предѣлами смѣты. Приходилось на этой почвѣ бороться со всѣми вѣдомствами и не разъ Вышнеградскому приходилось прибѣгать къ испрошенію Высочайшихъ повелѣній о безусловномъ устраненіи всякихъ сверхсмѣтныхъ требованій. Только основываясь на рѣшительной волѣ Государя, Ивану Алексѣевичу удалось удалить изъ нашей финансовой практики пагубную привычку прибѣгать къ сверхсмѣтнымъ ассигнованіямъ. Только уже послѣ него, ввиду появлявшихся избытковъ дохода и увеличенія наличности Государственнаго Казначейства, опять стали появляться сверхсмѣтныя ассигнованія на армію, флотъ, желѣзныя дороги—не вызывая впрочемъ пока еще дефицита.

Для достиженія имѣвшейся ввиду цѣли, недостаточно было заботиться объ уменьшеніи расходовъ, необходимо было думать и объ увеличеніи доходовъ, хотя на первое время это и представляло весьма трудную задачу.

Вышнеградскій помышлялъ вначалѣ о введеніи казенной монополіи на табакъ и спиртъ, но, послѣ основательнаго изученія этого вопроса, онъ отказался отъ своей мысли. Только впослѣдствіи С. Ю. Витте рѣшился ввести винную монополію; о пользѣ этого введенія были различнаго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ на первое время эта реформа вызывала значительный расходъ на устройство монополіи, т. е. на пріобрѣтеніе вина, на индемнизицію, на постройки и т. д.—а увеличеніе дохода являлось только въ будущемъ. Затѣмъ были проекты разныхъ другихъ новыхъ налоговъ, которые тоже не были приведены въ исполненіе. Иванъ Алексѣевичъ ввелъ только одинъ новый налогъ на спички. Надъ этимъ налогомъ вначалѣ очень издѣвались, а между тѣмъ онъ оказался весьма удачнымъ, почти незамѣтный для потребителей, онъ съ самаго же перваго года далъ около двухъ милліоновъ рублей чистаго дохода. Не вводя монополіи, оказалось возможнымъ, путемъ нѣкотораго измѣненія системы взиманія и повышеніемъ окладовъ, не мало значительно увеличить доходъ отъ вина, табака и сахара. Съ теченіемъ времени доходы государства стали расти изумительно даже по такимъ статьямъ, которыя не были затронуты никакими перемѣнами; ростъ былъ совершенно естественный, вызываемый отчасти нѣсколькими годами хорошихъ урожаевъ,—однимъ словомъ, можно

сказать, что Ивану Алексѣевичу везло до самаго несчастнаго 1891 года, когда съ неурожаемъ наступилъ кризисъ и какъ бы переломъ его счастью.

Въ видахъ сокращенія расходовъ Иванъ Алексѣевичъ обратилъ между прочимъ вниманіе на возможность сокращенія нашего расходнаго бюджета путемъ конверсіи нашихъ займовъ и обращенія ихъ въ государственную ренту.

Вопросъ о превращеніи ежегодно обязательно погашаемыхъ займовъ въ государственную ренту, не подлежащую обязательному погашенію, давно уже былъ возбужденъ въ финансовой наукѣ; первый, кажется, обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ извѣстный экономистъ I. B. Say. Онъ указывалъ, что почти всѣ государства гасятъ ежегодно часть старыхъ займовъ и одновременно заключаютъ новые займы, часто на условіяхъ менѣе выгодныхъ; потому разумнѣе было бы въ такое время, когда приходится заключать новые займы, не гасить старыхъ, а для этого необходимо превратить займы въ государственную ренту, къ погашенію которой, покупкой ея на рынкѣ, можно приступать въ такое время, когда оказывается избытокъ доходовъ и не предстоитъ необходимости въ новыхъ займахъ. Согласно этой теоріи Франція превратила весь свой государственный долгъ въ государственную ренту, которой не присвоено обязательнаго погашенія.

Къ этой системѣ перешелъ и Вышнеградскій; пользуясь расположеніемъ къ намъ французскаго рынка и избыткомъ денегъ на европейскихъ рынкахъ вообще, онъ комбинировалъ конверсію нашихъ государственныхъ займовъ съ превращеніемъ ихъ въ государственную ренту.

Незадолго передъ тѣмъ графъ Бисмаркъ, ставъ въ непріязненное къ намъ отношеніе, заключилъ направленный противъ насъ договоръ съ Австріей и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ для нашихъ бумагъ нѣмецкій рынокъ. Онъ объяснялъ этотъ поворотъ враждебнымъ настроеніемъ противъ Германіи русской прессы послѣ Берлинскаго конгресса, лишившаго насъ части выгодъ, которыя могли бы быть послѣдствіемъ нашей побѣдоносной войны съ Турціей,—и опасеніемъ, что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Россія могла бы быть вовлечена въ непріязненныя отношенія къ Германіи. Мѣры Бисмарка вполнѣ достигли желаемой имъ цѣли, значительная часть русскихъ бумагъ была изгнана съ германскихъ биржъ; бумаги эти перешли большею часть по дешевой цѣнѣ во Францію. Германскіе капиталисты, сбывшіе русскія бумаги, стали помѣщать освободившіеся капиталы въ разныя высокопроцентныя бумаги, сомнительнаго достоинства — въ аргентинскіе, турецкіе,

португальскіе фонды,—на которыхъ они понесли впослѣдствіи значительныя потери.

Разъ французскій рынокъ оказался расположеннымъ къ русскимъ бумагамъ, Иванъ Алексѣевичъ воспользовался моментомъ изобилія нашихъ свободныхъ денегъ, приступилъ къ осуществленію задуманной имъ операціи.

Первые переговоры начались съ банкирскимъ домомъ Субейранъ, только что выпустившимъ итальянскій заемъ. Послѣдовало соглашеніе, проектъ договора былъ составленъ, но когда Вышнеградскій внесъ его въ финансовый комитетъ, послѣдній отказалъ въ своемъ на него согласіи, потому что Россія до сихъ поръ имѣла дѣло только съ первоклассными банкирами, а домъ Субейрана таковымъ не считался.

Тогда Вышнеградскій вступилъ въ переговоры съ Ротшильдомъ и Госкье и, благодаря его ловкому образу дѣйствія и благопріятнымъ для насъ политическимъ констеляціямъ, ему удалось совершить во Франціи рядъ конверсіонныхъ операцій, благодаря которымъ наши 5% бумаги были обращены въ четырехпроцентную ренту, которая въ скоромъ времени дошла до пари.

Столь высокаго уровня нашъ государственный кредитъ никогда еще не достигалъ. Это былъ несомнѣнно блистательный моментъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Одновременно съ этимъ, Иванъ Алексѣевичъ погасилъ небольшой остатокъ нашего 6% займа и кромѣ того сократилъ болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ нашъ внутренній краткосрочный долгъ, изъятіемъ изъ обращенія соотвѣтственнаго числа казначейскихъ билетовъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ операцій не только нашъ кредитъ значительно поднялся, но еще и въ бюджетѣ оказалась ежегодная экономія приблизительно въ 30 милліоновъ, обусловленная частью прекращеніемъ обязательныхъ амортизацій, частью пониженіемъ процента по нашимъ государственнымъ долгамъ.

Конверсіонную операцію, предпринятую Вышнеградскимъ, нельзя не признать въ высшей степени удачно исполненною. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ того, нашъ государственный кредитъ стоялъ на значительной высотѣ; только въ послѣднее время несчастная японская война лишила насъ того блестящаго положенія, которое столько лѣтъ занимали наши финансы на европейскихъ рынкахъ.

Вышнеградскій кромѣ того былъ постоянно занятъ мыслями о подготовленіи средствъ для возстановленія нашего денежнаго обращенія на металлическомъ основаніи. Въ это время серебро стало значительно падать въ цѣнѣ, и это паденіе дошло до того, что курсъ серебра почти сравнялся съ курсомъ нашихъ кредитныхъ

билетовъ, такъ что представлялось возможнымъ приступить безотлогательно къ размѣну кредитныхъ билетовъ на серебро по номинальной ихъ цѣнѣ, рубль за рубль. На подобномъ рѣшеніи монетнаго вопроса однако серьезно и не останавливались, такъ какъ при постоянныхъ колебаніяхъ цѣны серебра и при продолжающемся ея паденіи бѣлый металлъ не могъ уже представлять солиднаго базиса для металлическаго денежнаго обращенія страны. Конечною цѣлью имѣлась ввиду золотая монетная единица,—такое рѣшеніе было окончательно установлено въ засѣданіи финансоваго комитета, происходившемъ лѣтомъ 1887 года въ Царскомъ Селѣ въ квартирѣ М. Х. Рейтерна, подъ его предсѣдательствомъ. Въ этомъ засѣданіи кромѣ меня принимали участіе: Н. Х. Бунге, Д. М. Сольскій, кажется, Государственный контролеръ, и директоръ кредитной канцеляріи А. В. Цимсенъ.

Ввиду такого рѣшенія пришлось постепенно накоплять золото въ нашемъ металлическомъ фондѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности противодѣйствовать колебаніямъ въ курсѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ эти колебанія доходили въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сколько помню, до 20% разницы между высшимъ и низшимъ курсомъ. Понятно, до какой степени подобная неустойчивость денежной единицы должна была вредно отзываться на торговыхъ оборотахъ. Дѣлая какую-либо закупку на срокъ, приходилось одновременно съ этимъ дѣлать каждый разъ дополнительную кредитную операцію для обезпеченія себѣ извѣстнаго курса въ моментъ платежа.

Вышнеградскому удалось довести эти колебанія до минимума путемъ операціи постояннаго арбитража на золото, которое онъ ввелъ въ дѣйствіе. Когда цѣна золота понижалась, государство стало покупать золото, а напротивъ того, когда цѣна на золото начинала значительно рости и одновременно съ симъ курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ понижаться, казначейство приступало къ продажѣ золота и тѣмъ полагало предѣлъ упадку курса. Эта операція была ведена министромъ такъ искусно, что колебанія курса были заключены въ очень тѣсные предѣлы и вмѣстѣ съ тѣми операція содѣйствовала накопленію золота въ нашемъ металлическомъ запасѣ.

Нельзя однако было не опасаться, что нашъ невыгодный международный балансъ будетъ служить препятствіемъ къ введенію у насъ твердаго металличесскаго обращенія. Въ сущности нашъ торговый балансъ склонялся постоянно въ нашу пользу,—но избытокъ его не могъ восполнить наши заграничные платежи по государственному долгу и др. При такомъ положеніи дѣла Вышне-

градскій считалъ особенною своею задачей содѣйствовать возвышенію активности нашего торговаго баланса и съ этою цѣлью съ одной стороны приступилъ къ значительному повышенію нашего таможеннаго тарифа, а съ другой стороны обратилъ особое вниманіе на увеличеніе отпуска хлѣба за границу, поощряя этотъ отпускъ введеніемъ покровительствующихъ этому отпуску желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Какъ ни послѣдовательна была эта финансовая политика, но послѣдствіемъ ея являлось вздорожаніе предметовъ иностраннаго привоза, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. сельскохозяйственныя орудія, представляли потребность для нашего сельскаго хозяйства. Вотъ почему его финансовую политику стали упрекать въ томъ, что она покровительствуетъ фабрично-мануфактурному производству страны въ ущербъ ея сельскаго хозяйства. Такой упрекъ не былъ лишенъ основанія, ибо хотя потребность сельскаго хозяйства въ иностранныхъ продуктахъ при этомъ обыкновенно нѣсколько преувеличивалась, но несомнѣнно хозяйства, работающія машинами, страдали отъ ихъ дороговизны, а вмѣстѣ съ тѣмъ при крайней экономіи въ государственныхъ расходахъ, которой держался Вышнеградскій, въ нашемъ бюджетѣ почти совершенно не ассигновалось средствъ на разныя статьи, отъ которыхъ могло послѣдовать развитіе нашего сельскаго хозяйства, какъ-то: проложеніе мѣстныхъ дорогъ, созданіе мелкаго кредита и т. п.

Мы говорили выше о поощреніи отпуска, изданіемъ ad hoc соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. По этому поводу необходимо сказать нѣсколько словъ о нашей желѣзнодорожной тарифной политикѣ вообще. Въ прежнее время установленіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ было всецѣло предоставлено усмотрѣнію правленій обществъ. При такомъ положеніи дѣла, каждая дорога заботилась только о своихъ частныхъ интересахъ. Подъ вліяніемъ конкурренціи установлялись тарифы, явно невыгодные для государства, провозъ товаровъ часто затруднялся по такимъ направленіяхъ, которыя были желательны странѣ, и кромѣ того сложность разсчетовъ по разнообразнымъ тарифамъ чрезвычайно затрудняла вообще передвиженіе по нимъ товаровъ. Отъ этого особенно страдалъ отпускъ нашего хлѣба за границу.

Это неудобство уже давно указывало на необходимость нѣкотораго регулированія жел.-дор. тарифнаго порядка въ интересѣ общества. И въ прессѣ и въ правительственныхъ сферахъ шла борьба мнѣній о степени допустимости правительственнаго воздѣйствія на тарификацію частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Алексѣевичъ

энергически настаивалъ на правѣ правительства руководить этимъ дѣломъ въ общемъ интересѣ. Его мнѣніе наконецъ восторжествовало—изданъ былъ законъ, дающій правительству возможность регулировать жел.-дор. тарифную политику въ видахъ ея упрощенія и направленія сообразно истиннымъ интересамъ государства. По достиженіи этого важнаго результата, оставалось рѣшить, кому будетъ поручено это руководство. Вышнеградскій былъ убѣжденъ, что если это дѣло будетъ предоставлено инженерамъ, то изъ него ничего не выйдетъ. Отсюда возникла ожесточенная борьба между министерствомъ финансовъ и министерствомъ путей сообщенія, во главѣ котораго, послѣ кратковременнаго управленія министерствомъ Паукеромъ, стоялъ въ то время Гюббенетъ. Въ этой борьбѣ министръ финансовъ остался побѣдителемъ: въ его руки было передано тарифное дѣло желѣзныхъ дорогъ, и по этому случаю въ министерствѣ финансовъ былъ учрежденъ желѣзнодорожный департаментъ. Кромѣ того, подъ моимъ предсѣдательствомъ былъ устроенъ совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ принимали участіе, кромѣ членовъ отъ министерства финансовъ, представитель министерства путей сообщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ и всѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ; директоромъ жел.-дор. департамента Иванъ Алексѣевичъ назначилъ С. Ю. Витте, съ которымъ онъ былъ давно въ сношеніяхъ по предшествовавшему участію его въ правленіи Юго-Западныхъ дорогъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, Вышнеградскій, докладывая Государю о назначеніи Витте, рекомендовалъ его какъ человѣка крайне способнаго и даже отчасти указалъ на него, какъ на лицо, могущее впослѣдствіи наслѣдовать ему въ министерствѣ финансовъ. Далѣе я буду имѣть случай, въ свое время, изложить, какъ въ дѣйствительности состоялось, послѣ болѣзни Вышнеградскаго, назначеніе С. Ю. Витте, и какъ послѣднему удалось осуществить то, къ чему стремились его предшественники—Рейтернъ, Бунге и Вышнеградскій, а именно: установить у насъ прочное золотое металлическое обращеніе.

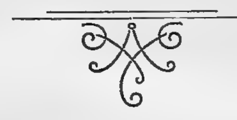
Считаю не безынтереснымъ заключить эту общую характеристику финансовой дѣятельности И. А. Вышнеградскаго слѣдующимъ разсказомъ.

Въ концѣ 1890 года, при утвержденіи бюджета на слѣдующій годъ, въ первый разъ оказался значительный избытокъ въ доходахъ. По этому поводу А. А. Абаза, который тогда былъ предсѣдателемъ департамента экономіи, сдѣлалъ обѣдъ въ честь Ивана Алексѣевича, на которомъ я также участвовалъ. Вышнеградскаго поздравляли съ блестящими результатами его финансовой политики, пили за его здоровье и т. д.; повидимому, Иванъ Алексѣевичъ былъ

на апогеѣ своей славы и своего величія. Никто изъ нихъ не предвидѣлъ на этомъ обѣдѣ, что это былъ не только моментъ величія Вышнеградскаго, но и моментъ поворота его судьбы въ противоположную сторону. Съ этого момента счастье и удачи ему измѣнили. 1891 годъ ознаменовался необычайнымъ неурожаемъ, пришлось ассигновать милліоны на прокормленіе голодающихъ, затѣмъ несчастная мѣра — воспрещеніе по рѣшенію Комитета Министровъ вывоза нашего хлѣба—не принесшая никакой пользы, а между тѣмъ разстроившая на многіе годы нашу отпускную торговлю хлѣбомъ, и тѣмъ нанесшая благосостоянію страны неисчислимый ущербъ, наконецъ самая болѣзнь Ивана Алексѣевича... Годъ спустя сошелъ со сцены и хозяинъ, дававшій этотъ обѣдъ.

Послѣ этого историческаго отступленія, далеко заходящаго впередъ, возвращаюсь къ обычной нашей жизни.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14-е октября по 18 ноября 1910 г.

Абрамовичъ, Н. Я. Художники и мыслители. II книга литературно-критическихъ очерковъ. М. 1911. Изд. Заря (уг. Тверского б. и М. Бронной, 1). Тип. Рекордъ (Арбатъ, 32). 8⁰ (19×28). 233 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 1.050 экз.

Дурново, Н. Н. I. Историческое изслѣдованіе о патріаршихъ и архіепископскихъ (автокефальныхъ) престолахъ въ православной Восточной Церкви. II. О различныхъ чинахъ церковныхъ, или должностяхъ. М. 1910. Тип. Русская Печатня Сарандинаки (Арбатъ, 29). 8⁰ (15×23). 49 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 4 л. 400 экз.

Зелинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. 22. М. 1910. Тип. В. Рихтеръ (Мамоновск. п., с. д.). 8⁰ (15×23). 239 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ. Томъ XXVI, вып. 4. Казань. 1910. Тип. Казанскаго Университета. 8⁰ (17×26). 295—414 стр. Съ таб. Вѣсъ 22 л. 350 экз.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. № 33. Спб. 1910. Изд. Т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К⁰. Тип. Тов. И. Н. Кушнерева и К⁰. 8⁰ (19×27). 80 стр. Вѣсъ 17 л. 15.450 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго (Вып. 2). М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. И. Кушнерева и К⁰ (Пименовск., с. д.). 8⁰ (19×28). 161—240 стр. Съ портр. Вѣсъ 20 л. 10.000 экз.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. I. Эпоха Петра В. М. 1910. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. Тип. Окружнаго штаба. 8⁰ (16×24). 94 стр.+1 портр. Скл.: Александр. Воен. Учил. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 1.200 экз.

Покровскій, К. IX сатира Кантемира. М. 1910. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздв. пер., д. Лисснера). 8⁰ (17×25). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Рижскій Торговый Архивъ. 1910. Вып. II. Рига. 1910. Тип. Р. Руэтцъ (Донская пл., 11—13). 8⁰ (16×26). 214 стр. Вѣсъ 18 л. 350 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 гг. Т. IX. Второстепенные театры

военныхъ дѣйствій. Часть I—IV. Спб. 1910. Изд. воен.-истор. комиссіи Гл. Упр. ген. штаба. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8⁰ (20×28). X+288 стр. Вѣсъ 1. ф. 28 л. 4.050 экз.

Сборникъ отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 87-й. Спб. 1910. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8⁰ (17×24). 38+21+IV+130+IV+111+III+163+IV+272 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 300 экз.

Содержаніе. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, составл. акад. Н. П. Кондаковымъ.—А. Б. Карповъ. Сборникъ словъ, синонимовъ и выраженій, употребляемыхъ Амурскими казаками.—Н. М. Гутьяръ. Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева.—М. К. Герасимовъ. Словарь уѣзднаго Череповецкаго говора.—К. Михальчукъ и А. Крымскій. Программа для собиранія особенностей малорусскихъ говоровъ.—Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ IX.

Ананьинъ, С. Исторія Педагогики. Лекціи, читанныя на В. Ж. К. въ 1909/10 учебн. году въ Кіевѣ. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ 40). 8⁰ (16×24). 114 стр. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Антоновъ, М. И. Наглядное описаніе разновидности монетъ Россіи преимущественно XIX столѣтія и мелкаго достоинства, найденныхъ за послѣднее время. Спб. 1910. Тип. Маркса (Измайловскій пр., 29). 8⁰ (28×21). III+70 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 18 л. 700 экз.

Аполлосъ, архим. Описаніе Благовѣщенскаго женскаго первоклассваго монастыря. Составленное въ 1851 году. Съ примѣч. прот. Н. Пальмова. Астрахань. 1910. Тип. Губернская. 8⁰ (17×26). 41 стр. Вѣсъ 5 л.

Валишевскій, К. Смутное время. Пер. съ франц. подъ ред. Е. Н. Щепкиной. Спб. 1911. Изд. Общ. вспомож. Спб. Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Тип. „Русская“ (Екатерин. кан., 94). 8⁰ (16×24). II+434 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Голицынъ, Петръ, кн. Первый вѣкъ Сената. Спб. 1910. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининск. кан., 45). 8⁰ (19×25). 205 стр. Вѣсъ 27 л. 300 экз.

Далькевичъ, М. М. Императорская Академія Художествъ. Галлерея графа Н. А. Кушелева-Безбородко. Вып. IV. Спб. 1910. Изд. и тип. Голике и Вильборгъ (Звенигородская, 11). f⁰ (43×53). 8+16 рис. Вѣсъ 5 ф. 2 л. 250 экз.

Едемскій, М. О старыхъ торговыхъ путяхъ на Сѣверѣ (по поводу одной находки на верховьяхъ р. Устьи). Изъ записокъ Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Имп. Рус. Археологич. Общества. Т. IX. Стр. 39—62. Спб. 1910. Изд. Археологич. общества. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (19×27). 24 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 75 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Прибавленіе къ вып. 34-му (хроника и библіографія, вып. 17). Спб. 1910. Тип. Гл. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8⁰ (20×28). 231 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 900 экз.

Калужская Старина. Подъ ред. И. Ѳ. Цвѣткова. Т. 5. Калуга. 1910. Изд. Калуж. Церк. Истор.-Археол. Об-ва. Тип. Губ. Земск. Упр. 8 (18×26). II+83+59+VIII+171—258+74+V+III стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 800 экз.

Клеръ, М. О. Замѣтка о деревянномъ мостѣ каменнаго вѣка въ

Горбуновскомъ болотѣ близъ Нижне-Тагильскаго завода. Екатеринбургъ. 1909. Тип. В. Н. Алексѣева и П. Н. Галина. 8⁰ (16×24). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Крыловскій, А. С. Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Кіевской духовной академіи. Т. Ш. Исторія. Вып. 9. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8⁰ (17×25). 374 стр. Складъ: ред. Трудовъ Кіев. Духов. Акад. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 420 экз.

Литература по нумизматикѣ. Каталогъ книгъ нумизматической торговли Б. Ф. Копылова. Вып. П. Спб. 1910. Тип. „Капиталъ" (6-я Рождеств., № 22). 8⁰ (15×22). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Матеріалы для біографіи епископа Порфирія Успенскаго. Томъ I. Оффиціальные документы. Подъ редакціей П. В. Безобразова. Спб. 1910. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (д. Минист. Финанс., на Дворц. пл.). 8⁰ (18×26). 863 стр. Вѣсъ 3 ф. 5 л. 600 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. IV, ч. I. Измѣненія экономическаго и политическаго строя. Международныя отношенія. Спб. 1910. Тип. „Общ. Польза" (Б. Подъяч., 39). 8⁰ (18×23). 392 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф 25 л. 2.300 экз.

Описаніе военныхъ дѣйствій на морѣ въ 37—38 г.г. Мейдзи (въ 1904—1905 г.г.). Томъ 3. Дѣйствія противъ русской Владивостокской эскадры. Перев. съ японскаго А. Воскресенскій. Спб. 1910. Изд. Морс. генер. Штаба. Тип. Морс. Министерства (въ Глав. Адмиралтействѣ). 8⁰ (18×27). 80 стр. и 4 листа чертежей. Ц. 80 к. Вѣсъ 18 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Отчетъ объ экскурсіи семинаріи русской филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ 1—9 іюня 1910 года. Кіевъ. 1910. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6) 8⁰ (17×25). 99 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 150 экз..

Рудаковъ, В. Е. Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій, Научно-популярный біографическій очеркъ. Дешевая библіотека. № 369. Спб. 1910. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 16⁰ (11×16). 104 стр. Съ портр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Томъ V. Мукденское сраженіе. Ч. П. Отъ отхода къ р. Хунхэ до сосредоточенія на Сыпингайскихъ позиціяхъ. Спб. 1910. Изд. Воен. истор. комиссіи по описанію войны. Тип. Государственная. 8⁰ (19×28) 356+50 стр. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 4.050 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ П. Вып. 3. (Русская литература начала XIX вѣка). Спб. 1910. Изд. 2-е, Я. Башмакова и К⁰. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (17×23). VIII+129 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 16 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 2-й (XVIII вѣкъ). Съ картограммой и указателемъ. Спб. 1910. Тип. т-ва „Трудъ" (Кавалергардская, 40). 8⁰ (17×26). П+951 стр.+1 картограмма. Адр. склада: Спб., Итальянская, 31, у. Я. Башмакова и К⁰. Ц. за оба выпуска 7 р. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 1.450 экз.

Щеглова, С. А. „Пчела" по рукописямъ Кіевскихъ библіотекъ. Опытъ изученія и тексты. Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXV. Спб. 1910. Изд. Общ. Любит. древней письменности. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (16×28). Ш+101+82 стр. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 475 экз.

Ярковъ, Вяч. П. Народныя пѣсни, записанныя въ Сысертскомъ заводѣ въ 1896 г. Екатеринбургъ. 1909. Тип. В. Н. Алексѣева и П. Н. Галина. 8° (17×27). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Былины. Старинки богатырскія. Со вступительной статьей Е. А. Ляцкаго. Спб. 1910. Изд. т-ва „Огни". Тип. Акціон. Общ. Типографск. Дѣло. 8° (20×26). XXX+199 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 2.400 экз.

Высоцкій, Н. Ѳ. проф. Народная медицина. (Оттискъ изъ Т. IX. Записокъ Московскаго Археологическаго Института). М. 1910. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 26). 8° (18×27). V+168 стр. Съ 2 табл. Вѣсъ 1 ф. 400 экз.

Ерошевичъ, Г. К. Оборона Севастополя. Штурмъ 6 іюня 1855 года. Спб. 1910. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Мохов., 40). 16° (12×18). Ц. 10 к. 31 стр. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Живоглядовъ, А. И. Нѣсколько словъ по поводу воспоминаній старожила (Сергѣя Григорьевича Ярона): „Кіевъ въ 80-хъ годахъ". Кіевъ. 1910. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (15×22). 20 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XXVIII. Одесса. 1910. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). II+199+126+112+1 таб.+2 нен. стр. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 230 экз.

Записки Московскаго Археологическаго Института, издаваемыя подъ редакціей А. И. Успенскаго. Томъ VII. 1910. Изд. Моск. Археолог. Общества. Тип. А. И. Снѣгиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (19×28). 60+19+10+7+4+4+18+8+32+8 стр. Съ 36 фототипіями. Ц. 7 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 600 экз.

Каретниковъ, С. М. Волынская губернія. Географическо-историческій очеркъ губерніи и описаніе уѣздовъ съ приложеніемъ краткой исторіи Малороссіи и Зап. Россіи во II-й половинѣ XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ, памятниковъ южно и западно-русскаго письма разныхъ вѣковъ, 8 родословныхъ таблицъ Волынскихъ и Галицкихъ князей и волынскихъ княжескихъ фамил. и статистическихъ свѣдѣній о народонаселеніи, промышленности и образованіи въ губерніи. Кременецъ. 1910. Изд. 2-е испр. и доп. Тип. В. Цвика. 8° (17×21). 3 нен.+112 стр. Съ картой Волын. губ. и планомъ Житоміра и 1 табл. Ц. 60 к. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Колоколовъ, Михаилъ, свящ. Къ столѣтію Воскресенскаго собора въ гор. Корчевѣ (1810—1910). Историческая справка (Извлеченіе изъ №№ 39 и 40 „Тверск. Епарх. Вѣдомостей" за 1910 г.). Тверь. 1910. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Краснянскій, М. Б. Остатки древне-греческаго поселенія на территоріи гор. Ростова-на-Д. Перепечатано изъ № 268 газеты „Пріазовскій Край", отъ 12 октября 1910 года. Ростовъ-на-Дону. 1910. Тип. Акціонерная Печатня. 16° (13×18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Линдеманъ, І. К. Маринкина башня въ Коломнѣ и вопросъ о смерти Марины Мнишекъ. М. 1910. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвижен. пер., св. д.). 8° (12×25). 35 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 800 экз.

Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ Архива Московскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія

М. 1910. Тип. Л. В. Пожидаевой (Моховая, 25). 8⁰ (18×27). 614 стр. Вѣсъ 4 ф. 6 л. 38 экз.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга 16-я. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×28). 518+184 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 350 экз.

Покровскій, М. Н. „Русская Исторія" съ древнѣйшихъ временъ. Т. 2-й. Книга третья. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. М. 1910. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Вл. Чичеринъ (Марьинскій участокъ, св. д.). 8⁰ (19×28). 160 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 5.000 экз.

Розановъ, М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и XIX в. Очерки по исторіи руссизма на Западѣ и въ Россіи. Т. I. М. 1910. Тип. Университета. 8⁰ (17×25). VIII+559 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 900 экз.

Бѣлогостицкій, В., свящ. Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію. Спб. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (16×23). 70 стр. Скл. у автора (уг. Церковной ул. и Успенскаго пер., д. 2—16). Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XV. Кн. 2. Спб. 1910. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8⁰ (12×24). 327 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 817 экз.

Содержаніе: Б. М. и Ю. М. Соколовы. — Остатки былинъ. А. И. Соболевскій.—Изъ церковно-слав. литературы. П. Н. Сакулинъ. — Лермонтовъ. А. И. Томсонъ.—Поправки къ статьѣ Н. П. Некрасова. Н. П. Кашинъ. —Къ исторіи текста произвед. А. Н. Островскаго. М. Н. Сперанскій.—И. В. Ягичъ. Н. Н. Соколовъ.—Литовскія рукописи. П. И. Поповичъ.—О методахъ въ изученіи Дубровницкой литературы. Н. Эндзелинъ.—О судьбѣ носовыхъ звуковъ въ латыш. яз. В. М. Истринъ. — Къ изданію болгарскаго перев. хроники Георгія Амартало. В. Н. Бенешевичъ.—Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 34-ый. Спб. 1910. Изд. Бр. Гранатъ (Моховая, 37). Тип. Мин. Путей Сообщенія. 4⁰ (20×27). 80—160 стр. Съ 6 портр. Ц. 1 р. 35 к. Вѣсъ 20 л. 5.400 экз.

Котляревскій, Несторъ. Николай Васильевичъ Гоголь (1829—1842 г.). Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Спб. 1910. Изд. 3-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 лин., 28). 8⁰ (16×27). XV+580 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 3.100 экз.

Ларіоновъ, А. М., инж. Исторія Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I-го, за первое столѣтіе его существованія 1810—1910. Спб. 1910. Тип. Эрлихъ (Мал. Дворянская, 19). 8⁰ (18×27). VIII+409 стр. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 5.000 экз.

Михѣевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. II. Эпоха Румянцева и Суворова. М. 1910. Изд. С. Михѣева и А. Казанкова. Тип. Окружнаго Штаба. 8⁰ (15×23). 68 стр. съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 8 л. 1.200 экз.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. (Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. № 6. М. 1910. Изд. т-ва „Образованіе" (Долгоруковская, д. № 8, кв. 2). Тип. „Русскаго товарищества" (Мыльниковъ пер., св. д.) 4⁰ (25×33). 142 стр., съ 24 ототип. Вѣсъ 3 ф. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II. Ч. 2-ая. Спб. 1910. Тип. Общ.

Польза (Б. Подъяч., 39). 8⁰ (18×27). 339 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Орловъ, А. „Домострой“ по Коншинскому списку и подобнымъ. Книга вторая. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (19×29). 140 стр. Вѣсъ 22 л. 300 экз.

Памятники славянской письменности, изданные Императорскою Археографическою Коммиссiею. I. Великiя минеи-четьи, собранныя всероссiйскимъ митрополитомъ Макарiемъ. Январь. Тетрадь I, дни 1—6. М. 1910. Изд. Импер. Археогр. Коммиссiи. Тип. Синодальная. 4⁰ (26×35). 160 листовъ въ два столбца. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 800 экз.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Томъ 3-й. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ школъ“, 2-е. Тип. И. Кушнеревъ и К⁰. (Пименовск., с. д.). 8⁰ (16×24). VI+432 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 3.100 экз.

Садовской, Борисъ. Русская камена. Статьи. М. 1910. Изд. Мусагетъ. Тип. А. Мамонтова (Леонтьевскiй пер., св. д.). 8⁰ (17×23). 63 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 1.200 экз.

Собранiе русской старины кн. В. П. Сидамонъ-Эристовой и Н. П. Шабельской. Вып. I-й „Вышивки и кружева“. М. 1910. Тип. Импер. Строгановскаго училища. 4⁰ (26×34). 8 стр.+12 (рис.). Вѣсъ 31 л. 1.200 экз.

Волковъ, Н. Е. Очеркъ Законодательной Дѣятельности въ царствованiе Императора Александра III. 1881—1894 г.г. Спб. 1910. Тип. А. Ф. Штольценбурга (Моховая, 37). 8⁰ (17×25). IX+372 + III стр. + I портретъ. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 1.025 экз.

Исторiя русской армiи и флота. Подъ ред. А. С. Гришинскаго, В. П. Никольскаго и Н. Л. Кладо. Роскошно иллюстрированное изданiе. Проспектъ М. 1910. Изд. Книгоизд. „Образованiе“ (3 Тверская. 46/7). Тип. Русскаго Товарищества (Мыльниковъ пер., с. д.). 8⁰ (20×27). 64 стр.+8 рис. Вѣсъ 27 л. 600 экз.

Князевъ, Г. О Чеховѣ. Литературный очеркъ. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (15×22). 48 стр. Съ портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 2.500 экз.

Краснянскiй, М. Б. Разысканiя о гербѣ города Ростова-на-Дону. Перепечатано изъ № 2781 газеты „Южный Телеграфъ“ отъ 26-го октября 1910 года. Ростовъ на Дону. 1910. Тип. Южный Телеграфъ. 16⁰ (14×18). 15 стр. Съ 3 рис. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Левъ Толстой. Жизнь и творчество. 1828—1910. Вып. III. Спб. 1910. Изд. и тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 4⁰ (23×30). 97—148 стр. Съ 43 рис. и портр. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Любичъ-Кошуровъ, I. А. 300 лѣтъ дома Романовыхъ. (Смутное время на Руси. Избранiе на царство Михаила Θеодоровича Романова). М. 1910. Изд. Н. А. Хорошевичъ (Средняя Прѣсня, Больш. Никольскiй пер., д. Мельниковой). Тип. И. Θ. Смирнова (Козьмодемьяновск. пер., 10). 8⁰ (13×20) 122 стр.+11 отд. рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 12 л. 4.000 экз.

Майковъ, Б. А. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Разборъ главнѣйшихъ произведенiй. С.-Петербургъ-Варшава. 1910. Изд. Товарищества „Оросъ“ (Новый Свѣтъ, 70). Тип. Петра Ляскауэра (Ординатская, 3). 8⁰ (16×23). 236 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 4.000 экз.

Назаревскiй, В. В. Трехсотлѣтiе съ освобожденiя Москвы отъ Поляковъ и избранiе Михаила Θеодоровича Романова на Царство 1612—1613.

М. 1910. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (16×24). 104 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 15 л. 4.000 экз.

Отчетъ Церковнаго историко-археологическаго Общества Казанской епархіи за 1909—10 годъ. Казань. 1910. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8⁰ (16×24). 6 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Румянцевъ, Николай. Н. И. Пироговъ, его взгляды на природу дѣтей и задачи воспитанія. Къ столѣтію со дня рожденія, 13 ноября 1810—1910 г. Спб. 1910. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8⁰ (14×22). 25 стр. Съ 1 портр. Складъ: Фонтанка, 10. Лабораторія педагогической психологіи и Педагогической Академіи. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Скориченко, Г. Г. Столѣтіе Военнаго Министерства. Императорская военно-медицинская академія (Т. IX. Часть 2-ая). Спб. 1910. Тип. М. О. Вольфа (В. О., 16 линія, 5—7). 8⁰ (23×28). 221 стр. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.700 экз.

Филипповъ, А. Н., проф. Депутаты Екатерининской Коммиссіи и Правительствующій Сенатъ. Изд. „Журн. Мин-ства Юстиціи“, Сентябрь и Октябрь, Спб. 1910. Тип. Сенатская. 8⁰ (16×24). 54 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 300 экз.

Чернушевичъ, М. Служба пограничной стражи въ военное время (Ч. II. Вып. 2-й). (Матеріалы къ исторіи пограничной стражи). Спб. 910. Тип. Штаба отд. кор. погран. стражи (В. О., у Биржи). 8⁰ (17×24). VII+428 стр. и карта. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.500 экз.

Шведеръ. Е. Пушкинскіе Уголки. Спб. 1910. Изд. Журн. „Тропинка“ (Спб., Вознесенск., 36., кв. 26). Тип. Сойкина (Стремяная, 12). 8⁰ (18×23) 31 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Щербатова, М. Н., кн. Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ. М. 1910. Тип. Синодальная. 8⁰ (20×27). VII+70 стр. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ девятый. М. 1910. Изд. Отд. Имп. Рос Ист. Муз. Им. Имп. Алекс. III. Тип. Синодальная (Никольская, св. д.). 4. (27×36). 3+452 стр. Вѣсъ 4 ф. 24 л. 200 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

Портреты:

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Въ декабрьской книгѣ, съ отдѣльною пагинаціею:

Библіографическій листокъ.

1. Н. Г. Мартыновъ. Статистическія таблицы россійскаго книгоиздательства за 1909 годъ. Пять таблицъ. Спб. 1910 г. (на оберткѣ октябрьской книги).

2. И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшей литературѣ. Бердянскъ 1909 г. (тамъ же).

3. „Библіотекарь". Журналъ общества библіотековѣдѣнія. Спб. 1910 г. № 1 (тамъ же).

4, Шведская война 1808—1809. Ч. II. Спб. (тамъ же).

5. Журналъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго общества. 1910 г. Кн. I (тамъ же).

6. Военно-Историческій Вѣстникъ. Кіевъ 1909 г. №№ 1—6. (тамъ же).

7. Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть II (отъ Петра Великаго). Спб. 1910 г. (на оборотѣ ноябрьской книги).

8. Ѳ. М. Уманецъ. Александръ и Сперанскій. Историческая монографія. Спб. 1910 г. (тамъ же).

9. Е. Бѣлявскій. Русскіе писатели по ихъ происхожденію и воспитанію. Спб. 1909 г. Н. Л. (тамъ же).

10. Ю. Айхенвальдъ. Силуеты русскихъ писателей. Выпуски II и III. Москва. Изданіе „Научнаго Слова". 1908—1910. (тамъ же).

11. Современное искусство. Серія иллюстрированныхъ монографій. Изд. Н. И. Бутковской. Спб. Выпускъ I. Борисовъ-Мусатовъ. Біографическій очеркъ барона Н. Н. Врангеля. (тамъ же).

12. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1910 г. Выпускъ II. В. Я. (тамъ же).

13. Полное собраніе сочин. В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакц. и съ примѣч. С. А. Венгерова (на оберткѣ декабрьской книги).

14. Записки Московск. Археолог. института, издаваемыя подъ редакціею А. И. Успенскаго. Т. VI. М. 1910 г. (тамъ же).

15. Любовная лирика XVIII в. К-во Пантеонъ. СПБ. 1910 (тамъ же).

16. Степ. Филип. Галактіоновъ и его произведенія. Сост. В. Я. Адарюковъ. 1910 (тамъ же).

17. Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1910. Вып. III, IV и V (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 141, 142, 143 и 144 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1910 года.

Б

В

Г

Д

Е

И

I

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

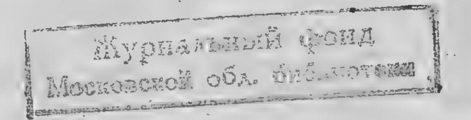
Ю

Я

Ѳ

Указатель составила В. В. Тимощукъ.

ніяхъ покоящагося садовника“ и т. п. Ихъ почти забыли, что довольно понятно. Лирическое чувство старѣетъ быстро,—для нашей современности оно кажется слишкомъ наивнымъ, для исторіи недостаточно типичнымъ; въ прошломъ каждому времени присущъ былъ особый видъ литературы и въ пышномъ, фанфарномъ вѣкѣ лирика не была замѣтнымъ явленіемъ. Но извѣстная характерность въ ней, особенно въ любовной, все же есть, и кто за маской прошлаго ищетъ его лицо, тотъ встрѣтитъ здѣсь томный и сентиментальный взоръ жестокаго, чувственнаго человѣка тѣхъ дней.

Составительница включила въ сборникъ лишь избранныя пьесы, принимая во вниманіе распространенность даннаго произведенія, свидѣтельствующую о томъ, что оно нравилось, и собственный эстетическій вкусъ, который, по ея мнѣнію, является необходимымъ для сборниковъ подобнаго рода, не претендующихъ на научность. Рядомъ съ малоизвѣстными встрѣчаются и громкія имена: Сумарокова, Державина и Капниста, но съ ихъ дѣятельностью въ этомъ родѣ знакомство у любителей литературы небольшое. Любопытно отмѣтить разнообразіе размѣровъ, чѣмъ въ XIX вѣкѣ поэты насъ меньше баловали.

Книга явится очень хорошимъ дополненіемъ къ недавно вышедшему изслѣдованію А. А. Веселовскаго: Любовная лирика XVIII вѣка. СПБ. 1909. Статья барона Врангеля „Женщина въ русскомъ искусствѣ XVIII вѣка“ написана со вкусомъ и удачно вводитъ читателя въ духъ эпохи, а примѣчанія г-жи Веселовской составлены тщательно. Такимъ образомъ, отъ сборника получается цѣльное впечатлѣніе, а что касается того, кому для чтенія онъ предназначенъ, то составительница очень кстати вспоминаетъ слова Карамзина: „Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ, такъ же какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ, но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости ничего не скажемъ о сихъ людяхъ“.

Степанъ Филипповичъ Галактіоновъ и его произведенія. Составилъ В. Я. Адарюковъ. Кружокъ любителей русскихъ изящныхъ изданій. 1910.

Императоръ Александръ I, обладая незаурянымъ чувствомъ прекраснаго, питалъ, какъ извѣстно, страсть къ строительству; ни одно, даже частное зданіе не могло въ Петербургѣ строиться, пока Государемъ не были получены проекты, и они не были „апробованы“, вслѣдствіе чего городская поэзія молодой, еще неиспорченной сѣверной столицы, которая восхищала пріѣзжавшихъ иностранцевъ, возникла именно въ александровское время. Она хорошо намъ знакома по волнующимъ насъ пушкинскимъ строкамъ. Но были и скромные художники кисти и рѣзца, воображеніе которыхъ поражалось величественными ансамблями воздвигнутыхъ зданій, пустыннымъ безмолвіемъ площадей, холодомъ набережныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ довольно часто теперь вспоминаемый С. Ф. Галактіоновъ. Архитектурные пейзажи его при всей вычерченности линій имѣютъ налетъ меланхоліи и хотя слишкомъ глубокаго чувства въ немъ не замѣтно, но именно легкость грусти дѣлаетъ его типичнымъ для своего времени и пріятнымъ намъ. У Галактіонова есть и окрестности города, большое число всевозможныхъ рисунковъ, виньетокъ съ плакучими ивами, урнами, и т. п. неизбѣжными подробностями романтизма его современниковъ. Славенъ онъ какъ граверъ рѣзцомъ и пунктиромъ и какъ литографъ. Изслѣдованіе г. Адарюкова состоитъ изъ документально составленной біографіи (нѣсколько излишне сухой) и погодняго списка произведеній художника—гравюръ, рисунковъ и литографій, а также рисунковъ другихъ художниковъ для его гравюръ.

Все это старательно разработано, приложено 7 отчетливыхъ снимковъ, а въ текстѣ помѣщенъ рядъ виньетокъ. Изданіе радуетъ глазъ, имѣя привлекательную внѣшность.

Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ 1910. Вып. III, IV и V.

Какъ и въ предшествовавшихъ томахъ при новой редакціи журналъ даетъ привлекательный и разнообразный матеріалъ по вопросамъ исторіи театра, литературы, музыки и даже театральной архитектуры. Въ указанныхъ выпускахъ среди ряда другихъ интересныхъ статей обращаютъ на себя вниманіе—П. Н. Столпянскаго „Н. А. Некрасовъ и театральная критика“, продолженіе статей Н. П. Кашина объ Островскомъ и старинной драмѣ, Т. Налепинскаго „ о Гамлетѣ на сценѣ“ и Н. Н. Долгова о предшественникѣ театра настроеній (Мартыновъ). По-прежнему содержательны музыкальные обзоры петербургскаго В. Каратыгина и московскаго Ю. Энгеля и обзоръ „Русская драма“ въ Москвѣ—Эфроса. По поводу работы Вл. Иванова-Корсунскаго объ Одоевскомъ (Другъ русской музыки) замѣтимъ слѣдующее. Написанная содержательно и основанная на нѣкоторыхъ неизданныхъ документахъ, она имѣетъ однако значительную погрѣшность. Говоря объ идеалахъ образованнѣйшаго писателя-гуманиста своего времени, авторъ считаетъ ихъ столь высокими, что таковыхъ вообще по его мнѣнію трудно было даже ожидать отъ русскаго человѣка, и въ дальнѣйшемъ развиваетъ мысль о полной независимости эстетическихъ сужденій Одоевскаго. Не отрицая того, что въ музыкальной критикѣ О. былъ, можно сказать, первымъ серьезнымъ дѣятелемъ, предлагаемъ все-таки вспомнить принадлежность его къ извѣстному тогда типу „русскаго шеллингіанца“; его возвышенные взгляды на искусство и въ частности на музыку являются вполнѣ соотвѣтственными философскому ученію Шеллинга, какъ оно разрабатывалось въ московскихъ кружкахъ 30-хъ годовъ. Другое дѣло, что Одоевскій сталъ самымъ ревностнымъ проводникомъ новыхъ воззрѣній въ обществѣ и вслѣдствіе своего образованія первымъ изъ тѣхъ, кто дѣйствительно понялъ музыку Глинки. Но не былъ онъ одинокимъ, и его эстетика сложилась не вполнѣ самостоятельно.—Въ статьѣ Г. Сильвіо о Біорнсонѣ и Стриндбергѣ неряшливость слога изумительна; приведемъ нѣсколько строкъ: „Когда Исландія раздробила силы и вмѣсто обезпеченныхъ и просвѣщенныхъ скальдовъ начала замирать умственная жизнь, исчезла Saga и съ присоединеніемъ Норвегіи выступили невѣжественные грубые купцы“. (Вып. III, стр. 50). Этотъ примѣръ—не единственный.

В. Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1911 г.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1910 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.

